

№ 14 (54) 2008
Выпуск 6

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета

Философия Социология Право

Belgorod State University
Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

Основан в 1995 г.

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Давыденко Т.М.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, доктор педагогических
наук, профессор

Ответственный секретарь

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Проблема дискурсного конструирования социальной реальности:
историко-философские аспекты *И.Г. Дронова, Е.А. Кожемякин 5*

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Логико-семантический анализ естественного языка науки
линейно-табличными диаграммами существования *Н.Н. Жалдак 12*

Локальные нарушения второго начала термодинамики и возмож-
ность эволюции неживой материи *В.Е. Пеньков 20*

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Традиционные основы семьи как главный фактор формирования
идентичности старообрядчества в эпоху модернизации
С.М. Климова, Л. В. Хирьянова 28

Гуманистическая образовательная парадигма
как аксиологическое основание современного высшего
образования *Л.С. Перевозчикова 36*

Социокультурный вектор модернизации российского высшего
образования: ценностные основы и методология реализации
А.А. Радугин 45

Социокультурная природа терроризма и проблемы
региональной безопасности *В.П. Римский, О.В. Ковальчук,
С.Н. Борисов 56*

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Кадровые технологии в системе муниципальной службы. Опыт,
проблемы, перспективы (Белгородский опыт) *Ю.В. Астахов 65*

Социальные нормы и нормативы современного российского
сельского сообщества *О.А. Алексеев, Д.А. Воробьева 72*

Социальные технологии организации информационно-
аналитической деятельности в практике государственного управле-
ния регионом *Т.А. Бочарова 77*

Конкретно-социологическое измерение социоинновационной дея-
тельности предприятий и организаций в контексте функционирова-
ния энергосферы *А.С. Киселев 84*

Импортирование зарубежных образцов и практик в сферу образования
России *Ю.А. Тюрина 90*

Теоретические импликации социальных практик современной
адаптационной деятельности российских вузов
Р.Я. Цибриенко 98

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Культур-правовые детерминанты трансформации религиозного
пространства байкальского региона *И.А. Арзуманов 106*

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный
университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожмякин Е.А., кандидат философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

Руднева Н.И., доктор социологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

В авторской редакции

Оригинал-макет *С.Н. Борисов*,
Н.А. Гапоненко
E-mail: rjmskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 4.12.2008.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 27,2.
Тираж 1000 экз.
Заказ 339.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Религиозная культура в светском образовании
(региональный аспект) *С.Д. Лебедев, В.В. Бахарев 117*

О принципах изучения магии и магической лексики
В.Ф. Филатова 127

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Взыскание причитающихся процентов в системе мер
гражданско-правовой ответственности *А.В. Степанюк 133*

Тенденции развития концепции договора по гражданскому
законодательству России *О.С. Стребкова 143*

Особенности предмета сделок с драгоценными металлами
в обезличенной форме *М.А. Зинковский 151*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Развитие подходов к определению категории «недееспособность»
в российском гражданском праве *А.В. Бахмутов 155*

Специальные способы защиты прав недееспособных и ограниченно
дееспособных граждан *С.Н. Котарев 160*

Развитие теории личных неимущественных прав в гражданском
праве российской федерации *В.С. Синенко 167*

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Социальные проблемы молодежи города Белгорода *В.А. Воронов,
Н.В. Стариков 174*

Философские аспекты рекламного творчества *Ю.Н. Денисова,
Л.Я. Курочкина 171*

Профессиональная мобильность молодежи: двадцать лет спустя
М.Н. Реутова 188

Язык семейных родословных в структуре повседневности
Н.Н. Рухленко 200

Духовные основания права в философии русского консерватизма
С.В. Шестопалов 209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

III всероссийский социологический конгресс: проблемы
и перспективы российской социологии *С.Д. Лебедев 215*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на сборник «Адам Мицкевич и польский романтизм
в русской культуре» Отв. ред. В.А.Хорев. Науч. Совет РАН
«История мировой культуры». – М.: Наука, 2007. – 283 с.
Т.И. Литич 220

Воспитанник духовной колыбели святого Белогорья /
В.В. Овчинников. – Белгород: Белгородская областная
типография, 2007. –
128 с.: ил. – (Выдающиеся россияне-белгородцы. Т.3)
А.М. Страхов 224

Сведения об авторах **227**

Информация для авторов **230**

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko
Rector of Belgorod State University,
doctor of sociology, professor.

Co-editor

T.M. Davydenko
Vice-rector on science of Belgorod State University, doctor of pedagogy, professor.

Executive secretary

V.M. Moskovkin
Assistant vice-rector on innovations of Belgorod State University, doctor of geography

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko
Rector of Belgorod State University,
doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy
Doctor of philosophy, professor
(Belgorod state university)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev
Doctor of philosophy, professor
(Belgorod state university)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod state university)

Responsible secretary

S.N. Borisov
Candidate of philosophy (Belgorod state university)

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Problem of discursive construction of social reality: issues in history of philosophy **I.G.Dronova, E.A.Kozhemyakin 5**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Logical-semantic analysis by linear-tabular diagrams of existence **N.N.Zhaldak 12**

Local infringements of the second law of thermodynamics and the possibility for inorganic matter evolution **V.E. Penkov 20**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Traditional bases of family as a primary factor of formation of identity old believes during an epoch modernization **S.M. Klimova, L.V. Chiryanova 28**

Humanistic educational paradigm as axiological basement of contemporary higher education **L.S. Perevozchikova 36**

Social and cultural approach in the russian high education modernization: value bases and methodology of realization **A.A. Radugin 45**

Sociocultural nature of terrorism and problems of regional safety **V.P.Rimskiy, O.V.Kovalchuk, S.N.Borisov 56**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Personnel technologies in the municipal service system: Experience, problems, perspectives (Belgorod experience) **Y.V.Astakhov 65**

Social norms and specifications of the modern Russian rural community **O.A. Alexeev, D.A. Vorobeva 72**

Social technologies of organizing research and information activity with respect to the national administration of the region **T.A.Bocharova 77**

Concrete sociological dimension of socio-innovative activity of enterprises and organizations in the context of energy sphere functioning **A.S.Kiselev 84**

Import of the foreign patterns and practices into the sphere of the Russian education **Y.A. Tyurina 90**

The theoretical implications of sociological practices of modern adaptation activity of Russian high schools **R. Y. Tsibrienko 98**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Culture-legislative determinants of the transformation of the religious space of the Baikal region **I.A. Arzumanov 106**

Religious culture in social education (regional aspect) **S.D. Lebedev, V.V. Bakharev 117**

On the principles of magics and magic lexicon studies **V.F.Filatova 127**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor
(Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Candidate
of philosophy, associate Professor
(Belgorod State University)

M.V. Marhgeim, Doctor of Law,
Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology,
associate professor (Belgorod State
University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, Youth Federal
University)

N.I. Rudneva, Doctor of sociology,
Professor (Belgorod State University)

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov,
N.A. Gaponenko

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 4 December, 2008.
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 27.2.
Circulation: 1000
Order 339.

Subscription index in Rospechat'
catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod
State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015,
Russian Federation

PROBLEMS OF CIVIL-LAW REGULATION OF CONTRACT RELATIONS

Collecting of due percent in system of measures of civil-law responsibility
A.V. Stepanyuk 133

Tendencies of developing the conception of treaty in civil law-making in
Russia **O.S. Strebkova 143**

Features of the subject of transactions with precious metals in the deper-
sonalized form **M.A. Zinkovsky 151**

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF NON-PROPERTY RELATIONS IN CIVIL-LAW

The development of the definition “incapacitated” in Russian civil
law **A.V. Bakhmytov 155**

Special methods of defense of incapacitated people and limited
responsible people **S.N. Kotarev 160**

Development of the theory of the personal non-property rights
in civil law of the Russian Federation **V.S. Sinenko 167**

THESIS

Social problems of Belgorod youth **V.A. Voronov, N.V. Starikov 174**

The philosophical aspects of advertising work **J.N. Denisova,
L.Y. Kurochkina 181**

Professional mobility of youth: 20 years arter **M.N. Reutova 188**

Language of family genealogy in the structure of everyday life
N.N. Rukhlenko 200

Spiritual grounds of law in Russian conservatism philosophy
S.V. Shestopalov 209

SCIENCE LIFE AND COMMUNICATION

Third Russian Sociological Congree: problems and perspectives
of the Russian sociology **S.D. Lebedev 215**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

A review of a collection “Adam Mitskevich and the Polish romanticism
in Russian culture”. Editor-in-chief V.A. Horev. Scientific council
of the RAS “History of world culture”. – M.: Nauka, 2007. – 283 p.
T.I. Lipich 220

A pupil of a spiritual cradle of sacred Belogorie / V.V. Ovchinnikov. –
Belgorod: the Belgorod regional printing house, 2007. – 128 p.: ill. –
(the outstanding russians-belgorodians. Vol.3). **A.M. Strakhov 224**

About authors **227**

Information for authors **230**

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА ДИСКУРСНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

И.Г. Дронова¹⁾
Е.А. Кожемякин²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

Современное научное знание характеризуется проявлением интереса к проблеме социальной реальности как конституируемого элемента повседневной жизни индивида и сообщества. В данной статье, опираясь на философско-культурологические и социально-философские концепции (М.Вебер, Дж.Г.Мид, У.Джемс, А.Шюц, Г.Гарфинкель, М.Фуко), авторы предприняли попытку описания предпосылок социального конструктивизма в истории науки, а также методологических проблем теорий дискурсного конструирования социальной реальности.

Ключевые слова: социальная реальность, конструирование, дискурс, дискурсная практика, методология изучения социальной реальности.

В современной философии и культурологии социальная реальность понимается как достаточно сложный и многогранный феномен, изучение которого неизбежно сопряжено с рядом трудностей методологического характера. В контексте особой специфики социальной реальности как предмета научного исследования многие авторы полагают, что наиболее адекватными природе социальной реальности являются методы и понятийно-категориальный аппарат социальной философии и философии культуры. Именно эти две отрасли философского знания формируют наиболее общие представления о социальной реальности и тем самым выступают в роли общетеоретического основания её изучения. В настоящее время мы можем наблюдать тесную связь современных социально-гуманитарных наук с философской мыслью. Однако, указанные процессы получают как в отечественной, так и в зарубежной литературе весьма ограниченное освещение.

Данная статья посвящена изучению современного состояния и актуальной разработанности двух наиболее разработанных философских подходов к изучению социальной реальности – конструктивистского и дискурсного.

Осмысление социальной реальности как философской категории начинается в середине XIX века с работ О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса. В них определяется спе-

цифический статус социальной реальности и необходимость исследования социальной проблематики в отдельном контексте.

Обый интерес представляют теоретические направления, сложившиеся в европейской и американской социальной философии, философии культуры и социологии XIX и в XX вв. Концепции таких выдающихся мыслителей, как В. Дильтей, Г. Зиммель, М. Вебер, У. Джеймс, Дж. Дьюи, Э.Кассирер, Ч. Кули, У. Томас, Г. Мид, Г. Блумер, И. Гофман, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман легли в основу формирования общеметодологического направления, которое часто обозначают как «социальный конструктивизм».

Первые истоки социального конструктивизма можно найти у М. Вебера, который рассматривал социальные образования не как самостоятельную социальную реальность, а, прежде всего, как производную от социальных действий индивидов. Согласно М. Веберу, действие человека обретает характер социального действия, если в нем присутствуют два момента: субъективная мотивация индивида, который вкладывает в свой акт определенный смысл, и ориентация на поведение других людей¹. М. Вебер прибегает к конструированию идеально-типической модели социального действия, которая является своеобразным методологическим средством, позволяющим анализировать социальные реалии.

Эти идеи получают развитие в работах У. Джеймса и Дж. Дьюи, которые являются представителями прагматизма, важнейшего направления американской социальной философии начала XX века. Именно прагматизм стал источником теоретических понятий и подходов, которые потом были восприняты У. Томасом, Дж. Г. Мидом, А. Шюцем, И. Гофманом². В прагматизме также лежат корни конструктивистского подхода к социальной реальности, которая трактуется с прагматической точки зрения как непрерывный творимый продукт повседневных взаимодействий, интерпретаций и реинтерпретаций.

У. Томас вошел в историю философской и социальной мысли, прежде всего, благодаря своей концепции «определения ситуации», в которой речь идет о «конструируемой» индивидом ситуации его собственного поведения. Всякой деятельности, как отмечает У. Томас, предшествует стадия рассмотрения и обдумывания, которую можно назвать определением ситуации. В действительности не только конкретные действия зависят от определения ситуации, но и весь образ жизни индивида. У. Томас выразил суть этой концепции в знаменитом афоризме, который его коллега Р. Мертон назвал «теоремой Томаса»: «Если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям».

Дж. Г. Мид и его ученик Г. Блумер разработали концепцию символического интеракционизма. Согласно этому направлению «миров в себе» не существует, а есть лишь «миры», которые люди конструируют для себя и других. «Миры» состоят из «объектов», относительно которых можно иметь некое отношение и наделять их значением. Однако это значение для разных людей может быть различным³. Ключевая мысль Дж.Г. Мида состоит в том, что человек осваивает мир через символические значения. Согласно теоретическому положению Мида, личность и социальное действие конструируются с помощью символов, которые приобретаются в процессе социализации и взаимно подтверждаются и изменяются в процессе социального взаимодействия (интеракции) его участниками. Вследствие взаимного принятия ролей становится возможным коммуникативное понимание перспектив действия и ролей участников

¹ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 31.

² Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественные и количественные подходы. Методология. Исследование практики. – Самара: Самарский университет, 2002. – С.6.

³ Мид Г. Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль – М.: МГУ, 1994. – С.218.

взаимодействия. Как отмечает А. Готлиб¹, антипозитивистский пафос символического интеракционизма состоит в том, что он трактует социальные роли не как раз и навсегда закрепленные образцы, которые индивид должен осваивать в процессе социализации, а ситуативно конструируемые, «схватываемые» в ситуации взаимодействия. Действующие лица ставят смысл и значение каждой роли в зависимость от личной оценки ситуации, специфических возможностей проявления роли в этой ситуации и от того, как определяют ситуацию ее участники. Дж. Г. Мид подчеркивает, что в своей основе коммуникация направлена не только на других, но и на самого субъекта: «Для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя. Отдельный человек до тех пор не является идентичностью в рефлексивном смысле этого термина, пока он не станет для себя объектом»². Благодаря коммуникации с самим собой индивид «тематизирует» себя, то есть он наблюдает себя глазами другого и судит о себе по реакциям других людей.

Концепция Дж. Г. Мида базируется на представлении об активной роли человека в формировании собственной жизни и жизни всего общества. «Интерпретирующий» активный человек символического интеракционизма противостоит «нормативному» человеку классической социальной методологии, в которой общество представляет собой жесткий распорядок жизни с его совокупностью правил, норм и ценностей. Как отметил Г. Блумер, общество есть деятельность. Опираясь на этот теоретический тезис, он подчеркивает, что активность, которая служит источником действия, исходит от человека. «Не важно, что понимается под культурой: обычаи, традиции, нормы, ценности, правила и тому подобное – это всегда производное от деятельности людей. Это относится и к социальной структуре, всем ее аспектам, выраженным в понятиях социальной позиции, статуса, роли, авторитета и престижа»³.

Широкие исследовательские возможности в области социального конструирования реальности открыли работы А. Шюца и, в частности, «Феноменология социального мира», где он определил способ, которым люди классифицируют и придают значение внешнему миру. Этот способ не является чисто индивидуальным процессом. Люди создают «типификации» – понятия, прилагаемые к классам вещей, вытекающие из опыта. Типификации не являются уникальными для каждого человека, они разделяются всеми членами общества. Однако, как полагал А. Шюц, «каждый индивид имеет уникальную биографию, и он интерпретирует и ощущает мир немножко иным образом, чем другие»⁴.

Идеи А. Шюца нашли продолжение в теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана. Исследователями была предпринята попытка построения феноменологической теории общества, основой которого являются «само собой разумеющиеся значения». Согласно социальному конструктивизму, intersubjective мир конструируется в процессе объективации субъективных смыслов⁵.

И. Гофман анализирует процессы конструирования социальной реальности на микроуровне. Он продемонстрировал, как объективная социальная реальность конструируется людьми постоянно и непрерывно в процессе сегодняшних, сиюминутных встреч и столкновений с другими. И. Гофман обращается к нормальным и привычным контекстам повседневных взаимодействий, вскрывая приемы и методы, которыми

¹ Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественные и количественные подходы. Методология. Исследование практики. – Самара: Самарский университет, 2002.

² Мид Г. Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994. – С.224.

³ Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию.- СПб.: Алетейя, 1999. – С.53.

⁴ Ионин Л. Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – С.96.

⁵ Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С.31-32.

пользуются обычные люди, анализируя ситуацию своих встреч и столкновений с другими людьми и приводя их в соответствие с собственными представлениями об объективно должном, то есть о том, в какой именно объективной ситуации они находятся¹. Согласно И. Гофману, индивид при непосредственном взаимодействии действует таким образом, чтобы намеренно или ненамеренно самовыразиться, а другие должны получить впечатление о нем. Используя сценические аналогии и язык театра, ученого интересует, как в социальных ситуациях люди преподносят и воспринимают себя и как они координируют свои действия.

Как полагал Г. Гарфинкель, члены общества исходят из совместного запаса знаний. Само собой разумеющейся предпосылкой для всех участвующих в интеракции служит наличие вещей, «которые знает каждый». Они опосредствуются нами в процессе социализации, и мы применяем их как схему совместной реальности. Эта действительность, таким образом, постоянно конституируется. Она – реальность в процессе исполнения. Благодаря общему запасу знания взаимно выявляют смысл нашего действия. Это происходит не случайно, при этом в повседневности мы применяем, сознательно или бессознательно, определенные методы, которыми каждодневно конструируем этот мир совместно с другими. Так как эти методы типичны для общества или этнической группы, мы как само собой разумеющееся принимаем то, что мы понимаем других и доверяем тому, что другие также доверяют нам.

Г. Гарфинкель говорит, что мы конструируем совместную действительность друг для друга, в которой связь ценностей и норм устанавливается лишь нами. Социальная реальность непрерывно конструируется нами так, что она сама производит смысл².

Дж. Серль, рассматривая социальное конструирование реальности, полагает, что есть части реального мира, объективные факты о мире, которые являются фактами только в соответствии с человеческим соглашением. Есть вещи, которые существуют только потому, что мы полагаем, что они существуют. Любой социальный факт и любое социальное функционирование есть результат скорее коллективной, а не индивидуальной интенциональности (способность разума представлять объекты и состояния мира по другому, чем они есть сами по себе³). Как следствие – появление реальности, вписывающейся в определенные социальные границы. То есть реальность – это результат социального конструирования.

Если Дж. Серль говорит о фактах как об основе конструирования реальности, то С. Московичи полагает, что у человека нет иного способа общения с внешним миром, чем с помощью уже существующих и вновь создаваемых представлений. Представления – это та социальная призма, через которую воспринимается (предстает) реальность. Отношения с миром окрашены двоякой спецификой социальных представлений: они «обуславливают опыт», события и людей, с которыми соприкасаются, и «предписывают», что и как именно надлежит мыслить. Под обуславливанием С. Московичи имеет в виду способность представлений включать объекты в систему существующих социальных конвенций, которые заставляют нас интерпретировать вещи и события так, а не иначе. Предписательность социальных представлений, т.е. их способность «навязывать себя с неистребимой силой», связана с когнитивной организацией человека, во-первых (т.е. с существующими ментальными структурами и механизмами), и с социально-культурной традицией, во-вторых.

Мы можем видеть, что социальные представления – это не только конституирующие элементы обыденного знания, но и строительные блоки социальной реаль-

¹ Ковалев А. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция / Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

² Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. Постановка проблемы // Социологическое обозрение. – Т.2. – №1, 2002.

³ Серль Дж. Конструирование социальной реальности – М., 1999.

ности. Превращение «представленного» в «реальное» – это сложный процесс, в котором участвуют как когнитивные механизмы, так и социальная коммуникация.

Итак, конструктивистская перспектива изучения социальной реальности предполагает, что человеческое познание представляет собой не столько отражение объективно существующего мира, сколько его создание. Это означает, что распространенные и закрепленные в определенной культуре способы познания мира условны и являются результатом взаимодействия между людьми в повседневной жизни. С конструктивистской точки зрения, взаимодействие между людьми имеет место не столько в предметном мире (в реальности природных объектов), сколько в символической реальности и представляет собой практику конституирования определенного предметного поля, а также производства, воспроизводства и структурирования социальных значений. Социальный мир конструируется в языковых практиках, а не отражается и не опосредуется в них.

Наше знание о социальном мире и наши социальные действия не предопределены «изначально» существованием самого мира, а, напротив, является результатом и процессом «обсуждения» мира, «который выглядит реальным или истинным для говорящего»¹. С этих позиций исследовательские акценты ставятся на дискурсе как специфичном процессе использования языка в социальных практиках, которое нацелено на выработку социального знания; можно сказать, что дискурс есть процесс «обговаривания» социального мира, результатом которого является знание.

Ключевой категорией социально-конструктивистской модели дискурса является «порядок дискурса», содержание которой сводится к сложной комбинации структур значения, способов их конструирования и выражения в определенной социальной области, при этом структуры значения имеют отношение к когнитивному аспекту дискурса, а способы их конструирования и выражения – к коммуникативному. То, что связывает оба плана дискурса – это социальная область, целостность и гомогенность которой поддерживается за счет коллективного представления о ней как о целостной и гомогенной.

Социальный конструктивизм настаивает на выделении четырех базовых параметров, которые способны зафиксировать «порядок дискурса»: «аспекты мира» (или – предметная область дискурса), приобретающие определенный смысл в дискурсной практике; «способы означивания» (или – когнитивно-семиотические механизмы дискурсной практики); «точки напряжения» (границы дискурсных практик, сегменты дискурса, в которых возникает конфликт знаний, представлений, убеждений); *убеждения*.

В режиме дискурса выделяются фрагменты реальности, в нем же происходит оценивание, структурирование и переструктурирование реальности, расстановка и смещение акцентов, описывается допустимое и недопустимое поведение, фиксируются основные аксиологические установки, etc. В дискурсе моделируется структура и модус действия. Социальные дискуссии на определенные темы, определение значимых тематических аспектов, применение специфичных логических и аргументативных «ходов», создание определенной коммуникативной среды – все это конструирует определенную модальность реальности. Поле коллективного мышления и говорения формирует представление (а часто – иллюзии) того, что описываемое положение вещей есть единственно возможный и допустимый порядок, и как следствие – это ведет к воспроизводству такого положения вещей с таким порядком. Главной особенностью дискурса является не только и не столько сообщение о чем-либо, не семиотическое «отражение» объективности, сколько конструирование социальных смыслов и создание алгоритма социальных действий. Так, *чтобы описать, понять и объяснить организацию жизни той или иной общности, в определенном смысле достаточно диагностировать дискурс этой общности*.

Дискурс, помимо прочего, включает в себя совокупность общих допущений, которые могут быть настолько приняты в качестве само собой разумеющихся, что стано-

¹ Филипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков, 2004.

вятся ненаблюдаемыми или присвоенными. Дискурсные правила делают возможным и поддерживают производство знания, а также конституируют одни способы размышления о реальности и исключают другие. Таким образом они детерминируют, *кто* может говорить, *когда* и с *каким авторитетом* и наоборот, кто не имеет на это права. Анализируя дискурсивные эффекты, исследователь отвечает на такие вопросы, как «в соответствии с какими правилами возможны те или иные высказывания?», «в соответствии с какими правилами упорядочиваются эти высказывания?», «в соответствии с какими правилами мы определяем высказывания как истинные или ложные?», «какие правила применяются для конструирования картин мира или классификационных систем?».

Исследование дискурсного конструирования социальной реальности сопряжено с рядом наиболее характерных методологических проблем, к которым, на наш взгляд, относятся следующие.

Во-первых, дискурс-анализ предполагает больше, чем просто анализ содержания текстов с точки зрения их синтаксической, семантической и прочих структур. Скорее, дискурс-анализ направлен на изучение того, как конструируются сами тексты и фиксируются их значения в аспекте их социальной и исторической ситуативности с целью выявления принципов построения знания в той или иной культуре. Дискурс-анализ как исследовательский проект основан на следующем важном допущении: язык не может рассматриваться как прозрачное или ценностно-нейтральное явление. Даже если мы подвергаем анализу естественный язык, то нам становится очевидным, что он также может не иметь универсальных значений, но представляет собой совокупность частных значений, приписанных как адресантом, так и адресатом в соответствии с ситуацией, в которой язык используется. Методологической проблемой, возникающей в данном случае, является следующая: *что считать аутентичным смыслом высказываний в дискурсе – инварианты, которые содержатся в прецедентных текстах, в интенциях автора, в ожиданиях и коммуникативной компетенции адресата или в порядке самого дискурса?*

Во-вторых, дискурсное исследование ориентируется не только на изучение «концептуального аппарата» (характерного языка, тематики, текстов и т.д.) дискурса, но и на анализ границ дискурсного поля, т.е. зоны ограниченного понимания или полного непонимания. Фактически анализ дискурсных пределов понимания предполагает обнаружение пространств, в которых заканчивается одна картина мира и начинается другая или где обнаруживается их уникальный симбиоз. Эти пространства характеризуются своеобразным «смысловым разломом»; это те области человеческой деятельности, в которых привычное, нормальное и понятное перестает быть таковым. Фактически речь в данном случае идет о границах дискурса: там, где заканчивается один дискурс, начинается другой с его иерархией смыслов и значений, с его правилами «сцепления высказываний», с его условиями воспроизводства текстов и конструирования социальной реальности. Принципиальным вопросом в данном случае является следующий: *через изучение каких параметров и их индикаторов мы можем зафиксировать «предел дискурса», то есть обнаружить его границу?*

В-третьих, дискурс-анализ подразумевает также исследование силового характера дискурса, дискурсной практики и дискурсной формации, то есть той принудительной силы, которая обозначалась Мишелем Фуко как связка «власть-знание». Попадание в определенное дискурсивное пространство означает для субъектов подчинение определенным правилам речемыслительной деятельности. В связи с этим возникает еще одна важнейшая методологическая проблема дискурсного исследования: *как следует интерпретировать позицию субъекта в дискурсе – как творчески активную (генеративно-агентивную) или как зависимую и производную (подчинительно-конструируемую)? И в связи с этим – как следует интерпретировать сам дискурс – как генеративное или как инструментальное образование?*

В-четвёртых, способ, которым текст репрезентирует реальность, а также понимание как эффект текста заслуживает не меньшего исследовательского внимания, чем

то, **что** описывает текст. Существует динамическая связь между текстом и контекстом, в котором производится текст. Тексты как создают контекст, так и создаются контекстом. В любой конкретный момент времени количество возможных образов реальности гораздо больше, нежели один «аутентичный» и «правильный» текст. Дискурс-анализ рассматривает тексты в их социальном, культурном, политическом и историческом контекстах. Тексты также анализируются для того, чтобы обнаружить несказанное и невысказанные допущения, имплицитно пребывающие в них и придающие высказываниям саму форму. Иными словами, ключевой методологической проблемой является *вопрос об условиях – культурных, социальных, языковых и прочих – производства текстов.*

В заключении отметим, что теоретический базис социального конструктивизма не исчерпывается представленными идеями и методологическими позициями, но является той базой, на которой сегодня строятся теории дискурсного конструирования социальной реальности.

Список литературы

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб.: Алетейя, 1999.
2. Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
4. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. Постановка проблемы // Социологическое обозрение. – 2002. – Т.2, №1.
5. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественные и количественные подходы. Методология. Исследование практики. – Самара: Самарский университет, 2002.
6. Ковалев А. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция / Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
7. Ионин Л. Социология культуры. – М.: Логос, 1996.
8. Мид Г. Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994.
9. Серль Дж. Конструирование социальной реальности. – М., 1999.
10. Фуко М. Археология знания. – СПб., 2004.
11. Филипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков, 2004.

PROBLEM OF DISCURSIVE CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY: ISSUES IN HISTORY OF PHILOSOPHY

I.G. Dronova¹⁾
E.A. Kozhemyakin²⁾

¹⁾Belgorod State
University

²⁾Belgorod State
University

What the modern science's numerous interests concern is the problem of social reality as a constructed element of everyday life of individuals and societies. Basing on philosophical, culturological and sociophilosophical conceptions, the paper shows the attempt of description of background of social constructivism in the history of science and also it deals with methodological issues of theories of discursive construction of reality.

Key words: social reality, construction, discourse, discourse practice, methodology of social reality studies.

ЛОГИКА, ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 101.1:168

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА НАУКИ ЛИНЕЙНО-ТАБЛИЧНЫМИ ДИАГРАММАМИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Н.Н. Жалдак

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
zhaldak@bsu.edu.ru*

В этой статье для изобразительного логико-семантического анализа естественного языка науки, для анализа и построения дедуктивных рассуждений с n посылок и с n терминов в каждой посылке предлагаются линейно-табличные (линейно-матричные) диаграммы существования (ЛТДС). Закон достаточного логического основания понимается как правило релевантного следования. Релевантность достигнута, интерпретацией суждений с "если" как суждений о случаях.

Ключевые слова: диаграммы, таблицы, умственные модели, изобразительная логическая семантика, анализ языка, естественный язык, наука, релевантное следование

Данная статья ориентирована на последовательный изобразительный семантический анализ логической составляющей естественного языка науки.

Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки, результатом и методом которого является научная практическая логика этого языка, основан на идейных предпосылках, сложившихся в философии науки, логике, лингвистике, психологии, педагогике и представляет общенаучный интерес.

Логический анализ языка объявили основной задачей философии неопозитивисты. Позитивизм, включая логический, есть философия науки¹, поэтому исторически оправдано решение проблем логического анализа языка и логики науки в рамках философии науки. Понимание философии наряду с другими ее качествами как логического анализа языка нельзя исчерпать, пока наука пользуется языком.

Логический анализ языка при любом его понимании включает в себя выделение логических форм суждений, рассуждений и выражение их логическими средствами естественного или искусственного языка. Логико-семантический анализ предполагает определение значений языкового выражения этих форм, а изобразительный ло-

¹ См.: Rouse J. New philosophies of science in North America twenty years later // Journal for philosophy of science. 1998. V. 29. P. 71-122.

лого-семантический анализ включает в себя определение их значений модельными схемами (умственными моделями, семантическими моделями), т.е. соотнесение этих форм с изобразительными, образными представлениями обозначаемого.

Философия науки включает в себя и философию языка науки. Категориальные средства естественного языка как всеобщего метаязыка выполняют при этом методологическую функцию совершенствования (развития) научного познания. Поскольку же атрибут научного познания – предъявление строгих требований к методам познания и сознательный контроль за их соблюдением, постольку обеспечение сознательного контроля над передачей информации средствами естественного языка является актуальной проблемой науки. Логические средства естественного языка, поскольку они используются наукой, должны приводиться в соответствие с требованиями к языку науки: а) должны определяться условия однозначного употребления обычно неоднозначных логических терминов этого языка; б) должен строиться словарь логических средств естественного языка, используемых в науке, и даваться определения значений этих средств, т.е. определения обозначаемых этими средствами свойств и отношений объектов; в) должны сознательно определяться для средств естественного языка правила построения сложных выражений из простых и г) правила получения из одних истинных высказываний – других. Фактически это означает некоторую формализацию естественного языка, но и требует установления на семантическом метаязыке соответствия между знаками и обозначаемым, движения в ее изучении от синтаксиса к изобразительной семантике, которая разработана достаточно слабо.

Изменения в методах контроля над передачей и накоплением информации посредством естественного языка – фактор развития научного познания. Одно из условий его прогрессивного развития – все более адекватное осознание значений логических средств естественного языка, через их изобразительную, диаграммную интерпретацию в специальных словарях.

Атрибут всякой научной теории – логическая систематизированность знания, излагаемого в текстах, логическая правильность рассуждений, необходимость следствий из оснований. Это значит, что субъект научного познания должен быть обеспечен осознанно применяемой логикой научного познания, в том числе практической логикой как методом семантического анализа языка. Соответственно интересам этого субъекта этот метод должен быть эффективно, применяемым в производстве, распределении, обмене и потреблении научной информации. Большинство таких субъектов – не производители, а внешние потребители, которым логика, связанная с другими дисциплинами внутринаучным разделением труда, должна производить в виде конечного продукта знание логических методов для эффективного сознательного использования. Это рассмотрение деятельности логиков в экономических категориях правомерно и не может быть приравнено к рассмотрению в категориях, скажем биологии, если только не считать, что голова разделяет мыслительный труд с неким другим органом.

Принципы оптимизации изобразительного логико-семантического анализа языка науки, оптимизации практической логики научного познания: (1) соответствие интересам эффективной деятельности потребителя: каждый результат – наименьшими затратами, всеми затратами – наибольшие результаты (им часто пренебрегают в ущерб рациональности); (2) образное представление значений логических символов (во избежание пустословия), признание изобразительной логической семантики; (3) полнота сознательного освоения логических средств естественного языка (внешний потребитель использует все эти средства и в науке должен это делать сознательно); (4) практическое закрепление самостоятельным выполнением логических операций в действиях с вещами (во избежание деградации при компьютере); (5) социальное закрепление спросом на логичность вне обучения логике (труднореализуемый).

Логическими средствами естественного языка, образующими его практическую логику, многие ученые используют лишь интуитивно, но могут, если будут заинтересованы, и сознательно, а значит, более эффективно.

Научное знание о такой логике – это наука о законах мышления. Логика как такая наука должна учитывать исследование мышления и построения рассуждений когнитивной психологией, сознательно участвовать во внутринаучном разделении труда по исследованию логического мышления. Практическая логика естественного языка спонтанно осваивается и фактически интуитивно используется, когда логическое мышление формируется до изучения научной логики. Современная логика в целом есть выражение и усложняющая модификация донаучной интуитивной логики. Эта модификация содержит в себе свой первоисток неявно, в чем-то неполно, в чем-то искаженно. Выявить и выделить в этой модификации логику естественного языка и обыденного здравого смысла – сложная проблема.

Символическое мышление надстраивается над образным. Для целенаправленного поэтапного формирования логичности научного мышления необходима теория изобразительных логико-семантических моделей, т.е. изобразительная логическая семантика. Ее основная проблема – построение изобразительных моделей без потерь и искажения информации с использованием образного представления правил вывода.

Если когнитивные психологи связывают искажение информации в умозаключениях с упущением нужных диаграмм *Эйлера* и делают акцент на *различии* моделей и стратегий у субъектов, то упускается из вида древнейший *общечеловеческий* метод изобразительного семантического моделирования, а именно таблицы, начиная с бухгалтерских таблиц на папирусе в Древнем Египте. Изобразительная практическая (реально используемая) логика естественного языка науки – это система изобразительных семантических методов, один из которых – составление таблиц, как моделей отношений между множествами и операций с множествами.

Построения типа таблиц истинности делают неявной функцию символов в них как изобразительных элементов. Нами линейные диаграммы используются как сокращенная запись информации об отношениях между множествами и операциях с множествами, которая содержится в соответствующих им таблицах (например, бухгалтерских и др.). Логика составления таких таблиц есть логика естественного языка, так как осваивается спонтанно. Таблицы наряду с графами – фундаментальная общепринятая форма изобразительных семантических моделей.

Лейбниц писал, что логические формы, связывающие аргументации направляют мышление «и в арифметических вычислениях, в бухгалтерских книгах, ведущихся по определенным правилам счета, в документах налоговых чиновников и т.п., особенно, когда все плюсы и минусы того, что предлагается, могут быть представлены в таблицах и оценены в числах...»¹.

Лейбниц утверждал, что истинная логика «в какой-то мере содержит в себе принципы и истинный метод философствования»², что «с помощью этого же метода благодаря некоторому комбинаторному искусству можно продвинуться в метафизике, этике и любых других областях рассуждения»³. Хотя современная символическая логика делает акцент на высказывании Лейбница «давайте посчитаем»⁴, этот тезис должен пониматься отнюдь не как призыв к чисто символическому решению проблем, а как призыв к такому оперированию символами, в основе которого лежит изобразительное, геометрическое построение логики. Именно Лейбниц создал линейные диаграммы для демонстрации значений суждений силлогистики⁵, которые заложили основание диаграмм его последователя Ламберта. Он успешно применял оригинальные линейно-дуговые логические диаграммы⁶. и называл «геометрию математической ло-

¹ Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. М., 1984. Т. 3. С. 451.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 449.

⁴ Там же. С. 497.

⁵ См.: Там же. С. 602.

⁶ См.: Там же. С. 641-655.

гикой»¹. В основе символической, т.е. оперирующей символами, логики лежит изобразительная, т.е. оперирующая изображениями, логика, как из геометрии вырастает вся математика.

Построение таблиц – метод изобразительного логико-семантического анализа языка, речи. Информация, передаваемая таблицами, значительно экономнее передается линейно-табличными (линейно-матричными) диаграммами существования (ЛТДС). Эти диаграммы – оптимальное средство построения практической логики таблиц как метода сознательного изобразительного логико-семантического анализа языка, речи.

Линейно-табличные диаграммы (ЛТД) получены преобразованием таблиц (матриц) истинности: а именно поворотом таблиц истинности на 90° и заменой обозначения истины линией, а обозначения лжи – пробелом. Представлением таблиц истинности в виде таких диаграмм выявлено, во-первых, что фундаментальной разрешающей процедурой, так называемой, символической логики является *изобразительная* процедура, соответствующая теоретико-множественной интерпретации логики, во-вторых, что метод матричных диаграмм «истинности» оптимален для изобразительного представления значений чисто выделяющих логических союзов, не несущих информацию о реальном бытии, в третьих, что через табличное построение классическая логика высказываний выступает как описание выражений, образуемых только такими союзами, и как фрагмент логики ЛТДС.

ЛТДС получаем, вводя в ЛТД для передачи информации связок существования обозначения: «+» – «есть», «существует» (или 1, «истина»); «-» – «нет», «не существует» (или 0, «ложь»); пробел или «o» – «неопределенно»; набор из двух или более знаков «.», проставленный на одном уровне в строчке (вверху, внизу, посередине), – «есть такое или иное».

В отличие от наиболее близких по построению диаграмм Маркванда, а также диаграмм Венна, Кэрролла и др. на ЛТД и ЛТДС различается досвязочная (входная) и связочная (выходная) части, в которой диаграмме каждой операции соответствует отдельная строчка.

Ниже для сравнения даны разные типы диаграмм общеутвердительного суждения: 1) таблица с встроенной линейной диаграммой; усовершенствования диаграмм 2) Лейбница-Ламберта и 3) Эйлера, 4) линейно матричные диаграммы существования, частный случай которых – диаграммы истинности.

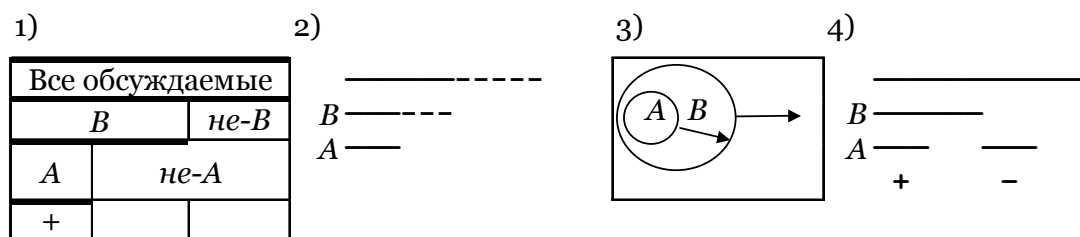

Рис. 1. Типы диаграмм для формы «Все $A - B$ »

Автор построил диаграммно полный словарь логических форм атрибутивных категорических суждений о предметах с двумя терминами. Такие компактные словари с ЛТДС обеспечивают легкую наглядную сравнимость логической информации форм суждений. Пример:

¹ Там же. С. 231.

B		не-B		
A	не-A	A	не-A	
+				Есть A B. Некоторые A – B. Некоторые B – A.
+	+			Не только A (не-A) – B. Не каждый B – A (не-A).
-				Нет A B. Ни один A не есть B. Ни один B не есть A.
-		-		Нет A. Нет A B и нет A не-B.
+		-		Каждый (все, один...) A есть B. // Только B есть A.
+	-	-		Лишь каждый A есть B. По определению, A есть B.
-	+	+	-	Все, кроме A, – B. Все, кроме не-A, – не-B.
.		.		Есть A (B или не-B).

Рис. 2. Фрагмент диаграммного словаря логических форм суждений

Диаграммная интерпретация выявляет, что для разных систем силлогистики языковые выражения общеутвердительного и др. форм суждения (A, E, I, O) оказываются лишь омонимами. Соответствующими предложениями перестают выражаться категорические суждения, если в их интерпретацию на языке логики предикатов вводят логическое «или». Соответственно представлению информации о бытии-небытии в таблицах они интерпретируются в диаграммной силлогистике Л.Кэрролла.

Расширение силлогистики за счет построения диаграммно полного словаря форм атрибутивных суждений о предметах и включения в силлогистику большего числа таких форм показано в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение систем силлогистики

Силлогистики	Диаграмм форм суждений	Форм суждений о предметах	Различаемых диаграммных модусов	Различаемых символических модусов
Традиционная	4	4	256	256
Кэрролла	16	16	4096	4096
ЛТДС с диаграммно полным словарём	148	304	3241792	28094464
ЛТДС с апробированным словарем	38	184	54872	6229504

Практическая логика как метод анализа естественного языка может и должна оперировать логическими терминами этого языка без их перевода в символы. Покажем это на следующем примере А, где в посылках и соответственно на диаграмме пронумерованы операции образования терминов суждений союзами и связывания терминов в суждениях.

Пример А.

Не все C^1 не- D есть 3 либо A , 2 либо C .

Все не- B^4 не- D есть 6 ни A , 5 ни C .

Есть только 7 не- $D E$.

Все E , кроме не- B^8 не- C , есть 10 $C^9 B$.

Есть $B C$ не- $D E$, не все из которых A , и есть не- A не- B не- C не- $D E$, а ничего другого нет.¹¹

ством ее матричного (табличного) построения выступает как фрагмент логики ЛТДС, а именно, как логика чисто выделяющих союзов с устранением импликации по правилу $A \rightarrow B \equiv \neg A \vee B$ и с превращением тавтологий логики высказываний в неинформативные формулы. Проблем парадоксальных формул при этом не возникает, а релевантизация логики высказываний для анализа рассуждений на естественном языке при таком подходе теряет смысл ввиду следующего. Выясняется, (1) что для передачи информации связок «если..., то», «следовательно» и т.п. двузначная логика высказываний неизбежно недостаточна, (2) что это – информация о существовании-несуществовании *случаев*, которая передается на ЛТДС и на языке чистой логики предикатов, без функторов, без посылки о непустоте множеств и без тех форм (формул), для доказательства которых эта предпосылка требуется, с устранением квантора «всеобщности» по формуле $\forall x Ax \leftrightarrow \neg \exists x \neg Ax$, которая утверждает, что в формуле $\forall x Ax$ нет информации о существовании чего бы то ни было, и с устранением формулы $\forall x Ax \rightarrow \exists x Ax$, которая утверждает, что в $\forall x Ax$ есть информация о существовании Ax .

В предлагаемых методах анализа рассуждений на естественном языке последовательно реализован принцип причинности. Закон достаточного логического основания отличён от более частного закона достаточного логического основания истины и от более общего закона достаточного основания, уточняется как закон достаточного логического основания не только для *истинных* следствий, но и для *ложных* следствий из *ложных* оснований в опровержении, и отождествляется с правилом релевантного следования: в правильном следствии должна быть только та информация, которая содержится в основании¹ [9]. Вместе с тем логика ЛТДС выступает как метод получения нового знания, так как в основание умозаключения входят не только посылки, но и правила вывода. ЛТДС позволяют различить в составе применяемых правил вывода такие, которые обеспечивают производство новой информации при соединении информации посылок в основании дедуктивного умозаключения.

Релевантность практической логики ЛТДС достигается соответствующей естественному языку интерпретацией суждений с «если» как суждений о случаях. Союзы «если», «если..., то...», «следовательно» и т.п. несут информацию о существовании или несуществовании случаев. Связки: «всякий раз как..., так...» (родственная «если..., то»), «всегда, когда..., тогда», «везде, где..., там» и связки «иной раз как..., так...», «иногда, когда..., тогда...», «кое-где..., там...» различаются по информации так же, как и «всякий... есть...» и «некоторый (некие)... есть...», которые несут информацию о существовании.

С учетом этого семантический анализ логических средств естественного языка посредством ЛТДС распространен автором, во-первых, на 5 классов атрибутивных суждений с двумя терминами – 1) о предметах, 2) о случаях, 3) о местах, 4) о временах, 5) о точках зрения – с информацией, передаваемой для каждого класса 148-ю диаграммами такого типа с соответствующим увеличением числа возможных модусов силлогизмов²; во-вторых, на класс умозаключений с n посылок и n терминов в посылках, включая и сориты, типа соритов Л. Кэрролла.

Для контроля над дедуктивными рассуждениями, основанными как на связи простых, так и на связи сложных суждений, ввиду общности их формы применяется общий алгоритм построения ЛТДС. В сложных суждениях суждения о предметах выступают как термины суждений о случаях (местах, временах) и учет этого позволяет реализовать принцип конкретности истины. Суждения могут быть истинными лишь в отношении к определенному месту, времени и точке зрения. Поэтому при сложных суждениях вначале делаются выводы из суждений о случаях, а затем из суждений о предметах, относящихся к одному случаю и т.д.

При указанном увеличении числа суждений с двумя терминами отношения между ними должны определяться непосредственно по содержащейся в них информации. Искусственная фигура типа логического квадрата для такого числа суждений,

¹ Жалдак Н.Н. Закон достаточного основания и релевантный вывод с устранением импликации // Логико-философские штудии: Вып. 4. Сб. статей. СПб, 2006. С. 166-184.

² См.: Жалдак Н.Н. Образная практическая логика. – М., 2002. – С.252-263, 319-328.

а тем более для суждений с n терминов, непригодна. Равно непосредственно по учету информации, а не по искусственным правилам основанным на различении фигур силлогизма должны делаться и умозаключения из таких суждений. Виды отношения по логической информации как между терминами (понятиями), так и между формами суждений определяются с применением диаграмм.

Разработанный автором метод линейно-матричных диаграмм существования (ЛТДС) более эффективен как метод анализа естественного языка науки человеком, чем анализ средствами логики высказываний и известных систем силлогистики. Это в частности подтверждено авторским свидетельством на изобретенное устройство для обучения решению логических задач¹. Посредством ЛТДС представлена практическая логика таблиц как результат логико-семантического анализа логических средств естественного языка без условных ограничений количества и качества суждений и как метод такого анализа содержательных научных понятий, суждений и рассуждений, состоящих из n суждений основания с n положительных и отрицательных терминов, терминов-суждений, представлена как фрагмент логики одноместных предикатов с допущением конечности и возможной пустоты всех обсуждаемых множеств, с предикатами-суждениями.

Использование ЛТДС позволило автору сформулировать в качестве общенаучного метода – метод экзистенциальной классификации такого универсума возможностей, задаваемых обозначениями, который включает все возможные сочетания значений всех привлеченных этими обозначениями простейших оснований деления.

Техника изобразительного представления знаний, техника обработки знаний и познания, техника обучения логичному мышлению и выражению мыслей посредством ЛТДС является оптимальной для решения широкого класса задач, как связанных с созданием искусственного интеллекта, так и с целенаправленным формированием интеллекта человека. За 27 лет экспериментальной работы автором разработана и апробирована система для целенаправленного поэтапного формирования сознательного овладения методами изобразительного логико-семантического анализа языка науки.

Список литературы

1. Rouse J. New philosophies of science in North America twenty years later / J. Rouse // Journal for philosophy of science. – 1998. – V. 29.
2. Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3.
3. Жалдак Н.Н. Закон достаточного основания и релевантный вывод с устранением импликации // Логико-философские штудии: Вып. 4. Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
4. Жалдак Н.Н. Образная практическая логика / Н.Н. Жалдак // М.: Московский философский фонд, 2002.
5. Жалдак Н.Н. Устройство для обучения решению логических задач. Авторское свидетельство №1427407 // Открытия, изобретения. – 1988. – № 36.

LOGICAL-SEMANTIC ANALYSIS BY LINEAR-TABULAR DIAGRAMS OF EXISTENCE

N.N.Zhaldak

*Belgorod State
University*

*e-mail:
zhaldak@bsu.edu.ru*

Linear-tabular (linear-matrix) diagrams of existence (LTDE) are suggested as method for pictorial logical-semantic analysis of the natural language of science, for analysis and construction of deductive reasoning with n of premises and n of the terms in each premise. The law of good logical cause is understood as a rule of relevant inference. The relevance is achieved by interpreting "if" judgments as judgments about events.

Key words: diagrams, tables, mental models, pictorial logical semantics, linguistic analysis, natural language, science, relevant inference.

¹ Жалдак Н.Н. Устройство для обучения решению логических задач. Авторское свидетельство №1427407 // Открытия, изобретения. – 1988. – № 36. – С. 202.

ЛОКАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ ВТОРОГО НАЧАЛА ТЕРМОДИНАМИКИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЭВОЛЮЦИИ НЕЖИВОЙ МАТЕРИИ

В.Е. Пеньков

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
penkov@bsu.edu.ru*

В статье проанализированы различные варианты совместимости второго начала термодинамики и возможности эволюции неживой материи. Указываются недостатки и методологические сложности, связанные с попытками решения данной проблемы, даётся оригинальное авторское решение, основанное на одном из недавних экспериментов в области термодинамики и на квантовой модели эволюции, согласно которой эволюция материи идёт путем качественных скачков.

Ключевые слова: термодинамика, эволюция, энтропия.

Проблема эволюции неживой материи в настоящее время приобретает всё более острый характер. Это связано с формированием концепций самоорганизации и универсального эволюционизма, а также проникновением идей развития в физическую форму движения материи.

Впервые эта идея нашла чёткое отражение в философии Канта, который рассматривал неживую природу как самоорганизующуюся. «Материя, которая кажется совершенно инертной и нуждающейся в форме и организации, уже в простейшем своем состоянии таит в себе стремление подняться к более совершенному состоянию путем естественного развития»¹. Как отмечает Э.М. Галимов: «Сущность мировоззренческого переворота, совершенного Кантом, сводилась к тому, что он вместо мертвой материи Ньютона ввел понятие саморазвивающейся. Представление о материи, которая сама является источником своего движения, является основным исходным пунктом взглядов Канта на природу»².

С сегодняшних представлений такой подход можно рассматривать как предтечу концепции самоорганизации материи.

Сходные мысли находим и у Ж.О. Ламетри: «...материя содержит в себе оживляющую ее движущую силу, которая является непосредственной причиной всех законов движения»³.

Вплоть до открытия второго начала термодинамики (закона возрастания энтропии) подобные методологические подходы не вызывали противоречий, однако с открытием этого закона ситуация стала более сложной.

В настоящее время имеется много различных тождественных формулировок второго начала термодинамики. Основная его суть заключается в том, что оно определяет направление процессов, происходящих в природе, выделяет направление термодинамической стрелы времени, делает неоднозначным прошлое и будущее, ведёт к деградации структур.

Как отмечает С.Д. Хайтун: «Ни Декарт, ни Ньютон, ни Кант, ни Лаплас, естественно, не соотносили идею эволюционного усложнения наблюдаемого мира под давлением взаимодействий с законом возрастания энтропии, который был сформулирован только во второй половине XIX в. Зато это вынуждены делать их последователи сегодня»⁴.

¹ Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1963. Т.1. – С. 156.

² Галимов Э.М. Принцип развития в основаниях научной картины природы / Э.М. Галимов – Саратов: Изд-во СГУ, 1981. – С.94.

³ Ламетри Ж.О. Человек-машина / Ж.О. Ламетри – Минск: Литература, 1998. – С.21.

⁴ Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции / С.Д. Хайтун – М.: КомКнига, 2005. – С.63.

Один из первооткрывателей Уильяма Томсона второй закон термодинамики формулировал следующим образом.

1. В материальном мире существует в настоящее время тенденция к рассеянию механической энергии.

2. Никакое восстановление механической энергии, без более чем эквивалентного рассеяния, невозможно в неживых материальных процессах и, вероятно, никогда не осуществляется при помощи организованной материи, как наделенной растительной жизнью, так и подчиненной воле одушевленного существа.

3. В прошлом, отстоящим на конечный промежуток времени от настоящего момента, Земля находилась и спустя конечный промежуток времени она снова очутится в состоянии, непригодном для обитания человека, если только в прошлом не были проведены и в будущем не будут предприняты такие меры, которые являются неосуществимыми при наличии законов, регулирующих известные процессы, протекающие ныне в материальном мире¹.

Короче говоря, в соответствии с рассматриваемым законом, замкнутая система стремится к максимальному хаосу, и никакие структуры без внешнего вмешательства образовываться не могут.

Если распространить этот вывод на Вселенную, мы не сможем объяснить, как в ней могли появиться какие бы то ни было структуры, если исключить возможность её сотворения Высшим Разумом. Но даже и в этом случае, материя во Вселенной должна стремиться к хаосу. «...второй закон констатирует непрерывный рост деградации энергии, пока наконец не прекратятся все напряжения, которые могли бы произвести работу, и не прекратятся все видимые движения во Вселенной. Все попытки спасти Вселенную от этой тепловой смерти остались безуспешными»².

В то же время последние данные в области космологии показывают, что наша Вселенная эволюционирует более 13 миллиардов лет. Если раньше это было только следствием теоретических моделей, то сегодня это наблюдается эмпирически. Так, введенный в строй радиотелескоп с 50-метровой антенной на вершине вулкана Сьерра-Негра позволяет «заглянуть» на расстояние 13,4 миллиардов световых лет, то есть мы наблюдаем состояние Вселенной, численной соответствующее столь далёкому прошлому. В это время Вселенная представляла собой равномерно «размазанную» смесь излучения и элементарных частиц с некоторой примесью ядер гелия, и процесс образования галактик только начинался. Сейчас же мы имеем высокоструктурированную систему галактик и их скоплений.

Открытия последних десятилетий в области космогонии со всё большей убедительностью говорят о том, что во Вселенной повсеместно происходят процессы звёздной планетообразования.

Таким образом, недоумение вызывает не только сам факт стремления Вселенной к тепловой смерти, с которым многие учёные не хотели интуитивно соглашаться и пытались опровергнуть этот вывод, но и непосредственное **экспериментальное** наблюдение усложнения структур во Вселенной. «Противоречие между физической эволюцией в сторону упрощения и наблюдаемой эволюцией в сторону усложнения принимает в литературе вид проблемы применимости закона возрастания энтропии, общепринятого решения которой до сих пор не существует»³.

Рассмотрим различные подходы к интерпретациям этого вопроса.

Существует ряд физиков, которые, по словам С.Д. Хайтуна, вообще не реагируют на обсуждаемую проблему. Отсутствие рефлексии – тоже своего рода рефлексия. Такой подход трудно назвать научным, и мы его рассматривать не будем.

¹ Томсон Д. Второе начало термодинамики / Д. Томсон – М.; Л.: Гостехтеориздат, 1934. – С. 182.

² Больцман Л. Статьи и речи / Л. Больцман. М.: Наука, 1970. – С. 11.

³ Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции/ С.Д. Хайтун – М.: КомКнига, 2005. – С. 29.

Ряд учёных пытаются решить проблему физической эволюции через рассмотрение взаимодействия системы с внешней средой, что приводит к уменьшению энтропии в системе. Действительно, в строгой формулировке закон возрастания энтропии работает только в замкнутой системе. Открытые же системы выходят за границы его применимости.

Таким образом, можно утверждать, что открытые системы способны структурироваться. Это сомнений не вызывает, но, тем не менее, решает проблему только локально.

Энтропия может убывать в открытой системе только за счёт её увеличения о внешней среде. При рассмотрении Вселенной в целом проблема остаётся прежней. Если Вселенная замкнута, то в ней должен возрасти хаос, что противоречит наблюдениям.

Очень близко к рассмотренному подходу примыкает концепция флуктуаций Больцмана, суть которой состоит в том, что второй закон термодинамики носит статистический характер и применим только для ансамбля частиц, в то время как отдельно взятые элементы системы этим законом вообще могут не описываться (как, например, в принципе нельзя применять второй закон термодинамики для отдельно взятых молекул, из которых собственно и состоит термодинамическая система – при таком рассмотрении он просто теряет смысл).

Для локальных областей это не является проблемой. Как отмечает Пол Дэвис: «...сложная организация может возникать спонтанно и не нуждается в заранее предписанном плане. Однако, для успеха... необходимо существование ансамбля, под которым понимается набор большого числа сходных систем»¹.

При рассмотрении Вселенной в целом «для успеха» необходим ансамбль Вселенных, который в первом подходе будет обеспечивать открытость нашей Вселенной, а во втором – возможность огромной флуктуации, которая возникла случайно именно в той части мироздания, в которой мы живём.

Здесь стоит остановиться на различных вариациях ансамбля миров, поскольку это представляет собой достаточно сложную гносеологическую проблему.

Во-первых, следует отметить гипотезу фридмонов. Её суть заключается в следующем. Если пространство замкнуто на себя, то для внешнего наблюдателя оно просто не существует. Гравитационная энергия может уравновесить массу, содержащуюся в этом пространстве, таким образом, что для находящегося вне этого мира наблюдателя она будет равна нулю. Такой объект напоминает черную дыру, с той лишь разницей, что он не оказывает даже гравитационного воздействия на окружающую среду. Теория показывает, что, если такой системе сообщить заряд или вращение, то она перестанет быть замкнутой и на уровне микромира будет связана с внешней Вселенной горловиной, размеры которой очень малы.

Подобные объекты получили название фридмонов. Для внешнего наблюдателя они должны выглядеть как элементарные частицы, но внутри этого микроскопического объекта может содержаться целая Вселенная.

Метагалактики оказываются как бы вложенными друг в друга и образуют замысловатую структуру. Вообразить ее себе очень сложно, тем не менее, по мнению академика М.А. Маркова, если такая картина многоэтажной, многоярусной Вселенной не реализуется природой, это само по себе будет удивительной загадкой – уж очень естественно, без всяких дополнительных гипотез возникает эта картина в рамках теоретических построений².

¹ Дэвис П. Суперсила: Пер. с англ./ Под ред. И с предисл. Е.М. Лейкина. – М.: Мир, 1989. – С. 262.

² Марков М.А. Размышляя о физике / М.А. Марков – М.: Наука, 1988.

Второй подход в возможности существования ансамбля миров находим в инфляционной модели Большого Взрыва, согласно которой «Каждая отдельная часть Вселенной может возникать из сингулярности в прошлом, и может закончиться в сингулярности где-то в будущем. Это, однако, не означает конца эволюции Вселенной. Полное число инфляционных пузырей на нашем «космическом древе» растет экспоненциально во времени. Следовательно, большинство пузырей (включая нашу собственную часть Вселенной) растут совершенно независимо от корней этого дерева»¹.

В этом случае «Вселенная может мыслиться как хаотическая пена причинно несвязанных пузырей, в которых первоначальные условия различны, и которые должны последовательно эволюционировать в различных видах Вселенных. Только один из пузырей должен стать нашей Вселенной, и мы никогда не сможем получить какой-либо информации о других»².

Подобную возможность даёт нам теория струн, согласно которой существует « 10^{1000} разных вакуумных состояний, которые могут реализоваться в разных частях Вселенной»³.

Третий подход связан с многомировой интерпретацией квантовой механики Эверетта, в соответствии с которой в результате взаимодействия квантовой системы с прибором происходит реализация всех возможностей, определяемых набором собственных состояний системы. Формализм теории требует интерпретировать это событие как "расщепление" Вселенной на множество в одинаковой мере реальных вселенных, различающихся лишь исходом данного взаимодействия и состоянием сознания наблюдателя, его зафиксировавшего. Физическая Вселенная, таким образом, непрерывно "ветвится", порождая все новые экземпляры полностью изолированных друг от друга миров. Наблюдатель, однако, в каждый момент находит себя лишь в одном мире и не подозревает о существовании остальных⁴.

Основным недостатком подобных объяснений является их чисто теоретический характер и принципиальная неverifiedируемость.

Также имеются направления, которые связывают возможность физической эволюции с нарушениями второго начала термодинамики.

Как правило, речь идёт о живой материи. Но в данном случае надо говорить не о нарушении закона, а о его границах применимости. Для живой материи этот закон, по всей видимости, не применим – биологическая форма движения материи обладает какими-то качествами, которые работают против увеличения энтропии. Более правильно будет сказать так: закон термодинамики и здесь работает, но на него «накладываются» процессы, которые действуют в противоположном направлении.

Более кардинальное утверждение находим у Д.Г.Егорова, который отмечает: «...логической ошибкой является придание второму началу термодинамики статуса закона: оно выведено на вероятностных основаниях, а для любой системы существует пусть и крайне малая, но неравная нулю возможность его нарушения»⁵. На наш взгляд, этим нельзя согласиться, если учитывать, что закон термодинамики является статистическим, а не динамическим, и выполняется только на вероятностном уровне. Тем не менее, это не может лишить его статуса закона.

¹ Linde A. The Self-Reproducing Inflationary Universe / A. Linde // *Scientific American*, 1994. № 11. Nov. P. 54-55.

² Roos M. Introduction to cosmology / M. Roos – London, 2003. P. 196

³ Линде А.Д. Многоликая Вселенная / А.Д. Линде – Публичная лекция 10 июля 2007. Режим доступа <http://elementy.ru/lib/430484>.

⁴ Everett H. "Relative state" formulation of quantum mechanics / H. Everett // *Rev. of modern physics*. 1957. Vol. 29, № 3.

⁵ Егоров Д.Г. Смена парадигм в современных науках о Земле: Монография / Д.Г. Егоров. – Мурманск: МГПИ, 2001. – С.5.

Здесь идёт подмена понятий однозначности и объективности науки. У многих складывается впечатление, что наука обязана давать только однозначные предсказания. Тогда все статистические закономерности будут вне законов.

Тем не менее, в современной науке именно статистические закономерности являются более распространенными, особенно в области микромира, а первые этапы эволюции неживой материи проходят именно на уровне микрочастиц.

Теперь остановимся на авторской концепции решения проблемы соотношения эволюции неживой материи и второго начала термодинамики. Она внешне аналогична флуктуационной концепции, но вносит в неё некоторые дополнения, которые кардинально меняют её смысл.

В основе рассуждений лежат следующие утверждения

1. Закон возрастания энтропии является статистическим, и в локальных областях не применим.

2. Для образования принципиально новой структуры достаточно локальное уменьшение энтропии и возможность образования связи между отдельными элементами системы.

3. Эволюция идёт ступенчато, или квантованно, то есть, как только образуется новое соединение устойчивое по отношению к внешним условиям, оно уже не будет разрушаться и до образования новой связи уже с участием этого соединения может пройти достаточно большое время.

4. Закон перемножения вероятностей в этом случае не работает, что даёт возможность образовываться всё более сложным структурам до тех пор, пока они не будут терять устойчивость по отношению к внешней среде. Это кстати, ликвидирует в природе другую крайность – чрезмерное усложнение структур, когда появление новых качественных состояний станет невозможным ввиду огромной массы системы и как следствие – её гравитационного коллапса.

Первое утверждение не требует дополнительных пояснений – об этом уже неоднократно говорилось ранее.

Второе утверждение можно разделить на три составляющих: а) возможно локальное уменьшение энтропии; б) для образования новой качественной структуры такого уменьшения достаточно; в) в природе существуют явления, которые могут приводить к образованию связей между отдельными элементами системы.

Рассмотрим каждую из этих составляющих отдельно.

Процесс локального уменьшения энтропии был зафиксирован экспериментально учеными из Австралийского национального университета. В эксперименте исследовалось поведение системы коллоидных частиц микронного размера, находящихся в воде, в оптической ловушке, созданной сфокусированным лазерным лучом. С помощью регистрационной системы исследователи могли с высокой точностью отслеживать положение частиц. При выключенном лазере латексные частицы совершали броуновское движение, однако при включении лазера на них начинала действовать сила, направленная в область максимальной интенсивности света. Исследователи сделали 1000 фотографий в секунду, что позволяло отследить траекторию движения частицы в течении эксперимента (длительность эксперимента составляла до 10 секунд). Полученные траектории анализировались и было установлено, что на малых коротких временах траектории многих частиц соответствуют уменьшению энтропии, тогда как на секундных масштабах таких траекторий практически не наблюдается¹. Таким образом, локальное уменьшение энтропии можно рассматривать как экспериментально установленный факт.

¹ Онищенко Е.Е. Экспериментальное наблюдение нарушения второго закона термодинамики 16.10.2002 // Российская Научная Сеть. Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1190174&s=>

Пункт б) является очевидным – на уровне микромира происходит образование атомов (процесс рекомбинации), молекул, высокомолекулярных соединений. Еще раз подчеркнём – речь идёт не о качественном изменении системы вообще, а о микроскопическом образовании новой структуры. Это можно понимать как образование порядка из хаоса из огромного ансамбля частиц.

Пункт в) объясняется существованием фундаментальных взаимодействий.

Необходимо учитывать, что изменения в системе происходят в очень малой локальной области, то есть по большому счёту в целом система не изменяется, но в малом её объёме появляется качественно новое образование. Речь идёт о том, что каждый отдельный процесс всегда является обратимым, необратимость проявляется на уровне статистически закономерностей, когда имеется ансамбль различных элементов системы. Для перехода всей системы в качественно новое состояние необходимо согласованное, синхронное изменение многих не связанных между собой элементов системы в определенном направлении, что является тем менее вероятным, чем больше элементов в системе. А для появления какого-то нового качественного образования достаточно одного локального уменьшения энтропии, если оно сопровождается образованием связи между отдельными элементами. При этом система в целом практически не изменится, но внутри неё появится качественно новая структура, или качественно новое образование.

Закон умножения вероятностей не работает, поскольку при квантовом характере эволюционного усложнения нет необходимости синхронного осуществления нескольких независимых событий. Также нет необходимости, чтобы данные события происходили строго последовательно, то есть между первым и вторым шагом эволюционного усложнения может происходить бесконечно большое число хаотичных событий, лишь бы образовавшаяся на первом шаге структура не была разрушена. При этом, как только первый шаг осуществлён, его вероятность формально становится равной единице и при умножении вероятность образования более сложной структуры не уменьшается.

Приведём пример ступенчатого образования структур. Допустим, нам надо вытащить наугад из азбуки две буквы и получить слог «МА». Вероятность такого события $(1/33)^2$, что приближённо равно $9,18 \cdot 10^{-4}$. Если же у нас возможно образование связи «МА», то рано или поздно это осуществится, и тогда вероятность наугад вытащить слог «МА» из 34 элементов азбуки будет $(1/34)$, что приближённо равно $2,9 \cdot 10^{-2}$, что более чем в 32 раза больше вероятности, когда ступенчатого образования структур не происходит.

Отметим отличие авторской концепции от флуктуационного подхода Больцмана состоит в том, что Больцман говорил о переходе всей системы в новое качественное состояние, вероятность которого стремится к нулю, в нашей интерпретации речь идёт о микрофлуктуациях, совокупность которых за счёт ступенчатого характера эволюции приводит к образованию новых качественных макросистем, причём вероятность такого образования достаточно велика, поскольку закон перемножения вероятностей в данном случае не работает.

Можно эту же ситуация рассмотреть в другой методологической трактовке. В любой замкнутой системе можно выделить ряд подсистем достаточно малого объёма. Тогда локальное уменьшение энтропии в какой-либо подсистеме будет вызываться соответствующим её увеличением в другой части системы в полном соответствии со вторым началом термодинамики. Но если в этот момент образуются какие-либо связи, это «уменьшение» стабилизируется и образуется новая структура. Никакого нарушения закона возрастания энтропии не происходит, просто параллельно ему идёт процесс проявления взаимодействия, обеспечивающего образование связи и действующего в направлении противоположном второму началу термодинамики.

Это соответствует подходу С.Д. Хайтуна, который считает, что энтропия не является количественной мерой беспорядка системы: «...проблема, состоящая в противоречии между законом возрастания энтропии и эволюцией в сторону усложнения, с самого начала оказалась замешанной на заблуждении, связанном с трактовкой энтропии реальных систем как меры беспорядка... Эволюция в сторону усложнения, оказывается, вообще не противоречит эволюции в сторону возрастания энтропии. Это разрушает миф о том, что мир ожидают деградация и дезорганизация, якобы вытекающие из закона возрастания энтропии»¹.

В авторской концепции здесь уместно существенное дополнение. Для конкретной системы выражение для энтропии может рассматриваться как мера хаоса.

В соответствии с формулой Больцмана:

$$S = k \cdot \ln \Omega,$$

где k – постоянная Больцмана, Ω – статистический вес с заданным числом частиц в каждой из m ячеек N_1, N_2, \dots, N_m определяется как отношение:

$$\Omega = \frac{N!}{N_1! N_2! \dots N_m!}, \quad N_1 + N_2 + \dots + N_m = N$$

где N – полное число частиц².

Если в системе не происходит никаких качественных изменений, и число частиц N не изменяется, то система стремится к равновероятному распределению, что соответствует закону возрастания энтропии. При этом происходит только перераспределение числа молекул по ячейкам. Если же в системе наблюдаются качественные преобразования, связанные с образованием новых структур, то число N изменяется, и сравнивать энтропию системы до образования и после образования связи нельзя, поскольку система стала качественно другой, точнее – это уже другая система.

Методологическая ошибка состоит в том, что мы пытаемся описать в рамках одной модели различные качественно отличные системы.

Таким образом, в работе показана возможность непротиворечивого объяснения совместимости закона возрастания энтропии и эволюции неживой материи. Главная идея авторской концепции состоит в том, что в локальных областях любой сложной системы возможно естественное уменьшение энтропии, что было доказано экспериментально. Если при этом за счёт какого-то взаимодействия образуется качественно новая структура, устойчивая в условиях внешней среды, то она сохранит своё существование. Это положит начало эволюции или усложнению неживой материи естественным путём. Причём, важным является тот факт, что образование новых структур происходит ступенчато. Такой процесс не будет противоречить второму началу термодинамики, поскольку он справедлив для огромного числа частиц в целом, но не запрещает уменьшение энтропии в локальных микроскопических областях.

Описанная концепция выявляет физический механизм усложнения неживой материи в замкнутых системах на микроуровне без нарушения второго начала термодинамики на макроуровне, что позволяет его рассматривать как естественную закономерность, направленную на усложнение материальных структур, и действующий противоположно закону возрастания энтропии.

Список литературы

1. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1963. Т.1. – С. 115-262.

¹ Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции/ С.Д. Хайтун – М.: КомКнига, 2005. – С. 68-69.

² Кузмичев В.Е. Законы и формулы физики / В.Е. Кузмичев – Киев: Наукова думка, 1989. – С. 197.

2. Галимов Э.М. Принцип развития в основаниях научной картины природы / Э.М. Галимов – Саратов: Изд-во СГУ, 1981. – 246 с.
3. Ламетри Ж.О. Человек-машина / Ж.О. Ламетри – Минск: Литература, 1998. – 703 с.
4. Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции / Д.С. Хайтун – М.: КомКнига, 2005. – 536 с.
5. Томсон Д. Второе начало термодинамики / Д. Томсон – М.; Л.: Гостехтеориздат, 1934.
6. Больцман Л. Статьи и речи / Л. Больцман – М.: Наука, 1970. – С. 3-28.
7. Радиотелескоп на вершине вулкана. Режим доступа <http://www.salon.ru/rus/content/view/132/1120/0/> 23.11.2006
8. Девис П. Суперсила: Пер. с англ./ Под ред. И с предисл. Е.М. Лейкина. – М.: Мир, 1989. – 272 с.
9. Марков М.А. Размышляя о физике. – М.: Наука, 1988.
10. Linde A. The Self-Reproducing Inflationary Universe / A/ Linde // *Scientific American*, 1994. № 11. Nov. P. 54-55.
11. Roos M. Introduction to cosmology / M. Roos – London, 2003. P. 196.
12. Линде А.Д. Многоликая Вселенная. / А.Д. Линде // Публичная лекция 10 июля 2007. Режим доступа <http://elementy.ru/lib/430484>
13. Everett H. "Relative state" formulation of quantum mechanics / H. Everett // *Rev. of modern physics*. 1957. Vol. 29, № 3. – P. 454-462.
14. Егоров Д.Г. Смена парадигм в современных науках о Земле: Монография / Д.Г. Егоров – Мурманск: МГПИ, 2001. – 106 с.
15. Онищенко Е.Е. Экспериментальное наблюдение нарушения второго закона термодинамики 16.10.2002 // Российская Научная Сеть. Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1190174&s=>
16. Кузмичев В.Е. Законы и формулы физики / В.Е. Кузмичев – Киев: Наукова думка, 1989. – 848 с.

LOCAL INFRINGEMENTS OF THE SECOND LAW OF THERMODYNAMICS AND THE POSSIBILITY FOR INORGANIC MATTER EVOLUTION

V.E. Penkov

**Belgorod State
University,**

**e-mail:
penkov@bsu.edu.ru**

The paper presents an analysis of several variants of compatibility between the second law of thermodynamics and the possibility for inorganic matter evolution. Some methodological issues connected with the solution of this problem are pointed out. An original author's solution is presented, based upon a recent experimental work in thermodynamics and quantum model for evolution. According to the model, evolution proceeds through qualitative leaps.

Key words: thermodynamics, evolution, entropy.

ТРАДИЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СЕМЬИ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

С.М. Климова¹
Л. В. Хирьянова²

¹⁾ Белгородский
государственный
университет

²⁾ Белгородский
государственный
университет

Рассматриваются традиционные основы института семьи как главный фактор, формирующий культурную идентичность старообрядчества на территории Белгородской области. Прослеживаются изменения внутрисемейных отношений, консервативного семейного уклада, семейно-бытовых традиций, религиозных воззрений старообрядчества под воздействием исторических условий, таких как антирелигиозная пропаганда и современные модернизационные процессы.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядческая культура, семья, брак, внутрисемейные отношения, культурная идентичность, семейно-бытовые традиции, религиозные воззрения.

В условиях глобализационных процессов, ставших реальностью в XXI веке сохранить в неизменности традиционную идентичность того или иного этноса практически невозможно. Но вопрос о фундаменте, цементирующем данную идентичность, тем не менее, не снят с повестки дня. В этой связи показателен опыт старообрядчества, поскольку оно возникло в кризисную эпоху, в период реформ и сумело «выжить» несмотря на многовековые гонения и уничтожения. Ядром самосохранения старообрядческой идентичности на ранних этапах формирования является институт семьи в его традиционных аксиологических установках.

В данной статье на примере Белгородского региона исследуется степень влияния традиционных устоев семьи на сохранение культурно-конфессиональной идентичности старообрядчества в период модернизации. Раскрытие поставленной проблемы невозможно без обращения к краткой истории доминирующего в регионе старообрядческого согласия (направления).

В конце XVII века старообрядческое движение в России, в зависимости от отношения к институту священства, разделилось на два основных направления: *поповцев* и *беспоповцев*. В свою очередь каждое из них расчлняется на множество крупных и мелких течений. Так, на почве разногласий по вопросам брака, *беспоповство* разделилось на *федосеевское* согласие (полностью отвергающее возможность заключения брака, в связи с отсутствием института священства, которому принадлежит исключи-

тельная роль в совершении таинства брака), и более умеренное *поморское* согласие, (признающее брак, и считающее, что в условиях отсутствия «истинного» священства, таинство брака может совершаться без участия священника). Идеология поморцев получила массовое распространение, поморские общины имеются во многих регионах страны, в т. ч. и в Белгородском регионе.

Согласно доктрине старообрядцев-поморцев, совершение таинства брака обусловлено двумя главными и единственными факторами: *родительским благословением* и *благословением духовного наставника* общины. По свидетельству информантов: «У нас нет как такового чина венчания. Таинство брака сохранилось в какой-то степени, мы молимся, так называемый «Брачный канон». У нас в принципе брак – это благословение родителей, если родители благословили на совместную жизнь, то брак считается законным. Но для укрепления брака в храме служится «Брачный молебен», благословляет духовный наставник». (Лукьянчиков Алексей Викторович, 1932 г. р. г. Белгород, чтец, запись: февраль, 2008 г.). «У староверов браки обязательны, считается, если люди живут вне брака они блудники, а самое главное берут на себя большой грех» (Тарасов Александр Егорович, 1947 г. р. г. Белгород, духовный наставник, запись: декабрь, 2007 г.).

Вплоть до второй половины XX столетия семейный быт поморцев отличался замкнутостью, которая была вызвана их религиозной обособленностью от остальных религиозных групп населения. Поморцы как конфессионально-этническая группа, «имеют четкое представление о себе, отделяясь и противопоставляясь «мирянам», а также другим старообрядческим согласиям»¹. Эта социально-конфессиональная изолированность способствовала сохранению патриархальных устоев. Эталоном, по которому организовывали свой жизненный уклад староверы, являлся свод бытовых правил – «Домострой», созданный на Руси в середине XVI века.

Изначально старообрядческая семейно-брачная структура была расширенного типа. Семья включала супругов с детьми и многих кровных родственников (дедушка, бабушка, тетя, дядя, двоюродные братья и сестры). В рамках расширенной семьи существовал целый ряд нуклеарных семей. По словам старожилов старообрядческого села Кошлаково, несколько поколений жили в одном доме, вели общее хозяйство; наиболее типичной была семья, состоящая из трех поколений: глава семьи с супругой, две и более супружеские пары сыновей с детьми. Так, по воспоминаниям жительницы села: «В семье все вместе жили, свекор, свекровь, у моей мачехи в семье было три невестки – братья поженились, всего 40 душ. А жили все в одной хате, на земле спали, полов не было» (Лагутина Евдокия Никифоровна, 1928 г.р. с. Кошлаково, запись: октябрь, 2007 г.). Семья подобного типа отличалась высокой степенью сплоченности, прочности, стабильности. Приоритетом являлись такие морально-нравственные императивы как любовь, забота, стремление поддержать друг друга и т. д. Как правило, расширенные семьи были многодетными и насчитывали до 13-18 детей, такое явление как аборт было немыслимо. Из рассказа старообрядки села Кошлаково: «Раньше детей в семье много было. У одной было 18 детей, больше всех в Кошлаково, а так обычно по 10, 11, 12. Тогда никто аборты не делал, грех большой» (Лагутина Евдокия Никифоровна, 1928 г.р. с. Кошлаково, запись: октябрь, 2007 г.). Доминирующей моделью выступала *патрилокальная* форма проживания: после брачной церемонии молодожены поселялись в доме семьи мужа. До начала модернизационных процессов старообрядческая семья выделялась однородностью состава, т. е. наличием признаков (культурных, религиозных, социальных) свойственных всем ее членам, не допускающим посторонние элементы (не старообрядцев).

В патриархальной старообрядческой семье главенствующая роль принадлежала старшему мужчине (свекру). По воспоминаниям старообрядки: «Мужчина в семье был хозяином, руководителем, а женщина – это мать, она детей рождает, ей ни пойти

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М., 1981, С. 50.

никуда, ни поехать, ни купить, а у него лошадь в руках. Раньше жили все вместе, свекор, свекровь – до самой смерти. Свекор – «папаша» был главный в семье, все ему подчинялись. Он назначал, кому что делать. Знал, кому какую работу дать, кто, на что способен, или по состоянию здоровья. Определял тому туда-то идти, тому туда-то ехать. Свекор вел хозяйство, распоряжался деньгами, имуществом. Он видит, например, что у сына ботинок нет и говорит своей семье: «Сегодня мы покупаем, вот этому сыну, завтра тебе купим». Его обязательно все слушали». (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р. г. Шебекино, родилась в с. Кошлаково, запись: март, 2008 г.).

Глава семьи контролировал экономическую базу: распоряжался бюджетом. Он выполнял функции духовного лидера, мобилизовывал духовно-практическую сферу: регулярное посещение богослужений всеми членами семьи, домашнюю молитвенную практику, выполнение уставных моментов (церковные праздники, посты, половое воздержание и т. п.). Регулировал социально-бытовую область семьи: выполнение требований о несообщении с иноверными, обязательное ношение бороды всей мужской половиной семьи, запрет на табакокурение и т.д. Главе семейства принадлежало бескомпромиссное право наставлять, наказывать, поощрять. Остальные члены семьи находились в подчиненном положении по отношению к нему. Слово главы семьи оставалось решающим при любом важном деле, в том числе при выборе брачного партнера для своих детей. Как вспоминает информантка, «Раньше отец решал за кого замуж выходить» (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р. г. Шебекино, родилась в с. Кошлаково, запись: март, 2008 г.).

Повседневный, хозяйственный быт контролировала жена главы семьи (свекровь). Она целесообразно распределяла домашнюю работу между женской половиной семьи: «Свекровь тоже вес имела. Если две, три невестки в семье, она говорит: "Сегодня твоя неделя готовить обед, а на той неделе ты будешь готовить", а если у какой-то из невесток грудной ребенок она ее исключает» (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р. г. Шебекино, родилась в с. Кошлаково, запись: март, 2008 г.). Женский авторитет обеспечивался властью над домашним очагом, воспитанием детей, мастерством в приготовлении пищи, одежды и т. п. Женщине принадлежало внутреннее пространство семейно-жизненного уклада, в то время как мужчине – внешнее.

До середины 1920-х гг. семья играла роль главного аккумулятора культурно-религиозных норм. Именно в рамках семьи старообрядцы с детства усваивали каноны веры, социокультурные и бытовые традиции, свойственные данной конфессии. Из рассказа старообрядки села Кошлаково: «У нас в семье 13 детей было. Отец к нам очень строго относился, держал нас «в ежовых рукавицах». Пришли из церкви, мать обед наготовила, садимся все вместе за стол, отец читает молитву. Раньше все вместе ели, особенно в праздники все собирались за одним столом. Как прочитают молитву, отец говорит нам: "Ни слова за обедом не произносить, ни слова!". Отец нас очень хорошо воспитывал, учил молиться. Особенно зимой, делать было нечего, мать печь топил на ночь, а он ложится с нами на лежанку и учит молитвы, так все молитвы с нами выучил. Мы почитали родителей, слушали их во всем, как в заповеди сказано». (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р. г. Шебекино, родилась в с. Кошлаково, запись: март, 2008 г.).

Старообрядческая семья аккумулировала в себе аспекты религиозной этики. Отношение детей к родителям имело нравственную основу и регулировалось Декалогом. Дети, согласно пятой заповеди «*Чти отца твоего и мать твою...*» (Исх.20;12) почитали своих родителей за святых. Это почитание заключалось в безусловном послушании, безропотном подчинении. Власть родителей – от Бога, поэтому нарушение воли родителей – большой грех. В обязанности детей относительно родителей входило обеспечение спокойной старости, почитание их после смерти, заключающееся в непрерывном церковном поминовении. Поминовение почивших родителей, близких и дальних родственников, крестных родителей и непрерывная молитва за них, являются существенным элементом староверческой религиозной практики и духовным связующим звеном поколений. «Родителей, родню свою надо поминать на панихиде, мо-

литься за них, подавать милостыню». (Тарасова Анна Кондратьевна, 1933 г. р.с. Кошлаково, запись: сентябрь, 2007 г.). Память о своем роде, выраженная в почитании (поминовении) умерших предков – важный фактор сохранения старообрядческой идентичности.

Отношение родителей к детям в семье старообрядцев строилось на двух взаимодополняющих фундаментах: любви и строгости. Главной прерогативой родителей была забота о духовном состоянии детей. Родители выполняли охранительную функцию: следили за чистотой души своих детей, оберегали от греха, что чаще всего сводилось к изоляции от иноверцев/нестарообрядцев. Целью воспитания в старообрядческой семье являлось формирование традиционной религиозности, нравственности, сохранение обрядов и традиций предков. Ориентируясь на образ жизни родителей, дети с ранних лет автоматически усваивали определенные стереотипы поведения, связанные со «старой верой»: молитвы, крестное знамение, поклоны, соблюдение поста и пр. Вся атмосфера семейной жизни староверов способствовала постижению детьми всевозможных бытовых обычаев: несообщаться с иноверными в еде/посуде, молитве, браке, мыть руки после прикосновения к «нечистым» предметам, носить одежду старинного покроя и т. д. Таким образом, семейное воспитание и образование было самым эффективным механизмом трансляции самобытной старообрядческой культуры другим поколениям. При развитии духовно-нравственных качеств, родители не упускали и материальную сторону воспитания. С ранних лет ребенок включался в трудовую деятельность. Труд выступал одним из главных факторов воспитания. «Естественно, дети не всегда выполняли требования, предъявляемые к ним взрослыми. В этом случае староверы вполне уместным считали физическое наказание, руководствуясь наставлениями св. Иоанна Златоуста, нашедшими свое отражение в «Домострое»: "Наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей"»². По свидетельству информантов, родители-староверы использовали телесное наказание, но мягкого характера: «Если дети что-то плохое делали, можно было и наказывать, побить, например, но, ни в коем случае нельзя бить до крови и таскать за волосы» (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р. г. Шебекино, родилась в с. Кошлаково, запись: март, 2008г.). Родители вплоть до создания детьми своих семей и даже после этого (в зависимости от степени благосостояния) обеспечивали их материально. «Родители после женитьбы детей обязательно им помогали, кто, как сможет: привозили хлеб – зерно, на зиму детей забирали, чтоб полегче было, очень дружно жили» (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р.).

В основе взаимоотношений супругов-старообрядцев лежали взаимная ответственность и уважение. Семейный союз, в первую очередь, определялся как духовный союз двух человек, объединенных общей верой и общими целями. Семейно-брачные отношения строились на Евангельском постулате, утверждающем иерархичность семейной структуры: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос, глава Церкви, и Он же спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем» (Еф. 5, 22-24). По утверждению информантки, «Мужа надо почитать как Главу Церкви – Христа, не изменять ему ни в коем случае!» (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р. г. Шебекино, родилась в с. Кошлаково, запись: март, 2008г.). Супружеская неверность у старообрядцев считалась нарушением Закона Божия: «Не прелюбодействуй» (Исх. 20; 14). Сексуальная жизнь супругов регламентировалась религиозно-нравственными принципами. Во время постов, накануне праздников супруги не вступали в интимные отношения. В особо благочестивых семьях супруги разделяли ложе только для рождения детей. «Под праздник (накануне воскресения – авт.) нельзя «объединяться» мужу с женой, это нарушение Божьего Закона. Только в воскресенье..., а под праздник не разрешается. Да и по всей жизни под праздники, в пост нельзя мужу с женой спать, но

² Апанасенок А. В. Старообрядчество Курского края в XVII начале XX вв., Курск: 2005, С. 163.

хоть спите, но греха не творите. Потому что раньше, где там отдельно спать было, одна хата, вместе спали, но греха делать нельзя было» (Тарасова Евдокия Григорьевна, 1930 г. р. г. Белгород, родилась в с. Кошлаково, запись: январь, 2008 г.).

Если учесть, что большинство браков на рубеже XIX-XX вв. заключались на основании семейных и имущественных потребностей и многие пары не встречались до свадьбы, любовь как основная составляющая брачных отношений появлялась в процессе семейной жизни, скорее всего в форме привязанности-родственности и не носила ярко выраженной эротической окраски. Такие семейные узы, как показывает практика, оказывались наиболее крепкими. «Раньше, это еще до нашей жизни было, замуж выходили не по своей воле, а за кого родители скажут, так моя мама выходила за отца. У нее жених был, она его любила. Но родители отдали за другого, который был один сын в семье, у него земля. А одну приехали сватать, ей 14 лет было, она под кровать спряталась, не хотела..., а потом когда вышла замуж и любовь появилась и уважение, хорошо жили» (Тарасова Евдокия Григорьевна, 1930 г. р. г. Белгород, родилась в с. Кошлаково, запись: январь, 2008 г.).

Расторжения браков у староверов практически не зафиксированы. Современный исследователь старообрядчества Фурсова Е. Ф., опираясь на поморские соборные положения, в своем труде «Род и семья старообрядцев-поморцев Новосибирской области», пишет: «...развод мог иметь место только в отдельных исключительных случаях, а именно, если жена посягала на жизнь мужа или муж имел злой умысел против государства. Мужчине также предоставлялась возможность вступить во второй брак, если первая жена оставляла его без вины или уклонялась в иноверие. Во всех прочих случаях, если вторая сторона пребывала в добром здравии, повторный брак считался незаконным»³. Полевые исследования, проведенные в старообрядческих центрах Белгородского региона, показали, что если на рубеже XIX-XX вв. разводов почти не было, то сегодня превалирует другая схема; вторичные браки заключались только в случае смерти одного из супругов. «Раньше не расходились, это сейчас молодежь такая стала, мой сын во второй раз женился и опять на «советной» (т. е. православной) но она перекрестилась в нашу веру» (Лагутина Евдокия Никифоровна, 1928 г.р. с. Кошлаково, запись: октябрь, 2007 г.). «Мой свекор три раза женился, потому что одна жена умерла, другая, вдовцам можно жениться» (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р. г. Шебекино, родилась в с. Кошлаково, запись: март, 2008г.).

Выбор партнеров для брака регулировался такой социальной нормой как эндогамия. Старообрядческие законы предписывают заключение брака внутри своей конфессиональной системы, староверы должны выходить замуж и жениться только на представителях своего вероисповедания. Наряду с этим требованием, при выборе супругов учитывались положительные качества их рода. Колоссальное значение придавалось нравственному поведению, особенно девушек, которым приписывалось строгое целомудрие и девственность в браке. Религиозные запреты регламентировали взаимоотношения между полами. Добрачные половые отношения как большой грех, осуждались и были крайне редкими. Но, если контакты до брака все-таки случались, то к девушке относились с большим презрением. Замуж потом она выходила за вдовца или же за парня с очень плохой репутацией. Рождение детей вне брака также считалось предосудительным и обычно строго наказывалось. Из рассказа старообрядки села Кошлаково: «Отец нас очень строго держал, например, мы – девки, он нам так говорит: "Вот пошла ты на улицу, если «в подоле принесешь», голова будет отрублена". Раньше тоже были случаи, когда рожали. Это было очень позорно. Потом девка с трудом выходила замуж. Если кто до свадьбы с ребятами «имел дело», это, во-первых, был большой грех, а во-вторых, позор. Этой девкой потом ребята не интересовались, уже родители не старались ее за своего сына посватать. Она выходила за вдовца или за

³Фурсова Е. Ф. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской области (конец XIX-начало XX вв.). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001, С. 63.

какого-нибудь тоже нехорошего парня. Раньше отец решал за кого замуж выходить (Кизилова Татьяна Филатовна, 1926 г. р.). Возрастной ценз для вступления в брак: от 14-18 до 20 лет у девушек, от 16 – 20 до 22 лет у юношей. Родители-староверы старались, как можно раньше устроить семейную жизнь своих детей, во избежание нравственного падения, половой распущенности. Вплоть до 1930-х гг. существовала практика «родительской воли», когда выбор партнера для брака принадлежал исключительно родителям.

Под воздействием индустриально-урбанистических тенденций фундамент традиционной старообрядческой семьи постепенно рушится, изменяется ее хозяйственная основа, меняется и само мировоззрение староверов, особенно подрастающего поколения. «Сохранить самобытность старообрядцам в «эпоху перемен», каковой был период XIX — начала XX в., было непросто. Россия неуклонно стремилась к принятым на западе моделям жизненного уклада, которые оставляли мало места религии и обычаям предков»⁴. В противоположность традиционному обществу с расширенным семейным укладом, индустриальное общество декларирует нуклеарный тип семейно-брачных отношений. Современная старообрядческая семья приобретает новую форму: супруги, и их дети составляют основу взаимоотношений, родственные связи отходят на второй план. Из села начинается отток молодых людей в город. Современные пары чаще всего выбирают неолокальную модель проживания: отделяются и живут независимо от родителей. Процесс социально-экономических изменений связан с внутрисемейным ограничением деторождения. Количество детей в современных семьях старообрядцев достигает от 1 до 2 человек. Если традиционным семьям были характерны спаянность, гармоничность, то сегодняшние старообрядческие семьи вырабатывают самостоятельность и автономность своих членов по отношению друг к другу. Патриархальный тип семейного уклада заменяется эгалитарным типом, когда власть и авторитет в семье распределяются между мужем и женой в равных долях.

На современном этапе, когда рухнул старый традиционный строй жизни, сохранить веками выработанный старообрядческий быт практически невозможно. Так, принципы эндогамии, отошли на задний план. Межконфессиональные браки не являются редкостью. Но, надо подчеркнуть, что большинство старообрядцев как среднего возраста, так и молодежь стараются строить свои семейно-брачные отношения по завету предков: выбирать партнеров в рамках собственной конфессионально-этнической группы. Если не получается в чистом виде соблюсти правила «несообщения с еретиками в любви», то требование перекрещивания в «свою веру», выполняется почти всегда. Об этом хорошо свидетельствуют многие высказывания информантов, приведем одно из них: «У моей знакомой сын в Харькове учился, там с хорошей девочкой познакомился, полюбили друг друга. Он сказал ей: "Ты мне очень нравишься, но женится на тебе я не смогу", она спрашивает: "Почему?", Он отвечает: "Я старообрядец, а ты православная, мы не можем жениться, вера разная". Она: "А что надо сделать?", Он: "Перекрестится в мою веру". Она согласилась». (Тарасова Евдокия Григорьевна, 1930 г. р. г. Белгород, родилась в с. Кошлаково, запись: январь, 2008 г.).

В ситуации «тотального» атеизма в России, дети старообрядцев, посещавшие государственную школу, постигали плоды атеистического образования и воспитания. Удержать молодежь в русле традиционной культуры: носить крестик, молиться перед едой, посещать храм, не брить бороду, в том числе не объединяться с разнoverными и т. п. стало практически неосуществимо. «Когда дети пошли в школу им там сказали, что Бога нет, они и крестики снимали, молиться перестали и в храм ходить» (Тарасова Евдокия Григорьевна, 1930 г. р.) – констатируют информанты нарушение религиозно-культурной преемственности поколений.

Повседневный семейный быт староверов всегда отличался своеобразием. Правoverные старообрядцы не пользуются общей посудой, не едят и не молятся вместе с

⁴ Апанасенок А. В. Старообрядчество Курского края в XVII начале XX вв., Курск: 2005, С. 155.

неверующими членами своей семьи. В процессе массового отхода молодого поколения от веры, старообрядцы были вынуждены допускать в рамках семьи сосуществование верующих с атеистами. В этой связи неизменно действует норма, предписывающая хранение персональной и гостевой посуды. Новое поколение старообрядцев, воспитанное в условиях атеизма, хотя и индифферентно к религии, но с уважением относится к культурно-бытовым обычаям своих предков. Это видно из высказывания информантки: «Мои дети в храм не ходят, не молятся, я им говорю: "Вот моя посуда, а вот ваша, отдельная", они знают, понимают, и не трогают». (Лагутина Евдокия Никифоровна, 1928 г.р. с. Кошлаково, запись: сентябрь, 2007 г.).

Надо отметить, что перемены в политической, социальной системе начала 90-х годов прошлого века, оказали сильное влияние на внутрисемейные отношения старообрядцев. Бывшая советская молодежь, сегодня сама приносит в храм крестить своих внуков, по старообрядческому образцу. Наблюдается отсутствие прежней конфронтации между верующими родителями и их детьми на почве религии. «Я сыну крестик купила, носит, говорю ему: "Отпусти бороду, а то умру, тебя ко мне без бороды не допустят и попрощаться", немного отпустил...» (Лагутина Евдокия Никифоровна, 1928 г.р. с. Кошлаково, запись: сентябрь, 2007 г.). Потомки старообрядцев, не являющиеся потенциальными верующими, при этом высказывают некоторый формальный интерес к религиозной практике своей конфессии, который, естественно, вызван интуитивной верой в Бога, заложенной в детстве, в лоне семьи: «И сейчас наши дети не ходят в храм, но в Бога начали верить, просят за них помолиться. У внука экзамен, просит помолиться, я молебен заказываю (Тарасова Евдокия Григорьевна, 1930 г. р. запись: январь, 2008 г.). С очевидностью можно предположить, что возрождение духовности, опирающейся на религиозность, в современном обществе быстрее всего произойдет в среде потомков старообрядцев, сохранивших внутреннюю связь с духом семьи и общины в гораздо большей степени, чем современные православные.

Таким образом, основным условием сохранения культурно-конфессиональной идентификации старообрядчества выступает семья. Даже при разрыве межпоколенных связей в силу исторических обстоятельств, таких как влияние советской атеистической идеологии, модернизационных процессов, старообрядцы владеют чертами собственной идентичности, обладают коллективной памятью. Как группа людей, объединенных общей историей, культурой, верой, старообрядцы постепенно возвращаются к религиозным воззрениям, культурным идеалам, правилам, запретам своих отцов и дедов, хотя зачастую и в примитивной форме. «Так, из духа семьи и рода, из духовного и религиозно-осмысленного приятия своих родителей и предков – родится и утверждается в человеке чувство собственного духовного достоинства...»⁵

Список литературы

1. Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории) / Ю.В. Бромлей. – М., 1981.
2. Апанасенок, А. В. Старообрядчество Курского края в XVII начале XX вв., / А.В. Апанасенок. – Курск. – 2005.
3. Фурсова, Е. Ф. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской области (конец XIX-начало XX вв.) / Е.Ф. Фурсова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск. – 2001, С. 63
4. Апанасенок, А. В. Старообрядчество Курского края в XVII начале XX вв. / А.В. Апанасенок. – Курск. – 2005.
5. Ильин, И. О семье (Из книги «Путь духовного обновления») Педагогическая классика. В доме Отца Моего / И.О. Ильин. – М.: «Северная обитель», 2001.

⁵ Ильин И. О семье (Из книги «Путь духовного обновления») Педагогическая классика. В доме Отца Моего. М.: Храм Трех Святителей на Кулишках, Благотворительный фонд «Северная обитель», 2001, С. 47

TRADITIONAL BASIS OF FAMILY AS A PRIMARY FACTOR OF FORMATION OF IDENTITY OLD BELIEVES DURING AN EPOCH MODERNIZATION

S.M. Klimova¹⁾
L.V. Chiryanova²⁾

¹⁾Belgorod State University

²⁾Belgorod State University

Traditional basis of family institute as a primary factor of cultural identity of old believers formation in the territory of the Belgorod area is considered in the article. Changes of interfamily attitudes, conservative family way, family-household traditions, religious views of old believers under influence of historical processes, antireligious propaganda and modernization processes are studied in the paper.

Key words: old believers, culture of old believers, family, marriage, interfamily attitudes, cultural identity, family-household traditions, religious views.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л.С. Перевозчикова

*Воронежский
государственный
архитектурно-
строительный
университет*

В этой статье для изобразительного логико-семантического анализа. В статье с позиции философии культуры дается анализ понятий «парадигма» и «образовательная парадигма». Выявляется ценностный аспект феномена парадигмы и обосновывается идея, что парадигму следует рассматривать как феномен самой культуры и как философско-культурологическую категорию, социальную идеальную форму не только в аксиологическом аспекте, но целостно, во всем своем объеме, включая эпистемологическую, социально-психологическую и социологическую составляющие, выступающую в качестве доминирующей социальной ценности культуры того или иного сообщества в конкретный период времени. А образовательная парадигма — это модификация культурной парадигмы, представляющая собой ценностно-смысловое основание образовательного процесса, которая доминирует на каком-либо этапе развития образования и которая предопределяет его цель, содержание, методы и способы достижения поставленной цели.

Ключевые слова: философия культуры, аксиология, парадигма, образовательная парадигма, культурная парадигма, ценностно-смысловое основание, ценность культуры, гуманизм, высшее образование.

В современном российском обществе происходит бурный процесс модернизации различных сторон общественной жизни. Модернизация страны предполагает выход ее производства и системы общественных отношений на самые высокие рубежи современного цивилизационного развития. Одним из основных направлений модернизации страны является модернизация образования, в том числе и высшего профессионального образования. Как отмечается в концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, модернизация российского образования обусловлена необходимостью: ускорения темпов развития общества, расширения возможностей политического и социального выбора, что требует повышения уровня персональной готовности граждан к такому выбору; перехода к постиндустриальному обществу и расширения масштабов межкультурного взаимодействия; формирования современного мышления у молодого поколения для решения глобальных проблем; динамичного развития экономики, сокращения сферы неквалифицированного труда и структурных изменений в сфере занятости, определяющих постоянную потребность в повышении квалификации работников, росте их профессиональной мобильности; возрастания роли человеческого капитала, что обуславливает интенсивное, опережающее развитие образования, как молодежи, так и взрослого населения¹. Модернизация высшего профессионального образования – это сложный многоаспектный процесс, который требует решения большого числа проблем организационного, технологического и содержательного характера. Одним из важных аспектов модернизации высшего профессионального образования является разработка адекватной философско-культурологической концепции (парадигмы) образования, в которой было бы осуществлено доказательное и прогностически состоятельное обоснование ценностно-целевых приоритетов образовательной деятельности, направленной на реализацию духовных и материальных потребностей граждан, соответствующих национальным интересам государства.

Цель данной статьи – выработать концепцию гуманистической образовательной парадигмы, которая могла бы быть использована как аксиологическое основание современного высшего образования.

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // <http://dmp.mgopu.ru>

Прежде всего, определимся с пониманием самого феномена парадигмы. Как известно, термин парадигма (греч. *paradeigma* производное от двух слов *para* «сверх», «над», «через», «около» и *deigma* – «проявление», «манифестация»; дословно означает то, что предопределяет характер проявления, оставаясь «около», вне проявления). Термин парадигма использовался в античной и средневековой философии для обозначения некоего высшего, трансцендентного образца, предопределяющего структуру и форму материальных вещей. В философию науки его ввел позитивист Г. Бергман (1840-1904), истолковывая парадигму как некие общие принципы и стандарты исследования, выполняющие нормативную функцию. В современной философии науки термин «парадигма» активно разрабатывался и применялся критическим рационалистом Томасом Куном (1922-1996) для характеристики периода «нормальной науки», в рамках которого она выполняет проективно-программирующую и селективно-запретительную функции. Концепция парадигмы Т. Куна стала классической, и от нее отталкиваются при осмыслении парадигмальной методологии.

По нашему мнению, в концепции парадигмы Т. Куна можно выделить пять аспектов парадигмы: социально-психологический, эпистемологический, аксиологический, социологический и социокультурный. В социально-психологическом аспекте концепции Т.Куна парадигма выступает как предпосылочная структура научного познания. С точки зрения Куна, парадигма – это система теоретических, методологических и ценностных установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых на данном этапе исторического развития всеми членами научного сообщества, предопределяющая процесс научного познания. Этот социально-психологический смысл термина «парадигма» нередко воспринимается как ее главная характеристика. По мнению К. Бейли, научная парадигма, – это ментальное окно, через которое исследователь рассматривает мир.

В эпистемологическом аспекте парадигма – это образец, пример решения проблем, задач, используемый научным сообществом. «Под парадигмой, – писал Т. Кун, я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»¹. В концепции научной парадигмы Т. Куна значительная роль принадлежит нормативному значению крупных научных открытий, принятым в науке в целом и в тех или иных ее отраслях, методов научного исследования, разделяемых членами научного сообщества. С точки зрения Куна, парадигмой можно назвать одну или несколько фундаментальных теорий, получивших всеобщее признание и в течение какого-то времени направляющих научные исследования. Примерами подобных парадигмальных теорий являются физика Аристотеля, геоцентрическая система Птолемея, механика и оптика Ньютона, кислородная теория горения Лавуазье, электродинамика Максвелла, теория относительности Эйнштейна, теория атома Бора и т.п. Таким образом, парадигма воплощает в себе бесспорное, общепризнанное знание об исследуемой области явлений природы.

В аксиологическом аспекте «парадигма» – это совокупность убеждений и ценностных установок, которые объединяют научное сообщество, которые формируют у него особый «способ видения». Т. Кун подчеркивал большое значение в научной парадигме ценностного элемента – «разделяемых членами научного сообщества ценностей», цементирующие данное научное сообщество. Аксиологический компонент парадигмы, прежде всего, образуют ценности, идеалы и нормы научного познания. Ценности, идеалы и нормы – это социально-одобряемые и разделяемые членами научного сообщества представления о целях, к достижению которых следует стремиться, а также эталоны и образцы исследовательской деятельности.

Можно выделить два взаимосвязанных блока аксиологического компонента парадигмы – внутренний и внешний. Внутренний – это собственно познавательные ценности, идеалы и нормы, которые непосредственно регулируют процесс исследовательской деятельности. Этот блок включает в себя следующие формы: а) идеалы и

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11.

нормы объяснения и описания; б) доказательности и обоснованности знания; в) построения и организации знаний. Идеалы и нормы объяснения, описания, доказательности знания и его организации связаны между собой. В совокупности они задают обобщенную схему метода, обеспечивающего исследования объектов определенной системной организации.

Внешний компонент фиксирует роль науки и ее ценность для общества на определенном этапе исторического развития и регулирует ее отношения с различными социальными структурами. Среди этих ценностей важнейшей выступают практическая полезность, эффективность, повышение интеллектуального и образовательного потенциала общества, содействие научно-техническому, экономическому и социальному прогрессу, рост адаптивных возможностей человечества во взаимодействии с окружающей средой. Эти ценности оказывают существенное влияние на понимание самого смысла и задач научного исследования, задавая ему перспективу и оценивая степень приемлемости предлагаемых научных продуктов.

Эти ценности, а также связанные с ними этические принципы функционирования научного сообщества являются важными, но не определяющими ценностное содержание парадигмы. По нашему мнению, в качестве важнейшей ценностной составляющей той или иной научной парадигмы следует рассматривать определенное понимание рациональности. В.С. Швырев трактовал рациональность как определенную культурную ценность, которая реализуется в определенных нормах человеческого поведения¹. В.С. Швырев справедливо считал, что проблема рациональности в сущности своей, в своих истоках выступает как философско-мировоззренческая, поскольку она неизбежно оказывается связанной с осмыслением возможных типов отношения человека к миру, «вписывания» человека в мир. С точки зрения В.С. Швырева, суть рациональности, как философско-мировоззренческой проблемы, составляют поиски метафизически обосновываемой осознанной гармонизации человека и бытия. Он полагал, что рациональное отношение к миру решает с помощью своих средств и приемов задачи ориентации в мире, которые задаются не рациональностью как таковой, а общим контекстом человеческого существования. Расширение или, напротив, ограничение возможностей рационального начала в человеческом сознании и жизнедеятельности, в решении мировоззренческих вопросов в значительной мере определяется тем, как понимается само это рациональное начало². Близкой В.С. Швыреву позиции придерживается Карл-Отто Апель. Карл-Отто Апель определял рациональность как способность человека к обоснованию и самостоятельному конституированию содержания своего сознания³. Х. Патнэм и Э. Агацци также связывают научную рациональность с системой ценностей, существующих в обществе. По мнению Х. Патнэма, «понятие рациональности является лишь частью нашего представления о благе и человеческом процветании»⁴. Э. Агацци, опираясь на точку зрения И. Канта, пишет, что отличительной особенностью сферы человека и его деятельности является именно наличие долженствования. Он полагает, что «уместным назвать ценностями все проявления *долженствования*, т.е. все *идеальные модели*, действующие как регулятивные принципы для операций, исполнений действий и собственно человеческих действий»⁵. Деятельность, вдохновленная ценностями, таким образом, направлена на достижение идеала, выражающего эти ценности. Э. Агацци отмечает, что именно «благодаря нашей способности интенционально представлять себе идеальные сущности, некоторые

¹ Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. М.: Изд-во ПФ РАП, 1995. С. 3.

² Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. М.: Изд-во ПФ РАП, 1995. С. 3.

³ Цит. по: Назарчук А.В. Понятие рациональности в философии К.-О. Апеля // Вестник Московского Университета. Серия 7: Философия. 2003. №3. С. 52.

⁴ Цит. по: Макеева Л.В. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996. С. 34.

⁵ Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: МФФ, 1998. С. 11.

из них служат идеальными моделями нашей деятельности и ее ориентиром»¹. Основными свойствами научной рациональности являются следующие: объектная предметность (эмпирическая или теоретическая), стремление к максимально достигаемой определенности, точности, доказательности, проверяемости (эмпирической или аналитической), объективной истинности знания, открытость для критики, практическая применимость знания. Соответствие знаний этим критериальным признакам должно гарантировать объективную истинность научного знания, совпадение знания с фрагментами реального мира, которое исследует наука. Поэтому совокупность данных критериальных признаков научного знания рассматривается как идеал научности.

В социологическом плане научная парадигма может быть истолкована как социальная идеальная форма, выступающая в качестве идейно-ценностной скрепы научного сообщества. Именно приверженность к той или иной парадигме конституирует границы данного сообщества.

Социокультурный аспект парадигмы носит интегративный характер. Как отмечалось выше, парадигма имеет ценностное содержание. Она в качестве важного составного элемента включает в себя определенное понимание рациональности, идеалы и нормы объяснения, описания, доказательности знания и его организации связанные между собой. Однако этим не ограничивается аксиологический аспект парадигмы. По нашему мнению, научная парадигма как социальная идеальная форма не только в аксиологическом аспекте, но целостно, во всем своем объеме, включая и эпистемологическую, и социально – психологическую, и социологическую составляющие, выступает в качестве доминирующей ценности культуры научного сообщества в конкретный период времени. Именно статус общественной ценности и дает ей возможность выполнять нормативные и интегративные функции в данном сообществе. Исходя из этого, можно сделать вывод, что парадигма является ценностной формой социального взаимодействия. Научная парадигма функционирует как социальная ценность в общественном и индивидуальном сознании членов научного сообщества.

Т. Кун не дал четкой, однозначной дефиниции парадигмы. Как видно из вышеизложенного, в его работах она выступает и в качестве «теории, признанной научным сообществом», и «правилами и стандартами» научной практики, и «система методов», и «господствующие в научном сообществе ценности». Для того, чтобы это понятие приобрело эвристическое значение, и могло быть использовано для объяснения процессов в различных сферах общественной жизни, необходимо выработать его четкое определение, дать дефиницию. Для этого, прежде всего, следует найти родовое понятие. Данное понятие по нашему мнению, находится в смысловом ряду категорий: «принципы», «методология», «основания». Этимологически категория «принцип» производна от лат. *prīncipiūm* – начало, основа, первопричина. Принципы – это основополагающие положения. В обыденной и научной лексике принцип – это основание некой совокупности фактов и знаний, исходный пункт их объяснения или руководства к действию. В логике – принцип центральное понятие системы, представляющее собой обобщение и распространение некоего положения на все явления области, их которой данный принцип абстрагирован. Парадигма – это общие принципы деятельности конкретных ученых и всего научного сообщества в конкретный отрезок времени. Методология – система принципов и способов организации и регуляции теоретической и практической деятельности, система социально апробированных правил и нормативов познания и действия. Парадигма – это система методологических принципов, на основе которых осуществляется научно-теоретическая деятельность членов научного сообщества. Основания науки – это фундаментальные принципы, идеи, понятия и представления, господствующие в науке на том или ином этапе ее развития, на основе которых вырабатывались конкретные эмпирические знания и объясняющие их теории. Наряду с научной картиной мира и философскими основаниями, парадигма также является основанием науки в тот или иной конкретный период времени. Па-

¹ Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: МФФ, 1998. С. 14.

радика – это система эталонных теоретико-методологических оснований научного исследования.

Итак, можно дать такое определение парадигмы: парадигма – это социальная идеальная форма, предпосылочная структура научного познания, включающая в свое содержание систему теоретических, методологических и ценностных установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых на данном этапе исторического развития всеми членами научного сообщества.

Т. Кун сформулировал основные принципы парадигмальной методологии при анализе динамики науки. Эта методология может быть применена и для анализа других сфер общественной жизни, в том числе и сферы высшего образования. Без сомнения, существуют определенные культурные стандарты и методологические регулятивы, выступающие в качестве образцов при решении педагогических задач. Исторически на том или ином этапе развития педагогики формируются ее фундаментальные принципы, идеи, ценности, убеждения и технические приемы, выступающие в качестве образца педагогической деятельности. Поэтому при анализе педагогического процесса может быть использовано понятие «педагогическая парадигма». Педагогическая парадигма – это принятая широким научно-педагогическим сообществом система социальных ценностей, теоретических идей, принципов, экспериментальных и обучающих моделей и методов, образ мысли теоретиков и практиков обучения и воспитания, определяющие позиции педагогов и обучающихся, цели и содержание педагогической деятельности, педагогические технологии и уклад жизни учебных заведений.

Педагогический процесс наряду с обучением включает в себя и процесс воспитания. Поэтому в рамках использования парадигмальной методологии целесообразно ввести и понятие «парадигма воспитания». Парадигма воспитания – это устойчивая совокупность социально значимых идей и убеждений, раскрывающих сущность воспитания и неразрывно связанного с ним обучения молодежи, играющих решающую роль в создании и реализации общепедагогических моделей деятельности в реалиях соответствующих социальных институтов образования.

Понятия «педагогическая парадигма» и «парадигма воспитания» используются для анализа педагогического процесса в рамках социального института образования. Применение парадигмальной методологии к образованию как элементу культуры требует введение более широкого понятия – понятия «образовательная парадигма». При анализе этой сферы мы исходим из предпосылки, что образование является важнейшим элементом культуры. Цель образования – развитие человека, отвечающего требованиям того общества, в котором он живет, что находит свое отражение в связи образования и культуры. Иными словами, образование является культурным процессом, направленным на духовное становление личности в обществе.

В современной философии в трактовке культуры широко распространен структурно-семиотический подход к определению культуры, который понимает под "культурой" прежде всего совокупность знаковых или символических систем, нуждающихся в расшифровке. В таком понимании культура – это мир разделяемых людьми символов, слова и структуры некоего языка, а социокультурная реальность – значимый текст. Одной из ведущих структур культуры является такая существенная и устойчивая её духовная сфера, как ценности. Каждая культура – это своеобразный ценностный мир. Один и тот же элемент культуры выступает в разной степени ценностью для людей разных эпох и поколений, разных региональных и национальных культур. Интеллектуальный уровень, система мышления, эмоциональное состояние, система ценностей человека, эпохи, способ видения мира кодируются в культуре и выступают формой духовной связи поколений. Ведущим бытийным основанием культуры, упорядочивающим её бытие в целом и отдельных её явлений, выступает смысл, понимаемый как структура, констатирующая существование явлений в виде феноменов культуры. Следует признать, что именно смыслообразующие компоненты человеческой жизни образуют ядро, "душу" той целостности, которая называется культурой. Эти компоненты творятся и закрепляются в процессе создания, трансляции и воспроизводства куль-

туры. Фундамент культуры образует те её продукты, которые способны придать определённый смысл, определённую мотивацию человеческой деятельности. Культура – это система смыслов, определяющих мышление и поведение людей. Если скоро культура имманентна человеку, то ведущим её компонентом являются смыслы, определяющие собственно человеческие отношения с миром. Через смысл следует рассматривать науку, искусство, литературу, ценностные установки, жизненные ориентиры человека. Именно смыслом, выражаемом в языке и рассеиваемом по различным сферам социокультурной реальности, последняя собирается в единое целое и обретает целостный образ. Исходя из вышесказанного, культура понимается нами как система смыслов, определяющих поведение людей и обнаруживающихся в способах употребления и понимания задач языка.

Для анализа высшего образования как элемента культуры с позиций парадигмальной методологии, на наш взгляд, необходимо использовать понятие «культурная парадигма эпохи» как совокупность отношений сходства синхронных культурных элементов в конкретный исторический период. Как справедливо отмечает Н.Б. Бакач, «понятие «культурная парадигма эпохи» отражает некое смысловое единство культуры на конкретном отрезке времени, специфическую структуру культуры на протяжении относительно малых периодов культурного процесса»¹. На каждом конкретном историческом этапе существования и функционирования общества действует и развивается специфическая культурная парадигма. То есть, культурная парадигма эпохи – это фактор целостности, общности социокультурных форм и явлений, "цементирующий" эпоху в единое социокультурное целое. Культурная парадигма – это общестилевое единство эпохи в материальной культуре, мышлении, науке и образовании, иными словами, культурная парадигма – это совокупность социокультурных форм одной эпохи, взятая в их синхронной целостности. Основу культурной парадигмы, определяющей смысловую целостность культуры в определённую эпоху, следует искать в человеческом измерении культурной действительности, в том, что реально объединяет живых людей в пределах своего времени, своей эпохи, что делает их "единомышленниками" в своём кругу и "чужаками" для других. Основы культурной парадигмы в неких типических для культурно-исторических эпох принципах отношения людей к миру и своей собственной жизни, которые проявляются в определённых системах мотивации человеческой деятельности, в питающих её мотивах ценностных образованиях, усваиваемых массой индивидов, объединённых одной эпохой и трансформирующихся в их собственные осознанные и подсознательные установки. В сущности, эти установки, общие для людей, принадлежащих одному культурному времени, выражают способ осмысления ими своего общественного и индивидуального бытия и воплощают тот смысл, который они придают своей деятельности. В основе культурной парадигмы лежат способы объективации смыслов, определяющих бытие людей в социокультурной действительности, которые находят выражение в конкретных словах, идеях, вещах, способах решать жизненные задачи, в поступках. Культурная парадигма содержит в себе то общее, что составляет единство конкретной культурно-исторической эпохи и находит своё проявление в разных сферах культуры, в жизни разных социальных групп. Носители культурной парадигмы обладают неким общим подходом к жизни, общим её ощущением и могут принадлежать при этом разным социальным группам. Культурная парадигма – это язык или текст эпохи как способ знакового закрепления социокультурных представлений, который находит выражение в словах и вещах, в смыслах, которые создаёт каждая культурная эпоха. Это культурный код, определяющий способ мировосприятия данной культурной эпохи, выраженный в структуре её языка, а его грамматика в неявном виде включает в себе развёрнутые представления об устройстве социального универсума, об иерархии социальных смыслов, оп-

¹ Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. Волгоград, 1998. С. 9.

ределяющие мышление и поведение людей. Культурная парадигма, таким образом, — это образец формирования смысла бытия людей в культуре, способ упорядочения фактов действительности, который закрепляется и находит выражение в формах духовной и практической жизни. Она выступает ведущим способом бытия языка и материального мира, общей доминантой во всех сферах культурной жизни, являясь внутренним смысловым стержнем культурной целостности. Это культурный образец, на который ориентируются субъекты в процессе собственной идентификации, то есть в процессе обнаружения и осуществления своей культурной самости через выработку специфической модели постановки и решения жизненных задач.

С позиций парадигмальной методологии к классу культурных парадигм можно отнести и образовательную парадигму. Образовательная парадигма — это модификация культурной парадигмы, представляющая собой ценностно-смысловое, идейное основание образовательного процесса, которая доминирует на каком-либо этапе развития образования и которая предопределяет его цель, содержание, методы и способы достижения поставленной цели. Образовательная парадигма, так же как и научная парадигма, формируется в образовательном сообществе и выполняет в этом сообществе нормативную функцию. Образовательная парадигма — это культурный образец, на который ориентируются субъекты образовательной деятельности. С этой точки зрения образовательную парадигму следует рассматривать как образец постановки и общий подход к решению образовательных задач. Иными словами, образовательная парадигма — это культурный код, определяющий мировосприятие мышления и поведения людей, включенных в систему образовательной деятельности. Образовательная парадигма предопределяет культурные и ценностные смыслы образования как социокультурного явления. Образовательную парадигму следует рассматривать как доминирующую ценность культуры образовательного сообщества в конкретный период времени. Она выполняет нормативную и интегративную функции. Образовательная парадигма задает направление, цели деятельности образовательного сообщества, а также методы реализации этих целей. В конечном счете, образовательная парадигма выступает как ценностная модель развития общества.

Понятие образовательной парадигмы отражает смысловое единство института образования на конкретно-историческом отрезке времени, специфическую структуру образовательной культуры на протяжении относительно малых периодов исторического развития. Образовательная парадигма выступает ведущим способом бытия института образования, являясь его внутренним смысловым стержнем.

Тесная связь образовательной парадигмы с ценностями образования, которые определяют направление образовательного процесса, позволяет объяснить направление изменения образовательных парадигм. Обосновывая ту или иную парадигму образования, мы реагируем на «вызовы» общества, личности, государства, предлагая модель образовательной системы, в которой содержатся ответы на вопросы о ценностях и целях образования, о его функциях, об организации, содержании и технологиях обучения воспитания, о способах взаимодействия основных субъектов образования.

В мировом образовательном процессе в настоящее время действуют три основные образовательные парадигмы.

Традиционалистская парадигма имеет в своей основе идею о «сберегающей» консервативной (в положительном смысле) роли образовательной системы, цель которой заключается в сохранении и передаче молодому поколению наиболее существенных элементов культурного наследия человеческой цивилизации — необходимого многообразия важных знаний, умений и навыков, а также идеалов и ценностей, способствующих как индивидуальному развитию, так и сохранению социального порядка. Поэтому содержание образовательных программ должно основываться на базовых, основных, выдержавших испытание временем знаниях, умениях, навыках, обеспечивающих функциональную грамотность и социализацию индивида.

Рационалистическая парадигма, наоборот, в центр внимания ставит не содержание, а эффективные способы усвоения учащимися различных видов знаний. Цель образовательного учреждения, с точки зрения последователей данной парадигмы, — сформировать

ровать у учащихся адаптивный «поведенческий репертуар», соответствующий социальным нормам, требованиям и ожиданиям культуры своего сообщества, и осуществить подготовку узкоспециализированных работников предметно-ориентированной квалификации. В рационалистической парадигме довольно сильно выражен инструментально-технологический подход к образовательной деятельности. Технократизм этой парадигмы определяет необходимость формулировки и детализации целей обучения таким образом, чтобы из них однозначно явствовало, какими умениями и навыками должен обладать выпускник образовательного учреждения. Основными методами такого обучения выступают изучение, тренинг, тестовый контроль, индивидуальное обучение, корректировка.

Несомненно, традиционалистская и рационалистическая образовательные парадигмы обладают своими достоинствами, но, ни та, ни другая не ставят в центр внимания студента как субъекта жизни, как свободную и духовную личность, имеющую потребность в саморазвитии. Эти принципы реализуются в гуманистической парадигме. Главной ценностью образования в рамках гуманистической парадигмы является человек, личность. Гуманистическая парадигма ставит в центр внимания студента как субъекта жизни, как свободную и духовную личность, имеющую потребность в саморазвитии. Она ориентирована на развитие внутреннего мира, на межличностное общение, диалог, на помощь в личностном росте. Отношения между преподавателем и студентом выстраиваются на принципах диалога, сотрудничества, сотворчества, взаимной ответственности за свободный выбор своей позиции. В свободном субъектом взаимодействии участники образовательного процесса обмениваются не только знаниями, но и личностными смыслами. Смысловой уровень образовательного процесса ставит в центр внимания индивидуальность, внутренний мир ученика, познание мира путем обмена духовными ценностями. С точки зрения гуманистической парадигмы, с одной стороны, образование должно быть направлено на формирование индивидуальности человека, должно способствовать его самосознанию и самодеятельности, а с другой — должно преследовать цель формирования человека, умеющего и желающего жить с другими людьми, т.е. воспитывать в человеке идеалы и нормы толерантности. Базовыми принципами ценностной системы гуманистической парадигмы в культуре информационного общества, по нашему мнению, являются субъектность, толерантность и конструктивное самоутверждение личности. При этом центральным системообразующим принципом гуманистической парадигмы выступает принцип субъектности. Однако реализации самого по себе принципа субъектности недостаточно для оценки уровня развития гуманистической ценностной системы личности и общества, так как связанная с ним самодетерминация и активность могут быть сориентированы и на антигуманные цели. Подлинное гуманистическое измерение принципу субъектности придают такие ценностные ориентации субъекта, как ответственность, признание равноценности Я и Другого; конструктивное самоутверждение. На основе этих ценностей формируется активная, толерантная, ответственная, самодостаточная, успешная личность.

Таким образом, парадигму с позиций философии культуры следует рассматривать как феномен самой культуры и как философско-культурологическую категорию, социальную идеальную форму не только в аксиологическом аспекте, но целостно, во всем своем объеме, включая и эпистемологическую, и социально – психологическую, и социологическую составляющие, выступающую в качестве доминирующей социальной ценности культуры того или иного сообщества в конкретный период времени. Образовательная парадигма — это модификация культурной парадигмы, представляющая собой ценностно-смысловое, идейное основание образовательного процесса, которая доминирует на каком-либо этапе развития образования и которая предопределяет его цель, содержание, методы и способы достижения поставленной цели. Образовательная парадигма предопределяет культурные и ценностные смыслы образования как социокультурного явления, это культурный образец, на который ориентируются субъекты образовательной деятельности. С этой точки зрения образовательную парадигму следует рассматривать как образец постановки и общий подход к решению об-

разовательных задач. Иными словами, образовательная парадигма — это культурный код, определяющий мировосприятие, мышление и поведение людей, включенных в систему образовательной деятельности. Вместе с тем, саму образовательную парадигму следует рассматривать как доминирующую ценность культуры образовательного сообщества в конкретный период времени. Она выполняет нормативную и интегративную функции. Образовательная парадигма задает направление, цели деятельности образовательного сообщества, а также методы реализации этих целей. В конечном счете, образовательная парадигма выступает как ценностная модель развития общества. Базовыми принципами ценностной системы гуманистической парадигмы в культуре информационного общества, по нашему мнению, являются субъектность, толерантность и конструктивное самоутверждение личности.

Список литературы

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // <http://dmp.mgorn.ru>
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
3. Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. М.: Изд-во ПФ РАП, 1995.
4. Назарчук А.В. Понятие рациональности в философии К.-О. Апеля // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. №3.
5. Макеева Л.В. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996.
6. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: МФФ, 1998.
7. Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Волгоград, 1998.

HUMANISTIC EDUCATIONAL PARADIGM AS AXIOLOGICAL BASEMENT OF CONTEMPORARY HIGHER EDUCATION

The analyses of the notion 'paradigm' is given in the article and the attempt of its practice in philosophy of education is made to work out humanistic educational paradigm as axiological basement of contemporary higher education. The notion of scientific paradigm is examined and the main aspects are determined. The significance of historical type of rationality as used in the development of scientific paradigm and its philosophical vision; the connection of the notions 'paradigm' with 'principle', 'methodology', 'basement' is analyzed.

In the article the possibility of application of the notion 'paradigm' and principles of paradigm methodology in the sphere of philosophy of education is examined. The following notions such as 'teaching paradigm', 'bringing up paradigm' and 'cultural paradigm of the epoch' are suggested and determined.

On this basement the notion of 'educational paradigm' as the modification of 'cultural paradigm' is presented.

Three main educational contemporary paradigm are distinguished: traditional, rational and humanistic. The humanistic educational paradigm, based on the principle subjectivity and a personality, is suggested as the perspective axiological principle of higher education development.

Key words: Philosophy of culture, philosophy of education, axiology, paradigm, teaching paradigm, paradigm of education, educational paradigm, cultural paradigm, humanistic educational paradigm, higher education.

L.S. Perevozchikova

*Voronezh State
University
of Architecture
and Building*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ВЕКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

А.А. Радугин

*Воронежский
государственный
архитектурно-
строительный
университет
e-mail:
aradugin@yandex.ru*

В статье общеевропейское образовательное пространство рассматривается как социокультурный феномен и раскрываются условия формирования в этом пространстве компетентности специалиста.

Ключевые слова: общеевропейское образовательное пространство, социокультурный подход, методология, компетентностный подход, компетенции, компетентность.

В современном мире благосостояние страны зависит не только от уровня развития базовых отраслей общественного производства, но и от уровня науки, культуры, образования. Образование является систематизирующим фактором, а качественное образование – основой современного развития и устойчивого экономического роста. Образовательная система России в ее нынешнем состоянии, несмотря на многие достоинства, не отвечает запросам современного уровня развития общества. Руководство страны и академическое сообщество предпринимают значительные усилия по модернизации системы образования. Одним из важнейших аспектов этих усилий является стремление России войти в общеевропейское образовательное пространство.

В контексте происходящих изменений возникает потребность более внимательно и обстоятельно рассмотреть социокультурные и методологические аспекты модернизации российского образования. С этой целью, прежде всего, необходимо разобраться в том, что такое «образовательное пространство» и на каком методологическом основании формируется общеевропейское образовательное пространство.

Понятие «пространство» является одним из фундаментальных философских понятий. Изучение пространства как формы материи началось в античной философии, в которой сложилось два основных подхода – субстанциональный, рассматривающий пространство как вместилище, и атрибутивный, рассматривающий пространство как порядок вещей. Эти подходы представлены и философией Нового времени. Однако, с появлением стройных концепций мировой истории человечества возникает новое понятие – социальное пространство. Социальное пространство, с позиций философии, носит нефизический характер в том смысле, что его бытие задается не движением тел, не натуральными свойствами вещей, не природными факторами, а смыслами и социальными формами жизнедеятельности человека. С точки зрения социальной философии, человеческая деятельность формирует жизненный мир (пространство) как основу человеческого существования. В философии под социальным пространством понимается социально освоенная сфера бытия человека, среда их жизнедеятельности и отношений на основе определенных норм, ценностей, традиций, смыслов.

Во второй половине XIX века в осмыслении пространства появляется тенденция к его дифференциации, которая связана с разграничением видов деятельности – разные виды деятельности человека формируют свои пространства (Э.Гуссерль). С.Н.Иконникова формулирует аксиологическую теорию культурного пространства и рассматривает пространство как культурно-интегрирующее начало существования и развития народов и как ценность.¹

¹ Иконникова С.Н. Культурное пространство как основа интеграции народов / С.Н.Иконникова // ...; Иконникова С.Н. Культурное пространство как ценность и национальное достояние/ С.Н.Иконникова// Иконникова С.Н. История культурологических теорий. 2-е изд. – СПб., 2005. – С.35-55.

Предметом нашего интереса является образовательное пространство. Понятие образовательного пространства объединяет два основных концепта – пространство и образование, которые находятся в тесном взаимодействии и в результате этого взаимодействия образуют специфическую социокультурную систему. Это синтетическое понятие отражает некую образовательную протяженность, структурное сосуществование и взаимодействие любых возможных образовательных действий и событий. С этих позиций образовательное пространство следует рассматривать как динамическое единство субъектов образовательного производства и системы их отношений, на основе которых формируется образовательная среда.

Основой образовательного пространства является образовательная культура общества. Образовательная культура общества имеет онтологическое измерение: образовательная культура общества является необходимым составным элементом социального бытия людей во всем богатстве его материальных и духовных проявлений, как процесс, развивающийся в социальном времени и пространстве, характеризующийся многообразием исторических событий и фактов. Образовательная культура общества выступает как составная часть общей культуры общества (национальной культуры). Поскольку образовательная культура функционирует в общекультурной среде, все её элементы, стороны и отношения пронизаны общим культурным содержанием. Вместе с тем, образовательная культура представляет собой относительно самостоятельную подсистему общества, отражающую своеобразие культурной деятельности, обуславливающую, в первую очередь, специфику системы целей и ценностей, реальное место института образования в обществе. В этом смысле образовательная культура общества представляет собой пространство специфических материальных и идеальных форм, норм и ценностей, в которых осуществляется процесс развёртывания сущностных сил человека.

В качестве характеристик образовательного пространства выступает способ его организации и насыщенность образовательными ресурсами. Г.Н.Сериков характеризует образование как особую искусственно созданную «зону» окружения человека, в которой осуществляется жизнедеятельность людей – образовательную среду. Образовательная среда сама является субъектом образовательного производства. В образовании человек не только взаимодействует с кем-то, но и контактирует с искусственными атрибутами образования, тем самым, осуществляя не только субъект-субъектные взаимодействия, но и субъект-объектные контакты с представителями образовательного пространства. Образовательное пространство специально организуется для того, чтобы условия образования человека способствовали приемлемому качеству социально-востребованных результатов и с тем, чтобы условия образования можно было адаптировать к особенностям человека.

По мнению Г.С. Серикова, характерной особенностью образовательного пространства является то, что оно объективно предлагает информационное обеспечение самообразования участников образования, которое проявляется в процессах обмена информацией с окружением. Такой обмен информацией осуществляется по четырем координатам:

- 1) нормативно-регламентирующей, которая представлена спектром законов, других законодательных документов, в которых отражаются права и обязанности участников образования, регламентируются условия их жизнедеятельности;
- 2) перспективно-ориентирующей, представленной доктринами образования или программами развития образования, которые определяют перспективы образования на обозримо длительный период;
- 3) коммуникативно-информационной, которая создает условия для обмена информацией и представлена специально отобранными сведениями о реальном мире и о роли человека в нем, служит специфическим средством обмена между участниками образования;
- 4) деятельностно-стимулирующей, предназначенной для побуждения участников образования не только к исполнению своих обязанностей, но и к удовлетворению познавательных и иных духовных потребностей.¹

¹ См. Г.Н. Сериков. Образование и развитие человека. М., 2001.

На основе вышеизложенного можно дать следующее определение образовательного пространства: образовательное пространство – это разновидность социокультурного пространства, базирующаяся на образовательной культуре общества, и связанная с локализацией образовательных услуг, образовательной средой, образовательной инфраструктурой общества, образовательными системами, организационными структурами, обеспечивающими основные этапы непрерывного и последовательного получения образования, интеллектуальной системой, традициями, взаимодействующими в соответствии с вырабатываемыми сообществами целями, ценностями и значениями (смыслами).

Предметом нашего исследования является общеевропейское образовательное пространство. Общеевропейское образовательное пространство – это социально-географическое пространство, в пределах которого взаимодействуют субъекты образовательного процесса. Общеевропейское образовательное пространство строится на основе единых содержательных, организационных, институциональных и правовых принципов.

Общеевропейское образовательное пространство формировалось и продолжает формироваться на основе болонского процесса. Болонский процесс – это процесс интеграции образовательных систем Европы, предполагающий их структурную перестройку на основе реформирования национальных систем высшего образования, изменение образовательных программ и необходимых институциональных преобразований в высших учебных заведениях.

В отличие от географического и геополитического подходов к пониманию образовательного пространства, которые рассматривает общеевропейское образовательное пространство просто как территорию государств, подписавших болонскую декларацию, мы, с позиций социокультурного подхода, акцентируем внимание на социально-ценностных аспектах формирования и функционирования образовательного пространства. С нашей точки зрения, общеевропейское образовательное пространство – это не просто вмещилище национальных образовательных систем, но это сфера, где задаются и реализуются через всю совокупность образовательных институтов основные цели общеевропейской и национальной образовательной политики, где функционируют специальные связи и отношения между государствами и их образовательными системами, направленные на всемерное расширение возможностей развития личности. Иными словами, общеевропейское образовательное пространство – это социокультурное пространство, где европейское высшее образование функционирует на широкой социокультурной арене, базируясь на высоком качестве, разнообразии и богатых традициях.

Как отмечают специалисты, на современном этапе развития российского высшего профессионального образования доминирует профессионально-квалификационный подход, который сформировался на базе требований к специалисту в условиях культуры индустриального общества. Профессионально-квалификационный подход предполагает, что профессиональная образовательная программа увязывается, как правило, с объектами (предметами) труда, соотносится с их характеристиками, т.е. имеет узко и/или точно ориентированную направленность. Образовательная политика в рамках профессионально-квалификационного подхода ориентирована на подготовку узко специализированных работников предметно ориентированной квалификации. «Квалификация» означает, прежде всего, требования соответствия профессиональной деятельности человека в качественном и количественном выражении, предметам труда, т.е. то, что он должен знать и уметь в производственной сфере, и не берет в расчет то, какие способности, готовности, знания и отношения эффективны для успешной жизнедеятельности человека в обществе. Таким образом, главной ценностью в условиях профессионально-квалификационного подхода являются знания и умения.

В культуре постиндустриального, информационного общества ценность знаний и умений не утрачивается, но признается недостаточной. В качестве наиболее важной ценности образовательной культуры постиндустриального общества признается компетентность. Поэтому ценностной и методологической основой образовательного процесса в общеевропейском образовательном пространстве должен стать компетентностный подход. Причины перехода европейской системы образования на компетентностную модель образования связаны с серьезными изменениями в сфере производства и общест-

венных отношений, которые произошли на постиндустриальной стадии развития общества. Международные эксперты отмечают ряд таких важных изменений. В производственной сфере теряется идентификация устойчивых профессий, профессии теряют свое прежнее содержание, «мутируют». Разделение труда, связанное с дроблением производственных функций, замещается их целостным, системным (контекстным) «предъявлением». Растет ненадежность рабочих мест, поскольку все больше сотрудников связаны с гибкими краткосрочными проектами и коллективами, которые не обязательно принадлежат одной фирме.

Информатизация общества, свойственная постиндустриальной цивилизации, наполняет новым содержанием профессиональную деятельность человека: на первое место в профессионализации современного общества выходят информационные технологии и интеллектуальный труд. В наши дни информация пронизывает все сферы человеческого бытия: массовое индустриальное производство вещей уходит в прошлое, на смену ему приходит массовое производство знаний. Главной ценностью постиндустриального общества становится не высокий уровень специальных знаний, умений и навыков, а компетентность в современном понимании этого понятия, как комплексное явление, выражающееся в способности человека не только к творческому выполнению профессиональных обязанностей, но и к самореализации в профессиональной деятельности собственных сущностных сил, к гармоничному сочетанию высокопрофессиональных умений и навыков с широким мировоззренческим подходом к анализу и решению проблем.

Возрастание целостности мира, повышение взаимосвязи различных сторон жизни, возрастающий динамизм их развития предполагает введение в повседневный оборот информации о сложных процессах глобального характера, а также требования опережающего развития образования. Образование должно быть ориентировано на будущее, на перспективу, на такой образ мира, который обеспечит не только выживание, но и устойчивое развитие социума. А это значит, что образование не может быть ориентировано только на настоящее, оно не может лишь репродуцировать интеллектуальные ресурсы, информацию, знания, рассчитанные на решение проблем наличного бытия. Образование должно готовить людей, способных решать задачи будущего, поэтому, оно должно опережать наличное бытие, экстраполировать образовательные технологии и знания на будущее. Иными словами, образование должно носить инновационный характер.

Опережающее инновационное обучение ориентировано на формирование способности к предвидению, предвосхищению событий, ориентацию человека на сознательный выбор альтернатив, учет вариативности и неопределенности будущего. Такое предвидение, предвосхищение, ориентация на будущее дает работу воображению, помогает человеку определить траекторию своей жизнедеятельности, строить различные модели поведения и выбирать ту, которая действительно необходима человеку. При этом опора не только на прошлый опыт, но и творчество, оказывается определяющей.

Образованный человек в постиндустриальной, информационной цивилизации – это не только и не столько человек знающий, сколько подготовленный к жизни и разнообразным видам деятельности. Современная профессиональная специализация уже не так тесно связана с прежним разделением труда. Поэтому в содержании профессии все в большей мере реализуется творческий потенциал человека. Это ставит новые требования к профессиональной подготовке людей, которая в условиях постиндустриального общества должна сочетать в себе специальные и общеобразовательные компоненты. Только комплексное образование, включающее в себя как специальные знания, так и общечеловеческие культурные ценности, может стать главным фактором успешной реализации тысяч профессий.

Решить встающие перед институтом высшего профессионального образования проблемы возможно, на наш взгляд, на основе методологии компетентностного подхода. Главная задача компетентностной модели высшего профессионального образования включить в квалификационные качества специалиста и глубже задействовать ценностно-смысловой, эмоционально-волевой и креативный компоненты личности. В этой связи компетентностный подход следует рассматривать как новую концептуально-методологическую базу современного образования, которая должна лечь в основу

образовательной политики общеевропейского образовательного пространства. На его основе возможно общесистемное развитие высшего образования не только в сторону запросов экономики и рынков труда через усиление личностной и социальной значимости образования, но и формирование устойчивой мотивации к саморазвитию личности. Компетентностная модель образования направлена на развитие, актуализацию ценностно-смысловых, эмоционально-волевых, креативных и других личностных качеств, которые наряду с операционально-техническими знаниями, способностями и умениями, могли бы давать дополнительный эффект в производственной деятельности человека.

Разберемся, что означает методология компетентностного подхода в высшем профессиональном образовании.

Компетентностный подход – это методология образовательного процесса, которая ставит в качестве его цели (результата), формирование компетентности личности на основе освоения компетенций. При компетентностной модели образования язык компетенций и компетентности используется в образовательных программах в качестве языка описания академических и профессиональных направлений и профилей (вместо дидактических единиц 2-го ГОС ВПО). Как отмечается в проекте Tuning, «средства языка компетенций позволяют описать общие опорные точки для различных предметных областей, предлагая некую систему координат для академического сообщества (речь идет прежде всего о предметных компетенциях)» В Руководстве пользователя ECTS компетенции определяются как динамическая комбинация характеристик, способностей и позиций, выступающая целью образовательных программ¹.

При компетентностном подходе результат образования – это освоенные компетенции, на основе которых формируется компетентность. Иными словами, компетентностный подход описывает результат и качество образовательного процесса на основе категорий «компетенция» и «компетентность». Результаты образования в компетентностной модели – это ожидаемые и измеряемые конкретные достижения студентов и выпускников вузов, выраженные на языке компетенций и компетентностей, которые описывают, что должен будет в состоянии делать студент/выпускник по завершении всей или части образовательной программы.

Чтобы разобраться в сущности компетентностного подхода надо уяснить, что такое компетенция и компетентность, и каково между ними взаимодействие, и только на основе этого может быть понята содержательная сторона образовательного процесса и его конкретные и конечные результаты. Анализ специальной литературы свидетельствует о сложности, многомерности и неоднозначности современной трактовки этих понятий. Рассмотрим внимательнее содержание понятий «компетенция» и «компетентность».

Большой энциклопедический словарь поясняет, что этимологически понятие «компетенция» происходит от латинского *competentia* – «принадлежность по праву», и означает: 1) круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретного органа или должностного лица, или 2) знание и опыт в той или иной области. Термин «компетентность» является производным от слова «компетентный». Современный словарь иностранных слов трактует понятие «компетентный» (лат. *competens* – соответствующий, способный) как обладающий кругом прав и полномочий какого-либо учреждения, лица или кругом дел, вопросов, подлежащих чьему-либо ведению.

Таким образом, исторически эти термины первоначально связывали с правом. Под компетенцией понимали полномочия, права и обязанности, предоставленные законом, иным нормативным актом государственному органу или должностному лицу. Компетенция – это разрешенная правом форма властвования субъекта. Компетентность же – ответственность способностей и умений субъекта осуществлять компетенцию. В современном обществе понятия «компетенция» и «компетентность» приобрели более широкое социальное звучание. Эти понятия часто используются для определения как внешних (поведенческих) так и внутренних (личностных, потенциальных) качеств человека. В связи с этим от-

¹ ECTS Users' Guide. European Credit Transfer and Accumulation System and the Diploma Supplement.

мечается также, что понятия «компетенция» и «компетентность» характеризуют деятельные возможности личности в социальном контексте деятельности. Толковый словарь русского языка Д.И. Ушакова трактует компетенцию как круг вопросов, явлений, в которых человек обладает авторитетностью, познанием, опытом. А компетентный – это человек осведомленный, являющийся признанным знатоком в каком либо вопросе. Обычно говорят: «он компетентен в этих вопросах», «он компетентен в этой сфере деятельности». В таком случае компетентность характеризует способность человека к определенному виду и уровню деятельности, компетентностной характеристикой является содержательная составляющая этой способности, а термин «компетенция» может быть использован для обозначения характеристики содержательной составляющей этой способности. Иными словами, понятия «компетенции» и «компетентность» характеризуют определенные психологические качества личности.

В педагогике понятие «компетенция» характеризует деятельные возможности личности в социальном контексте деятельности. В Глоссарии терминов ЕФО(1997) компетенция характеризуется как способность делать что-либо хорошо или эффективно. В европейском проекте TUNING, понятие «компетенция» включает: знание и понимание (теоретическое знание в академической области, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте).¹ А это означает, что компетенции, с точки зрения TUNING – это не столько, знаю что, сколько, знаю как...знаю для чего, во имя чего.. По определению авторов макета ГОСа ВПО 3-го поколения, «компетенция – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области».² Компетенции представляют собой сочетание характеристик личности (относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственностям), которые описывают уровень или степень, до которой некоторое лицо способно эти компетенции реализовать.

В педагогической литературе также подчеркивается обобщенный интегральный характер понятия «компетенция» по отношению к таким характеристикам специалиста как «знания», «умения», «навыки» (но не противоположный им, а включающий в себя все их конструктивное содержание). Встает вопрос: В чем же добавочное значение компетенций по отношению к квалификации, обуславливающих компетентность специалиста? Немецкий исследователь Дж. Еспенбек рассматривает компетенцию как «результат самоорганизации», акцентируя внимание на формирование «внутренних», личностных качеств выпускника. По его мнению, в компетенции способности, знания и умения оказываются связанными с ценностями на основе самоорганизации и реализуются посредством волевых импульсов³.

А это означает, что понятие «компетенция», помимо профессиональных знаний, умений и навыков, включает в себя многие другие психологические характеристики личности. Специалисты подчеркивают, что компетенции не могут описываться только в терминах знаний, умений, навыков и поэтому имеют свою собирательную терминологическую специфику. По мнению В.И. Байденко, «при написании компетенций следует использовать глаголы в неопределенной форме: «понимать», «иметь» (научное представление), «владеть», «уметь», «обладать» (способностью), «быть» (готовым, подготовленным), «знать», (стремиться) «использовать», «учитывать», «обосновывать», «стремиться» (к совершенствованию), «выражать» и т.д. Компетенции также целесообразно формулировать в

¹ Tuning Educational Structures in Europe. Line 1. Learning Outcomes. Competences. Methodology. 2001 – 2003. Phase 1/ <http://www.relintdeusto.es/TuningProject/index.htm>.

²Макет Федерального Государственного Образовательный Стандарт Высшего Профессионального Образования. М., 2007. С.10.

³ Espenbeck John, Heyse Volker. Die kompetenzbiographie. Strategien der Kompetenzentwicklung durch selbstorganisiertes Lernen und multimediale Kommunikation. Waxmann Munster / New York, Munchen / Berlin. 1999. S.34.

виде концентрированных кратких предложений с помощью существительных: способность, навыки, знания, готовность, приверженность, понимание, ответственность и т.п.¹

В работе основоположника компетентностного подхода Дж. Равена «Компетентность в современном обществе», изданной в Лондоне в 1984 году, дано толкование компетентности, которое, по сути совпадает с вышеизложенным пониманием компетенции. По его словам, это явление «состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга,... некоторые компоненты относятся скорее к когнитивной сфере, а другие к эмоциональной, эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составной части эффективного поведения».²

В соответствие с таким подходом ту или иную компетентность можно представить в качестве сложного структурного образования, включающего в свое содержание всю совокупность освоенных компетенций. В структурном плане компетентность и компетенции совпадают. По мнению Ю.Г. Татура, физической моделью описанного явления может быть «слоеный пирог» (образованность специалиста), к котором есть слой «теста» (скажем знания), «слой варенья» (умения), «слой глазури» (ценностные ориентации) и т.п. Если его разрезать на куски (компетентности), то каждый из них будет в миниатюре повторять структуру «торта». Иногда «торт» украшают несколькими, скажем, «ягодами» и они не попадают на каждый «кусочек». Значит, эти украшения не являются критериальными характеристиками качества «пирога».³

Такой «кулинарный подход» дает некоторое образное представление о структуре компетентности, однако из него нельзя понять, чем отличаются компетенции от компетентности и, следовательно, понять сам механизм формирования компетентности на основе компетенций. И.А. Зимняя, основываясь на концепции психолингвиста Н.Хомски рассматривает взаимоотношения компетенций и компетентности с позиций взаимоотношения понятий «потенциальное» и «актуальное», «внутреннее» и «внешнее», «содержание» и «форма». С точки зрения И.А. Зимней, «компетенции — это некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных деятельностных проявлениях»,⁴ Иными словами, компетенция может быть понята как некоторый образ, программа, сценарий, правила, а компетентность — как актуализация, актуальная реализация этой потенции личностью — ее личностных свойств, и неизбежно включает в себя такие личностные образования, как уровень притязаний, направленность, целеполагание, эмоционально-волевою регуляцию, ценностно-смысловые отношения и др.

Нам представляется, что с точки зрения педагогической психологии такая трактовка взаимоотношения компетенций и компетентности весьма продуктивна. Однако она недостаточна для раскрытия содержания понятий «компетенция» и «компетентность», так как и не раскрывает механизм их взаимодействия в процессе формирования компетентности специалиста.

По нашему мнению, этот механизм возможно раскрыть с помощью системной методологии. Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих его механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. В основе системной методологии лежит принцип системности, который утверждает положение о том, что все предметы и явления мира — это системы различных типов и видов целостности и сложности. На базе этого принципа складывается

¹ Болонский процесс: середина пути/ под научной редакцией В.И.Байденко. М., 2005. С. 117.

² Равен Дж. Компетентность в обществе: Проблемы, заблуждения, перспективы. М.: "Когито-Центр", 2002. — С. 19.

³ Татур Ю.Г. Компетентностный подход^к в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. С.10.

⁴ Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. №5. С. 41.

целая сеть философских и общенаучных понятий: система, элемент, часть, целое, целостность, связи, интегратор, аттрактор, межсистемное взаимодействие и др.

По нашему мнению, и компетенция, и компетентность представляют собой системы. Как известно, этимологически термин «система (systema)» в переводе с греческого означает составленная из частей. В современной науке система трактуется как упорядоченное и целостное взаимодействие частей, элементов. Часть – это предмет, процесс, явление, входящий в качестве составного элемента в содержание целого. В данном случае частью является тот или иной элемент компетенции. Целое есть предмет, процесс, явление представляющий собой органическую совокупность составляющих его частей. Целое может представлять собой кучу частей, элементов. Поэтому для понимания системы большое значение имеет характер связи и взаимодействия элементов. Система характеризуется, прежде всего, целостностью. В системе целостность характеризуется новыми свойствами и качествами, не присущими отдельным частям, но возникающая в результате их взаимодействия в определенной системе связей. В этом взаимодействии частей и целого ведущей стороной является целое. В свою очередь, части, детерминируясь целым, не являются пассивным его продуктом, а представляют собой активное начало, порождающее в процессе взаимодействия систему в той же степени, в какой они сами порождены системой. Они активно воздействуют на систему, формируя те или иные ее параметры или, по крайней мере, влияя на них.

Компетенция как система включает в себя следующие элементы:

- 1) когнитивную, познавательно-знаниевую (осведомленность, представление, понимание, знание),
- 2) деятельностно-практическую (опыт практического применения знаний в различных ситуациях – умения),
- 3) мотивационную (ценностно-смысловое отношение к знаниям и умениям как органическая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте);
- 4) регулятивную, предполагающую эмоционально-волевую регуляцию осуществления компетенции, проявляющуюся в мобилизации эмоционально-волевых качеств личности, в готовности, способности ее реализации.

В свою очередь, в данной системе можно выделить две более крупные подсистемы: первая – познавательно-знаниевая и деятельностно-практическая (умения) образуют содержательную сторону компетенций, а вторая, мотивационная и регулятивная – энергетическую, поскольку они поведению и деятельности личности придают энергетический импульс и осуществляют их регуляцию.

Главным отличительным признаком системы является ее интегративное качество, целостность, не свойственное образующим ее частям и элементам, но присущее системе в целом. Интегративное качество генерируется в процессе становления системы. Оно носит целостный характер и в то же время выступает гарантом данной целостности, в том числе, за счет преобразования компонентов соответственно природе системы в целом. Такая интеграция становится возможной благодаря наличию в системе системообразующего компонента, притягивающего к себе все другие компоненты и создающего то самое единое поле тяготения, которое и позволяет множеству частей, элементов стать целостностью. И. Пригожин и И. Стенгерс такой элемент системы называли аттрактор. Под аттрактором (греч. *attrahere* – притягивать) понимается фактор, притягивающий к себе многообразные элементы и упорядочивающий их в систему.

Компетенции основываются на знаниях, умениях и навыках. Знания, умения и навыки – это содержательный фундамент компетенций. Без них человек не может успешно действовать в какой-либо сфере производства или услуг. Однако для компетентности человека, наряду со знаниями, умениями и навыками, т.е. операционально-технологическим содержанием профессиональной деятельности, необходимы еще и личностные, психологические предпосылки: мотивация к деятельности и способность реализовать свой операционально-технологический потенциал, трансформировать его в успешную деятельность. Компетенция характеризует способность и готовность личности специалиста реализовать свой образовательный потенциал – знания, умения и навыки, креативные возможности и т.д. для профессиональной деятельности. И эта способность и готовность становится реаль-

ной, действенной, актуальной, если задействованы механизмы мотивационной, ценностно-смысловой сферы личности. Мотивация – это совокупность психических процессов, которые придают поведению энергетический импульс, на основе которого осуществляется регуляция деятельности и поведения человека. Мотивационный, ценностно-смысловой элемент, по всей видимости, и является аттрактором компетенций личности. Он стягивает все элементы в систему. Для компетенций в ценностно-смысловом аспекте наиболее важным является ответственность. Компетенция – это зона ответственности. Основная идея компетенции может быть сформулирована следующим образом: в этой предметной сфере я могу(умею)делать(действовать) хорошо, эффективно, на достаточном уровне, и я отвечаю за положительный результат во всех аспектах: технологическом, экономическом, экологическом, гуманистическом итд.

Термин «компетентность», служит для обозначения интегрированных качеств выпускника вуза, т.е. характеризует результат процесса образования. Компетентность не может принципиально отличаться по содержанию от компетенций. Освоенные компетенции образуют основу компетентности, она вырастает из освоенных компетенций. Поскольку компетентность формируется на основе компетенций, то все составные элементы компетенций входят в состав компетентности. С позиций системного подхода взаимоотношения между компетенцией и компетентностью, во-первых, можно интерпретировать как взаимодействие систем различно уровня. Компетенция, в таком случае может быть рассмотрена как система первого уровня, а компетентность – более высокого, второго уровня. Поэтому, во-вторых, взаимоотношение компетенций и компетентности следует рассматривать на принципах взаимоотношения части и целого, элемента и системы. Часть – это предмет, процесс, явление, входящий в качестве составного элемента в содержание целого. В данном случае частью является та или иная компетенция.

Вместе с тем, поскольку компетентность является системой второго уровня, то основные элементы компетенций в ней претерпевают определенную трансформацию. Первый, когнитивный, познавательно-знанийый выступает как осведомленность, понимание знания содержания компетенций. Второй, деятельностно-практический, как умение, опыт применения этих компетенций в практической деятельности. Третий. Мотивационный – выражает ценностно-смысловое соотношение к содержанию компетенций. Четвертый, регулятивный определяет эмоционально-волевую регуляцию компетентности личности.

Аттрактором, интегрирующим элементом при формировании компетентности также выступает мотивационный, ценностно-смысловой элемент. Но на уровне компетентности он, базируясь на ценностях, формирующихся в процессе освоения компетенций, складывается в общую направленность личности. Направленность личности в психологии – это совокупность устойчивых мотивов, относительно независимых от ситуации, ориентирующих избирательную активность личности. В гуманистически-ориентированной педагогике направленность личности связывается с саморазвитием, самоопределением, самосовершенствованием, конструктивным самоутверждением человека. Как справедливо отмечает Л.С. Перевозчикова, «Самоутверждение всегда предметно. Человек утверждает себя в конкретных сферах жизнедеятельности. В психологическом плане процесс и результат самоутверждения личности связан с уровнем ее притязаний, с самооценкой, самоуважением. Решающим для самоутверждения является ценностная составляющая, от этой составляющей зависит энергетические или силовые аспекты акта самоутверждения: его импульсы, потенциал, ценностная шкала (лестница), содержательное наполнение. В соответствии с ценностной ориентацией личностью выбираются механизмы самоутверждения, которые при всем многообразии облекаются в деструктивную и конструктивную формы самоутверждения человека. Деструктивная форма самоутверждения базируется на ценностных установках интолерантности, и в качестве базового механизма имеет отрицание другого Я или стремление к доминированию, установлению господства над другим Я. Это различные виды физического и духовного насилия, причинения страдания, унижения и даже уничтожения.

Конструктивное самоутверждение связано с созидательной деятельностью человека. В нем преобладают позитивные ценностные установки, в том числе ценности толерантности. Конструктивное самоутверждение – это борьба с собой, самоопределение и одно-

временно достижения новой идентичности, осуществляется без отрицания других Я или эксплуатации слабой личности. На основе конструктивного самоутверждения формируется активная, толерантная, самодостаточная личность»¹.

Мотивационный, ценностно-смысловой элемент в образовательном процессе вуза может быть представлен и в определенных компетенциях, прежде всего, социально-гуманитарного цикла. Однако его формирование на основе знаниево-академической формы обучения очень затруднительно. Формирование этого элемента в образовательном процессе требует применения активных технологий, которые бы опирались на деятельностный, проблемный и контекстный методы. Особо хотелось бы выделить метод контекстного обучения. В контекстном обучении студент с самого начала находится в деятельностной позиции, поскольку учебные предметы представлены в виде предметов деятельности (учебной, квазипрофессиональной, учебно-профессиональной) и сценариев их развертывания. Вследствие этого включается весь потенциал активности студента – от уровня восприятия до уровня социальной активности по принятию совместных решений; знания усваиваются в контексте разрешения студентами моделируемых профессиональных ситуаций, что обуславливает развитие познавательной и профессиональной мотивации, личностный смысл процесса учения.

Вместе с тем, в педагогической литературе подчеркивается, что компетентность не тождественна "прохождению курса", а связана с некоторыми дополнительными предпосылками развития специалиста, его собственным творческим потенциалом и качеством образования, которое он получил. По мнению В.А. Болотова и В.В. Серикова, «природа компетентности такова, что она, будучи продуктом обучения, не прямо вытекает из него, а является, скорее, следствием саморазвития индивида, его не столько технологического, сколько личностного роста, следствием самоорганизации и обобщения деятельностного и личностного опыта»². Это лишний раз свидетельствует о системном характере формирования компетенций и компетентностей: есть значительный сегмент внеакадемических аспектов их формирования, т.е. выходящих за рамки непосредственного учебного процесса, связанных как с воспитанием так и новыми образовательными технологиями: (образовательная среда вузов, организация образовательного процесса, образовательные технологии, включая самостоятельную работу студентов, проектное обучение и т.д.).

Перед разработчиками ГОС ВПО стоит очень трудная задача заложить в образовательный стандарт компетенции, формирующие или хотя бы влияющие на формирование ценностно-смысловой сферы, обеспечивающие необходимую мотивацию личности, а также обеспечивающие позитивную направленность личности. Вероятно, только средствами образовательного процесса эту проблему не решишь. И этого следует, что компетентность специалиста – это не только реализованная образованность, но и результат всего социального опыта жизнедеятельности человека. Образовательный процесс призван внести в формирование компетентности как системы знаний, умений и качеств личности целенаправленный элемент, чтобы становление компетентности происходило более эффективно и компетентность имела конструктивную основу, была нацелена на интересы личности, ее семьи, организации в которой она трудится, государства и общества.

Таким образом, компетенция – это качество личности, проявляющееся в специфической способности и готовности эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области, предполагающее специальные знания, умения, особого рода предметные навыки, способы мышления, а также понимание ответственности за свои действия.

Под компетентностью же понимается интегральное качество личности, представляющее собой целостную, системную совокупность качеств, необходимых для успешного выполнения деятельности в определенных областях (компетенциях), а также способность

¹ Перевозчикова Л.С. Гуманизм как ценностное основание модернизации высшего образования в современной России. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. 2007. С 213 -214.

² Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к программе // Педагогика. 2005. №10. С.12.

эффективно разрешать проблемные ситуации и задачи, возникающие во всех других сферах ее жизнедеятельности. С точки зрения образовательного процесса, компетентность – это качество человека, завершившего образование определенной степени, выражающееся в готовности (способности) на его основе к продуктивной, эффективной деятельности с учетом ее социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть с ней связаны.

Список литературы

1. Иконникова С.Н. Культурное пространство как основа интеграции народов / С.Н.Иконникова//...; Иконникова С.Н. Культурное пространство как ценность и национальное достояние/ С.Н.Иконникова// Иконникова С.Н. История культурологических теорий. 2-е изд. – СПб., 2005. – С.35-55;
2. См. Г.Н. Сериков. Образование и развитие человека. М., 2001.
3. ECTS Users' Guide. European Credit Transfer and Accumulation System and the Diploma Supplement. Phase 1/ [http:// www.relintdeusto.es/TuningProject/index.htm](http://www.relintdeusto.es/TuningProject/index.htm).
4. Tuning Educational Structures in Europe. Line 1. Learning Outcomes. Competences. Methodology. 2001 – 2003. Phase 1/ [http:// www.relintdeusto.es/TuningProject/index.htm](http://www.relintdeusto.es/TuningProject/index.htm).
5. Макет Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. М., 2007. С.10.
6. Espenbeck John, Heyse Volker. Die kompetenzbiographie. Strategien der Kompetenzentwicklung durch selbstorganisiertes Lernen und multimediale Kommunikation. Waxmann Munster / New York, Munchen / Berlin. 1999. - S.34.
7. Болонский процесс : середина пути/ под научной редакцией В.И. Байденко. М. Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2005. - С117.
8. Равен Дж. Компетентность в обществе: Проблемы, заблуждения, перспективы. - М.: "Когито-Центр", 2002. – С19.
9. Татур Ю.Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. - С.10.
10. Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата бразования / И.А. Зимняя. // Высшее образование сегодня. – М., 2003. – №5. – С.41.
11. Первозчикова Л.С. Гуманизм как ценностное основание модернизации высшего образования в современной России. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. 2007. С 213 -214.
12. Болотов В.А.Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к программе // Педагогика. – 2005. №10. С.12.

SOCIAL AND CULTURAL APPROACH IN THE RUSSIAN HIGH EDUCATION MODERNIZATION: VALUE BASES AND METHODOLOGY OF REALIZATION

А.А. Radugin

*Voronezh State
University of Architecture
and Building*

*e-mail:
aradugin@yandex.ry*

In the article the All-European educational Space is considered as social and cultural phenomenon and the condition of formation in this space of competence of the expert are revealed.

Key words: The All-European educational space, the social and cultural approach, methodology, the competence approach, competence.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ТЕРРОРИЗМА И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.П. Римский¹⁾
О.В. Ковальчук²⁾
С.Н. Борисов³⁾

¹⁾Белгородский
государственный
университет

e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский
государственный
университет

e-mail:
Kovalchuk@bsu.edu.ru

³⁾Белгородский
государственный
университет

e-mail:
SBorisov@bsu.edu.ru

Как показывают современные реалии, проявления терроризма и экстремизма довольно разнообразны. Привычной классификацией является выделение таких формообразований, как религиозный, этнический, политический. Но также выделяются и более «экзотичные» формы: экологический, биологический (биотерроризм) и т.п.

Вместе с тем, за всем этим многообразием проявлений стоит общая схема, что внешним образом находит отражение в инициации и активации террористического и экстремистского поведения. Такая схема включает в себя три этапа: этап формирования субкультурных конфигураций экстремистской среды (*инициация*); структурно-организационный этап (*активация*); поведенческий этап (*реализация*).

Противодействие терроризма и экстремизму должно осуществляться на всех этапах, для чего необходимо определить экстремистские потенции и угрозы в рамках белгородского региона.

Ключевые слова: терроризм, региональная безопасность, молодежные субкультуры, экстремизм.

Терроризм и экстремизм: инструментализация понятий

В культурно-идеологической практике понятие «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в период Французской революции 1791-1794 гг. Современная семиотика и лексикология связывает с террористическим дискурсом, прежде всего, жестокие насильственные действия в сфере политики и реализации прав субъектами власти.

В частности, террор, как отношение государства к своим оппонентам, репрессивное и жесткое, исследуется отечественным политологом И.М. Ильинским. А. Бернгард в работе «Стратегия терроризма» указывает на связь терроризма с силой, но понимает его как применение силы слабыми в отношении сильных. Американские исследователи В. Маллисона и С. Маллисона определяют терроризм как систематическое использование насилия и угрозы насилия для достижения политических целей. Таким же недостатком обладает определение терроризма, данное сотрудником Государственного департамента США Д. Лонгом, который сводит феномен терроризма к действиям по изменению существующего политического строя, существующего мирового порядка. Ф. Уилкоккс, координатор по борьбе с терроризмом Госдепартамента США, видит в терроризме политически обусловленное насилие, направленное против мирного населения.

Общим для всех перечисленных определений является взгляд на терроризм как на *социально-политически обусловленное насилие*. Применение понятия «террор» исключительно к политической сфере значительно суживает реальное поле феномена терроризма, акцентирует внимание на политической власти, имеющей аппарат принуждения, и относит «террор» к оппозиционным власти силам. Такой подход в определении терроризма вполне приемлем для юридической фиксации данного явления. Он нашел отражение в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», принятом в 1998 г.

Схожая ситуация сложилась и с определением понятия «экстремизм», содержание которого далеко не однозначно. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под экстремизмом понимаются крайние взгляды и методы, касающиеся преимущественно политической сферы (что схоже с определением терроризма). Так же довольно близко к отождествлению терроризма и экстремизма подходит трактовка экстремизма в Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Таким образом, правовая фиксация понятия «экстремизм», включает в себя проявления терроризма, чем признается их некоторая родовидовая (категориальная и социально-субстанциональная) тождественность. Сущностная характеристика терроризма как антисистемного и нелегитимного насилия (которую мы считаем основополагающей и развиваем в своих работах), свидетельствует о том же.

Социокультурные условия инициации и активации терроризма и экстремизма в региональной среде

Как показывают современные реалии, проявления терроризма и экстремизма довольно разнообразны. Привычной классификацией является выделение таких формообразований, как религиозный, этнический, политический. Но также выделяются и более «экзотичные» формы: экологический, биологический (биотерроризм) и т.п.

Вместе с тем, за всем этим многообразием проявлений стоит общая схема, что внешним образом находит отражение в инициации и активации террористического и экстремистского поведения. Такая схема включает в себя три этапа: этап формирования субкультурных конфигураций экстремистской среды (*инициация*); структурно-организационный этап (*активация*); поведенческий этап (*реализация*).

Первый этап связан с актуализацией условий, способствующих *инициации* террористической и экстремистской деятельности. Именно на этом этапе происходит актуализация соответствующих архетипов, формирование мифологем, которые «обслуживают» антисистемность террористических проектов и лежат в основе культурно-антропологических механизмов личностной идентификации. Своеобразным «пусковым механизмом» являются различные социокультурные и личностные факторы, которые можно классифицировать на экономические (обострение социальной поляризации общества и усиление социальной неприязни), политико-идеологические (отсутствие легальных способов выражения протеста) и личностно-психологические (ощущение собственной уязвимости, отсутствие перспектив). Все это находит выражение в формировании *социокультурной экстремистской среды*, которая проявляется в определенных *субкультурных формах* (в основном молодежных).

Второй этап является следствием, создание субкультурных конфигураций потенциальной экстремистской среды приводит к *организационному оформлению* тех или иных группировок, имеющих субкультурную природу и структурированных, как правило, по *сетевому принципу*. Здесь включаются социокультурные и культурно-антропологические механизмы *активации* террористической и экстремистской деятельности, создаются проекты *мнимых и реальных угроз*.

Третий этап включает *реализацию* инициированных и активированных террористических и экстремистских *угроз*, непосредственную деятельность различных террористических и экстремистских организаций в той или иной социокультурной среде.

Противодействие терроризма и экстремизму должно осуществляться на всех этапах, для чего необходимо определить экстремистские потенциалы и угрозы в рамках белгородского региона.

Диагностика террористических и экстремистских угроз в региональном социокультурном контексте

Согласно приведенной нами схеме формирования террористического и экстремистского поведения этапы инициации и активации экстремистских и террористических угроз содержат *возможности профилактики*. Это связано с действием *пяти факторов*: экономического, политико-идеологического, личностно-психологического, культурно-антропологического и духовно-религиозного.

Экономические факторы

Как показало социологическое исследование «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи», на конкретно-социологические материалы которого мы опираемся, число участников экстремистских организаций, оценивающих свое финансовое положение как неблагоприятное невелико. Это же подтверждается и данными международных исследований терроризма, которые не выявили существенной зависимости между уровнем благосостояния и занятием террористической деятельностью, что позволяет говорить о незначительности этого фактора в формировании террористических и экстремистских потенциалов в регионе.

Политико-идеологические факторы

Одним из определяющих среди политико-идеологических факторов является *доверие* региональным политическим и общественным институтам. Отсутствие такового позволяет экстремистским и террористическим организациям оспаривать право выражения интересов народа и бороться «за легитимность».

Как показало исследование «Социальное аутсайдерство молодежи в Белгородской области: причины, механизмы и социальные следствия», проведенное в 2006 г., уровень доверия молодежи региональным общественным и политическим институтам довольно низок. Это оставляет открытым политико-идеологическое поле для различного рода экстремистских претензий на легитимность в выражении «воли народа» и интересов «групп угнетения».

Несмотря на то, что большое количество опрошенных оценивает национальную политику государства, проводимую на федеральном уровне позитивно, отношение к самой власти в области вызывает серьезные опасения. Доверие молодежи вызывает лишь губернатор и главы местного самоуправления, что говорит о персонификации власти, а не ее авторитете в целом. В пользу некоего «вакуума» легитимности говорит и тот факт, что ни общественные организации, ни профсоюзы и политические партии не вызывают сколько-нибудь существенного доверия молодежи. Из чего можно сделать вывод о потенциальной возможности оспаривания легитимности экстремистскими и около экстремистскими политическими организациями. Катализатором может служить изменение кадрового состава властных структур, что может вызвать волну недоверия к новым ее представителям и дестабилизацию политической ситуации в целом в области.

Устранению сложившихся угроз могут способствовать меры по деперсонализации власти, повышению ее авторитета среди молодежи и всего населения. Создание легальных механизмов критики и возможностей проявления оппозиционных взглядов с целью канализации потенциальных угроз идеологического характера, как левого, так и правого толка. Возрождение реального участия молодежи в политической жизни области. Активизация общественного молодежного движения с рекрутированием в него как можно большего числа представителей различных социальных слоев.

Не менее значимым фактором представляется нам и *миграционная политика*. Усиливающиеся в последнее время миграционные процессы, расширяющиеся межконфессиональные и межкультурные связи неизбежно приводят к возникновению все новых социальных, политических, религиозных, экономических, образовательных и других культурных проблем и обуславливают проблему нетерпимого отношения индивида или целых групп к особенностям культур или представителям иных групп по России в целом, что может привести к случаям экстремизма и даже терроризма. Как показывает практика в ряде регионов России, например в г. Кондопога и Ставропольском крае, неэффективная миграционная политика послужила мощным катализатором роста националистических и радикалистских настроений.

Заметим, что Белгородская область в данном вопросе является относительно благополучным регионом, что, однако, не исключает возможности проявления экстремистских настроений. Для Белгородской области, в силу ее пограничного положения, проблема миграции стоит довольно остро. Основной поток мигрантов поступает

из стран СНГ: Украины, Молдовы, Казахстана, Узбекистана и Киргизии. Причем такая тенденция сохраняется и потенциально грозит усилением этнонациональной напряженности и конфликтности в регионе.

Характеризуя межнациональные конфликты в регионе, авторы исследования «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)» определяют их как *бытовую нетерпимость*. Такой вывод основан на том, что почти две трети молодежи сталкивались с проявлениями национальной нетерпимости, а треть опрошенных указала на привычность такого отношения.

Мы позволим себе интерпретировать эти данные иначе и определить ситуацию как *латентный экстремизм*. Исследование показывает, что отсутствует интерес к «теоретическому» экстремизму и терроризму, институционализированному, оформленному и организованному (лишь незначительное количество респондентов знает о существовании экстремистских организаций). Однако значительное влияние имеют факторы иного порядка, прежде всего семейные и средовые.

Нет явной потребности и в устранении существующей дистанции между коренным населением и мигрантами. Исследование подтвердило нейтрально-равнодушное к ним отношение, хотя стереотипы этнической нетерпимости имеет значительное число молодежи (и в основном к представителям кавказских народностей). Такая позиция представляется нам трудно устранимой и чреватой консервированием существующего латентного экстремизма.

Учитывая тот факт, что за ограничение миграции высказывается большое число опрошенных белгородцев (несмотря на дифференцированное отношение к различным национальностям), можно предположить, что *консервантом* существующего состояния или даже *катализатором* его негативной динамики может стать усиление притока мигрантов и несбалансированная миграционная политика в области в целом.

Большие опасения у населения на бытовом уровне вызывает проникновение мигрантов в значимые общественные сферы политики и бизнеса. Велика доля тех, кто высказывается против проникновения «пришлых» этносов в публичное региональное пространство и соответственно поддерживает идею их возможной публичной ассимиляции. Как нам представляется, значительное влияние в этом вопросе оказывают средства массовой информации, которые формируют «образ мигранта». Следует учесть этот значимый фактор влияния и использовать его позитивно, с целью формирования установок на социальный мир и толерантность.

Решение сложившихся проблем может быть найдено, по нашему мнению, в сфере организации *межнационального диалога* и *корректировке сложившихся этнических стереотипов*. Но главное, что способно существенно повлиять на ситуацию, это грамотная миграционная политика и улучшение «качества» миграции за счет привлечения более образованных, финансово и социально благополучных мигрантов. Так же следует учесть этнические предпочтения по этому вопросу коренного населения, так как преодоление этностереотипов довольно длительный процесс, во многом зависящий и от ситуации в стране.

Вместе с тем, довольно большой процент не осведомленных о существовании организаций экстремистской и террористической ориентации косвенно свидетельствует не столько об отсутствии специального интереса к радикальной и террористической идеологии, сколько о неспособности молодежи (и в целом населения) к аналитической мыслительной деятельности, о крайне низкой общеобразовательной и политической культуре современных молодых людей (в то время, как представители молодежных экстремистских субкультур оказываются, как правило, более политически образованными, хотя бы в сфере своих культурно-идеологических пристрастий).

Такое положение не соответствует реальным угрозам данных экстремистских молодежных субкультур и говорит о крайне *низком уровне культурно-просветительской работы* на всех уровнях – от общеобразовательных школ и органов правопорядка до университетов и СМИ. А культурно-просветительская работа яв-

ляется одним из основных факторов профилактики террористических и экстремистских угроз.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о латентном характере угроз экстремизма и терроризма в российских регионах, что, впрочем, не отменяет необходимости профилактической работы во всевозможных формах. Это потенциалы, которые могут активизироваться при определенном *синергетическом сопряжении* различных условий и факторов (социально-экономических, демографических, социокультурных, культурно-антропологических и т.д.), детонатором которого может стать любая флуктуация, в том числе и личностно-психологическая.

Личностно-психологические (экзистенциальные) факторы

Одним из важнейших факторов, определяющих потенциальную конфликтность и экстремизм, является степень удовлетворенности жизнью, ощущение полноценности/неполноценности своего существования, что накладывает отпечаток на мировосприятие в целом.

Большое влияние на формирование экстремистских установок оказывает оценка условий жизнедеятельности, которая показывает, что рост таких установок происходит в группах с низким уровнем социальной стабильности. В Белгородской области одним из каналов устранения социальной напряженности и формирования чувства стабильности среди молодежи является получение высшего образования. Тем более, что ряд исследований выявили зависимость экстремистских настроений от уровня образования. Среди экстремистски настроенных молодых людей большую часть составляют учащиеся ПТУ, техникумов и лицеев. В Белгородской области количество молодежи, обучающейся в вузах довольно значительно. Несмотря на то, что в ряде случаев это образование не является «качественным», то есть приходится на долю различных филиалов, заочное, дистанционное и до конца не законченное, сама возможность его получения играет большую стабилизирующую роль в деле противодействия экстремистским и террористическим проявлениям. Хотя, это вовсе не является гарантом неучастия образованных представителей средних классов в молодежных экстремистских и террористических субкультурных организациях.

Таким образом, общий положительный социально-психологический фон скрывает за собой ряд противоречий на уровне личностно-психологическом, что увеличивает количество молодых людей, среди которых острое чувство социальной несправедливости, коррумпированности власти и вообще критическое отношение к жизненной среде, создают *антропологические предпосылки* инициации и активации экстремизма и терроризма на региональном уровне.

Культурно-антропологические факторы

Итак, реальность террористических угроз именно на уровне конкретного региона есть непреложный факт, который нельзя игнорировать. Это подтверждают как террористические акты последнего времени в России, данные социологических исследований, так и повседневная наша действительность.

Нашей оценке экстремистских потенциалов как латентных соответствует характеристика интолерантности в среде молодежи, данная авторами исследования «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)». Они определяют ее как *ситуативную*. Об этом говорит то, что более половины опрошенных молодых людей отказываются контактировать с представителями тех или иных национальностей.

Еще одна опасность в изучении и профилактике терроризма и экстремизма связана с игнорированием его возможной «русской специфики». И не только того факта, что «классическая» модернистская идеология и практика терроризма сформировалась в предреволюционной и революционной России XIX и начала XX веков, а «неклассическая», тоталитарно-массовая – в СССР. Мы в своих публикациях и выступлениях уже неоднократно отмечали, что не исключено, что в террор могут прийти, как и в прошлые столетия, *новые русские мальчики*.

Итак, можно отметить, что сам дискурс борьбы с терроризмом, вербально-ментальные конструкции описания данного феномена, методологии его исследования настойчиво игнорируют *региональное, частное* и относящееся к *миру повседневности*.

Духовно-религиозные факторы

Питательной социокультурной и личностно-психологической средой и фактором активизации террористических и экстремистских угроз являются так называемые «нетрадиционные религии» (деструктивные, тоталитарные культы и т.п.), которые мы определяем как *субкультурные религии*, избегая нетолерантных, мировоззренческо-идеологически нагруженных (порой не менее тоталитарных и репрессивных) смыслов.

В ряду причин активизации субкультурной религиозности следует указать, прежде всего, на факт спекуляции новых «пророков» на особенностях молодежной психологии, специфике социального положения молодежи.

Кризис техногенной цивилизации, культуры индустриализма, новый «постиндустриализм» и связанная с ними девальвация образа жизни в обществе потребления (в том числе и в современной постсоветской России) создают благоприятную обстановку для распространения субкультурных молодежных религий. Субкультурные религии предлагают современному молодому человеку многое из того, чего он лишен в повседневной жизни. Вместо дискредитировавшей себя рациональной идеологии прогресса и «просвещения» – достаточной привлекательную по форме веру в «вечные» идеалы. Вместо развалившейся семьи – «братскую общину», в которой все члены объединены общими интересами, единым образом жизни, а вместо набивших оскомину ценностей моногамии предлагается «свобода» половых отношений (полигамия, гомосексуализм и т.п.). Вместо безработицы или монотонного труда в компаниях, погони за виртуальным брендовым потреблением – «бескорыстный» труд на предприятиях организации и «социальная справедливость» в распределении и потреблении продуктов труда. Выдвигается и «духовная альтернатива» реальной угрозе гибели вследствие обострения глобальных техногенных и экологических катастроф, приобретающих все более апокалиптический характер.

Вывод таков: если мы будем по-прежнему мыслить научными и методологическими стереотипами прошлого века и ограничиваться публицистическими и бюрократическими воздыханиями о «возрождении православной духовности», чем грешит региональная политическая элита в духовно-нравственной сфере, не вникая в виртуальный мир реальной молодежи, то мы ее вновь потеряем, как потерял либеральный Запад и коммунистический СССР. Необходимы серьезные научные исследования всего спектра современных, изменившихся по сравнению с XX веком молодежных субкультур и субкультурных молодежных религий и мифов, порой тяготеющих к экстремизму и терроризму или прямо слитых с ними, с последующей выработкой практических рекомендаций и обоснованных, серьезных технологий воспитательной и культурной работы с молодежью.

Рекомендации по профилактике террористических и экстремистских угроз на региональном уровне

Подводя итог диагностике вероятных экстремистских и террористических угроз в Белгородской области можно утверждать, что наибольшую возможность профилактики изучаемых явлений согласно схеме формирования террористического и экстремистского поведения предоставляют этапы инициации и активации, которые включают формирование *социокультурной, субкультурной (в основном молодежной) экстремистской среды* с последующим *организационным оформлением* тех или иных субкультурных группировок экстремистской направленности. Эти процессы подразумевают актуализацию целого комплекса факторов, которые мы проанализировали выше и которые позволяют нам оценить степень их влияния на процесс распространения экстремизма и терроризма в регионе.

Базовый принцип, который должен лежать в основе концепции профилактики терроризма и экстремизма на региональном уровне (прежде всего, в молодежной среде), – это принцип соблюдения *социокультурной толерантности*.

Целью профилактики экстремизма и терроризма является формирование и воспитание в молодых людях *социокультурной толерантности* – морального качества личности и всего общества, характеризующееся терпимым отношением к другим

людям, независимо от их этнической, национальной, социальной, религиозной или культурной принадлежности, терпимое отношение к иному рода взглядам, нравам, привычкам, верованиям, основанного на признании различий, поиске сходств и стремлении к культурному диалогу.

Основными направлениями профилактики экстремизма и терроризма в на региональном уровне (прежде всего, в молодежной среде), на наш взгляд, являются:

- 1) формирование правовой культуры молодых людей;
- 2) использование позитивных возможностей средств массовой информации;
- 3) содействие в трудоустройстве и занятости молодежи;
- 4) взаимодействие светских организаций с представителями различных конфессий;
- 5) организация содержательного досуга в молодежной среде;
- 6) содействие формированию толерантности возможностями системы высшего образования.

1. *Формирование правовой культуры.* Молодежь относится к той социальной группе, которая несет ответственность за будущее нашей страны, а следовательно, за становление правового государства и развитие демократического общества. Эффективность самореализации молодых людей в социуме напрямую зависит от того, насколько глубоко усвоены ими гражданские права, свободы и обязанности, в какой мере и насколько адекватно они используются. Поэтому в первую очередь необходимо заботиться о повышении уровня правовых знаний молодых людей, формировании позитивного отношения к закону, обеспечение молодежи информацией о ее правах и возможностях в наиболее важных сферах жизнедеятельности:

– принятие и совершенствование законов и правовых актов, регулирующих проблемы региональной безопасности;

– разработка региональной целевой программы правового воспитания молодежи в условиях средних, средне-специальных и высших учебных заведениях, учитывающей изменяющиеся социокультурные условия, политическую обстановку и разрабатываемое государством законодательство;

– создание на базе органов внутренних дел информационной базы данных молодых людей деструктивной направленности с целью их коррекции и реабилитации с привлечением различных специалистов (философов, психологов, социологов, социальных работников, специалистов досуговых учреждений, представителей различных конфессий).

2. *Использование позитивных возможностей средств массовой информации.* На сегодняшний день неоспорима роль СМИ в формировании мировоззрения молодежи. К сожалению, чаще мы можем наблюдать негативное воздействие СМИ на молодежь. В современных условиях особенно остро возникает вопрос о формировании у молодежи информационной культуры с позиции толерантного сознания.

Основные мероприятия:

– трансляция различных информационно-досуговых мероприятий по вопросам разрешения различных видов конфликтов (лекторий, семинар, круглый стол, тематические занятия, игры, конкурсы);

– создание и развитие системы социального информирования и консультирования по проблемам межэтнических, межконфессиональных конфликтов;

– содействие культурному просвещению молодых людей через разработку цикла специальных программ, направленных на изучение и популярное разъяснение специфики различных этнонациональных традиций, норм и ценностей основных национальностей, проживающих на территории области, с точки зрения положительных установок поведения.

3. *Содействие в трудоустройстве и занятости молодежи.* На сегодняшний день занятость молодежи в России и регионе является одной из наиболее острых социальных проблем, решение которой, на наш взгляд, способствует успешной профилактики деструктивных тенденций в молодежной среде.

Решению проблем занятости молодежи могут помочь следующие мероприятия:

- развитие социального партнерства службы занятости с органами образования, по делам молодежи, работодателями в решении проблемы;
- проведение мониторинга молодёжного рынка труда;
- создание компьютерной базы данных организаций, предприятий и учреждений путем взаимодействия с работодателями;
- организация взаимодействия с руководителями предприятий, организаций и учреждений в целях более эффективного трудоустройства молодых людей;
- создание клуба начинающих предпринимателей (необходим для получения минимума экономических и правовых знаний по открытию собственного дела).

4. *Взаимодействие светских организаций с представителями различных конфессий.* Многими на сегодняшний день признается необходимость, потребность светско-религиозного взаимодействия с целью преодоления того социокультурного кризиса, в котором оказалась наша страна. В Белгородской области имеет место тенденция активного светско-религиозного взаимодействия между областной администрацией и Белгородско-Старооскольской Епархией, которое практикуется во многих сферах: в сфере образования и культурно-просветительской деятельности, социальной работы, в сфере науки, в работе с молодежью и т.п. Однако этого явно недостаточно. Необходимо активное взаимодействие всех социальных и политических организаций не только с представителями РПЦ, но и представителями других конфессий.

Основные мероприятия:

- создание общественного публичного органа, состоящего из представителей всех органов власти, общественных молодежных объединений и религиозных конфессий и занимающегося проблемами экстремизма и терроризма в регионе;
- патронаж представителями *всех конфессий* учреждений среднего, среднеспециального, высшего образования.

5. *Организация содержательного досуга в молодежной среде.* Известно, что свободное время (досуг) включает в себя значительный адаптационный потенциал. В процессе него человек получает возможность приобретения определенных социальных навыков. В частности, речь идет о формировании и развитии умений и навыков взаимодействия с другими людьми, представителями иной культуры. Усвоение культурных ценностей, познание нового, любительский труд, творчество, физическая культура и спорт, туризм, путешествия – вот чем и еще многим другим может быть занят молодой человек в свободное время. От умения направлять свою деятельность в часы досуга на достижение общезначимых целей, реализацию своей жизненной программы, развитие и совершенствование своих сущностных сил, во многом зависят социальное самочувствие молодого человека.

Сфера молодежного досуга имеет свои особенности. Досуг молодежи существенно отличается от досуга других возрастных групп в силу его специфических духовных и физических потребностей и присущих ей социально-психологических особенностей. К таким особенностям можно отнести повышенную эмоциональную, физическую подвижность, динамическую смену настроений, зрительную и интеллектуальную восприимчивость. Можно выделить наиболее привлекательные для молодежи формы развлечений: зрелища, музыка, танцы, игры, телепрограммы (игры-зрелища, КВН). Еще одной особенностью является проведение досуга не в родительской среде, а в компании сверстников. Тяга к общению со сверстниками объясняется огромной потребностью молодежи в эмоциональных контактах. Следующая особенность молодежного досуга заключается в том, что он должен быть эмоционально окрашен, давать возможность молодому человеку заниматься любимым делом, быть участником важных событий. Эти особенности молодежного досуга должны учитываться при разработке данного направления:

- организация постоянного мониторинга культурно-досуговых потребностей молодежи;
- приспособление режима работы учреждений культуры к досуговым потребностям молодежи.

– ориентация культурно-досуговых учреждений на поиск новых форм работы с молодежью и молодежными субкультурами в соответствии с меняющимися потребностями и вкусами молодежи, а также изменениями, происходящими в обществе;

– развитие досуговой самодеятельности молодежи, создание условий, стимулирующих самодеятельность участников клубного объединения, в том числе молодых людей «группы риска» из числа различных субкультур;

– выпуск справочника с информацией о культурно-досуговых учреждениях Белгородской области.

6. Содействие формированию толерантности возможностями системы высшего образования.

Система высшего образования, в частности, Белгородский государственный университет, готовит специалистов для работы в системе среднего, средне-специального, высшего образования, социокультурной сфере. Потому им также необходимо владение навыками формирования толерантного сознания в той среде, где им предстоит работать.

С этой целью мы предлагаем введение в образовательный процесс специальных практикумов и спецкурсов, задачами которых должно стать формирование толерантного поведения в условиях межкультурного, межрелигиозного и межэтнического взаимодействия.

SOCIOCULTURAL NATURE OF TERRORISM AND PROBLEMS OF REGIONAL SAFETY

V.P. Rimskiy¹
O.V. Kovalchuk²
S.N. Borisov³

^{1Belgorod State University}

e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru

^{2Belgorod State University}

e-mail:
Kovalchuk@bsu.edu.ru

^{3Belgorod State University}

e-mail:
SBorisov@bsu.edu.ru

Modern reality is characterized with the rich variety of terrorism and extremism representations. The most common classification of them concerns such types as religious, ethnical, political.

Besides, all this variety keeps the general design which contains three levels: construction of subcultural configurations of the extremist milieu (*initiation*); structural-functional level (*activation*); behavioral level (*realization*).

Diagnosis of likely extremist and terrorist risks in Belgorod region lets us state that the major possibility to prevent them (according to the design of construction of terrorist and extremist behavior) is presented on the level of initiation and activation which include construction of *sociocultural* and *subcultural* (*predominantly youth*) *extremist milieu* with the following *organizational shaping* of subcultural extremist groups.

Key words: terrorism, regional safety, youth subcultures, extremism.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 22.00.08

КАДРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ. ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. (Белгородский опыт)

Ю.В. Астахов

*Белгородский
государственный
университет*

В статье рассматриваются проблемы кадровой работы в системе муниципальной службы. Научную актуальность и практическую значимость проблемы обуславливает то обстоятельство, что комплексное использование кадровых технологий обеспечения муниципальной службы является по сути одной из ее главных составляющих. В работе подчеркивается, что управление персоналом муниципальной службы выступает составной частью управления муниципальной службы в целом. В статье анализируется опыт использования кадровых технологий в органах государственной и муниципальной службы Белгородской области, внедрение в практику работы администрации города Белгорода городской целевой программы «Муниципальные кадры» на 2009-2011 гг.

Ключевые слова: кадровые технологии, муниципальные кадры.

Целью управления персоналом в системе муниципальной службы является повышение эффективности использования человеческого потенциала в органах местного самоуправления. Для достижения этой цели следует использовать те кадровые технологии, которые уже апробированы на практике в исполнительно-распорядительных органах власти на муниципальном уровне и фактически направлены на повышение эффективности труда муниципальных служащих.

Мы полагаем, что в данной сфере целесообразно выделить три базовые кадровые технологии. Во-первых, оценку персонала; во-вторых, закрепление персонала; в-третьих, повышение квалификации персонала.

При их применении на практике решаются следующие задачи:

- сформировать высококвалифицированный состав служащих в системе муниципального управления, обеспечив тем самым профессиональное исполнение поставленных задач;
- с помощью кадровых технологий выиграть жесткую конкуренцию с частным сектором за привлечение высокопрофессиональных сотрудников для работы в органах местного самоуправления.

В Российской Федерации в системе муниципальной службы внедрение кадровых технологий, фактически, находится на начальном этапе. А применение их на практике зависит от уровня развития организации и способности ее к адаптации в переходный период реформ, а также от грамотных управленческих решений и политической воли руководителей.

Управление персоналом как вид профессиональной деятельности предполагает комплексное использование кадровых технологий. При этом следует иметь в виду, что для общих управленческих технологий объектом воздействия является человек как участник трудового процесса, как субъект деятельности. Общие технологии управления обеспечивают целостное воздействие на поведение человека, создание благоприятной управленческой среды, организованности, дисциплины, доверия, изменение отношения персонала к трудовой деятельности в соответствии с целью управления.

В тоже время, как известно человек в организации выполняет социальную роль, обусловленную наличием у него необходимых для организации профессиональных способностей. Это своеобразный профессиональный капитал организации, ее профессиональное богатство. Управление этим капиталом в организации требует более тонких и специфических средств воздействия. Ими и являются кадровые технологии, объектом воздействия которых являются профессиональные способности человека и рациональное использование его профессионального опыта в организации. По мнению профессора В.В. Черепанова **кадровая технология** – это средство управления количественными и качественными характеристиками персонала, обеспечивающие достижение целей организации. Квалифицированных работников нужно найти на рынке труда, оценить их качества и способности, произвести отбор, ввести в состав организации и обеспечить включение в производственный процесс, максимально полезно как для организации, так и для человека. Для этого необходимо использовать соответствующие кадровые технологии.

Содержание кадровых технологий представляет собой совокупность последовательных процедур, приемов, операций, которые позволяют либо получить информацию о возможностях человека, либо сформировать требуемые для организации, либо изменить условия их реализации¹.

Профессор К.О. Магомедов полагает что, **кадровые технологии** – это институт эффективного управления персоналом государственных (муниципальных) органов и показатель оптимизации процедур кадровой работы, уровню развития ее профессиональной культуры².

В результате применения кадровых технологий, как правило, получают более полную информацию о способностях человека, отчего зависит его дальнейшее профессиональное развитие, изменение должностного статуса в организации, эффективная реализация возможностей человека, достойное вознаграждение за труд, побуждая человека к изменению своей роли в организации, созданию климата доверия, удовлетворенности трудом. Поэтому грамотное применение кадровых технологий вносит свой вклад в управляемость организации, эффективность ее деятельности, формирование социального капитала организации.

Вместе с тем, такая кадровая технология как аттестация, не относится к общей управленческой технологии. В то же время ее последствия могут иметь прямое отношение к изменению статуса человека организации. На ее основе могут приниматься управленческие решения с включением в управленческую практику других кадровых технологий – должностное перемещение, профессиональное обучение, награждение, увольнение персонала и т.д. Объективная оценка вклада человека в дела организации,

¹ См.: Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Черепанов; В.П. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – С.469.

² См.: Магомедов К.О. Кадровые технологии в управлении персоналом государственной гражданской службы. Служба кадров и персонала. Ежемесячный журнал 10.2007, С. 34.

его профессиональных личностных качеств и принятые на основании этого кадровые решения могут, как подорвать, так и укрепить доверие человека к руководству органа МС, стимулировать или снизить его профессиональную и социальную активность.

В проведенном нами в 2007 году в 11 муниципальных образованиях Белгородской области исследовании «Регулирование кадровых технологий в системе муниципальной службы», в котором участвовали муниципальные служащие (n=600 человек), руководители и специалисты кадровых служб органов местного самоуправления (n=30 человек), эксперты (n=65 человек), была осуществлена оценка качества применения и использования отдельных кадровых технологий в органах муниципального управления.

Исследование показало, что муниципальные служащие позитивно оценивают процесс внедрения кадровых технологий. Чаще всего респонденты отмечали, что за последние годы улучшились: «процесс обучения муниципальных служащих» (63 % респондентов), «аттестация муниципальных служащих» – 51 %, «повышение квалификации» – 48 %, «профессиональная компетентность кадров» – 42 %, «система непрерывного образования муниципальных служащих» – 40 %.

Ухудшение качества реализации кадровых технологий из числа опрошенных респондентов не отметил никто. Более того, максимальное количество негативных оценок какой-либо технологии едва превышает уровень погрешности.

Характеризуя в целом использование кадровых технологий в системе муниципальной службы, следует отметить общий позитивный тренд их качества. Даже там где позитивной динамики не наблюдается, зафиксировано стабильное состояние и то обстоятельство, что не происходит откат в сторону снижения качества.

Таким образом, подводя общий итог анализу ответов муниципальных служащих, в данном аспекте мы можем сделать следующий вывод. В абсолютном большинстве муниципальных образований Белгородской области кадровые службы стремятся использовать практически весь арсенал кадровых технологий. Однако частота использования некоторых технологий является еще недостаточной, но тенденция к росту качества их применения – бесспорна. Особо следует отметить успехи в применении образовательных технологий. Обучение и повышение квалификации оцениваются высоко. Впрочем, также высока и потребность в знаниях и умениях, которые они помогут получить.

В подавляющем большинстве организаций, в том числе и на муниципальной службе результаты кадровых технологий внедряются в нормативных границах имеющих как рекомендательный, так и предписывающий характер для руководителя. Так, в соответствии с порядком конкурсного замещения вакантных должностей на муниципальной службе предполагается, что решение конкурсной комиссии является окончательным при определении победителя конкурса. На основании этого решения руководителем органа МС издается нормативно-правовой акт о назначении претендента на вакантную муниципальную должность.

В муниципальной практике, как правило, рекомендательный характер решений аттестационной комиссии может состоять, к примеру, в изменении должностного статуса работника, в увеличении денежного содержания, в применении мер поощрения, направлении на учебу и т.д.

В федеральном законе «О муниципальной службе в Российской Федерации» ст.18 подчеркивается: что «по результатам аттестации муниципального служащего аттестационная комиссия выносит решение о том, соответствует муниципальный служащий замещаемой должности муниципальной службы или не соответствует»¹.

Мы полагаем, что нормативное закрепление порядка использования результатов кадровых технологий упорядочивает их применение: повышает степень доверия персонала к ним, уменьшает возможность субъективизма при принятии решения, по-

¹ См.: «О муниципальной службе в Российской Федерации» федеральный закон №25 ФЗ от 25 марта 2007 г. Российская газета. – 2007. 7 марта

вышает эффективность затрат на их проведение, играет стимулирующую роль для персонала.

Реализация кадровой политики в органах местного самоуправления и государственной власти, как и государства в целом малопродуктивна, если субъект управления не имеет информации о состоянии кадрового потенциала, тенденциях развития, изменениях его характеристик и ряде других параметров. Многие из них могут быть формализованы, а, следовательно, работа с ними может быть автоматизирована с применением современных компьютерных средств и соответствующего программного обеспечения.

Характеристики персонала в организации изменяются во времени и пространстве. Это связано с развитием человека, изменением его должностного статуса, включением его в систему кадровых технологий и рядом других действий субъекта управления по отношению к нему. В результате этих обстоятельств кадровые процессы получают в организации либо желательную, либо нежелательную динамику, приобретают такое содержание, которое изменяет количественные и качественные характеристики его состава. А поскольку ряд характеристик персонала и содержание кадровых технологий подлежат формализации, то речь может идти о повсеместном создании автоматизированных систем управления кадровыми ресурсами (АСУКР) организации, предприятия, отрасли, министерства, ведомства, государственной и муниципальной службы в режиме квазиреального времени.

В первом десятилетии XXI века наибольшую возможность применения компьютерных средств и автоматизации имеют кадровые технологии оценки, отбора, подбора и тестирования персонала. Достаточное компьютерное и программное обеспечение получили психологические тесты. Развитие и применение на практике получают социологические методы оценки персонала, которые имеют широкие возможности использования при проведении процедуры конкурсного отбора, квалификационного экзамена и аттестации. С их помощью создаются профили профессий и должностей, оценивается степень профессиональной пригодности муниципального служащего.

В последние годы в Российской Федерации компьютеризация и автоматизация кадровых технологий в системах государственной и муниципальной службы имеет позитивную динамику. Так, например, в органах государственной власти Белгородской области уже на протяжении нескольких лет используется компьютерная обработка данных персонала. Граждане, желающие поступить на государственную службу, проходят всю конкурсную процедуру, утвержденную Постановлением правительства Белгородской области 29 сентября 2006 г. №202-пп «Об утверждении административного регламента проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Белгородской области», в том числе и тестирование по программному комплексу «Профессор». Также в соответствии с реализацией Поручения Президента РФ по итогам совещания по формированию резерва управленческих кадров 23 июля 2008 г., Указа Президента РФ от 23 августа 2008 г. № 12 52 «О комиссии при Президенте РФ по формированию и подготовке резерва управленческих кадров» в регионе принято постановление правительства области от 22 сентября 2008 г. № 234-пп «Об областной целевой программе развития государственной и муниципальной службы Белгородской области на 2008-2010 годы», где в целях информационно-методического обеспечения реализации данной Программы предусмотрена разработка программного комплекса «Резерв управленческих кадров области».

Для учета персональных данных муниципальных служащих органа исполнительной власти городского округа «Город Белгород» внедрена программа «Парус – кадры», а в соответствии с федеральным законом от 2.03.2007 г. №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», законом Белгородской области от 24.09.2007 г. № 150 «Об особенностях муниципальной службы в Белгородской области» в 2007-2008 годах представительным органом местного самоуправления города Белгорода приняты следующие нормативно-правовые акты обеспечивающие равный доступ граждан к муниципальной службе. В их числе: «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации муниципальных служащих органов местного само-

управления» решение Совета депутатов г. Белгорода от 04.12.2007 г. № 591; «О порядке проведения конкурса на замещение должности муниципальной службы в органах местного самоуправления г. Белгорода» решение Совета депутатов г. Белгорода от 29.04.2008 г. № 14; «Об утверждении Положения о квалификационных требованиях к должности муниципальной службы городского округа «Город Белгород» решение Совета депутатов г. Белгорода от 29.04.2008 г. № 15; «Об утверждении Положения о порядке проведения квалификационного экзамена для присвоения квалификационных разрядов муниципальным служащим органов местного самоуправления г. Белгорода» решение Совета депутатов г. Белгорода от 24.06.2008 г. № 41.

Принятие и реализация на практике данных нормативно-правовых актов в администрации города Белгорода позволили выстроить стройную систему в работе с кадрами, осуществить практические меры по внедрению в муниципальное управление современных научных подходов и кадровых технологий.

Так, проведенный в 2007-2008 гг. кадровый аудит позволил внедрить практику построения структуры администрации города по штабному принципу, разработать схемы взаимодействия, зоны полномочий и ответственности, персонифицировать функции работников.

В настоящее время в деятельности администрации города применяются различные принципы распределения задач и функций между подразделениями администрации: по отраслям управления, характеру управленческой деятельности, целевым группам, по территориям. В соответствии с этими принципами созданы конкретные организационные единицы – департаменты, комитеты, управления, службы, сектора. Однако работа по оптимизации структуры под конкретные цели и задачи требует продолжения. По инициативе администрации в городе образовано МУ «Институт муниципальных проблем», который взял на себя функции статистического и социологического обеспечения управленческой деятельности.

Создана система непрерывного образования работников администрации города, которая нацелена на повышение профессионализма и компетентности муниципальных служащих.

Однако, система организации муниципальной службы пока не лишена недостатков. Об этом свидетельствует практика муниципального управления. Многие служащие не задумываются о целях своей деятельности, не могут самостоятельно ставить задачи и принимать адекватные действия. Управленческие решения зачастую не подкрепляются должным аналитическим обоснованием.

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации по итогам совещания по формированию резерва управленческих кадров 23 июля 2008 года правительство Белгородской области постановлением от 10 ноября 2008 года № 272-ПП, утвердило разработанную аппаратом губернатора и областным ГУ «Белгородский региональный ресурсный инновационный центр» областную целевую программу «Формирование и подготовка резерва управленческих кадров Белгородской области на 2008-2013 г.г.»

Целью Программы является выявление и привлечение граждан РФ, по своему потенциалу способных сформировать профессиональное ядро системы государственного и муниципального управления и выступить в роли кадровой опоры высшего руководства области в реализации Стратегии социально-экономического развития области до 2025 года.

В г. Белгороде с целью дальнейшего эффективного использования кадрового потенциала подготовлена администрацией города, МУ «Институт муниципальных проблем» и принята решением сессии Совета депутатов города от 28 октября 2008 г. № 92 городская целевая программа «Муниципальные кадры» на 2009 – 2011 годы¹, которую рецензенты И.В. Анциферова, И.Ф. Самсонов с участием кафедры Государст-

¹ См.: Решение Совета депутатов г.Белгорода «Об утверждении городской целевой программы «Муниципальные кадры» на 2009-2011 годы от 28.10.2008 г. № 92.

венного и Муниципального управления КИГМС оценили положительно и рекомендовали к исполнению¹.

Мы считаем, что принятие данной программы является своевременной и актуальной мерой, поскольку предусматривает изучение, оценку сложившейся практики управленческой деятельности на муниципальном уровне и трансформацию имеющегося опыта, а также внедрение новых технологий на среднесрочную перспективу.

Целью программы является дальнейшее повышение эффективности муниципального управления за счет решения следующих основополагающих задач:

1. Формирования профессионально-компетентных кадров, способных эффективно решать стратегические задачи экономического и социального развития города;
2. Совершенствования организационной структуры управления городом и внедрение в практику работы органов МС кадровых технологий;
3. Обеспечения материальной и информационной среды для эффективного выполнения кадрами местного самоуправления своих должностных обязанностей;
4. Повышения престижа муниципальной службы;
5. Развития корпоративной культуры.

Перечень программных мероприятий разработан под каждую задачу и насчитывает 41 пункт с бюджетом в 32 578,8 тыс. руб.

Значительное место в Программе занимает система непрерывного образования работников администрации города, которая нацелена на всемерное повышение профессиональной подготовки кадрового состава на основе как традиционных форм обучения (профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации), так и внедрения новых обучающих кадровых технологий, таких как создание института стажерства в администрации города, на муниципальных предприятиях и учреждениях города, развитие всеобуча (ежемесячных семинаров для работников администрации), подготовка перспективного кадрового резерва муниципальных служащих, обучение их в школе резерва кадров.

Существенное место отведено в программе проблеме разработки нормативно-правовой базы регулирования отношений в сфере муниципальной службы, установления статуса служащих с учетом норм федерального законодательства.

Результатом Программы должно стать достижение количественных и качественных показателей выполнения Стратегии развития города Белгорода, формирование нового типа муниципального служащего XXI века, обладающего широким кругозором, компетентностью, способного предлагать новые модели действия в условиях реформирования органов местного самоуправления².

По итогам реализации данной муниципальной Программы будет сформирован действенный резерв управленческих кадров, разработана и апробирована кадровая технология проведения отбора и оценки кандидатов для работы в органах местного самоуправления.

Кандидаты или «резервисты», прошедшие все этапы отбора, будут готовы:

– к управлению на муниципальном уровне, уметь осуществлять управленческие воздействия, используя собственный интеллектуальный и психологический потенциал и свои профессиональные знания в области рыночной экономики, юриспруденции, финансов;

– к быстрому освоению новых областей и сфер деятельности, и адаптации в работе аппарата администрации города;

– к обучению и гибкому реагированию на инновации в области экономики и социальной сферы.

Следовательно, это будут менеджеры, управленцы, муниципальные служащие, которые смогут не только инициировать и сформировать инновационные социальные проекты, но и управлять возникающими при этом социально-политическими процессами.

¹ См.: Рецензия на паспорт городской целевой Программы «Муниципальные кадры» (2009-2011 гг.) г. Белгорода. Ректор КИГМС, д.ф.н. профессор В.М. Ермаков

² См.: Паспорт городской целевой программы «Муниципальные кадры» на 2007-2011 гг.

Выдвижение на ключевые муниципальные должности таких подготовленных управленцев-профессионалов из числа резерва, на наш взгляд, позволит органам местного самоуправления в значительной степени ускорить переход к инновационной экономике, значительно повысить эффективность системы муниципального управления, стимулировать важнейшие социальные изменения, а также обеспечить процесс внедрения в практику работы аппарата исполнительного органа власти эффективных кадровых технологий, значительно повысить качество предоставленных муниципальных услуг населению города Белгорода.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 2 марта 2007 года №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».
3. Закон Белгородской области от 24 сентября 2007 года №150 «Об особенностях муниципальной службы в Белгородской области».
4. Постановление правительства Белгородской области от 29 сентября 2006 г. №202-пп «Об утверждении административного регламента проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Белгородской области».
5. Решение сессии Совета депутатов города Белгорода от 28 октября 2008 года №92 «Об утверждении целевой программы «Муниципальные кадры» на 2009-2011 годы».
6. Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Черепанов; В.П. Иванов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, Закон и право, – С.469.
7. Володин А.М., Немчинов А.А. Муниципальная служба. – М., 2002.
8. Магомедов К.О. Кадровые технологии в управлении персоналом государственной гражданской службы. Служба кадров и персонала. Ежемесячный журнал 10.2007.
9. Нечипоренко В.С. Муниципальное управление: правовые основы муниципальной службы. – М.: Логос, 2001.
10. Фабричный С.Ю. Муниципальная служба Российской Федерации. – М.: МОНФ, 2001.
11. Паспорт городской целевой программы «Муниципальные кадры» на 2007-2011 гг.
12. Рецензия на паспорт городской целевой Программы «Муниципальные кадры» (2009-2011 г.г.) г. Белгорода. Ректор КИГМС, д.ф.н. профессор В.М. Ермаков.

PERSONNEL TECHNOLOGIES IN THE MUNICIPAL SERVICE SYSTEM: EXPERIENCE, PROBLEMS, PERSPECTIVES (BELGOROD EXPERIENCE)

Y.V. Astakhov

Belgorod State University

The article discusses problems of personnel management in the system of the municipal service. Scientific actuality and practical importance of the problem is grounded by the key function of the complex use of personnel technologies in the maintenance of the municipal service functioning. The author emphasizes municipal service personnel management as a part of municipal service management as a whole. The article analyzes the experience of personnel technologies use in state and municipal bodies of Belgorod region, and also the implementation of the municipal program “Municipal personnel” (2009-2011) to the Administration of Belgorod.

Key words: personnel technologies, municipal personnel.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И НОРМАТИВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

О.А. Алексеев¹⁾
Д.А. Воробьева²⁾

¹⁾Саратовский институт
(филиал) Российского государственного
торгово-экономического университета

e-mail:
tecaurus@rambler.ru

²⁾Саратовский
государственный
аграрный университет

e-mail:
tecaurus@rambler.ru

Авторы рассматривают динамику изменений социальных нормативов и норм в российском сельском сообществе. Определяют основные уровни дифференциации социальной политики на селе. Предлагают способы решения основных социальных проблем сельчан с помощью повышения их хозяйственной активности.

Ключевые слова: Социальная политика, аграрные реформы, социальные нормативы, сельское сообщество, экономическая социология.

Научный интерес к разработке социальных норм и нормативов возник в СССР в 70-х годах XX века в связи с повсеместным распространением в стране социального планирования. Появилось огромное количество книг, статей и диссертаций, в которых систематизировались методологические и терминологические тонкости разграничения этих понятий, целесообразность применения на разных уровнях отраслевого и территориального планирования, возможность использования в прогнозных исследованиях и т.д.¹ Уже в то время сложилась весьма устойчивая трактовка, с которой можно согласиться и сейчас, что *социальная норма* – это стихийно сложившееся или установленное органами государственной власти, обществом, социальной группой правило, образец, предписание, которое определяет шаблоны – стереотипы сознания и поведения, а также ту или иную форму жизнедеятельности личности, включая ряд аспектов условий жизнедеятельности. Что касается *социальных нормативов*, то это – показатель нормы, расчетная величина затрат (времени, человеческой деятельности), ресурсов и потребления в соответствии с установленными социальными нормами.

Социальные нормативы не есть нечто постоянное. Они являются результатом возможностей общества и развиваются вместе с ростом этих возможностей. В современной России система социальных нормативов и стандартов потребления должна определяться предельно возможным уровнем государственных затрат на их реализацию, зависящим, в свою очередь, от величины национального дохода. Важным и не до конца решенным здесь пока является вопрос о ранжировании социальных стандартов в соответствии с первоочередными задачами роста национальной экономики.

Рассмотренные нами методологические положения полностью касаются аграрного производства и сельского сообщества. Более того, в силу объективно существующей специфики, социальные аспекты для села даже важнее, чем для города. Так, ввиду большей весомости в результатах человеческого фактора социальные предпосылки и условия развития сельскохозяйственного производства проявляют себя намного эффективнее, чем в промышленности. По данным исследований, проведенных в конце 80-х годов прошлого века в Поволжье, использование всех социальных резервов

¹ См.: Харин Б.Д. Социальные нормы и ориентиры / Б.Д. Харин. – Л.: Изд. ЛГУ, 1977; Социальные нормативы и ориентиры. – М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1980.

агропромышленного производства при тех же материальных затратах и ресурсах было способно увеличить его эффективность примерно вдвое¹.

Учитывая существенное ослабление за годы экономического реформирования материально-технической базы сельского хозяйства, вряд ли этот показатель в XXI веке будет ниже, а влияние социальных факторов на производство существенно ослабнет. Скорее, наоборот. То же самое имеет место и по отношению к социально-экономическим и культурно-бытовым различиям между городом и деревней. Они по-прежнему неоправданно велики, но, что самое недопустимое, имеют тенденцию к дальнейшему росту. Уже сейчас диспропорции в экономическом и социальном развитии города и села тормозят структурную перестройку экономики, научно-технический и социальный прогресс, подрывают основу даже для простого воспроизводства трудовых ресурсов в сельской местности, разрушают сельскую поселенческую сеть и социальную инфраструктуру села, а в перспективе, по мнению экспертов, могут привести к уничтожению полноценной деревни как важной и специфической подсистемы общества.

Поэтому, по нашему мнению, современная социальная политика по отношению к селу должна быть дифференцирована на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

1. Федеральный уровень:

1.1. В сфере развития производства и предпринимательской деятельности:

- создание благоприятных условий для предпринимательства путем совершенствования налоговой политики;
- развитие доступной для населения системы кредитования;
- увеличение бюджетных расходов, направляемых на развитие предпринимательства;
- ужесточение антимонопольного законодательства;
- усиление государственного контроля за ценами на энергоносители и другие сырьевые ресурсы, за железнодорожными тарифами;
- повышение роли госзаказа;
- усиление таможенных барьеров для импорта;
- установление жесткого контроля за добычей и продажей природных ресурсов.

1.2. В сфере развития личного подсобного хозяйства необходимо ввести в действие законы, содействующие развитию малого бизнеса и повышению социальной защиты граждан, занимающихся личным подсобным хозяйством (ЛПХ).

1.3. В сфере занятости и социально-трудовых отношений необходимо:

- укрепить этос труда за счет придания трудовой деятельности значения и перспектив, сочетающих в себе ценности личного, частного и всеобщего благополучия;
- усилить реальную защиту трудовых и социальных прав работника;
- повысить общий уровень занятости населения.

1.4. В сфере регулирования доходов повысить гарантии работников, ввести автоматическую индексацию минимальной заработной платы до уровня прожиточного минимума в соответствии с темпами инфляции, своевременно индексировать доходы населения, в т.ч. оплату труда сельских жителей довести до уровня горожан.

1.5. В сфере повышения образования и квалификации важным является принятие законов, стимулирующих работников и работодателей повышать качество воспроизводства рабочей силы.

2. На региональном уровне меры аналогичны по всем направлениям, но особое внимание следует уделить оптимальному сочетанию институциональных и организационных форм регулирования деятельности социумов (территориальных и территориально-производственных).

¹ См.: Зубков В.А., Кутенков Р.П. Социальные факторы повышения эффективности сельскохозяйственного производства / В.А. Зубков, Р.П. Кутенков. – Саратов: Институт социально-экономических проблем развития АПК АН СССР, 1987. – С. 12.

3. Социальная политика на муниципальном уровне обладает большими возможностями. Соответственно направления федеральной и региональной социальной политики должны подкрепляться:

3.1. Финансовой и материальной поддержкой предпринимательства, семейного бизнеса на селе, прежде всего, путем выдачи техники в аренду, помощи в организации сбыта готовой продукции, выделения земли, скота-молодняка; помощью в создании бытовых кооперативов;

3.2. Созданием условий для появления новых рабочих мест посредством предоставления сельхозпредприятиям и предпринимателям дополнительных льгот (субсидирование, льготное налогообложение и кредитование); целевой поддержкой имеющейся структуры рабочих мест; развитием самозанятости населения с учетом его потребностей; формированием сети информационных услуг; созданием условий для реального участия персонала сельскохозяйственных предприятий в самоуправлении и в распределении прибыли.

Сельское население обладает значительным потенциалом жизнестойкости, который при научно-обоснованной социальной политике по отношению к селу и АПК вполне может проявить все свои созидательные силы. Так, если ранее в качестве опорного и определяющего элемента экономического потенциала страны (региона) выступала материальная база, производственный аппарат, то сейчас в развитых странах основным критерием считается способность экономики к эффективным качественным и структурным сдвигам, которая непосредственно связана с человеческим фактором. Поэтому соответствующим образом трансформировалось понятие капиталовложений, их состав и содержание инвестиционной политики. Возникла самостоятельная многоотраслевая сфера инвестиций в развитие человека как физического и социального субъекта (инвестиции в «человеческий капитал»). Уже в 60-х годах прошлого века в США эти инвестиции были сопоставимы с инвестициями в материальную сферу, а в настоящее время далеко их превосходят. Не случайно все наиболее важные и значительные по своим последствиям сдвиги в воспроизводственном процессе в США давно уже происходят вне материальной сферы – в сфере укрепления и развития личностного потенциала.

Сельский социум включает большое количество взаимосвязанных акторов – это частные хозяйства мелкотоварного и потребительского типа; сельскохозяйственные предприятия, выполняющие роль работодателя, производственных единиц и источника ресурсов для семейного хозяйства; государственные учреждения; наконец – это местная муниципальная власть, через которую государство проводит свою политику, а население стремится реализовать свои потребности и интересы. Взаимодействие их друг с другом включает большое число обычаев, традиционно присущих крестьянской общине, а также новых обычаев, в которых большой вес имеют социальные связи в форме локальных сетей поддержки. В то же время расширение рыночного пространства, закреплённого новыми институциональными установлениями, усиливает тенденцию разъединения производства и потребления.

Особенно это характерно для фермеров, большинство которых специализируется на производстве для продажи и ничтожно мало потребляет сам, что является позитивной тенденцией. То же присуще и семьям, ведущим мелкотоварное хозяйство крестьянского типа. Это реальные признаки того, что главенствующее на селе натуральное хозяйство постепенно заменяется специализированным, как у западных фермеров. Не менее важны и другие положительные последствия: во-первых, происходит активизация организаций, занимающихся нахождением и удовлетворением индивидуальных потребностей населения. Долгое время это осуществляли самодельные перекупщики. Во-вторых, это не может не повлиять на те официальные инстанции, в компетенцию которых входит ответственность за различные сферы жизни села, но которые пока пассивны. В-третьих, поскольку в отношении между собой вступают равноправные контрагенты на основе единообразия договорных норм, облегчается вовлечение в гражданское общество отдельных индивидов, живущих на селе.

Сегодня многих ученых беспокоит разобщенность между акторами, входящими в сельский социум, создающая помехи в интеграции сельских сообществ. Выход из этой ситуации нередко связывают с усилением роли государства, которое должно устанавливать принцип иерархической координации. Вместе с тем, нужно учитывать специфику разных социумов и их готовность к инновациям. Во-первых, в социальной среде социумов потенциально содержатся определенные паттерны будущих структур, и лишь соответствующие этому паттерну воздействия государства имеют надежду на успех. Во-вторых, важна не мощность воздействия, а его направленность на типологически правильно организованные структуры. В-третьих, для инициирования процессов ускоренного роста необходимо включение механизмов нелинейной обратной связи, дающей эффект кооперации, состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций социума.

Поэтому мы полагаем, что государство, прежде всего, должно сосредоточить внимание на нерыночных социальных аспектах жизни, таких как общественная безопасность, здравоохранение, образование, культура, возможности отдыха и т.п. Это, конечно, не означает, что агропромышленное производство должно остаться без внимания. В условиях рынка государство ограничивает свое участие в АПК, но за ним остаются функции разрешения противоречий между общими национальными интересами и интересами различных его субъектов. В условиях вступления страны в ВТО необходимо не только продолжение субсидирования АПК во все больших масштабах, но и перераспределение доходов из сферы переработки непосредственно в сельское хозяйство, без чего оно не устоит в конкурентной борьбе с зарубежными фермерами. Кроме того, для эффективного существования АПК необходимо, чтобы в нем действовали механизмы порядка, социализации, воспроизводства, социального контроля и подавления преступных интересов. Хотя это прерогатива государства, но без самостоятельности членов локального сельского социума здесь не обойтись.

Преодоление социальной безответственности сельского населения – одна из актуальных ныне задач, решение которой мы связываем с демократическим участием его в принимаемых решениях и взятии на себя ответственности. Современные практики стимулирования активности, реализуемые муниципалитетами, страдают формотворчеством, между тем важно одно главное условие – приближение уровня принятия решения к отдельному гражданину. Важно действенное сотрудничество по реализации интересов всех акторов, входящих в социум, как между собой, так и между сообществами. Многие, ныне трудно реализуемые задачи (создание рабочих мест, средств коммуникации, дистанционные формы обучения школьников в мелких удаленных деревнях и т.п.), окажутся вполне решаемыми при объединении нескольких сообществ под конкретные проекты. Главное – общество и государство должны оценить всю драматичность положения 30 миллионов своих граждан – селян, которые имеют право, пусть с опозданием, почувствовать, что настало время позитивных перемен.

Список литературы

1. Харин Б.Д. Социальные нормы и ориентиры / Б.Д. Харин. – Л.: Изд. ЛГУ, 1977.
2. Социальные нормативы и ориентиры. – М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1980.
3. Зубков В.А., Кутенков Р.П. Социальные факторы повышения эффективности сельскохозяйственного производства / В.А. Зубков, Р.П. Кутенков. – Саратов: Институт социально-экономических проблем развития АПК АН СССР, 1987.

SOCIAL NORMS AND SPECIFICATIONS OF THE MODERN RUSSIAN RURAL COMMUNITY

O.A. Alexeev¹⁾
D.A. Vorobeva²⁾

*¹⁾Saratov institute
(branch) of the Russian
state trade and economic
university.*

*e-mail: tecau-
rus@rambler.ru*

*²⁾ Saratov state agrarian
university*

*e-mail: tecau-
rus@rambler.ru*

The author considers dynamics of changes of social specifications and norms in the Russian rural community. He defines the basic levels of differentiation of social policy on village and offers ways of the decision of the basic social problems of peasants by means of increase of their economic activity

Key words: Social policy, agrarian reforms, rural space, rural community, economic sociology.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ

Т.А. Бочарова

*Институт
региональной
политики
и законодательства*

*e-mail:
bocharova1969@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы организации информационно-аналитической работы в органах государственного управления региона. Обосновывается идея применения социальных технологий для совершенствования этой деятельности. Рассматриваются перспективные социальные технологии информационно-аналитического обеспечения управления.

Ключевые слова: государственное управление, социальные технологии, информационно-аналитическая работа, аналитика, технологическое мышление

Информационно-аналитическая деятельность является важнейшей характеристикой процесса государственного управления. Значение ее возрастает в силу усложнения управленческих задач, выражающегося в увеличении числа его объектов, их дифференциации и, как следствия, – постоянного нарастания комплекса решаемых проблем.

Важнейшая функция ИАР – получение знания, необходимого для оптимизации управления, совпадает с определением социальных технологий как специально организованной области знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов¹. Во-вторых, непосредственными участниками информационно-аналитической деятельности являются государственные служащие. Но, как показывают многочисленные исследования, в настоящее время «функциональная, требуемая профессиональной деятельностью модель поведения чиновников – целерациональность – реализуется слабо. Поведение государственных служащих больше подчинено импульсивности»². В силу этой особенности в различные виды профессионально-управленческой деятельности государственных служащих привносится значительный элемент атехнологичности. В ИАР он, безусловно, выражен несколько слабее, но все же имеет место. Технологизация аналитики позволит создать предпосылки для устранения данного недостатка.

Мы определяем социальные технологии организации информационно-аналитической работы в органах государственного управления регионом как систему рационально обоснованных, выстроенных в соответствии с теоретически обоснованным алгоритмом процедур оптимизации ИАР, направленных на повышение ее функциональной эффективности как одной из основных форм обеспечения управления.

Алгоритм стратегии ИАР, предложенный в первом разделе диссертации, включает в себя следующие элементы: определение тезауруса, выявление проблем, прогноз, разработку проектов и программ. Каждый из этих элементов подлежит последовательной технологизации. Но при этом необходимо учитывать, что внедрение технологий в процесс организации аналитики может быть успешным лишь при целенаправленном формировании необходимых для этого внешних и внутренних условий.

Внешние по отношению к системе государственного управления регионом условия целесообразно разделить на две группы.

¹ Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – М.: Белгород, 1993. – С. 52.

² Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // СОЦИС. – 2004. – № 3. – С. 114.

Во-первых, условия, связанные с состоянием теории и методики информационно-аналитической деятельности. Внедрение социальных технологий в процесс ИАР становится возможным, если сформирована продуктивная «гносеологическая среда», под которой мы понимаем систему ценностей, форм, методов и навыков познания социальной реальности, доступных для утилитарного использования любым актором информационно-аналитической деятельности. Такие возможности связаны преимущественно с развитием эмпирической социологии, прежде всего, с разработкой типовых методик проведения исследований.

Во-вторых, к числу внешних условий внедрения социальных технологий в практику аналитики относятся условия, характеризующие социальную среду управления. Технологизация информационно-аналитической работы, на наш взгляд, может стать фактом только в том случае, если внешняя среда сформирует достаточно серьезные вызовы в адрес региональной системы государственного управления, побуждающие ее к качественному совершенствованию аналитики. Артикуляция подобных требований является убедительной лишь при наличии гражданского общества и диалога между ним и государством.

В ходе такого диалога формируются предпосылки для ориентации системы управления вовне на обеспечение социального обслуживания граждан, на людей с их проблемами и заботами. В противном случае государственные служащие формируют особую корпоративную среду со специфическими ценностями, в минимальной степени открытую для общества.

Не случайно в последнее время исследователи и практики все чаще (и вполне обоснованно) говорят о формировании в России корпоративного государства¹. В ценностно-смысловом отношении этот процесс означает, во-первых, своеобразную приватизацию чиновниками ценностей и смыслов развития общества и государства. В результате ее смысловые характеристики управленческой деятельности подменяются нормами функционирования иерархической административной системы. Ценности работников концентрируются вокруг карьерного роста и обеспечения престижности своего статуса, что вполне естественно, поскольку карьерная стратегия является основной стратегией чиновника. Во-вторых, происходит «меркантилизация» целей, выражающаяся в попытке использовать свое положение и контролируемые ресурсы в корыстных интересах.

На этом фоне любые внешние вызовы, особенно приглашения к диалогу и консенсусному стилю общения, рассматриваются как, по меньшей мере, излишние процедуры. А в ряде случаев – как покушение на монополию бюрократии на государство и государственное управление. Между тем, еще И. Ильин справедливо подчеркивал: «Государство по самому существу своему есть организация не частноправовая, наподобие кооператива, а публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная. И этим одним уже предопределено, что оно никогда не перестанет быть учреждением и никогда не превратится в корпорацию чистой воды»².

Довольно высоко адаптивная по своей сути система ИАР обычно функционально самонастраивается или подстраивается под цели управления. При корпоративном управлении она предельно формализуется, ее представители с легкостью усваивают

¹ Представление о корпоративности современного государственного управления является довольно устойчивым в общественном мнении. В частности, согласно данным исследования «Власть и административные услуги: ожидания населения и реальность», проведенного кафедрой политологии и политического управления РАГС при Президенте РФ, доля граждан, убежденных, что государственные служащие защищают интересы граждан, составила в 2003 году 8,3%, в 2005 – 3%. В то же время соответственно 60,8% респондентов в 2003 году и 81,5% в 2005 году были убеждены: государственные служащие защищают свои собственные интересы // Комаровский В.С. Власть и административные услуги: ожидания населения и реальность // Социология власти. – 2005. – № 5. – С. 68.

² Ильин И. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993. – С. 26.

ведущую установку постмодерна, в соответствии с которой поиск смыслов является излишним. Характеризуя все более утверждающуюся точку зрения, С. Кургинян подчеркивает: «Как-то получается, что сегодня никто ни в чем не хочет обнаруживать никаких смыслов. Явление – да. Смысла – нет. Ничто ничего не означает, не выражает и не знаменует»¹. Одним из крайне негативных следствий такой установки является использование результатов аналитики для манипулятивной технологии воздействия на массовое сознание, мотивированное необходимостью обеспечить выполнение оперативных и тактических задач – задач, определяющихся явлением и не связанных с перспективой, с целью, то есть со смыслом.

Манипулирование «включает в себя преднамеренное искажение реального положения вещей путем замалчивания одних фактов и выпячивания других, публикацию ложных сообщений, пробуждение у аудитории ложных эмоций с помощью визуальных средств или словесных образов и т.д. Все эти приемы направлены на формирование искаженного общественного мнения, программирование опасных социальных реакций и т.д.»²

В противовес корпоративной ориентации в условиях интенсивного социального диалога ИАР с неизбежностью будет нацеливаться на объект управления, то есть на общество.

Внутренние условия характеризуют профессиональную готовность специалистов в сфере информационно-аналитической деятельности к последовательному внедрению научно-обоснованных процедур и их рефлексивной оценке. Она складывается из обладания профессиональными знаниями и навыками чиновников, специализирующихся в сфере ИАР, а также из их мотивации к этой деятельности. К ним в максимальной степени применимы характеристики, которые исследователи обычно относят к управленцам современного типа. Определяя их, Л.С. Болотова и Б.Л. Кукор, в частности, пишут: «Качество управленца зависит не только от его способности к синтезу новых решений на основе понимания и предвидения проблемных ситуаций, учета разнохарактерных знаний, но и от его способности к выстраиванию самых различных отношений в социуме со всеми субъектами взаимодействия. Именно в управленце, как в фокусе должны сочетаться и синтезироваться знания и способности из экономики, права, психологии, социологии, культуры, истории, экологии, политики, науки и других областей знания»³. Но одних только знаний для обеспечения внедрения социальных технологий недостаточно.

Мы полагаем, что социально-технологический подход к организации аналитики в качестве необходимого исходного условия предполагает изменение традиционных стереотипов мышления как руководителей, определяющих стратегию ИАР, так и непосредственных исполнителей. Если «нетехнологическое» («атехнологическое») мышление чиновников опирается на здравый смысл и интуицию, в основе своей импульсивно и непланово, то для технологического мышления типичен ряд противоположных этим черт:

– оно всегда направленно не столько на познание окружающей действительности, сколько на изменение ее в интересах системы управления, репрезентирующей интересы человека и социума. Ведущим в практике технологического мышления является, как и в информационно-аналитической деятельности, принцип научности, в ходе реализации которого формируется «корпус стандартизированных процедур сбора и обработки данных – технологий обращения с материалом»⁴. Эти процедуры должны

¹ Кургинян С. Гость из прошлого // Завтра. – 2008. – №. 8. – С. 2.

² Становление СМИ в России как инструмент демократии: политика государства и частных корпораций. – М., 2003. – С. 86.

³ Болотова Л.С., Кукор Б.Л. Интеллектуальные информационные технологии поддержки принятия решений в муниципальном управлении // Устойчивое развитие муниципального образования: теория, методология, практика. – М., 2006. – С. 117.

⁴ Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб., 2000. – С. 29.

быть «заданы» современной социологической теорией, ориентированной на получение достоверного знания о реальности. Последнее обстоятельство особенно важно в современной ситуации постмодерна, для которой типична установка на релятивизм, на подмену достоверного знания так называемыми симулякрами. Понятие «симулякр» или «симулакрум» (от лат. *simulare* – притворяться) трактуется по-разному в зависимости от точки зрения автора его употребляющего. Но в целом его допустимо рассматривать как общую характеристику используемых современным обществом знаков, то субъективных образований, используемых в познании в качестве указателей на наличие предметов, явлений и действий. Но это – знаки особого вида, не дающие точного представления о реальности, а потому собственно знаками их можно называть весьма условно. Ж. Бодрийар, в частности, утверждает, что со времен эпохи Возрождения в соответствии с изменениями ценностей последовательно сменились три порядка симулякров: подделка, составляющая господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции (симулякры этого рода маскируют и извращают подлинную реальность); производство, составляющее господствующий тип промышленной эпохи (симулякры маскируют отсутствие подлинной реальности); симуляция составляющая господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом (симулякры не имеют связи с какой-либо реальностью). Симулякр первого порядка, по его мнению, действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности¹;

– в технологическом мышлении в знаниях выделяется, прежде всего, гностический, изыскательский и преобразовательный аспекты, способствовавшие открытию еще не познанных объектов и процессов. Социальные технологии противоположны манипулятивным антитехнологиям, с которыми все чаще приходится иметь дело в социальном управлении. Как обоснованно писал А. Панарин, «новая интеллектуальная элита, прошедшая школу психоанализа и научившаяся работать с «комплексами», считает делом своей профессиональной чести создать столь плотную, столь непроницаемую для свидетельств реального опыта систему симулякров, что погруженные в нее получают возможность полной и окончательной «отключки». Он подчеркивал: «Здесь-то мы и подходим вплотную к вопросу о природе современной классовой эксплуатации. Люди, владеющие технологиями производства «чувственно полноценных» (погружающих наше сознание без остатка) симулякров, могут выступать в роли касты фальшивомонетчиков: в обмен на наши трудовые усилия или наши природные богатства они нам предложат «блестящие видимость»². Поэтому всегда существует опасность использования ИАР в корпоративных асоциальных целях, что в принципе несовместимо с позитивной идеей технологизации в ее классическом понимании К. Поппером;

– технологическое мышление максимально рационально. Оно характеризуется установкой на четкое определение понятий, предполагает выбор альтернативных вариантов и калькуляцию позитивных и негативных следствий. Технологический подход к аналитике предполагает четкую постановку целей, постоянный креативный поиск ее наиболее результативных форм и тщательный анализ полученных результатов. Неизбежным следствием рациональности является переоценка отношения к знаниям. Если ранее оно выступало как самоцель, то в результате технологизации знание, информация рассматриваются в первую очередь как государственная услуга, своего рода товар. Предполагается, что знание «производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет

¹ Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть // Режим доступа к изд.: http://www.ukma.kiev.ua/pub/MWT/Text/Baudrillard/Bouodr_2.html. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

² Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002. – С. 43.

свою потребительскую стоимость»¹, сохраняя и увеличивая при этом меновую;

- технологическое мышление тесно связано с рефлексией, а также с умением строить образ оптимального конечного результата. Поэтому его утверждение в ИАР требует приобретения ее субъектами способности преодолевать собственные иллюзии, доверять результатам, полученным с помощью апробированных методик и корректировать на их основе не только первоначально сформулированные цели, но ценностно-смысловые установки;

- технологическое мышление является проектным и представляет собой процесс обобщенного и опосредованного познания действительности, в ходе которого человек использует технологические, технические, экономические и другие знания для выполнения проектов по созданию товаров или услуг от идеи до ее реализации, то есть оно призвано активизировать проектную деятельность человека. Поэтому технологическое мышление ориентировано на будущее, оно максимально прогностично².

Технологическое мышление в аналитике может быть определено как «структурно-параметрическое»³. В нашем понимании это мышление, ориентированное на достижение конкретных измеряемых параметров в оценке управленческой деятельности, достигаемых с помощью эффективных структурных преобразований. Такое мышление, с одной стороны, существенно отличается от научно-теоретического гуманитарного мышления, ориентированного на выявление закономерностей; с другой стороны – от бюрократического мышления, имеющего формальный характер и опирающегося на идею сохранения status quo.

Формирование комплекса внешних и внутренних условий позволит, по нашему мнению, создать необходимые предпосылки для систематического применения в процессе ИАР социальных технологий. При этом процесс внедрения технологий должен осуществляться по нескольким направлениям.

Прежде всего, это – технология институционализации ИАР, под которой следует понимать совершенствование организационно-правового оформления данного вида деятельности. В современных условиях оно предполагает ревизию функций ИАР-структур; их регламентацию функций; вынесение части из них аутсорсинг; формирование комбинированной модели управления информационно-аналитической деятельностью. В основе такой модели может лежать идея создания ситуационных центров. Они представляют собой коллективы экспертов по соответствующим предметным областям, осуществляющих аналитические разработки по заказам управленческих структур, готовящих и принимающих решения в конкретной ситуации.

Технология совершенствования процесса ИАР включает в себя определение тезауруса субъекта аналитики; выявление проблем; прогноз; разработку проекта; подготовку и реализацию программы. В сущности, она представляет собой применение программно-целевого управления в конкретной сфере деятельности, использование которой, разумеется, должно учитывать специфику данной сферы.

Технология управления кадровыми процессами основана на применении процедур персонал-маркетинга и профессионального развития кадров. Специфика ее применения в сфере аналитики связана с тем, что, во-первых, на региональном уровне в настоящее время ощущается дефицит аналитиков. Во-вторых, отсутствует обоснованная модель профессиональных компетенций специалистов в сфере ИАР. В-третьих,

¹ Полякова Н. XX век в социологических теориях общества. – М., 2004. – С. 342.

² См.: Симоненко В.Д. Основы технологической культуры. – М., 1998; Симоненко В.Д., Овечкин В.П. Методологическое и дидактическое обеспечение технологического образования школьников // Технологическое образование и предпринимательство. Сборник научных статей. – Брянск, 1999; Симоненко В.Д., Ретевых М.В., Матяш Н.В. О сущности понятия «технология» // Технологическое образование на пороге третьего тысячелетия: Сборник трудов научно-практической конференции. – Новосибирск, 1999.

³ Данчул А. Информационно-аналитические технологии и ситуационные центры // Государственная служба и кадры. – 2004. – № 4. – С. 133.

нуждается в совершенствовании практики профессионально-квалификационного развития работников. Все эти проблемы требуют комплексного решения в рамках целевой программы формирования и развития кадрового потенциала регионального управления.

Технология формирования интерактивного пространства аналитики предполагает нормативную регуляцию ИАР, консолидацию участников информационно-аналитической работы в рамках единой программы и мотивацией внешних участников. Программа развития информационно-аналитической деятельности в регионе, по нашему мнению, должна стать основным нормативным документом регулирования данной сферы.

Технология информационно-компьютерного обеспечения ИАР определяет практику внедрения современных программных и технических средств для осуществления информационно-аналитической работы. Основными задачами в данной связи являются: формирование эффективных механизмов сбора, переработки, хранения и передачи государственной информации в электронном виде; развитие практики публичного раскрытия данных государственных органов, внедрение аудита государственных информационных систем; создание «инфраструктуры доверия», обеспечивающей юридическую значимость электронного взаимодействия при выполнении государственных функций и предоставлении государственных услуг; формирование системы стандартизации программного обеспечения, используемого в государственном управлении; создание эффективной системы информирования населения региона.

Список литературы

1. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – М.: Белгород, 1993.
2. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // СОЦИС. – 2004. – № 3. – С. 114.
3. Комаровский В.С. Власть и административные услуги: ожидания населения и реальность // Социология власти. – 2005. – № 5. – С. 68.
4. Ильин И. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993.
5. Кургинян С. Гость из прошлого // Завтра. – 2008. – № 8. – С. 2.
6. Становление СМИ в России как инструмент демократии: политика государства и частных корпораций. – М., 2003.
7. Болотова Л.С., Кукор Б.Л. Интеллектуальные информационные технологии поддержки принятия решений в муниципальном управлении // Устойчивое развитие муниципального образования: теория, методология, практика. – М., 2006.
8. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб., 2000.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть // Режим доступа к изд.: http://www.ukma.kiev.ua/pub/MWT/Text/Baudrillard/Boudr_2.html. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
10. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002.
11. Полякова Н. XX век в социологических теориях общества. – М., 2004.
12. Симоненко В.Д. Основы технологической культуры. – М., 1998; Симоненко В.Д., Овечкин В.П. Методологическое и дидактическое обеспечение технологического образования школьников // Технологическое образование и предпринимательство. Сборник научных статей. – Брянск, 1999; Симоненко В.Д., Ретевых М.В., Матяш Н.В. О сущности понятия «технология» // Технологическое образование на пороге третьего тысячелетия: Сборник трудов научно-практической конференции. – Новосибирск, 1999.
13. Данчул А. Информационно-аналитические технологии и ситуационные центры // Государственная служба и кадры. – 2004. – № 4. – С. 133.

SOCIAL TECHNOLOGIES OF ORGANIZING RESEARCH AND INFORMATION ACTIVITY WITH RESPECT TO THE NATIONAL ADMINISTRATION OF THE REGION

T.A. Bocharova

*Institute for Regional
Policy and Legislation*

*e-mail:
bocharova1969@mail.ru*

The present article covers the problems of research and information work arrangement in the Civil Service. The idea of social technics use is demonstrated in view of the work improvement. The more perspective and advanced social technics for research and information support in the Civil service is considered as well.

Key words: Civil Service, the social technics, research and information work, analytics, technological intellection.

КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭНЕРГОСФЕРЫ

А.С. Киселев

*Министерство
образования
и науки РФ*

В статье на основе конкретно-социологической диагностики рассматриваются актуальные проблемы перестройки системы управления энергосферой в контексте постиндустриального развития России в условиях мирового финансово-экономического и энергетического кризиса.

Ключевые слова: социология управления, социоинновационное развитие, энергосфера, энергопотребление, инновационный менталитет, инновационные ценности

По данным Всемирного Банка 2007 года (за год до начала мирового кризиса), только 28% всех российских предприятий государственного и частного сектора являлись конкурентоспособными в социально-экономическом измерении. 29% из них можно было отнести к более благополучным в этом отношении, а 43% компаний находились вне поля конкуренции и осуществляли деятельность за счет остаточного экономического потенциала, доставшегося им с советских времен.

Эти объективные данные, прежде всего, характеризуют не только недостатки ресурсного обеспечения российских предприятий и слабость их систем управления, которые определяют степень их вовлечения в процессы инновационного развития, но и ментальную неготовность управленческих кадров работать как в кризисных условиях, так и в условиях трансформации индустриальной экономики в инновационно-информационные уклады постиндустриализма.

В соответствии с государственной методикой оценки социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, в 2008 году средний *сводный индекс* региональных показателей по направлениям – конкурентная политика, развитие малого и среднего предпринимательства, занятость населения, приоритеты использования инновационного потенциала, инвестиционная политика, политика в сфере недвижимости и земли – составляет в среднем 0,42 (индекс показателей: самый высокий в Москве – 0,60, и самый низкий в Республике Тыва – 0,24). По сути, индекс этих показателей выражает степень социоинновационного развития наших территорий, демонстрирует состояние сферы новой культуры социальных и производственных отношений и менеджмента, уровень производства и масштабы потребления, предусматривающих, в том числе, рациональное использование необходимых ресурсов, к которым, прежде всего, относятся ресурсы энергосферы.

Актуальность предпринятого нами комбинированного социологического исследования продиктована, прежде всего, поиском научно-обоснованных, практически выверенных оснований необходимости формирования социоинновационных технологий управления энергосферой в интересах развития производственного потенциала территорий в условиях мирового кризиса, *выявления степени готовности менеджмента* российских предприятий всех форм собственности и чиновников госаппарата *к принятию креативных решений, к формированию новых ценностных ориентиров и ментальных приоритетов в направлении инновационного развития* своего бизнеса и территориальных энергетических комплексов.

Наше комплексное социологическое исследование было ориентировано на выяснение *основной проблемы – изучение социоинновационной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса в энергосфере*; оценка работы региональных центров социально значимой информации, созданных в регионах под эгидой ЮНЕСКО (в том числе, с помощью оценок экспертов ряда представителей регионов); анализа писем

граждан в федеральные органы власти по вопросам государственной научно-технической и инновационной политики.

Характеризуя в целом *социальную диагностику как метод научного конкретно-социологического исследования* различных явлений общественной жизни отметим, что она способна выявлять содержание основных факторов, действующих в социальной, экономической, правовой, политической, нравственной, научной и других сферах. Методом сбора первичной социологической информации явился метод анкетного и экспертного опроса выделенных **трех групп респондентов**

При проведении этого комбинированного социологического исследования главной задачей исследования являлось определение (косвенным методом) у респондентов (прежде всего, менеджмента государственного и частного бизнеса и экспертного сообщества регионов) *наличия определенных социоинновационных ценностей и соответствующих ментальных установок в связи с функционированием энергосферы*. Полученные результаты мы постарались обобщить и интерпретировать в данном параграфе в сжатом виде.

Итоги работы по первой группе респондентов:

1. Нами установлено, что *основные заказчики и покупатели* продукции инновационных предприятий в сфере энергоресурсов находятся:

а) В регионах-донорах по энергоресурсам (с потенциально слабой энергоэффективной культурой): Казахстан – 7%; Южная Америка – 0,3%;

б) В регионах с недостатком собственных энергоресурсов (с потенциально сильной энергоэффективной культурой): Украина – 11%; Белоруссия – 9%; Европа – 7%; Киргизия – 4%; Азия – 4%; Латвия – 2%; Эстония – 1%; Литва – 1%; Узбекистан – 0,3%; Грузия – 0,3%; Южная Америка – 0,3%.

Первый вывод опроса заключается в том, что наши инновационные предприятия в перспективе могут столкнуться с острой проблемой обеспечения энергоэффективности своей продукции (по причине возможного роста этих потенциальных требований со стороны покупателей их продукции).

2. Как показало исследование, *основные источники финансирования* инновационных предприятий в сфере энергоресурсов формируются из следующих каналов:

- Собственные средства – 74%;
- Прямые инвестиции – 50%;
- Грант – 39%;
- Ссуда, небанковский кредит – 14%;
- Венчурные инвестиции – 4%;
- Никаких – 2%.

Второй вывод показывает, что в период финансового кризиса значительная доля этих предприятий, не испытывает острого недостатка ликвидности, однако неизменное снижение доли экспорта (которое наблюдается практически во всех странах мира) приведет к снижению уровня собственных средств предприятий, что не позволит им развивать производство и приведет к режиму экономии, а, следовательно, заставит думать об энергоэффективном производстве (возрастут затраты на научные исследования и приобретение готовых энергоэффективных технологий) и следовательно увеличению объемов венчурного инвестирования собственных научных исследований.

3. Исследование *информационной потребности* предприятий показывает, что предприятия нуждаются в:

- информации о государственных тендерах, конкурсах – 40%;
- маркетинговой информации – 42%;
- информации об источниках, механизмах финансирования – 41%;
- информации о патентах, изобретениях, товарных знаках – 39%.

Третий вывод показывает, что большинство предприятий пока не проявляют особый интерес к наукоемкому производству и не мотивированы на энергоэффективное и информационно емкое производство.

4. Потребность в *инфраструктурных ресурсах* показывает на:

- инженерные коммуникации: электричество, связь – 43%;
- производственные помещения – 34%;
- офисные помещения – 23%.

Четвертый вывод позволяет утверждать, что для развития предприятий требуется их дополнительное энергообеспечение, но, скорее всего, не за счет технологического снижения собственной энергоемкости, а за счет дополнительного потребления электроэнергии, что приведет к отказу от расширения производства в условиях кризиса и необходимости сокращать свои издержки.

5. *Приоритетные задачи предприятий* в ближайшие два-три года (в условиях кризиса):

- снижение издержек, оптимизация расходов – 56%;
- выход на рынки других регионов страны – 54%;
- коммерциализация исследований и разработок – 42%;
- освоение новых производственных направлений – 35%;
- продажа, ликвидация, приватизация предприятий – 23%;
- другие – 21%.

Пятый вывод позволяет нам говорить о том, что ни один директор предприятия не упомянул о возможной борьбе за энергоэффективность своего производства.

Аналогичный вывод можно сделать по вопросу анкеты касающейся *перспективных проблем* предприятий. Никто из директоров не назвал проблему энергообеспечения – перспективной проблемой для своего производства.

В завершении общего анализа опроса первой группы респондентов отметим, что одной из ключевых проблем исследования являлось *исследование обеспеченности малых инновационных компаний необходимыми ресурсами*: информационными, финансовыми, инфраструктурными, кадровыми, энергетическими.

Под *информационными ресурсами* нами понимаются информация о проводимых или проведенных исследованиях и разработках в России (НИРы, ОКРы, диссертации и т.п.), база данных о патентах, изобретениях, товарных знаках и т.п., а также информация о государственных конкурсах, тендерах, закупках и заказах. Опрос показал, что *в большей степени эта информация востребована государственными предприятиями*.

В *финансовые ресурсы* мы включаем средства государственного бюджета федерального и регионального уровня, кредиты частных банков, собственные финансовые ресурсы предприятий.

Под *инфраструктурными ресурсами* понимается использование организациями элементов национальной инновационной системы. Кадровые ресурсы включают выпускников высшей школы, бизнес-школ, профильных колледжей. Энергетические ресурсы: свет, тепло и т.д.

Исследование показало, что наименее доступной государственные предприятия считают:

- информацию об источниках финансирования,
- маркетинговую информацию
- и информацию об исследованиях и разработках.

Таким образом, учитывая оценку важности информации, *самым проблемным информационным ресурсом* для государственных компаний является *информация об исследованиях и разработках*.

Участники исследования полагают наименее доступной информацию

- об источниках финансирования,
- о научно-технологических разработках и исследованиях.

Проблемным также является доступ к информационным данным об организации проведения государственных тендеров и закупок.

Исследование показало, что только 26% малых предприятий имеют собственные площади, а 23% используют элементы национальной инновационной системы –

размещаются на площадях специализированной инфраструктуры (технопарки и бизнес-инкубаторы и т.д.)

Из важнейших элементов инфраструктуры, чаще всего респондентами назывались инженерные коммуникации (обеспечение теплом, электричеством), наименьшую потребность инновационные предприятия в настоящий момент испытывают в офисных помещениях: всего до 30% респондентов.

Обращаем внимание на тот факт, что многие *малые инновационные компании* находятся в инкубаторах (29% по сравнению с 11% средних предприятий) и получают доступ к помещениям и инженерно-техническим коммуникациям на протяжении достаточно длительного времени. Вместе с тем, можно сделать вывод, что развитие малых предприятий в инкубаторах не предусмотрено по причине ограничений, прежде всего энергоресурсов, что укладывается в концепцию бизнес-инкубаторов, предусматривающую оказание помощи предпринимателям этого уровня *только на первом этапе* становления малого бизнеса.

Исследование продемонстрировало, что самую большую потребность предприятия испытывают в инженерно-техническом персонале, а также в научных работниках и IT-специалистах, причем государственные предприятия предъявляют несколько более высокий спрос, чем частные. Самый небольшой спрос наблюдается на финансовых топ-менеджеров, юристов и патентных поверенных. Только 30% респондентов показали, что не испытывают проблем с привлечением этих специалистов.

Исследование показало, что как для частных, так и государственных предприятий самые большие проблемы включают: а) неблагоприятные изменения в законодательстве и б) ухудшение макроэкономической конъюнктуры в стране.

Государственные предприятия больше озабочены проблемой потери помещения и лишения права на интеллектуальную собственность, созданную с участием средств федерального бюджета.

Результаты исследования также показывают, что доля собственных НИОКР на обследованных предприятиях составляет только – 10%. При этом НИОКР *не оцениваются по параметру обеспечения энергоэффективности*.

Наукоемкий бизнес приобретает права на интеллектуальную собственность в основном за рубежом (при этом *приобретаются устаревшие технологии с высоким уровнем энергопотребления*). Кроме того, 25% малых предприятий используют инновационную инфраструктуру (технопарки, бизнесинкубаторы, особые экономические зоны и т.д.); 70% предприятий не наращивают качество своей кадровой структуры (низкий спрос на инженерные кадры, финансовых топ-менеджеров, патентных поверенных, маркетологов, юристов в области инновационной деятельности), а по этой причине данные предприятия испытывают проблемы в получении достоверной информации об энергоэффективных технологиях, потенциальных источниках финансирования, маркетинговой информации, информации о результатах отечественных научных разработок (патентах, ноу-хау, товарных знаках), а также о государственных конкурсах, тендерах, закупках (по плану государственного заказа).

Таким образом, анализ результатов по первому исследованию показал, что в стране пока не полностью созданы приемлемые условия для воспроизводства научного потенциала и *отсутствует мотивация спроса на передовые отечественные энергоэффективные технологии*.

Все это требует поиска путей *стимулирования энергоэффективной деятельности бизнес-сообщества совместно с государством*, и это пока остается неосвоенным резервом изменения структуры нашего ВВП, который напрямую связан с *социальными вопросами*, поскольку в себестоимости отечественной продукции примерно 20% составляют затраты на коммунальные платежи и столько же, 20% – зарплата работников. Это не выдерживает, на наш взгляд, сравнения со структурой себестоимости продукции конкурентноспособных западных предприятий, у которых наблюдается высокая эффективность по экономии энергоресурсов и поддержанию высоких потребительских стандартов у работников.

Таким образом, повышение энергоэффективности напрямую связано с возможностями повышения заработной платы рабочих (без применения других инструментов, влияющих на этот показатель) и ее технологическим обеспечением, что, по сути, и является социоинновационным процессом.

Итоги экспертного опроса второй группы респондентов (400 экспертов из 28 регионов России) показали критическую оценку экспертов современного состояния вопросов управления инновационным развитием в своей организации, своем регионе и в стране в целом. Вместе с тем, 65% экспертов считают, что в этой сфере происходят *положительные сдвиги*. Только 10% экспертов отметили, что в сфере управления инновационным развитием в их регионе и стране в целом не происходит существенных изменений.

Эти эксперты отметили *первые пять факторов*, сдерживающих сегодня процессы управления развитием инноваций, в том числе в энергетической сфере: 1) финансовые, 2) нормативно-правовые, 3) кадровые, 4) организационные и 5) политические. 50% опрошенных недовольны состоянием нормативно-правового регулирования инновационной деятельности, а 30% удовлетворены только частично.

Касаясь перспектив инновационного развития страны, участники экспертного опроса показали следующие результаты:

- 49% респондентов смотрят в будущее с оптимизмом;
- 44% из них оценивают перспективы сдержанно;
- 5% экспертов относятся к будущему инновационному развитию страны пессимистично.

При этом не один опрошиваемый *не связывал перспективы инновационного развития с проблемами развития энергосферы*.

Результаты опроса респондентов третьей группы (участники 198 центров социально-значимой информации из 64 регионов страны) показали:

1. В стране, под эгидой ЮНЕСКО, созданы условия для распространения в регионы России *социально значимой информации*, касающейся, в том числе, проблем развития энергосферыю

2. Технологическая оснащенность центров социально значимой информации позволяет различным категориям населения (в том числе участникам малого бизнеса и представителям общественных организаций) получать *всю информацию*, касающуюся, прежде всего, новых технологий энергосферы.

3. Региональные центры социально значимой информации могут применяться в качестве инструмента по обеспечению трансфера энергоэффективных технологий в интересах развития малого бизнеса и энергоэффективного социального поведения населения, но только в случае *перестройки управления* этой деятельностью на новых парадигмальных условиях в интересах развития энергосферы.

Общие результаты комбинированного социологического исследования показывают, что для совершенствования системы управления инновационным развитием предприятий регионов требуется обеспечение дополнительных условий для реализации *социальной мобильности* людских ресурсов, *финансовой мобильности*, *интеллектуальной мобильности* (управление новыми знаниями), учет проблем управления, относящихся к энергосфере, т.е. *энергетической мобильности*.

Следуя логике результатов опросов, представляется необходимым обеспечить *дополнительное стимулирование социоинновационной деятельности предприятий территорий* за счет развития государственно-частного партнерства в энергосфере, что будет способствовать совершенствованию предпринимательской деятельности и инвестиционной привлекательности отечественных наукоемких предприятий со стороны, прежде всего, отечественных инвесторов из состава физических лиц, которые в условиях кризиса рискуют без учета подобных инвестиций потерять свои накопления из-за будущего роста инфляции и девальвации рубля.

Исследование продемонстрировало *низкую заинтересованность респондентов в совершенствовании процесса эффективного энергопотребления*, а это означа-

ет не развитость энергосберегающей психологии среди представителей бизнес-общества и низкий уровень их энергоэффективной культуры.

В конечном итоге комбинированное социологическое исследование позволило выявить следующие проблемы:

1. Незрелость социальной среды, и недооценка обществом постоянно усложняющейся социальной реальности, которая, в том числе, объясняется мировым финансово-экономическим кризисом, влияющим на состояние и развитие энергосферы.

2. Несовершенство механизмов и инструментов управления социальными потребностями, которые должны обязательно учитывать общественные изменения *толерантности* и *готовности к инновациям* и применения алгоритмов социального регулирования энергосферы.

3. Необходимость формирования в инновационном обществе *социоинновационных ценностей* и *инновационного менталитета*.

На основании вышеприведённых данных социальной диагностики стандартных практик общественного производства и потребления, автор формулирует «дерево целей», предлагает систему эмпирических индикаторов и показателей, подлежащих измерению.

CONCRETE SOCIOLOGICAL DIMENSION OF SOCIO-INNOVATIVE ACTIVITY OF ENTERPRISES AND ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF ENERGO-SPHERE FUNCTIONING

A.S.Kiselev

*Ministry of education
and science of the
Russian Federation*

The article discusses actual problems of the energo-sphere management reconstructing on the basis of concrete sociological diagnostics, in the context of post-industrial development of Russia and in terms of the global financial, economical and energy crisis.

Key words: sociology of management, socio-innovative development, energo-sphere, energy consumption, innovation mentality, innovation values

ИМПОРТИРОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ОБРАЗЦОВ И ПРАКТИК В СФЕРУ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Ю.А. Тюрина

*Дальневосточный
государственный
университет
путей сообщения*

В статье актуализируется проблема возможности и технологии перенесения зарубежных образовательных образцов и практик в высшее образование России в ракурсе сравнения западной и отечественной образовательной модели; рассматривается опыт и условия организации образовательного процесса в университетах США.

Ключевые слова: образовательный процесс, образовательная модель, социальные условия.

Импортирование зарубежных образцов и практик, или иначе заимствование извне, на современном этапе становления образовательного процесса в России¹ в своей основной части в высшем образовании происходит в рамках присоединения России к Болонскому соглашению. Среди основных целей, касающихся непосредственно организации образовательного процесса в соответствии с положениями Болонской декларации в Российской действительности – введение системы зачетных единиц (ECTS), для обеспечения которой необходим переход на модульное изложение материала внедрение модульных технологий построения образовательных программ, модульно-рейтинговой системы. Все названное – продукт или элементы западной модели высшего образования, предполагающей для реализации наличие определенных условий (социальных, экономических и т.д.), принципов, механизмов, образовательных практик и т.д. И введение этих элементов при реализации другой образовательной модели – это процесс не просто добавления или осуществления необходимых для участия в международных интеграционных процессах и сближения с Европой мероприятий, это есть соединение совершенно разных образовательных моделей.

В основе западной модели, образовательные образцы и практики из которой переносятся в образовательную сферу России, – прагматичность, проявляющаяся в прикладном характере образования, с ориентацией на усвоение знаний для их практического применения, и индивидуализм, вылившийся в преобладание субъект-субъектной парадигмы в обучении. Поддержка данной модели обеспечивается структурно-институциональной спецификой западного общества, рыночной экономикой. В высшем образовании западная модель определяется как либеральная.

Основа же отечественной образовательной модели, напротив, – господство коллективизма, доминирование принципа авторитета в воспитании и образовании, что, в свою очередь, предопределило преобладание субъект-объектной парадигмы в отечественном варианте. Данная модель зиждется на пирамидальности структур с преобладанием вертикальных взаимосвязей, отсюда преобладание организаций централизованно координируемых, с многоуровневой иерархией в управлении, государственное обеспечение. В исследовании высшего образования подобная модель определяется как традиционная, квазиадминистративная.

При перенесении зарубежных образовательных образцов и практик в сферу образования России в целом и в высшее образование в частности проблемы, наличие которых подтверждается неоднозначными результатами, возникают не только из-за того, что импортируемые образцы и практики – элементы иной образовательной модели, но и в силу специфики технологии внедрения данных образцов и практик в отечественное образование. Образовательные практики переносятся в российский вариант

¹ Тюрина Ю.А. Деятельностный подход в социологии в исследовании отечественного образования // Вестник СПбГУ. – 2008. – Серия № 12, Вып. 3. – С 295 – 306.

не в режиме системного встраивания, адаптации, а по принципу искусственного перенесения. Иными словами, из западной образовательной модели «вырываются» образовательные практики и образцы и «складываются», именно «складываются», на отличающуюся по содержанию, традициям, организации, структуре и т.д. модель отечественного образования. В итоге, изменения происходят болезненно, не всегда воспринимаются должным образом, а порой приобретают эффект формальности и, соответственно, не демонстрируют должного результата.

Названное, а именно отличие западной модели образования, из которой импортируются в сферу образования России образовательные образцы и практики, и отсутствие необходимых условий для их адаптации, можно проиллюстрировать, ссылаясь на некоторые выводы и результаты, полученные в ходе исследования, проведенного в конце 2008 года в Государственном университете штата Калифорния (США), включавшем опрос студентов и преподавателей университета. И хотя США не являются представителем западноевропейских стран, на которые ориентируется в своих преобразованиях Россия, сослаться на данные, полученные в этом исследовании, при анализе западноевропейской модели является возможным по следующим причинам:

- во-первых, образовательные практики и принципы организации образовательного процесса в США и в странах Западной Европы схожи, вследствие цивилизационных и культурно-исторических причин¹, и единой структурно-институциональной специфики²;
- во-вторых, Болонская модель подготовки профессионалов выдвинута, прежде всего, в противовес англоязычной модели, в первую очередь, американской³, а одна из основных причин подписания Болонского соглашения европейскими странами – повышение конкурентоспособности европейского высшего образования в секторе иностранных студентов и привлечение в Европу учащихся из других регионов мира, в противовес США. По мнению специалистов, введение в европейское образование элементов организации высшего образования США, основными из которых являются как раз кредит-система (система зачетных единиц), модульное построение образовательных программ и балльно-рейтинговая система (модульно-рейтинговая система), поможет изменить европейское образование и позволит Европе потеснить США на мировом рынке образовательных услуг.

В преимуществе североамериканского образования убеждены и основные участники образовательного процесса – студенты и преподаватели. К примеру, на вопрос о наиболее значимых и известных университетах мира, студенты и преподаватели Государственного университета штата Калифорния, прежде всего, называют университеты США и Великобритании (Oxford, Harvard, Cambridge, Berkley, New York, Princeton и т.д.). Российские университеты не только не попадают в список значимых и известных университетов мира, но и не являются известными как для американских студентов, так и для американских преподавателей.

Ответы на вопросы о целях американских студентов, получающих образование в зарубежных вузах, и целях иностранных студентов, получающих образование в США, позволяют сделать вывод о том, что если студенты-американцы и едут получать

¹ Американская система высшего образования в своей деятельности долгое время ориентировалась на классическую модель немецкого университета, позже обогатив ее идеями либерализма, что в конечном итоге вылилось в либеральную модель высшего образования, ставшую преобладающей к концу XX века в высшем образовании большинства стран с рыночной экономикой.

² Согласно концепции институциональных матриц С.Г. Кирдиной, Западной Европе и США, относимым к так называемому «западному миру», свойственна одна и та же институциональная матрица, в конечном итоге определяющая структурно-институциональные особенности общества и, следовательно, особенности сферы образования.

³ Пруель, Н.А. Институциональные проблемы интеграции отечественных вузов в Европейское образовательное пространство / Н.А. Пруель // Социальные проблемы. – 2008. – № 1. – С 95 – 110.

образование в другие страны, то только для того, чтобы узнать новую культуру (51,4% респондентов), увидеть мир (48,6% респондентов), а иностранные студенты едут в США именно для того, чтобы получить более качественное образование (43,2% респондентов).

Западная образовательная модель – индивидуально-ориентированная и в ней студент является субъектом образовательного процесса, который в своей деятельности реализует свое право на определение содержания, скорости и траектории своего обучения. Это проявляется в следующих организационных и методических аспектах образовательного процесса в университете, которые не свойственны отечественной специфике и пока сложно организуемы:

- во-первых, в отличие от отечественной образовательной практики (поточно-групповой организации учебного процесса) в американских университетах группы организуются на один семестр для изучения конкретных дисциплин. Студенты заранее, ориентируясь на основной учебный план, включающий ограничения и преемственность выбора, определяют индивидуальный план-график, в соответствии с которым падают заявки на изучение тех или иных дисциплин в семестре. После обработки данных со стороны студентов в университете формируется семестровое расписание с возможностью варьирования;

- во-вторых, в американских университетах предполагается большой объем самостоятельной работы студента, содержание и технология аттестации которой тщательно прорабатывается. И самостоятельная работа студентов рассматривается большинством принявших участие в опросе респондентов как наиболее важный принцип организации образовательного процесса в американском университете. Например, так считают 77,8 % преподавателей американского университета и 45,9 % студентов-американцев. Самостоятельная работа студентов обеспечивается системой индивидуального консультирования и инструктирования со стороны преподавателей. Время, выделяемое на данную работу, по объему сопоставимо с аудиторной работой преподавателя с группой. И судя по ответам студентов, студенты удовлетворены таким аспектом организации образовательного процесса в университете, как инструктирование и консультирование со стороны преподавателей, так как большее количество положительных ответов об удовлетворенности организацией образовательного процесса именно по данному аспекту. Среди принявших участие в опросе 25,5 % студентов отметили, что удовлетворены данным аспектом и 55,3 % студентов – скорее, удовлетворены, чем не удовлетворены;

- в-третьих, в американском университете каждый учебный курс (учебная дисциплина) заранее методически разработан, и студенту перед его изучением выдается полная информация о курсе (Syllabuses), включающая: цели и задачи курса (конкретные, точные и понимаемые для студента); информацию об учебных материалах, необходимых для освоения учебного курса; поэтапный график освоения тем курса с изложением частных задач, целей, учебных материалов, видов деятельности и планируемых результатов по выполнению каждого вида деятельности при освоении конкретной темы курса; систему оценки каждого вида деятельности и точный график сдачи самостоятельных работ.

Индивидуально-ориентированная западная образовательная модель, ее содержательные и организационные составляющие соответствуют специфике западного общества, его структурно-институциональным особенностям – отсутствию преобладания вертикальных взаимосвязей. Развитие горизонтальных взаимосвязей в западном варианте есть результат и следствие активности горизонтальных интеракций субъектов деятельности, следовательно, и основных участников образовательного процесса как на уровне всей системы образования, так на уровне вуза. Это способствует воспроизводству гибких, мобильных систем, проектных или сетевых организаций с децентрализацией управления, что является необходимой основой реализации тех самых целей отечественных преобразований (кредит-системы, модульных технологий и балльно-рейтинговой системы), которые заявлены в государственных документах России.

Быстрое развитие горизонтальных взаимосвязей (которые в западном обществе формировались столетиями), не свойственных отечественной специфике, в сфере образования России в течение нескольких лет (так как именно за этот период предполагается осуществить план по реализации положений Болонской декларации) невозможно. Это актуализирует стратегию встраивания нового в уже существующую социальную действительность. Однако наблюдающееся импортное образование при преобладании вертикальных связей и пирамидальном строении социальных институтов, характерных для сферы образования России и определивших выстраивание централизованно управляемой, а, следовательно, не мобильной и не гибкой системы образования, а также организацию в российских вузах, далекую от сетевой или проектной системы управления, проходит централизованно при определяющей роли государства без отмены директивно-контролирующей нормативной базы. Централизованная, директивная стратегия перенесения не только не свойственна при реализации кредит-системы в американском варианте, но не совпадает и с идеями Болонского соглашения. В декларациях Евросоюза (именно страны ЕС – инициаторы Болонского процесса) широко распространяется позиция, обозначенная руководящими органами ЕС, согласно которой университетское образование не стоит реформировать, используя административное давление. При поддержке правительств государств университеты сами способны выработать оптимальные формы своей реконструкции¹.

Кроме того, при данной стратегии невозможно максимально отслеживать не количественные, а качественные параметры прохождения процесса их внедрения. К примеру, при внедрении балльно-рейтинговой системы должно анализироваться не количество вузов, перешедших к данной системе аттестации и контроля знаний студентов, являющейся частью системы зачетных единиц, а как на самом деле в реальности работает эта система в вузе, обеспечена ли она необходимыми для этого ресурсами, встроена ли она как естественный и действенный элемент в образовательный процесс университета и т.д.

В силу специфики западного общества – рыночной экономики – коммерциализация образования является естественной составляющей сферы образования в западном варианте, при которой действует диверсификация источников финансирования и существует возможность привлечения больших финансовых средств для обеспечения деятельности университета.

Отечественная специфика нерыночной экономики, государственной системы обеспечения и финансирования исключает многообразие финансовых источников в образовании. А при наблюдавшейся отстраненности в последние десятилетия XX века государства от проблем образования и социально-экономической ситуации в стране финансирование образования в целом и высшего образования в частности было не просто недостаточным, а поставило вопрос о выживании системы образования в России.

Более благоприятные тенденции в направлении финансирования последних лет изменили ситуацию, но, тем не менее, финансирование университетов России до настоящего времени не идет ни в какое сравнение с финансированием университетов США и не позволяет обеспечить материально-техническую поддержку образовательного процесса в университете такого уровня как в университетах США.

Высокий уровень материально-технического обеспечения в американских университетах позволяет реализовывать следующие основные принципы западной образовательной модели, являющиеся основой переносимых в сферу образования России практик:

- условия работы преподавателя и студента ориентированы не на «массовость» и количественные показатели (единицы техники), что бесспорно выше в американских университетах, а на возможность доступа и полноценного участия каждого студента и ка-

¹ Нечаев, В.Я. Параметры глобализации и факторы Болонского процесса // В.Я. Нечаев // Глобализация и образование. Болонский процесс: материалы круглого стола. – М.: Альфа-М, 2004. – Вып. 2. – 168 с.

ждого преподавателя в осуществлении образовательного процесса – как формирования знаний, умений у обучающихся;

- материально-техническая поддержка обеспечения высокой технологичности университета и уровня научно-исследовательской деятельности позволяет университету быть открытой организацией, мобильной, чувствительной к окружающей среде.

Все это проявляется в условиях работы преподавательского состава. У каждого преподавателя университета (faculty – штатного преподавателя данного университета) есть отдельный небольшой кабинет, в котором размещены полки с книгами, письменный стол и организационная техника, что позволяет преподавателю работать в хороших условиях, отвечающих правилам организации рабочего места, полностью сконцентрироваться на профессиональной деятельности, не отвлекаясь на решение бытовых проблем.

Такого понятия как «кафедра» (в отечественном варианте) – «аудитория или несколько аудиторий, где находятся столы для работы преподавателей», в данном случае не существует. Небольшие кабинеты американских преподавателей обычно размещены на одном этаже, компактно, рядом друг с другом, что позволяет преподавателям вести свободное профессиональное общение между собой, при этом не отвлекая друг друга от работы. Администрация обычно располагается рядом, что также способствует быстрому, мобильному решению рабочих вопросов.

Каждый преподаватель имеет свободный доступ в интернет из своего кабинета и соответственно к сетевым и информационным ресурсам самого университета, что обеспечивает ему также доступ к информационным ресурсам специализированных научно-исследовательских учреждений и библиотек. Это обеспечивает скорость, мобильность в деятельности преподавательского состава в поиске информации, обработке и обновлении данных и т.д.

Не вдаваясь в подробное описание специализированных аудиторий (лабораторий, студий и т.д.), отметим, что такие элементы, как видео- и аудиоаппаратура, проектор и компьютер со свободным доступом в Интернет, являются неотъемлемой составляющей учебных аудиторий, в которых проходят лекции и семинары.

Условия работы студентов ориентированы, прежде всего, на максимальный доступ к информации к необходимому оборудованию.

В силу иных финансовых возможностей высшей школы США, наблюдаются иной уровень и система оплаты труда преподавателей по сравнению с уровнем и системой оплаты профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава Российских вузов.

Система оплаты труда преподавателей американских университетов предусматривает оплату деятельности преподавателя всех видов, необходимых для проведения определенного учебного курса. Таким образом, распределяется временной ресурс преподавателя на выполнение деятельности всех видов, включая аудиторную и индивидуальную работу со студентами, консультационную деятельность, проверку выполнения работ студентов всех видов, формирование и обновление методического обеспечения учебного курса.

Система оплаты труда и временной ресурс преподавателя, а также рассмотренные условия труда преподавателя обеспечивают возможность очень серьезной проработанности методического обеспечения каждого отдельного учебного курса в частности и учебного процесса в университете в целом, и, следовательно, воспроизводство кредит-системы.

Кроме возможности проработки методического обеспечения учебного процесса, указанные условия позволяют должным образом организовать аттестацию студентов на основе балльно-рейтинговой системы, предполагающей большой объем самостоятельной работы студента. Преподаватель имеет большой объем времени для качественной работы по оценке деятельности студентов, тем более что преимущественная форма студенческой отчетности – это индивидуальные письменные работы, выполняемые по индивидуальным, постоянно обновляемым, письменным, аналитически-ориентированным заданиям.

При перечисленных условиях каждый преподаватель может постоянно обновлять содержание учебного курса, обеспечивая, тем самым, гибкость, мобильность, открытость образования в русле развития науки и общества в целом. К примеру, преподаватели принявшие участие в опросе, отметили, что меняют содержание учебного курса каждый семестр (55,6 %), каждый год (27,8 %). Кроме того, материально-технические возможности университета позволяют ориентироваться при разработке методического обеспечения курсов на современные технологии подачи, представления материала, а также на интерактивность в работе со студентами. Это в определенной степени объясняет преобладание визуализации изучаемого материала в отличие от вербализации в отечественном варианте.

Методическое обеспечение отдельного курса доступно для каждого студента университета и является после Интернета одним из основных источников информации для студентов (так ответило 78,1 % студентов). Что касается Интернета, то доступ студентов к нему организован в любое удобное для них время. В Государственном университете штата Калифорния, библиотека университета оснащена достаточным количеством компьютеров со свободным¹, круглосуточным выходом в Интернет. Кроме того, библиотека университета работает круглосуточно, обеспечивая студентам возможность работать как с ресурсами библиотеки, так и с ресурсами, которые предоставляет Интернет, в любое удобное для студента время, даже, если это удобство определяется физиологическими особенностями (студенту попросту удобнее работать в позднее время суток или же в ранние утренние часы). Университетское общежитие также оснащено компьютерным классом с возможностями круглосуточного выхода в Интернет.

В отечественном варианте оплата труда профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений долгое время оставалась социальной проблемой, что в конечном итоге вызвало смену структуры преподавательского состава в высшей школе России. Последние десятилетия экономические условия в системе высшего образования детерминировали отток наиболее энергичных преподавателей, открывая путь бесконкурентного прихода в сферу образования людей, не подготовленных ни морально, ни профессионально². Кроме того, неудовлетворенность заработной платой преподаватели компенсировали и компенсируют увеличением учебной нагрузки. С 1991 года количество студентов российских вузов увеличилось в 2 раза, а преподавателей – в 1,3 раза; увеличилось количество преподавателей, работающих сверх одной ставки, и преподавателей-совместителей³. Все это не могло не сказаться отрицательно на качестве обеспечения учебного процесса в университете, что ставит под вопрос воспроизводство кредит-системы, балльно-рейтинговой системы, модульной организации учебного процесса в отечественном варианте. Так как увеличение учебной нагрузки преподавателя влечёт увеличение аудиторной нагрузки, это делает физически невозможным для преподавателя в данных условиях акцентировать внимание на самостоятельной работе студентов (основе задуманных преобразований), которая в отечественном варианте, по меткому замечанию Л. Гребнева, есть «туманное облако» в образовательном процессе вуза⁴.

В рамках западной образовательной модели в высшем образовании во всей совокупности особенностей, взаимосвязанных и взаимоопределяемых элементов,

¹ Затраты за пользование Интернетом включены в стоимость обучения в университете. Пользование Интернетом в течение оплаченного периода обучения не лимитируется.

² Шереги, Ф.Э. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ) / Ф.Э. Шереги, Н.М. Дмитриев, А.Л. Арефьев. – М. – 2002. – С. 130.

³ Шереги, Ф.Э. Наука в России: социологический анализ / Ф.Э. Шереги, М.Н. Стриханов. – М.: ЦСП, 2006. – 456 с.

⁴ Гребнев, Л. Кредит-часы, зачетные единицы и оплата труда преподавателей / Л. Гребнев // Высшее образование в России. – 2008. – № 11. – С. 21 – 33.

принципов и ресурсообеспечения реализуется принцип технологичности – неотъемлемая часть обеспечения работы кредит-системы.

Вся работа и учебный процесс в университете технически и технологически разработаны. Это позволяет любому участнику организации образовательного процесса сосредоточиться на выполнении своих профессиональных или учебных задач, не тратить время и энергию на выяснение нормативных, организационных, технических вопросов. Все инструкции разработаны в соответствии с реальностью, системно, в соответствии с принципами преемственности и исключают нестыковки и противоречия.

Высокий уровень технологичности реализуется в создании единой информационной среды вуза, позволяющей оперативно и системно решать все административные, методические, организационные, информационные и другие вопросы посредством данной среды. В информационной среде вуза представлена и постоянно, оперативно обновляется вся информация о вузе:

- о структуре университета и основных направлениях его деятельности;
- об образовательных возможностях университета, образовательных программах;
- о всех структурных подразделениях, институтах, центрах, школах, кафедрах, службах;
- о профессорско-преподавательском составе.

Работникам университета и студентам университета присваивается электронный номер, с помощью которого работники и студенты получают полный доступ к данной среде и могут осуществлять различные виды деятельности при ее поддержке.

Именно благодаря, рассматриваемой среде студенты в рамках обучения в кредит-системе могут оперативно и заблаговременно, в любое время:

- получать информацию по содержанию учебных планов для составления индивидуальных планов-графиков обучения, по содержанию учебных дисциплин, информацию о кафедрах и преподавателях, ведущих данные дисциплины;
- оформлять заявки и осуществлять регистрацию для составления семестрового расписания;
- получать доступ к информационным ресурсам вуза, Интернет и т.д.

Подводя итог рассуждениям, отметим, что импортирование составляющих западной образовательной модели, зарекомендовавшей себя в высшем образовании как преимущественной и предоставляющей большие возможности в обучении для студентов в их профессиональном становлении, не подкреплено ни условиями отечественной общественной специфики, следовательно, и специфики сферы образования, ни стратегией импортирования, ни существующим ресурсообеспечением образования в целом, и высшего образования в частности. Все это в определенной степени и объясняет противоречивость получаемых результатов.

Список литературы

1. Тюрина Ю.А. Деятельностный подход в социологии в исследовании отечественного образования // Вестник СПбГУ. – 2008. – Серия № 12, Вып. 3. – С 295 – 306.
2. Пруель, Н.А. Институциональные проблемы интеграции отечественных вузов в Европейское образовательное пространство / Н.А. Пруель // Социальные проблемы. – 2008. – № 1.– С 95 – 110.
3. Нечаев, В.Я. Параметры глобализации и факторы Болонского процесса процесс / В.Я. Нечаев // Глобализация и образование. Болонский процесс: материалы круглого стола. – М.: Альфа-М, 2004. – Вып. 2. – 168 с.
4. Шереги, Ф.Э. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ) / Ф.Э. Шереги, Н.М Дмитриев, А.Л. Арефьев. – М. – 2002. – С. 130.

5. Шереги, Ф.Э. Наука в России: социологический анализ / Ф.Э. Шереги, М.Н. Стриханов. – М.: ЦСП, 2006. – 456 с.

6. Гребнев, Л. Кредит-часы, зачетные единицы и оплата труда преподавателей / Л. Гребнев // Высшее образование в России. – 2008. – № 11. – С. 21 – 33.

IMPORT OF THE FOREIGN PATTERNS AND PRACTICES INTO THE SPHERE OF THE RUSSIAN EDUCATION

Y.A. Tyurina

*Far Eastern State
Transport University*

The article deals with the problem of possibility and technologies of transference of foreign educational patterns and practices into the Russian higher education in terms of comparison of the western and home educational models.

Key words: educational process, educational model, social conditionals.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОЙ АДАПТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Р.Я. Цибриенко

*Белгородский
государственный
технологический
университет
им. В.Г.Шухова*

*e-mail:
rjaeva@yandex.ru*

В статье предложен анализ теоретических интерпретаций адаптационной деятельности и поведения. Этот анализ рассматривается как концептуальная основа изучения социальных практик взаимодействия между российскими вузами и изменяющейся социальной средой.

Ключевые слова: адаптация, рациональные и бессознательные мотивы, идентичность, ресурсы, социальное настроение.

Вступление России в мировое образовательное пространство стало поворотным моментом в судьбе российской реформы высшей школы. Если предшествующий ход преобразований в 90-е гг. был связан с попытками государственных чиновников в какой-то мере ответить на общественные ожидания от перемен в сфере высшего профессионального образования, то отныне все изменения приобретают институциональный нормативный характер, предусматривают обязательные для выполнения организационные и контрольные процедуры. Изменяется не только образовательная стратегия, но и тактика. В этих условиях внимание исследователей привлекает взаимосвязь внутрисистемных институциональных инноваций с изменяющейся внешней средой, поиски социальных ресурсов эффективного приспособления трудовых объединений к глобальным трансформациям в обществе.

Очевидно, что основой взаимодействия с трансформирующейся социальной средой лежит способность людей изменять свое поведение. Ряд авторов, продолжая традицию Маркса, Бурдьё, Гидденса, и исходя из специфики современной практики, в своих исследованиях обращают внимание на значение для деятельности индивидов социальных ресурсов, которые влияют на достижение целей, а соответственно на удовлетворенность жизнью¹. Именно ограниченность ресурсов – деньги, время, энергия, знания, человеческий капитал – на фоне определенного состояния внешней среды (которая одновременно формирует часть ресурсов в организации, определяя ценности, лимит времени, производный от скорости динамики социальных процессов, макроуровень знания и т.д.) вводят функциональные пределы возможных действий индивида, моделируют поведение людей. Развивая логику Бурдьё о существовании институциональных и индивидуальных ресурсов, современные исследователи подчеркивают неравенство социальных агентов, когда социальный и культурный капиталы

¹ Робинс Д. Происхождение, первоначальное развитие и статус понятия Бурдьё «культурный капитал» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С. 5–9; Сэведж М., Вард А., Девайн Ф. Капиталы, имущество и ресурсы. Некоторые критические замечания // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С.10–15; Райт Д. Опосредование производства и потребления: культурный капитал и «культурные рабочие» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С.15–20; Сведберг Р. Возможно ли социологическое понятие интереса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2006. – № 3-4. – С. 51-59.

маскируют экономический капитал, поскольку они не только определяют реальную власть, но и создают препятствия для развития человеческого капитала и его трансформации в групповую экономическую мобильность. Значительной частью человеческого капитала выступают социальные связи и информация. Возрождается тезис о том, что общественные институты блокируют отдельные интересы и современная теория социального действия основное взаимодействие в современном обществе выстраивает вокруг максимизированного интереса личности – активного актора, который, так же как и иные действующие индивиды, стремится к контролю над недоступными или недостаточными ресурсами. Вокруг этого противоречия, по мнению Р. Сведберга, формируется социальное взаимодействие в современном обществе.

Ресурсообеспеченность как условие деятельности и обслуживающего ее поведения находит свое отражение и у отечественных авторов. Выведенные эмпирические зависимости звучат как значимость объема денег, имеющего статус ресурса реакции на перемены¹. Некоторые исследователи считают, что идентичность особых социальных слоев (н-р, научной интеллигенции) может перекрыть трансформации в обществе и требования взаимодействия с обновленным обществом. Влияние социального поля, связанного с профессиональной деятельностью окажется не решающим, так как изменения, вводимые им в условия деятельности и ее задачи, не влияют на ценностные предпочтения работающих на этом поле людей. По их мнению, это связано с тем, что потребность реализации своих способностей формирует тесную связь индивида с той особой интеллектуальной средой, которая раскрывает и реализует личностный потенциал, и создается долгими годами на основе межличностных отношений, этических норм, традиций². Другие, считают, что глобальные перемены вообще не затрагивают предпочтений и опыта россиян в целом, чье поведение по-прежнему регулируется менталитетом и традиционными нравственными ценностями³, а в основе самоидентификации лежат образ жизни и ценности этноса или территориального сообщества⁴.

Одновременно отмечается влияние изменившихся социальных условий жизни и деятельности на образ жизни, профессиональное ролевое поведение, экспектации россиян и даже идентичность тех групп, которые по-прежнему ассоциируют себя со своим профессиональным (представитель науки) или социальным сообществом (представитель интеллигенции), но при этом процесс их идентификации и исполнения социальных ролей описывается в понятиях маргинализация, потеря идентичности⁵, «фрагментация научного этноса», переходное состояние, характеризующееся обреченностью и предвестием упадка⁶, отсутствие регулирующей функции нравственного сознания⁷. Объясняются изменения в поведении и идентификации традиционно консервативных групп латентными последствиями системных реформ и сложностью социальных «кентавр-проблем», которые однако мало проясняют механизм перемен. А достаточно авторитетное мнение в науке базируется на утверждении, что этот механизм формирования поведенческих программ не стоит искать в макросоциальных

¹ Балацкий Е.В. Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки // Мониторинг общественного мнения. – 2007. – №2(82). – С.124–133.

² Гришина Е.А. Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С.60-70.

³ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб: Интерсоцис, 2006. – 108 с.

⁴ Реутов Е.В. Фактор региональной идентичности и легитимации региональных элит // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – вып. 6(50). – С.180-184; Кочетков В.В. Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? // Вестник МГУ. – 2005. – № 1. – С.144 – 159.

⁵ Самара Г.Н. Социокультурная адаптация в современном российском обществе // Вестник МГУ. Сер.18. – 2006. – № 3. – С.60-62.

⁶ Гришина Е.А. – С.64,69

⁷ Моисеева Н.А. Глобализация и русский вопрос // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С.13–21.

трансформациях, так же как и в идентификации индивидов¹. В.А. Ядов строит свои рассуждения на том, что деятельно-активистская теория играет доминирующую роль в объяснении реалистичной картины мира, в том числе социального взаимодействия и индивидуального поведения людей. Он отводит первостепенное место объективно существующим структурам и институтам, превращающих людей в социальных агентов, которые затем практически преобразуют общественные структуры и институты, сами делают свою историю, соотносясь с традициями прошлого, экономическими и другими условиями. Такой подход является определяющим в нашем научном сообществе, когда первостепенными для реализации взаимодействия с изменяющимся миром являются степень интегрированности субъекта в новые для него общественные отношения, в которых происходит его жизнедеятельность и идет подключение ко всем сферам социальной практики. Одновременно не исключается значение социальных настроений и таких его показателей как удовлетворенность достатком, отсутствие подавленного или негативного эмоционального настроения, ощущения тревожности, наличие эмоционального комфорта субъекта, т.е. удовлетворенность жизнью².

Феноменология и этнометодология обращают внимание на изучение практических обстоятельств жизни людей – фоны повседневных действий, «рутинные основы повседневных действий», на то, как они живут, в какие отношения вступают, какие чувства испытывают, о чем думают, для понимания динамики их поведения. Следовательно, стабильность согласованных действий должна напрямую зависеть от того, каковы реальные условия социальной организации, которые гарантируют мотивированное согласие человека с этой фоновой текстурой релевантности как с легитимным порядком убеждений о жизни общества, видимом «изнутри» общества. Преданность человека мотивированному согласию, увиденная с его точки зрения, состоит из его понимания «естественных фактов жизни в обществе» и его принятия этих фактов.

Подобные соображения позволяют предположить, что чем прочнее понимание членом общества того, что каждый, похожий на нас обязательно знает, тем сильнее он будет обескуражен, когда «естественные факты жизни» оспариваются для него как описание его реальных обстоятельств³, когда фоновые обстоятельства лишаются своей законной силы. Что происходит в этих обстоятельствах, когда процедура модифицирует *объективную* структуру общеизвестной обстановки, разрушая фоновые ожидания человека от повседневной жизни? Гарфинкель предполагает, что 1)это делает затруднительной для него интерпретацию этой ситуации как игры, эксперимента, обмана и пр., 2) это требует, но одновременно и затрудняет его реконструкцию «естественных фактов» с уважением к господствующим практическим обстоятельствам, затрудняет необходимость их связи с «естественными фактами», 3)это требует самореконструкции без согласованной проверки ее правильности.

В итоге события утрачивают их восприятие как нормальных. Человек теряет способность воспринимать реальность через прошлый опыт. Он не в состоянии установить в этих событиях связи «цели-средства». «Должна быть подорвана уверенность в том, что моральная власть знакомого общества добивается их появления...Реально воспринимаемая членами общества окружающая обстановка при потере ею общественного фона должна была бы стать «особенно бессмысленной». В идеале поведение, направленное на такую бессмысленную окружающую обстановку, должно быть поведением, отражающим замешательство, неуверенность, внутренний конфликт, психосоциальную изоляцию, острую и не поддающуюся описанию нервозность наряду с различными симптомами острой деперсонализации. Структуры взаимодействия также должны быть соответствующим образом дезорганизованы⁴. Чем более реалистичным было понимание членом коллектива естественных фактов жизни и его уверенность их знанию как условию уважения к себе – добросовестному и компетентному (т.е. способному без помех управлять своей жизнью – прим.Г.Г.) члену коллек-

¹ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб: Интерсоцис, 2006. – 108 с.

² Тощенко Ж.Т., Харченко С.Т. Социальное настроение. – М.: Academia. 1996, –196 с.

³ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – С.64.

⁴ Там же. – С.65–66.

тива, тем больше его замешательство по поводу абсурдности реальности. В результате происходит смена стандартов поведения.

А. Шюц в своей аргументации изменений в поведении людей вследствие социальных перемен также исходит из контекста сценарных событий, т.е. исходящих от определенного субъекта. Взаимодействие людей друг с другом становится возможным благодаря «взаимности перспектив», т.е. переплетению их картинок мировосприятия – «интерсубъективности»¹. Поэтому наиболее важной для понимания человеком социального мира оказывается такая категория социальных индивидов как «сотоварищи», с которыми его связывают «мы-отношения». В арсенале обыденных знаний человека оказываются также практические действия, являющиеся «эффективными рецептами для использования типичных средств для достижения типичных целей в типичных ситуациях». Однако эти средства не всегда являются годными, тогда индивид ищет другие. Шюц отмечает, что существуют границы, в которых человек может ставить под сомнение компетентность своих обыденных суждений. Среди прочих (магия, религия) к ним относится *наука*. Каждая из «реальностей», порождаемых указанными областями значений, воспринимается человеком как реальная, *пока она занимает его внимание*. Невозможен гладкий переход от одной области значения к другой: они дискретны. Переход осуществляется путем «скачка сознания»².

Обоснование описанных интерпретаций поведения человека представлено еще идеями Дж. Мида. Он выступал против попыток игнорировать характеристики человека при рассмотрении хода адаптационных процессов³. Если в процессе деятельности человека возникают препятствия, то импульсы и схемы реакций перестают совпадать друг с другом, возникает «кризис в процессе деятельности» (здесь проявление психического не мыслится вне деятельности). В этом случае формируется такая фаза, в которой реакции и импульсы представлены в свободной игре, чтобы стал возможным новый творческий акт. Деятельность в концепции Мида характеризуется активным приспособлением, основанном на экспериментировании. Он пытается найти механизм интеграции индивидуального поведения в групповую деятельность через взаимные ожидания определенных типов поведения, реализуемые посредством человеческой коммуникации. Побудительным импульсом к поведению человека является поведение его партнеров. Возникающая моральная ситуация по Миду, – это своеобразный кризис личности, который ставит личность в условия конфликта между определенными собственными ценностями и ценностями других партнеров, ценностями «генерализованного другого». Этот конфликт парализует деятельность, проблема ведет к устойчивой тенденции дезинтеграции прежней идентичности. Последняя может быть преодолена лишь путем самостоятельных усилий, творческим и при этом все более рискованным образом. Ожидания и импульсы должны быть переконструированы таим образом, чтобы обеспечить возможность реинтеграции личности и тем самым проекта новой соответствующей конкретной ситуации *реальной* моральной стратегии. Идеи Дж. Мида, по мнению социолога Г. Блумера, дают основание говорить о риске социального взаимодействия, где определенные совместные действия могут разрушить в силу перемен, глубины и направленности интерпретаций основы прежней идентичности – ценностные ориентации⁴.

Синергетический подход, опирающийся на идею линейной неравновесности социальных систем, объясняет колебания изменений в организации зависимостью от внешнего воздействия. Это направление актуализирует *значение самоорганизации*,

¹ Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. – М., 2007 – Т.9. – вып.2.

² История социологии в Западной Европе и США. / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. – С.530

³ История теоретической социологии. В 5 томах. Т.2. Социология XIX века (Профессионализация социально-научного знания). – М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. – С.342

⁴ Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С. 114–132

управляемости системы, определения ее границ и резервов¹. Синергетический подход объясняет колебания в организации зависимостью от внешнего воздействия. При этом амплитуда колебательного поведения зависит от жесткости социальных связей. Чем больше система, тем более ослаблены, размыты существующие в ней связи, тем выше уровень самоорганизации ее компонентов, основные сценарии адаптации – индивидуальные. И соответственно, наоборот, для небольших организованных систем с четкими контролируемыми связями более характерны институциональные адаптивные сценарии². Как свидетельствует практика, крайне редко реализуются *сценарии коадаптации*³, которые, по мнению Л.В. Корель, объясняются сложностью и неопределенностью оптимальных границ согласования институциональных и индивидуальных сценариев адаптации в бифуркационных системах⁴.

В последние годы в нашей стране проводились исследования, посвященные проблемам адаптации российского общества, оказавшегося на пересечении процессов модернизации и глобализации. Ведущее настроение, на которое указывают исследователи-социологи, и которое является следствием глобальности трансформаций, экономических и временных ресурсов – это чувство незащитности (как невозможность удовлетворить базовую природную потребность в безопасности) и беспомощности (как невозможности удовлетворить социальные потребности в обеспечении права на жизнь и на ее соответствующее развитие по параметрам качества жизни)⁵. Несомненное значение, по мнению тех же авторов, имеет кризис морали и нравственности, который воспринимается через потерю ее прежней очевидности для всех в понятных и моральных и нравственных оценках. Поскольку под угрозой оказываются ценности, то соответственно правомерно их определение как действительных (объективно существующих, реальных) и мнимых (являющихся альтернативой, дополнением или подменой существующему, предметом мысленного абстрагирования, не имеющего под собой реальных социальных объектов, дифференцированных, узнаваемых в силу своей пространственной и временной специфики).

О том, что контекст ситуации в полной мере применим и к ситуации, в которой оказались российские преподаватели вузов, свидетельствует не только логика физического пространства, но и эмпирическая информация. Среди предпринимателей почти ¼ лиц с ученой степенью. Не хотели бы заниматься предпринимательством, но вынуждены это делать чаще всего также лица с учеными степенями (таковых среди них в 4 раза больше, чем в среднем по выборке), а также представители гуманитарной и творческой интеллигенции⁶. Символично, что среди преподавателей, спокойно воспринимающих перемены в высшей школе, 30,7% готовы приспособиться и «выполнить все, что потребуется». Их ответы свидетельствуют о высоких показателях ориентации преподавателей и сотрудников на вузовскую организацию, более чем на какие бы то ни было иные критерии адаптивных действий. 46,2 % опрошенных преподавателей заявили, что будут ориентироваться в ходе преобразований на цели вуза и только 19,2% готовы пересмотреть свои цели ради качества дела. Параллельно результатами исследований были зафиксированы сокращение уровня доверительных отношений (невысокий уровень оценок компетентности принимаемых управлением решений не внушает к ним доверия и уважения, а отношения, которые складываются между руково-

¹ Пригожин А.И. Современная социология организаций. – М.: ИНТЕРПРАКС, 1995. – 296 с.; Щербакова Д.В. Сопротивление организационным инновациям: методология социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IX. – 2006. – № 4. – С.89–99; Рубцова М.В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 32–38

² Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. – М.: Мир, 1979. – С.163.

³ Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии, методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – С.192.

⁴ Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. – Новосибирск: Наука, 1997. – 158 с.

⁵ Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Летний сад, 2004. – С.23.

⁶ Там же. – С.43.

дством и персоналом – это отношения жесткого подчинения) и социального партнерства в вузах, сужение параметров социального капитала (разъединение прежней общности работников, сокращение уровня ожиданий взаимопомощи)¹.

Предпринятая попытка осуществить теоретические импликации социальных практик адаптивной деятельности вузов в период активно изменяющейся общественной среды и набирающей обороты универсализации образования дает возможность сделать следующие выводы.

А) В исследованиях, посвященных изменениям в вузовской жизни, отсутствует системный подход, подчиненный логике поиска зависимостей перемен в деятельности субъекта адаптации от реальных социальных процессов внешней среды. Этот тезис в свою очередь трансформируется в несколько утверждений.

1. Реализацию адаптивных стратегий вузов следует рассматривать через полисубъектность адаптационного пространства, где присутствуют системы разного уровня: вуз – группы персонала – индивиды с разными характеристиками ресурсобеспеченности и целями.

2. На состояние вузовских отношений повлияли глобальные перемены в сфере образования, которые связаны с ломкой устоявшихся стандартов и профессиональных установок, *введением генерализованных ценностей*. Последние размывают коллективную картину мира. Представления о реальности подменяются виртуальными интерпретациями, выстроенными по образцам миросистемы и ее ценностей, потерявшими привязку к физическому пространству, профессиональным традициям, здравому смыслу людей, создают двойную реальность, где мысленное замещает реальное. Это ведет к *формированию виртуального социокультурного пространства вуза, виртуализации адаптации* и ее сценариев.

3. Прессинг виртуального, бифуркационные сценарии развития перемен, продолжающееся падение престижа преподавательской деятельности как следствие потери свободы и независимости людей, занятых этим профессиональным трудом в обществе, где научная деятельность теряет свой ореол значимости и подвергается прагматическому переоцениванию с позиций ее выгоды, где приверженность науке становится областью девиаций и не может являться нормативным поведением, *приводят к изменению идентичности индивида с научным или иным профессиональным миром на его принадлежность организации*. Новая модель группового самоопределения дает возможность вузовским работникам решать проблемы безопасности и капитализации ресурсов в условиях неопределенной внешней среды.

Б) На сегодняшний день слабо изучены возможности коадаптации различных субъектов вузовской деятельности. Не только индивидам и группам, но и самой системе необходимо опереться (в интересах системы или ее руководства, ассоциирующего свои интересы с целями организации) на солидарные действия персонала. Соответственно можно говорить о корпоративном ресурсе адаптации к изменяющимся условиям деятельности как ресурсе управляемости в условиях глобальных трансформаций общества и принципиальных перемен на организационном пространстве. Однако глубокой социологической интерпретации и структурирования идея корпоративного ресурса как ресурса управляемости адаптационной системы в условиях глобальных трансформаций не получила. Основанием для подобного структурирования может являться предложенный в статье анализ, на основе которого предполагается, что элементами корпоративного ресурса выступают *целевой ресурс* (ориентация на общие ценности и адекватные цели), *ресурс стабильности* (реализация ценностей в ходе взаимодействия и формирование соответствующих отношений), *ресурс безопасности* (защита ценностей в ситуации напряжения), *аффективный ресурс* (эмоциональная удовлетворенность результатом деятельности при сокращении социальных и психологических расходов), *ресурс достижений /прибыль* (рациональные оценки результата при сокращении материальных, социальных и психологических расходов). Можно ут-

¹ Цибриенко Р.Я. Глобальные вызовы высшему образованию: проблема адаптации вузов России. – Белгород: Изд-во БГУ, 2006. – 132 с.; Цибриенко Р.Я. Сплоченность партнеров совместной деятельности как условие бесконфликтного и эффективного взаимодействия // Формирование личности молодого специалиста. Вып. 2. – Белгород, 2004. – С. 61–79.

верждать, что реализация этих ресурсов будет адекватна особенностям организационной системы с разной степенью выраженности элементов самоуправления и специфики деятельности.

Список литературы

1. Балацкий Е.В. Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки // Мониторинг общественного мнения. – 2007. – №2(82). – С.124–133.
2. Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С. 114–132.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 336 с.
4. Гришина Е.А. Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С.60–70
5. История социологии в Западной Европе и США / Отв.ред. Г.В. Осипов. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 576 с.
6. История теоретической социологии. В 5 томах. Т.2. Социология XIX века (Профессионализация социально-научного знания). – М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. – 448 с.
7. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е.Тихоновой. – М.: Летний сад, 2004. – 280 с.
8. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии, методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
9. Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. – Новосибирск: Наука, 1997. – 158 с.
10. Кочетков В.В. Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? / Вестник МГУ. – 2005. – № 1. – С.144 – 159
11. Моисеева Н.А. Глобализация и русский вопрос // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С.13–21.
12. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. – М.: Мир, 1979. – 512 с. Пригожин А.И. Современная социология организаций. – М.: ИНТЕРПРАКС, 1995. – 296 с.
13. Пригожин А.И. Современная социология организаций. – М.: ИНТЕРПРАКС, 1995. – 296 с.
14. Робинс Д. Происхождение, первоначальное развитие и статус понятия Бурдье «культурный капитал» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С. 5–9.
15. Райт Д. Опосредование производства и потребления: культурный капитал и «культурные рабочие» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С.15–20.
16. Реутов Е.В. Фактор региональной идентичности и легитимации региональных элит // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки, – 2007. – вып. 6(50). – С.180–184
17. Рубцова М.В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 32–38.
18. Самара Г.Н. Социокультурная адаптация в современном российском обществе // Вестник МГУ. Сер.18. – 2006. – № 3. – С.60–62.
19. Сведберг Р. Возможно ли социологическое понятие интереса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2006. – № 3-4. – С. 51–59.
20. Сэведж М., Вард А., Девайн Ф. Капиталы, имущество и ресурсы. Некоторые критические замечания // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология: РЖ/РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. Социологии и социальной психологии. – М., 2008. – № 1. – С.10–15.
21. Тощенко Ж.Т., Харченко С.Т. Социальное настроение. – М.: Academia, 1996, – 196 с.
22. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. – М., 2007 – Т.9. – вып.2.

23. Щербакова Д.В. Сопротивление организационным инновациям: методология социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IX. – 2006. – № 4. – С.89–99.

24. Цибриенко Р.Я. Глобальные вызовы высшему образованию: проблема адаптации вузов России. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2006. – 132 с.

25. Цибриенко Р.Я. Сплоченность партнеров совместной деятельности как условие бесконфликтного и эффективного взаимодействия // Формирование личности молодого специалиста. Вып.2. – Белгород, 2004. – С.61–79.

26. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб: Интерсоцис, 2006. – 108 с.

THE THEORETICAL IMPLICATIONS OF SOCIOLOGICAL PRACTICES OF MODERN ADAPTATION ACTIVITY OF RUSSIAN HIGH SCHOOLS

R. Y. Tsibrienko

*Belgorod State
Technological
University
n.a. V.G.Shukhov*

*e-mail: il-
jaeva@yandex.ru*

There is an analysis of theoretical interpretations of adaptation activity and behavior in this work. That analysis is used as conceptual base of studying social practices of interaction between the Russian high schools and transforming external environment.

Key words: adaptation, rational and unconscious motives, identity, resources, social mood.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008.001:1

КУЛЬТУР-ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

И.А. Арзуманов

*Иркутский
государственный
университет*

В статье рассматриваются глобализационные аспекты культур-правовых детерминант трансформации религиозного пространства Байкальского региона. Анализируется противоречие между обеспечением возможности реализации прав, свобод человека на свободу совести, свободу вероисповедания и обеспечением консолидации, стабильности общества. Суть апории определяется цивилизационно-культурологическими составляющими функциональных свойств религиозного пространства, в их антропо-мировоззренческом и аксиологическом аспектах.

Ключевые слова: право, традиция, правовая культура, религиозная культура, конфессиональное пространство, функции государства, интеграция, этноидентификация, вероисповедная политика.

В правовой науке культурологический подход к праву явился следствием развития сравнительно-правовых исследований, в процессе которых право стало рассматриваться сквозь призму таких понятий, как «традиции»¹, «образ мышления», «культура»², «социальная практика»³, а также культуры как «конструкции» общества, включающей не только его структуру, но также философию миропонимания и систему ценностей, знания, навыки, умения и систем социальных регуляторов – обычаев, традиций, религии, морали и правовых норм. Благодаря широкому социокультурному подходу стало возможным проводить исследования по схеме «культура – ценности – нормативные установки – право». При таком подходе право становится неотъемлемым элементом культуры общества⁴, а все явления правового характера, в том числе и

¹ Bell J. English Law And French Law – Not So Different? // Current Legal Problems. 1995. Vol. 48. – P. 69.

² Legrand P. Comparative Legal Studies and Commitment to Theory // Modern Law Review. 1995. Vol. 58, № 2. – P. 262–272.

³ Van Hoecke M., Warrington M. Legal Cultures, Legal Doctrine: Towards a New Model for Comparative Law // International and Comparative Law Quarterly. 1998. Vol. 47. – P. 498.

⁴ Муромцев Г. И. Культура и право: аспекты соотношения // Право и культура. М., 2002. – С. 63.

правовая культура, являются составляющими общего понятия культуры. Мы вычленим положение о том, что каждый из отмеченных «объектов» культуры как «структуры» является подсистемой культуры как собственно системы. Данная модель соотношения приводит к положению о синонимичности понятий культурологического и системного подходов к праву. С этих позиций тезис Г. Д. Гриценко о том, что по своему содержанию право представляет собой социально-культурный комплекс норм, идей и отношений, который определяет характер и направления человеческой деятельности, формируя определенные поведенческие стереотипы¹ наполняется конкретным ценностно-культурологическим (идеологическим) содержанием. В рамках философско-правового дискурса данное содержание раскрывается в рамках аксиодетерминированного аспекта правосознания, религиозной культуры (основанной на предметном восприятии Бога), и пониманием государства как «стихии человеческого духа». Данный дискурс, по слову И. Ильина, приобретает решающее влияние на правосознание и на государственный образ действия человека². В области социокультурного пространства интегративно-унифицирующая функция государства является императивной. А потому вопрос о социофункциональной специфике религиозной культуры в полной мере относится и к области интеграции (унификации) идеологического поля. Реализация интеграционно-унифицирующей функции государственных институтов осуществляется посредством приведения к одному идеологическому «знаменателю» всех составляющих его социокультурных компонентов, в том числе и пространства религиозной культуры. Единство знаменателя определяется автором, прежде всего, в контексте безусловной политической лояльности к государству как субъекту международного права и отношений субъектов религиозно-пространственного спектра. Ценностно-культурологические (идеологические) параметры религиозного пространства Байкальской Сибири объективно необходимо рассматривать в контексте общегосударственных задач интеграции региона в российский социокультурный континуум в условиях общемировых глобализационных тенденций. Ситуация усложняется тем, что глобализационно-унифицирующие тенденции имеют не только «западный» вектор, но и региональные составляющие. Ценностно-мировоззренческий потенциал культуры и религиозных систем Китая, например, является предметом исследований не только в целях методологической оснастки межцивилизационного диалога российско-православной и конфуцианско-буддийской традиций, но и в проекции неснимаемой геополитической, цивилизационно-мировоззренческой апории.

Представляется возможным выделить восточный и западный типы правовых культур, которые существенно различаются по своим ценностным парадигмам. В российской правовой культуре на современном этапе совмещаются как западные, так и восточные корни. По мнению О. В. Мартышина, ее системообразующими элементами являются этатизм, «имперское» мышление, коллективизм и отсутствие традиции индивидуализма и гражданской ответственности, неприятие частной собственности как основной формы собственности, укоренившиеся в моральных и религиозных установках³. Но, если вести речь о внутренних механизмах развития правовой культуры, то необходимо уточнить причинно-следственные связи высказываемых О. В. Мартышиным положений: не в религии укоренилось то, что характеризует российский социум, а российский социум имеет цивилизационную специфику во многом благодаря специфике пространства религиозной культуры. Это принципиально, когда мы ведем речь о взаимосвязи религиозно-нравственного идеала, определяющего ценностный аспект правовой культуры. Но при всей важности внутренних механизмов развития правовой культуры на ее историческую эволюцию оказывают значительное воздействие и

¹ Гриценко Г. Д. Правопонимание в современной российской юриспруденции // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2002. № 29. – С. 64.

² Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. – С. 474.

³ См. подробнее: Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. – С. 26–27.

внешние факторы. С вышеприведенными положениями связаны позиции, касающиеся структуризации пространства религиозной культуры в контексте его инновационных составляющих. Концепты культурологического подхода к региональной проблематике в нормативно-правовом аспекте подразумевают учет как позитивного этнокультурного потенциала регионов, так и специфичность этнокультурных проблем, в т. ч. создаваемых этнокультурной и религиозной экспансией со стороны других государств или иностранных организаций. Ряд исследователей рассматривают процессы использования религии для оправдания политических действий или для мобилизации людей в нерелигиозных целях¹. К причинам политизации религии некоторые политологи и правоведы относят глобализационные процессы как общемирового, так и регионального характера. Взаимосвязь между вхождением развивающихся стран в мировую экономику и появлением там религиозно-политических движений давно стала очевидной для большинства ученых². Теренс Чонг, например, характеризуя глобализационные проблемы этноидентификации в странах Юго-Восточной Азии, пишет, что религии в современности «часто критикуют за: 1) оторванность от мира и фатализм некоторых религий (индуизм, ислам, даосизм и буддизм), ослабляющих инновационные тенденции и идеи материализма; 2) время, финансы и труд, которые могли бы быть направлены скорее на светские учреждения; 3) религию часто связывают с суевериями и предрассудками, иррациональным поведением, она принадлежит к традиционному обществу, а не современному; 4) религия – разделитель для общества и не способствует национальной солидарности и стабильности»³. Позицию Т. Чонга разделяет и Р. Го, исследуя роль христианских инновационных составляющих конфессионального спектра стран Юго-Восточной Азии: «хотя христианство в Юго-Восточной Азии – религия меньшинства, а доминируют ислам и буддизм, и, несмотря на то, что народы хотят отдалить религию от официальных дел между собой, тот факт, что религия тесно связана с социополитическими силами значит, что изменения в религии региона также могут повлиять на внутренние или внешние дела». Христианство, как самая поздняя из пришедших религий, рассматривается Р. Го как дестабилизирующий региональное социокультурное пространство фактор⁴. Все выше отмеченное актуализирует структурно-функциональный анализ характеристик пространства религиозной культуры социума в семантической проекции идеологических детерминант понятия «вероисповедная политика».

Социополитическая интерпретация идеологии как системы ментальных ценностей, присущей любому человеческому обществу, базируется на понимании стабильности общества как социокультурной ценности и категориального императива государственного организма. Именно в этом контексте политика государства в сфере культуры и религии как цивилизационно-интенциальных субстратов социума относится к формам и методам осуществления государством интегративной функции. Соотнося данный аспект с законодательными реалиями внутренней политики Китая в области религиозного пространства, необходимо отметить, что по мере возрождения его тра-

¹ См.: Донцов В. Е. Международный терроризм и ислам / В. Е. Донцов, Т. А. Чурилина // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003. С. 140; Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. Т. 1, № 1. – С. 43; Зув Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность // Полития. 1997–1998. – С. 64.

² Например, Дж. Эспозито пишет, что «модернизация – не просто не привела к прогрессирующей секуляризации, но и стала главным фактором возрождения ислама в мусульманских обществах». См.: Esposito J. L. *The Islamic Threat: Myth or Reality?* N.Y.; Oxford, 1992. – P. 11. Н. М. Мамедова отмечает данные тенденции на примере Ирана. См.: Мамедова Н. М. Иран: от монархии к республике. Современное положение и перспективы // Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан. Пакистан, Иран и Турция – современное состояние, история и перспективы). М., 2001. – С. 51.

³ Chong T. *Modernization Trends in Southeast Asia*. Singapore, 2005. – P. 37.

⁴ Robbie V. H. Goh. *Christianity in Southeast Asia*. Singapore, 2005. – P. 73.

диционных цивилизационно-культурологических доминант все больше вероятности того, что они будут транслироваться на сопредельные территории Российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Неизбежная экономическая интеграция в данном случае является лишь объективным социополитическим базисом. Если рассматривать данный аспект в контексте поиска альтернативных средств и путей сохранения российской идентификации не только в ее социополитической «данности», но и в духовно-культурной «возможности», то позиции, выявляемые в российском правовом пространстве в идеологической области, на день сегодняшний, оцениваются как дезинтеграционные.

Этимологически с понятием «идеология» связывают систему политических, правовых, нравственных, философских взглядов и идей, которым надлежит следовать, если разделять определенную единую систему общественных ценностей. Если применить эти характеристики политики к сфере религиозного пространства с учетом его субъектно-институциональных составляющих – традиционных конфессиональных институтов мировых религий, мифорелигиозных систем автохтонных верований, религиозных инноваций, то вероисповедная политика должна являться функционально-идеологической доминантой интегративных процессов. Вероисповедная политика, принадлежа к социальной сфере общественной жизни, сопрягается с национальной, экологической и научными стратами внутреннего и внешнего направлений политики страны. Проблемы государственных императивов вероисповедной политики России являются производными от методологических принципов типологизации государств. В контексте цивилизационного подхода функциональная взаимосвязь таких общественных институтов, как государство и религия, характеризуется социополитическим дуализмом. В этих условиях объективный фактор полирелигиозности общества определял несколько методологических составляющих вероисповедной политики, среди которых: необходимость выработки государственных механизмов социополитической и социокультурной унификации полиэтноконфессионального пространства Восточной Сибири; активизация миссионерской деятельности мировых религий и формирование конфессионально-институциональных доминант (прежде всего православия, ламаизма); геополитический фактор межцивилизационного трансграничья центрально-азиатского региона, определившим появление и последующее укоренение в России религиозных инноваций иностранного происхождения, в том числе протестантского и католического вероисповеданий.

Исторически социополитические и социоэкономические реалии определили выработку правовых положений веротерпимости, в понимании свободы отправления богослужения. При этом государство охраняло каноническую территорию внутренней миссии Российской православной церкви. Эти положения естественным образом определили как социокультурные, социополитические характеристики российского религиозного пространства, так и динамику последующих унификационно-интеграционных процессов. Появление и последующее укоренение в России религиозных инноваций иностранного происхождения – преимущественно протестантского и католического вероисповеданий – было обусловлено интересами безопасности страны, развития экономики и торговли, военного дела. В этих условиях объективный фактор полирелигиозности общества определял следующие методологические концепты вероисповедной политики России в Байкальском регионе: принцип социополитической и социокультурной унификации поли-этноконфессионального пространства, реализуемый в процессах формирования конфессионально-институциональных доминант, определяемых фактором межцивилизационного трансграничья центрально-азиатского региона (Россия, Монголия, Тибет, Китай); принцип политической лояльности, опосредованный необходимостью включения в социополитическое пространство входящих в состав России народов, геополитическими императивами империи в Центральной Азии; принцип религиозной толерантности, зафиксированный в нормативно-правовом выражении – законодательных актах о веротерпимости; принципы государственного этатизма и административного императива в вопросах веротерпи-

мости (основ толерантности)¹. Все эти принципы имперского периода, интерпретируемые автором в качестве методологического базиса при анализе государственных императивов вероисповедной политики XX – начала XXI вв., свидетельствуют об одном: государство в своей вероисповедной политике акцентировало необходимость унификации политического пространства, связывая данный фактор с политикой в области пространства религиозной культуры. Характер взаимоотношений религиозных институтов и государства, сложившийся в начальном этапе имперского периода, в целом сохранился и в дальнейшем. Государственные императивы вероисповедной политики России в Байкальском регионе в отмечаемый период определяются общими задачами государственного обустройства в специфических геополитических условиях региона.

В контексте современного политологического дискурса необходимо отметить не только социальную природу и предназначение политики, но и полевой принцип ее функционирования. Цель любой политики, в том числе и вероисповедной – создание необходимых условий для обеспечения стабильности и интегрированности общества, как условий его нормального функционирования. Правовое сознание, да и вся культура в значительной степени зависят от того, какие вероучения реально влияют на общество и его институты, отдельные личности. Как писал И. Ильин, «правосознание обыденной жизни может не иметь религиозного корня; оно может быть даже безразличным к тому, что обычно называется «религией». Но подлинная религиозность не может пройти мимо права и государства, она вынуждена определить свое отношение к ним и к правосознанию. И точно так же нормальное правосознание в своем зрелом осуществлении неизбежно приобретает религиозный характер. Хотя этот характер может быть осознан человеком в большей и меньшей степени»². Но в связи с этим возникают вопросы философско-культурологического и философско-правового порядка, касающиеся понятия толерантности в проекции взаимодействия религиозных культур. Общепринятое социальное содержание понятия «толерантность» предполагает терпимое отношение общества к обнаруживающемуся в нем единовременно и на одной территории множества свободных и разнообразных целей, идеалов, мировоззрений, в том числе противостоящих друг другу. Правовой плюрализм предполагает сосуществование разных правовых систем, в том числе и религиознообусловленных. Порождаемое плюрализмом многообразие – не только повод поразмышлять над процессами деунификации в социокультурном пространстве. Многообразие – это и сосуществование систем религиозных культур. Это совершенно иное соотношение, чем отмечаемый с позиций историко-логического подхода дуализм «религиозного» и «светского». Разновекторность мировоззренческих доминант, лежащих в основе религиозных систем, имеющих различный конфессиональный «окрас», объективно уменьшает степень толерантности в проекциях доктринального и обыденного уровней религиозного сознания. В том числе и в силу апорий инновационных конфессиональных субстратов пространства религиозной культуры традиционным формам правосознания, поскольку «религия, отвергающая положительное право и государство, или сознательно отворачивается от эмпирической жизни человека, или бессознательно упускает из вида объективные свойства этой жизни, самого человека и государства. Во всех этих случаях ей придется так или иначе вступить в жизненную борьбу с положительным правом и государственностью. В этой борьбе она будет стараться оторвать естественное правосознание от положительного правосознания, отнимая у первого исторически найденные пути осуществления, а у второго – его благородные истоки и критерии; она неизбежно вовлечется в разрушение всей накопившейся за тысячеле-

¹ Арзуманов И. А. Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования. Улан-Удэ, 2007. – С. 34–58.

² Ильин И. Общее учение о праве и государстве. – С. 476.

тия государственной воли и способности человечества и сольет свое дело с делом анархизма»¹.

Несмотря на декларации международных правовых источников и их современные реплики в национальных правовых системах, интенциональная апория пространств религиозных культур объективно будет являться источником латентной конфликтности. В качестве примера современных подходов к отрицанию ценности толерантности, в том числе и в религиозной сфере, следует привести высказывание Б. Уильямса: «...толерантность кажется невозможной, поскольку она... требует думать, что некоторые представления или практики являются абсолютно неверными... и в то же самое время полагать, что имеется некоторое внутреннее благо в том, чтобы позволять им процветать»². Как отмечает И. С. Кон, человек с догматическим интеллектом, в сознании которого все предопределено, может быть кристально честным, но его мировосприятие остается черно-белым³. Данная проекция – результат обеднения личности, элиминация внутреннего диалога между возможными своими «Я». Человеку трудно допустить существование чего-то, выходящего за границы его понимания, воспринимаемого как «непорядок». Это уже подлежит устранению, а отсюда и неизбежно возникновение конфликта. Толерантное отношение само носит абсолютный характер морального требования, что обусловлено верой в истинность этих убеждений. А это предполагает нетерпимость⁴. Нетерпимость возникает в том случае, если человек отождествляет себя с идеалом, для реализации которого ему не хватает сил⁵. Возникает нетерпимость к себе, которая переносится и на других, вплоть до нетерпимости других.

На макроуровне глобализационных измерений принципиально меняется направленность исследований толерантности. Наличие аперии в понятии «предел толерантности» актуализирует необходимость: 1) всестороннего анализа доктринальных положений религиозных инноваций; 2) усиления контроля государства над религиозными институтами в силу уже не снимаемой разновекторности аксиологических детерминант их социокультурного проявления и мотиваций адептов; 3) правового обеспечения профилактики девиантных диффузий «предела толерантности» в «нетерпимость». С одной стороны, глобализация несет потенциал сближения различных международных, межгрупповых, межличностных связей и контактов, что предполагает установление тесного взаимодействия субъектов, несмотря на различия между ними и вопрос стоит о создании (как и в случае с дуализмом религиозных систем) правовых механизмов сохранения социального мира. С другой – глобализационные процессы сопровождаются нарушением границ «предела толерантности» – возрастанием не-

¹ Ильин И. Указ. соч. – С. 480.

² Цит. по: Williams B. *Tolerating the Intolerable // The politics of toleration in Modern Life / Ed. by S. Mendus. Durham, 2000. – P. 73.*

³ Кон И. С. *Психология доброго поступка // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М., 1988. – С. 58.*

⁴Здесь мы снова убеждаемся, что истина в субъективной интенции в известном смысле нетерпима. Эта проблема восходит к дилемме «знание – вера». В субъект-объектных отношениях социокультурной среды эта дилемма снимается, если истину мыслить не в отвлечении от субъекта, а в сопряжении с конкретным индивидом, включенным в ту или иную коммуникативную ситуацию. Таким образом, крайним выражением предела терпимости выступает нетерпимость. Как отмечает В. В. Кортава, она связана с понятием внутренней недостаточности как отторжения индивида от ценностей. См.: Кортава В. В. *К вопросу о ценностной детерминации сознания. Тбилиси, 1987. – С. 18.*

⁵Стремление к идеалу, «не подкрепленное реальной совокупностью переживаний и поступков, является причиной неприятия фактического состояния мотиваций, управляемой субъективностью чувствования. Индивидуум с обостренной, гипертрофированной критичностью относится ко всем человечески понятным слабостям и в то же время не пытается выявить их генезис, внутреннюю связь идеала и противоречащих ему реальных фактов. Он отказывается признавать их, проявить разумную долю снисходительности к своим слабостям». См.: Кортава В. В. *Указ. соч. – С. 19.*

терпимости не только на локальном уровне, но и на уровне глобализационно-цивилизационном.

На уровне социального пространства данное положение опосредованно отражено в правовом поле рядом законодательных актов, предполагающих вмешательство государственного аппарата в случае угрозы толерантности в сфере этноконфессиональных отношений. В этих целях те или иные стороны официальных правовых отношений между государством и религиозными объединениями регулируют федеральные нормативные правовые акты, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления¹. При этом как российские, так и международные правовые акты отмечают общерелигиозный аспект проблематики, связанный с нарушением толерантного консенсуса в социокультурном континууме². Понятийное определение угроз религиознообусловленной толерантности, как правило, ограничивается терминами «секта»³, «деструктивный культ», «тоталитарная религиозная секта», увязываемыми и с проблемой религиозного экстремизма⁴.

Процессы, обусловленные приоритетностью международных соглашений над внутрироссийским и региональным нормативно-правовым полем, связаны с унификацией законодательства в свете основных прав человека и с объективной необходимостью возрождения традиционно-ориентированной правовой культуры. В связи с этим со всей остротой встает вопрос о социополитической апории между экономической моделью развития и деунификационными процессами в социокультурном пространстве. В последнем случае мы говорим о глобальном характере инновационных тенденций становления религиозных институтов в регионе конца XX – начала XXI вв. Все международные акты о правах человека рассматривают государство как инструмент утверждения, обеспечения всех прав человека, возлагая на государство соответствующие правовые обязанности. Особо подчеркивается, что «поощрение и защита прав человека являются вопросом первостепенного значения для международного со-

¹ Например, в Конституции Российской Федерации (принятой 12 декабря 1993 г.) закреплены следующие положения: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»; Конституция Российской Федерации. Ст. 13, п. 5: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Там же. Ст. 29, п. 2.

² См.: Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 ноября 1981 г. Ст. 1, п. 3; Ст. 5, п. 5; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и дополнительные протоколы. Принята в Риме 4 ноября 1950 г. Ст. 9, п. 2; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека. Принята в Минске 26 мая 1995 г. Ст. 10, п. 2 и др.

³ Как отмечает И. В. Понкин, точку в споре по поводу юридического или неюридического характера термина «секта», подтвердив возможность его использования, поставил 23 ноября 1999 г. Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ в связи с жалобами религиозного общества Свидетели Иеговы в г. Ярославле и религиозного объединения Христианская церковь прославления. См.: Заключение канд. юрид. наук И. В. Понкина от 22.03.2004 г. по предложению А. Е. Себенцова о внесении изменений в ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (вариант от 01.03.2004 г.). Режим доступа: <http://state-religion.ru>.

⁴ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; утв. Указом Президента РФ от 09.09.2000 г. Гл. 2, пар. 6, разд. «В сфере духовной жизни»; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» Ст. 1. Необходимо отметить и то, что данный понятийно-терминологический спектр все же нуждается в дальнейшей нормативно-правовой проработке.

общества...»¹. Не случайно, как отмечает Ю. А. Тихомиров, «сближение национальных правовых систем в международном объеме стало решающей проблемой современности»².

Как следствие, легальность и легитимность собственно идеологического комплекса как системы образцов политического и правомерного поведения, подрывается уже на уровне конституционных положений, утверждающих идеологический плюрализм. Интегративные интенции функциональных характеристик государства входят в апорию с конституционными положениями, поскольку утверждение необходимости идеологического многообразия устанавливает запрет для государства, государственных органов и должностных лиц в процессе деятельности по осуществлению государственно-властных функций и полномочий руководствоваться не Конституцией РФ, законом, иными нормативными актами, а той или иной идеологией. Одновременно этот запрет адресован и другим субъектам права, к примеру общественным объединениям, т. е. провозглашение той или иной идеологии в качестве обязательной в сфере образования, художественном творчестве и иных сферах общественной жизнедеятельности людей признается антиконституционным. Для Конституции РФ безразлично количество, численный и социальный состав, идеология создаваемых общественных объединений. Конституция РФ устанавливает, что принципы организации общественного объединения не должны противоречить требованиям демократии и прав человека, цели и деятельность общественных объединений должны быть тождественны существующему конституционному строю. На день сегодняшний вопрос о национально-ориентированном подходе в сфере вероисповедной политики ограничивается лишь декларативным закреплением конституционно-законодательных положений о роли традиционных религиозных институтов³. Как отмечают правоведы, большинство конституционных положений стран Запада осуществляет взаимодействие религии и конституционного права в виде конституционно-правового гарантирования свободы совести, при которых конституционное предпочтение наиболее распространенных в той или иной стране верований, с позиций либерально-демократических, воспринимается как социокультурная девиация⁴. Данные положения реализуются в рамках доктрины государственного нейтралитета, которая, хотя и не является бесспорной, сформировала центральный курс либерального мышления о государстве и его этическом пространстве – нейтральное государство беспристрастно относится ко всем гражданам и остается нейтральным во всех вопросах. В том числе и в вопросах, напрямую относящихся к идеологической составляющей государственной политики в сфере вероисповеданий⁵. Как отмечают в этой связи Дж. Мандли и Ц. Энъеди, практикуется «прин-

¹ Международное публичное право : сб. документов. Т. 1. М., 1996.

² Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. – С. 105.

³ Вместе с тем в нормативно-правовом «арсенале» отсутствуют не только разработанные критерии понятийной стратификации «традиционных» религиозных институтов (принятый на данный момент за основу временной принцип – чем «старше», тем «традиционнее» – не выдерживает серьезной критики), но и единого определения собственно политики государства в религиозно-духовной сфере – «религиозная», «конфессиональная» или «вероисповедная»; в законодательной базе отсутствуют определения таких широко используемых понятий, как «богослужение», «вероисповедание», «религиозная деятельность», «миссионерская деятельность», в региональном законодательстве (республика Бурятия) отсутствует определение шаманизма, язычества, сакральных (священных) мест буддистов и шаманистов, которые характерны для коренных народов Сибири и Крайнего Севера. См. : Арзуманов И. А. Религиозный фактор формирования социополитического пространства Байкальской Сибири // Правовые и экономические проблемы формирования новых субъектов РФ : науч.-практ. конф. г. Иркутск, 28 февр. 2006 г. Иркутск, 2006. – С. 3–12.

⁴ Хотя, как отмечает С. Холмс, в США родителям, отдающим детей в школы религиозной направленности, предоставляются налоговые льготы. См.: Холмс С. Церковь и государство в Восточной Европе. Введение // КПВО. 1998. № 4 (25); 1999. № 1 (26). – С. 49.

⁵ Но, тем не менее, как отмечают Дж. Мандли и Ц. Энъеди, к концу XX в начале XXI вв. многие события послужили напоминанием о том, что проблемы отношения церкви и государ-

цип исключения идеалов», когда государство не оценивает действия правительства на базе предпочтения того или иного образа жизни, даже если последствия действий правительства относительно разных планов на жизнь будут неравноценными»¹. По мнению исследователей, последовательный нейтралитет противоречит двум базовым компонентам либеральной справедливости: уважение к свободе и справедливость в распределении материальных ресурсов. Просто поощряя уважение гражданских свобод, действия правительства непременно повлекут за собой совсем не нейтральные последствия. «Для ранних либералов, таких как Локке, основные вопросы были связаны с отношением церкви и государства, со свободой религиозных верований и практик, а не с социально-правовым содержанием.» Культурно-консервативное возрождение опять поставило эти вопросы во главу угла, тем самым возродив доктрину, в рамках которой политические институты должны быть нейтральными по отношению к противоборствующим моральным и религиозным идеалам, противоположным концепциям. Политический нейтралитет предотвращает государственное усиление какой-либо религиозной или моральной программы. 3-я и 4-я волна демократизации конца XX в. еще более укрепили актуальность этих вопросов, т. к. либеральная демократия была намерена закрепить свои достижения в сравнительно новых для нее областях Европы и мира»².

В 1997 г. американские ученые Ст. Монсма и Кр. Слипелер представили новую концепцию религиозного нейтралитета, приняв позицию консеквенциалистов: государство не поощряет и не поддерживает никакую религию, или религию в целом, или светскую систему ценностей в целом. Государство никак не влияет на граждан в выборе религии, чиня препятствия или обещая выгоды. Эта концепция была представлена в противопоставление концепции «просвещенного либерализма», который поддерживал концепцию оправдательного либерализма. Просвещенный либерализм основывается на 3 положениях: религия причисляется к сутобо частной сфере; область общественного – нейтральная зона, свободная от религии; религиозная свобода будет процветать при отсутствии правительственных ограничений и без необходимости правительственных действий для уравнивания преимуществ, которыми пользуется та или иная религиозная группа³. Аргумент американских авторов против концепции просвещенного либерализма состоял в том, что он ставит светские интересы выше религиозных и относит религию на задворки культурной жизни. Основной вывод этих положений таков: концепция правительственного религиозного нейтралитета двусмысленна: «это – химера, призрачная цель, особенно в отношении государства и церкви в Европе»⁴.

Реалии социополитической жизни современной России подтверждают данный тезис. Более того, социокультурный спектр вопросов, связанный с религиозным пространством в его конфессиональном окрасе, рассматривается вкупе с проблематикой

ства остались, даже в относительно спокойной и секуляризованной Европе. Например, в 1980-е гг. в Италии в некоторых регионах сайентология была признана религией. Во Франции католические школы получили государственную поддержку, в Британии появились проблемы с исламским населением (религиозные школы, Рушди). События 9 сентября 2001 г. в Америке привели к осложнению отношений между мусульманами, христианами и либералами в Европе и во всем мире. Кроме этого наряду с новыми проблемами, есть и «вечные», такие как приспособление беженцев и экономических мигрантов, культура которых зачастую чужда принимающей стране. К основным проблемам относятся и проблемы религиозной свободы в странах бывшего СССР. Под декларированием возрождения религии в наши дни имеется в виду скорее острота религиозного вопроса современности. Возрождения в западной Европе не видно как такового, напротив, очень много примеров спада религиозности. См.: Mandley T. S., Enyedi Z. Church and State in Contemporary Europe: the Chimera of Neutrality. London, 2003. – P. 1, 4.

¹ Mandley T. S., Enyedi Z. – P. 6.

² Mandley T. S., Enyedi Z. Указ. соч. – P. 6.

³ Там же. – P. 7, 8.

⁴ Там же. – P. 8.

государственной безопасности¹, поскольку роль религиозного фактора в трансформирующемся обществе переходного периода будет только усиливаться.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в общепринятом понимании вероисповедной политики выявляется методологическая апория между обеспечением возможности наиболее полной реализации прав и свобод человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, определяемым в качестве целеполагания, и обеспечением консолидации и стабильности общества. Суть апории определяется цивилизационно-культурологическими составляющими функциональных свойств религиозного пространства, в их антропомировоззренческом и аксиологическом аспектах. Реальная государственная идеология – это всеобщие принципы, составляющие субстанциональную основу правления и правительства. Рассматривая функциональную взаимосвязь государственной власти и государственной политики в области религиозного пространства, с дедуктивных позиций вычленяется антропоцивилизационный подход, определяющий не только нравственно-правовые аспекты аксиологии права, но и социополитические его характеристики с позиций пространственных дефиниций. Духовно-культурные интенции форм сознания, в том числе религии, миропонимания, мировоззрения, исторического развития, своеобразия обычаев, традиций – всего того, что определяется в рамках культуры как этнокультурный фактор – в конкретных исторических условиях имеют конкретную цивилизационно-территориальную стратификацию. Если стабильность общества является социокультурной ценностью и категориальным императивом государственного организма, то политика государства в сфере культуры как цивилизационно-интенционального субстрата социума относится автором к формам и методам осуществления государством интегративной функции, а вероисповедная политика является функциональной доминантой интегративных процессов.

Список литературы

1. Bell J. English Law And French Law – Not So Different? // Current Legal Problems. 1995. Vol. 48.
2. Legrand P. Comparative Legal Studies and Commitment to Theoriy // Modern Law Review. 1995. Vol. 58. № 2.
3. Van Hoecke M., Warrington M. Legal Cultures, Legal Doctrine: Towards a New Model for Comparative Law // International and Comparative LawQuarterly. 1998. Vol. 47.
4. Муромцев Г. И. Культура и право: аспекты соотношения // Право и культура. М., 2002.
5. Гриценко Г. Д. Правопонимание в современной российской юриспруденции // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2002. № 29.
6. Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М., 2006.
7. Рубаник В. Е. Византийская, западная и восточнославянская традиции правового регулирования собственности в политико-правовой мысли и законодательной практике // Государство и право. 2005. № 2.
8. Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10.
9. Донцов В. Е. Международный терроризм и ислам / В. Е. Донцов, Т. А. Чурилина // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003.
10. Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. Т. 1, № 1.
11. Зуев Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность // Полития. 1997–1998.
12. Esposito J. L. The Islamic Threat: Myth or Reality? N.Y ; Oxford, 1992.
13. Мамедова Н. М. Иран: от монархии к республике. Современное положение и перспективы // Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан. Пакистан, Иран и Турция – современное состояние, история и перспективы). М., 2001.
14. Митрофанова А. В. Политизация «православного мира». М., 2004.

¹ Как правило, с позиций цивилизационного подхода, в том числе и в региональных его проекциях. См.: Бобков А. И. Религиозная безопасность восточносибирского региона в контексте государственной безопасности / А. И. Бобков, Д. В. Шелепинь. – С. 3–8.

15. Chong T. *Modernization Trends in Southeast Asia*. Singapore, 2005.
16. Robbie B. H. Goh. *Christianity in Southeast Asia*. Singapore, 2005.
17. Арзуманов И. А. Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования. Улан-Удэ, 2007.
18. Williams B. *Tolerating the Intolerable // The politics of toleration in Modern Life / Ed. by S. Mendus*. Durham, 2000.
19. Кон И. С. *Психология доброго поступка // Этическая мысль*. Научно-публицистические чтения. М., 1988.
20. Кортава В. В. *К вопросу о ценностной детерминации сознания*. Тбилиси, 1987.
21. Конституция Российской Федерации (принятой 12 декабря 1993 г.) Ст. 29, п. 2.
22. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 ноября 1981 г. Ст. 1, п. 3; Ст. 5, п. 5.
23. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и дополнительные протоколы. Принята в Риме 4 ноября 1950 г. Ст. 9, п. 2; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека. Принята в Минске 26 мая 1995 г. Ст. 10, п.2.
24. <http://state-religion.ru>.
25. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 09.09.2000 г. Гл. 2, пар. 6, разд. «В сфере духовной жизни»; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» Ст. 1.
26. *Международное публичное право : сб. документов*. Т. 1. М., 1996.
27. Тихомиров Ю. А. *Публичное право*. М., 1995.
28. Арзуманов И. А. Религиозный фактор формирования социополитического пространства Байкальской Сибири // Правовые и экономические проблемы формирования новых субъектов РФ : науч.-практ. конф. г. Иркутск, 28 февр. 2006 г. Иркутск, 2006.
29. Холмс С. *Церковь и государство в Восточной Европе*. Введение // КРОВО. 1998. № 4 (25); 1999. № 1 (26).
30. Mandley T. S., Enyedi Z. *Church and State in Contemporary Europe: the Chimera of Neutrality*. London, 2003.
31. Бобков А. И. Религиозная безопасность восточносибирского региона в контексте государственной безопасности / А. И. Бобков, Д. В. Шелепинь.

CULTURE-LEGISLATIVE DETERMINANTS OF THE TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS SPACE OF THE BAIKAL REGION

I.A. Arzumanov

*Irkutsk State
University*

The article examines globalization aspects of the culture-legislative determinants of the transformation of the religious space of the Baikal region. The contradiction is analysed between the realization of human rights, freedom of conscience and confession on one hand and social stability and consolidation on the other hand. The substance of the contradiction is determined by civilizational-cultural components of the functional features of the religious space in the aspects anthropology, worldview and axiology.

Key Words: Law, tradition, legislative culture, religious culture, confessional space, functions of a state, integration, ethno-identification, confessional policy.

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

С.Д. Лебедев¹⁾
В.В. Бахарев²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: lebe-
dev@bsu.edu.ru*

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: bakharev@
bsu.edu.ru*

В статье на репрезентативном материале проведенного авторами регионального социологического исследования анализируется эффект преподавания конфессионально ориентированного религиозного предмета «Православная культура» в общеобразовательной школе. Выявляются основные коммуникативно-познавательные программы предмета, обосновывается их зависимость от характера первоначального (базового) тематического социального знания, показывается картина соотношения и взаимодействия разнообразных каналов трансляции социального знания о традиционной (православной) религии и религиозной культуре в процессе усвоения учащимися тематического образовательного и внеобразовательного знания.

Ключевые слова: православная культура, образование, социальное знание, образовательное знание, коммуникативно-познавательная программа, трансляция, информационно-коммуникативный канал.

Вопрос о результатах и последствиях включения в содержание светского образования элементов традиционной религиозной культуры и религиозного знания дискутируется в российском обществе с середины 1990-х гг. Особую остроту он приобрел в связи с образовательными инициативами Русской православной церкви Московского патриархата и поддерживающих ее общественных сил, нашедшими свое выражение в разработке и организации учебно-воспитательного блока, получившего обобщенное название «Основ православной культуры». Сегодня, в связи с разработкой государственного образовательного стандарта курса «Духовно-нравственная культура», этот вопрос обретает новый уровень актуальности.

В данной связи представляется необходимым (и давно назревшим) проведение масштабных социологических исследований на предмет выявления учебно-воспитательного эффекта преподавания соответствующих дисциплин, тенденций его развития, определяющих его ключевых условий и факторов. Результаты таких исследований призваны внести объективность и ясность в распространенные в обществе умозрительные, зачастую чрезмерно эмоциональные и противоречивые представления о результатах и последствиях преподавания «религии в школе», и, в конечном итоге, способствовать переводу данной проблемы в русло рационального и эффективного социально-технологического дискурса.

С 1 сентября 2007 г. во всех общеобразовательных школах Белгородской области была введена практика преподавания учебного предмета «Православная культура» со 2-го по 11-й классы включительно (до этого во многих школах аналогичный предмет преподавался факультативно). Данное решение вызвало неоднозначную реакцию общественности. По итогам проведенного образовательного «эксперимента» возникла настоятельная необходимость в социологическом анализе его предварительных результатов.

В апреле 2008 г. по заказу Департамента образования и молодежной политики администрации Белгородской области под руководством авторов статьи было проведено социологическое исследование результатов изучения учебного предмета «Православная культура» в общеобразовательных школах региона. Основным методом исследования был анкетный опрос учащихся выпускных (9-х и 11-х классов) городских, поселковых и сельских школ Белгородской области. Формирование выборочной совокупности учащихся осуществлялось по двухступенчатой методике квотно-районированной (стратифицированной) выборки. В основу выборки было положено соотношение между квотами респондентов по трем базовым критериям: полу, возрас-

ту (классу), району проживания. На втором этапе формирования выборки в каждом районе определялись конкретные школы с наиболее близкими характеристиками контингента учащихся, в которых проводился сплошной опрос учащихся 9-х и 11-х классов. Выборочная совокупность составила 4009 учащихся.

В числе основных задач исследования ставились: 1) выявление смыслового контента преподавания такого конфессионально ориентированного гуманитарного предмета, как «Православная культура», в светской общеобразовательной школе региона; 2) установление характера связи этого контента с характером первичных источников (каналов) трансляции тематического социального знания.

Теоретически наше исследование базировалось на следующих положениях:

1) образовательное знание, в форме которого учащиеся постигают религиозную (в данном случае православную) культуру, «содержит в себе мировоззренческий компонент и преследует цель социализирующего воздействия»¹; соответственно, такое воздействие предполагает не только передачу суммы знаний, но и существенное влияние на ценностные и смысложизненные ориентации личности;

2) преподавание конфессионально ориентированных религиоведческих предметов в образовательных учреждениях представляет собой не только передачу суммы знания о религиозной традиции, но и трансляцию адаптированных элементов соответствующей религиозной культуры в универсум светской культуры; соответственно, к факторам, влияющим на образовательный эффект, добавляется логика межкультурного взаимодействия, повышающая спонтанность и неопределенность процесса и результата образования;

3) «образование – это всего лишь один из многих социальных факторов, воздействующих на поведение человека»²; соответственно, формируемый смысловой контент (образовательный эффект) предмета «Православная культура» представляет собой равнодействующую тематического образовательного знания и фонового социального знания, полученного из внеобразовательных источников как светского, так и собственно религиозного характера.

Мы исходили из того, что преподавание в учебных заведениях конфессионально-ориентированных предметов имеет своим результатом (эффектом) формирование в сознании учащихся комплекса смысловых интенций, частично совпадающих, а частично не совпадающих с целями образования. Данные интенции сопряжены с комплементарными ценностями светской и религиозной, в данном случае – православной, культур, и могут носить как целевой (соответствующий одной из целей образования), так и побочный (не предусмотренный образовательными целями, но имеющий высокую степень вероятности) характер. Степень их выраженности и соотношение предположительно зависят от ряда переменных, из которых наиболее значимыми выступают: включенность (инкультурированность) субъекта образования в соответствующую религиозную культуру; его субъективное отношение к религии; ценностные приоритеты; источники первоначального знания о религиозной традиции; степень доверия к школьным и внешкольным каналам тематической информации.

Ниже мы остановимся на одном из этих вопросов, а именно – вопросе зависимости смысловых интенций образовательного знания, транслируемого в рамках учебного предмета «Православная культура», от особенностей первоначального знания о православной традиции.

Смысловые интенции преподавания конфессионально-ориентированных предметов выражаются в тематических коммуникативно-познавательных программах, формируемых в результате образовательной деятельности. Под коммуникативно-познавательной программой (далее КПП), согласно Т.М. Дридзе³, нами понимается

¹ Зборовский Г.Е. Социология образования и социология знания: поиски взаимодействия // Социологические исследования. – 1997. – № 2. – С. 14.

² Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С.463.

³ См.: Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Наука, 1984. – С.64.

устойчивое коммуникативное либо интерпретативное намерение субъекта коммуникации, функционально структурирующее текст получаемых либо передаваемых им сообщений. Применительно к исследуемой ситуации, мы выделяем 12 основных КПП, предположительно реализуемых в сознании учащихся преподаванием предмета «Православная культура».

1. Информационно-ознакомительная (вариант ответа: «Я многое узнал о религии, вере, Церкви»).
2. Историко-культурная («Я стал лучше понимать культуру, историю своей страны»).
3. Гражданская («Я стал серьезнее относиться к тому, что я гражданин своего Отечества»).
4. Патриотическая («Я смог лучше почувствовать, что такое моя Родина»).
5. Этическая («Думаю, что теперь я лучше понимаю, что хорошо, а что плохо»).
6. Толерантная («Мне кажется, что теперь я буду более терпим и доброжелателен по отношению к другим людям»).
7. Скепτικο-познавательная («Я узнал много спорных, но достаточно интересных вещей»).
8. Прорелигиозная («Я пересмотрел свое отношение к религии в более серьезную сторону»).
9. Религиозно-смысложизненная («Возможно, я открыл для себя самое главное»).
10. Смысложизненная («Я более серьезно задумался над смыслом своей жизни»).
11. Религиозно-политическая («Мне кажется, я теперь лучше знаю, как «обустроить Россию»)
12. Частичная переоценка ценностей («Я понял, что некоторые ценности в жизни более важны, чем казалось раньше»)

Указанные коммуникативно-познавательные программы дифференцируются нами следующим образом: по принципу отношения к целям образования – целевые (№№ 1-6) и спонтанные («побочные») (№№ 7-12); по принципу преобладания личностной/социальной направленности: личностно-ориентированные (№№ 5, 7, 8, 9, 10, 12) и социально-ориентированные (№№ 1, 2, 3, 4, 6, 11).

Из представленных учащимся для выбора вариантов КПП предмета «Православная культура» наибольшее количество ответов набрала программа *информационно-ознакомительного* характера. Вариант ответа «Я многое узнал о религии, вере, Церкви» указали 60,3% – почти 2/3 опрошенных. Таким образом, лидирующей с абсолютным перевесом среди достаточно многочисленных коммуникативно-познавательных программ учебного предмета «Православная культура» оказалась целевая социально-ориентированная и ценностно нейтральная программа, которую можно охарактеризовать как *религиоведческую*.

На втором месте оказалась также носящая целевой и социально-ориентированный характер *историко-культурная КПП*. Почти четвертая часть выборки – 24% школьников – указали, что в результате изучения предмета «Православная культура», они, по их мнению, стали «лучше понимать культуру, историю своей страны». Соответствующая смысловая интенция занимает позицию между ценностно нейтральным познанием и ценностно-смысложизненно «ангажированным» влиянием изучаемой религиозной традиции. В данной связи она, на наш взгляд, характеризуется известной противоречивостью: актуализируя в той или иной степени культурно-историческую составляющую социогуманитарного потенциала общего образования, она уводит образовательное воздействие предмета в сторону «симулятивной социальности», связанной с личностно дистанцированной символикой «прошлого» и «территории»¹.

¹ Дубин Б. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – № 3 (71). – С. 43.

Третье место с незначительным отрывом от предыдущей заняла КПП *частичной переоценки ценностей*. 23.8% опрошенных учащихся под влиянием предмета «Православная культура» поняли большую, нежели полагали раньше, значимость некоторых жизненных ценностей. По всей вероятности, здесь речь идет о ценностях традиционных, имеющих наиболее сильную легитимацию в религиозной культуре православного христианства. Соответствующую интенцию, в отличие от первых двух, мы классифицируем как личностно-ориентированную и спонтанную (побочную в отношении образовательных целей), поскольку собственно переоценка, изменение иерархии ценностей учащегося не входит в число основных целей и задач преподавания предмета.

На четвертом месте (и тоже с небольшим отрывом) – *смысложизненная* КПП (21.1%), так же, как и предыдущая, носящая личностно-ориентированный и спонтанный в отношении основных целей преподавания предмета характер. Ее интенция заключается в актуализации рефлексии молодого человека над смыслом своей жизни. Пятое место с рейтингом 15.5% занимает КПП *толерантности*, смысловая интенция которой выражается в повышении терпимости и доброжелательности личности по отношению к другим людям. Это одна из целевых социально-ориентированных смысловых интенций преподавания предмета «Православная культура» и разрабатываемого федерального образовательного стандарта «Духовно-нравственная культура» в целом.

На шестом месте с почти таким же показателем (15.4%) – спонтанная личностно-ориентированная КПП, названная нами *скепτικο-познавательной*; учащиеся, выбравшие соответствующий вариант ответа, склонны считать информацию, полученную на уроках «Православной культуры», в значительной степени «спорной», но «при этом достаточно интересной». Седьмое место с показателем 14.8% заняла целевая личностно-ориентированная *этическая* КПП, в соответствии с которой преподавание предмета акцентирует и конкретизирует в сознании учащихся основные категории этики («хорошо» и «плохо»).

На восьмом месте – спонтанная личностно-ориентированная КПП, которую мы обозначили как *прорелигиозную* (11.5%), предполагающую повышение серьезности отношения к религии. Здесь следует отметить, что соответствующее изменение отношения к религии не равнозначно «религиозной индоктринации» учащихся, нарушающей принцип светскости образования. Скорее всего, оно в большинстве случаев означает уважительное признание религии как особой, важной сферой человеческой жизни (в данной связи характерно, что у 32.6% респондентов в отношении к религии доминирует «уважение») и вытекающее из этого формирование более вдумчивого, внимательного подхода к соответствующему кругу вопросов.

Девятое место принадлежит целевой социально-ориентированной *патриотической* КПП с рейтингом 8.9%, основной смысловой интенцией которой является актуализация у учащихся чувства Родины. На десятом месте – 7% – оказалась социально-ориентированная *гражданская* КПП, также одна из целевых, предполагающая усиление гражданской идентичности учащегося.

Одиннадцатое место заняла спонтанная в отношении образовательных целей *религиозно-смысложизненная* КПП, которую выбрали 5% респондентов; она также носит личностно-ориентированный характер; в отличие от «прорелигиозной», соответствующая ей смысловая интенция состоит в переоткрытии личностью религии как «самого главного» в жизни.

На двенадцатом, замыкающем таблицу, месте (4.8%) оказалась также носящая спонтанный и при этом социально-ориентированный характер *религиозно-политическая* КПП, основная интенция которой может быть выражена формулой «обустройства России» (А.И. Солженицын) на конфессиональной политической платформе. Еще порядка 1.7% опрошенных учащихся дали собственные варианты ответов, в основном сводимые к тому, что преподаваемый предмет им «не дал ничего».

Таким образом, на основании полученных данных можно говорить о том, что предмет «Православная культура», преподаваемый в школах региона, реализует в со-

поставимой степени как целевые и социально-ориентированные, так и побочные и лично-ориентированные коммуникативно-познавательные программы. При этом существенным преобладанием характеризуется его информационно-ознакомительный эффект (конфессионально ориентированное религиозное просвещение). Вместе с тем заметно выражены и более глубокие, непосредственно затрагивающие ценностно-смысловую сферу формирующейся личности смысловые интенции – как целевого плана (повышение толерантности), так и спонтанного, «побочного» (частичной переоценки ценностей, усиления рефлексии смысловой сферы характера). При этом соответствующие коммуникативно-познавательные программы не связаны с непосредственным «религиозным обращением».

Вторую ключевую составляющую проблемы представляют современные способы **трансляции знания и информации о религиозной традиции**. Как отмечал К. Манхейм, «Успех преподавания зависит сегодня от того, как мы соединяем новый опыт с уже существующими знаниями индивида»¹. Поэтому очень важно установить соотношение «удельного веса» и субъективной значимости собственно образовательного знания о православно-христианской религиозной культуре, получаемого молодыми людьми в стенах школы, и соответствующего внеобразовательного знания, получаемого из других источников.

Канал трансляции тематической информации (знания) – устойчивый социально значимый способ передачи определенной информации (знания), актуальный в данном качестве для социального субъекта – получателя и носителя данной информации (знания). Основных каналов трансляции применительно к знанию о православной религии и религиозной культуре в современном российском социуме мы насчитываем десять: светские (№№ 1-5) и конфессиональные (№№ 6-10). В их число входят следующие.

1. Собственно образовательный, или школьный (уроки в школе, учебная литература, консультации с учителем)
2. Семейный (общение с родителями, бабушкой, другими ближайшими родственниками)
3. Телевидение
4. Печатные СМИ и художественная литература
5. Научная и научно-популярная литература
6. Миссионерские источники (религиозная литература, религиозные проповеди, теле- и радиопередачи)
7. Богослужения
8. Общение со священнослужителями
9. Воскресные школы, катехизаторские курсы
10. Повседневное общение с «рядовыми» верующими.

В данной связи следует отметить, что **роль и функция школы** в трансляции знания и информации о традиционной религии и религиозной культуре, применительно к православной культуре в регионе (и косвенно – в современном российском обществе) оказывается весьма и весьма значительной. Так, функцию тематического канала передачи/усвоения соответствующего знания и информации школа выполняет наиболее активно по сравнению со всеми прочими каналами такого рода. «Уроки в школе, учебная литература» – это тот источник, из которого получили свои *первоначальные знания о традиционной религии и религиозной культуре* 54% опрошенных нами учащихся (выбор предполагал от 1-го до 2-х вариантов включительно, поэтому итоговая сумма всех ответов > 100%). Даже семья («Родители, бабушка») уступила школе пальму первенства, заняв в рейтинге тематических каналов трансляции только второе место (42.8%) с заметной разницей в 11.2%.

Остальные каналы трансляции тематической информации оказывают на современных белгородских школьников сравнительно небольшое «религиозно-

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С.463

образовательное» влияние. Всепроникающее *телевидение* оказалось на третьем месте и с очень большим отрывом, набрав всего 14%. Это может быть связано как с тем, что традиционной культуре и религии вплоть до середины 2000-х годов на российских телеканалах уделялось очень мало места и времени, так и с малой информативностью данного средства массовой информации в части информации гуманитарного, образовательного характера. Так, российскими социологами отмечается, что «наибольшая смысловая дистанция фиксируется между понятиями «знание» и «телевидение»... Для молодых людей фоновый характер телевидения фактически вытесняет информационную функцию и функцию релаксации»¹.

Тем не менее, собственно религиозные (церковные) каналы трансляции тематической информации, при всем их количественном и качественном развитии за последние полтора десятка лет оказались в данном отношении еще менее влиятельными. Из специальных *миссионерских* источников («*Религиозная литература, проповеди, религиозные теле- и радиопередачи*») свои первоначальные знания о традиционной религии и религиозной культуре почерпнули 10,3%, из непосредственного «*Общения с верующими*» (вне семьи) – 10,1% учащихся; еще 9,4% получили их непосредственно при посещении *богослужений*.

На предпоследних местах в рейтинге трансляции первоначальных знаний о традиционной культуре и религии оказались *светская печать и наука*. Из «*Научной и научно-популярной литературы о религии*» первоначальные знания о ней и о традиционной религиозной культуре получили 5,9% опрошенных; из «*Обычных газет, журналов, художественной литературы*» – 5,8%. Еще меньшее число учащихся почерпнуло их только из «*Посещения воскресной школы, религиозных (катехизаторских) курсов*» (3,9%) и из непосредственного «*Общения со священниками*» (3,3%), что уже фактически не превышает величины статистической погрешности. Наконец, буквально единицы из числа респондентов указывали в качестве источников знаний такого рода «Интернет» или признавались, что они «не помнят», откуда получили их. 0,5% опрошенных указали, что «не получили» таких знаний вообще.

Соответственно, в качестве источников первоначального знания о традиционной религии и религиозной культуре, являющегося «точкой отсчета» для восприятия учащимися школьного образовательного знания, выступают, главным образом, светские информационно-коммуникативные каналы. Основное влияние на учащихся общеобразовательных школ региона в данной связи имеют *школа* (независимо от преподавания в ней специальных предметов) и *семья* – они формируют первоначальное тематическое знание у порядка 1/2 контингента учащихся. Религиозные источники, занимая определенное место в ряду значимых, все же обнаруживают значительно меньшую роль в формировании такого знания – порядка 10% (в т.ч. непосредственное общение со священнослужителями и воскресные школы – порядка 3-4%).

Далее мы перейдем к наиболее интересным данным, полученным при сопоставлении коммуникативно-познавательных программ изучения «Православной культуры» и каналов трансляции базового, первоначального тематического знания. Мы исходили из того, что это знание имеет существенное значение для восприятия и усвоения последующих когнитивных «наслоений». Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, «уже интернализированная реальность имеет тенденцию продолжать свое существование. Любое новое содержание, которое теперь нужно интернализировать каким-то образом, должно накладываться на уже существующую реальность»². Соответственно, те акценты, которые определяют доминирующие смысловые интенции и ложатся в основу коммуникативно-познавательных программ восприятия учащимися образова-

¹ Малахов А.О. Молодежь и информация: к проблеме оценки эффективности работы СМИ в современном российском обществе // Сорокинские чтения – 2004: Российское общество и вызовы глобализации. – М.: Альфа-М, 2005. – Т. 4. – С. 423-424.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – С.228.

тельного знания в рамках учебного предмета «Православная культура», в существенной степени предопределяются характером первичного тематического социального знания, который, в свою очередь, зависит от его источника.

Наше исследование выявило как факт существенной дифференциации «абсолютного» влияния коммуникативно-познавательных программ изучения учебного предмета «Православная культура» в зависимости от источников первоначального знания о традиционной религии и религиозной культуре, так и – в первом приближении – ряд конкретных зависимостей такого рода.

Начнем с наиболее значимых тематических источников. Проведенный нами анализ показал, что учебный (школьный) канал трансляции первоначального знания о традиционной религии и религиозной культуре наиболее сильно предрасполагает учащихся к *информационно-ознакомительной, этической и гражданской* КПП предмета «Православная культура». Напротив, наименее сильно он предрасполагает их к *смысложизненной* коммуникативно-познавательной программе соответствующего комплекса образовательного знания.

Предрасположенность к информационно-ознакомительной КПП предмета с наибольшей вероятностью объясняется малой информативностью источника базового знания. Здесь следует отметить, что получение *первоначального образовательного* знания о религии и религиозной культуре у опрошенных, как правило, не совпадает с изучением «Православной культуры»; он приходится на период начальной и младшей средней школы, когда они в подавляющем большинстве еще не изучали специальных предметов (согласно данным нашего исследования, 92.9% старшеклассников на момент опроса изучали «Православную культуру» в школе не более 3-х лет). «Допредметное» же изучение религиозной тематики в стенах школы во многом сводится к общим сведениям о Библии и Евангелии в рамках уроков литературы и к использованию в качестве дополнительной информации различного рода популярных книг для школьников¹. В данном случае малая информативность школьного блока социально-гуманитарного знания в вопросах религии и религиозной культуры до введения в него специальных религиоведческих дисциплин объясняется крайней фрагментарностью и скудостью содержащейся в нем информации на соответствующую тему.

Что касается этической и гражданской интенций, то можно предположить, что те аллюзии на православную культуру и Церковь, которые присутствуют в школьных курсах истории, литературы, мировой художественной культуры, ассоциируют их, прежде всего, с вопросами этики и гражданственности. Наконец, сама «несфокусированность», дисперсность базового образовательного знания в достаточной степени объясняет то, что впоследствии предмет, посвященный традиционной религиозной культуре, у школьников почти не ассоциируется со смысложизненными мотивами.

Далее, в случае, когда основным источником трансляции первоначального тематического знания выступает семья, учащиеся оказались в достаточно сильной степени предрасположены только к одной КПП предмета «Православная культура» – именно, к *информационно-ознакомительной*. Напротив, наиболее слабая предрасположенность у соответствующей подвыборки выявилась к *смысложизненной, прорелигиозной, патриотической, религиозно-смысложизненной и религиозно-политической* интерпретациям соответствующей суммы образовательного знания.

Как и в случае со школой, объяснением первого факта с наибольшей вероятностью служит малая информативность семейного канала трансляции соответствующего блока социального знания. Данный факт связан с тем, что в массе своей современная российская семья практически утратила компетентность в религиозных и религиоведческих вопросах (исключение составляют традиционно-религиозные, – в православии – воцерковленные, – семьи, которых в современной России насчитывается

¹ См.: Луховицкий Вс. Религиозное образование в светской школе // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. – М.: Центр «Сова», 2005. – С. 147-148.

очень немного). Об этом говорит как малая степень актуальности религии в повседневной жизни массового жителя России, так и крайне низкий уровень просвещенности людей в области даже элементарных религиозных и религиоведческих знаний¹. Но тот же фактор дает обратный эффект в случае со смысловыми интенциями ценностного характера. Вполне логичным представляется, что он не способствует ни смысло-жизненным, ни прорелигиозной аллюзиям в ходе изучения детьми школьного предмета «Православной культуры». Отсутствие же у них предрасположенности к восприятию соответствующего учебного материала в патриотическом ключе можно объяснить тем, что в массовой трактовке ценности патриотизма, лежащей в основе его семейного воспитания, почти отсутствуют православные коннотации. Что касается религиозно-политической интенции, то ее незначительность объясняется, прежде всего, слабой политизированностью массового сознания, характерного для современных граждан России (в числе шести основных жизненных приоритетов: семья, работа, друзья, свободное время, религия и политика – политика занимает последнее место, уступая в т.ч. религии, занимающей пятое место)².

Третий из ведущих каналов, определяющих формирование первоначального знания учащихся о религии и традиционной религиозной культуре – телевидение – в наибольшей степени предрасполагает молодых людей к опять-таки *информационно-ознакомительной*, а также *историко-культурной*, *скепτικο-познавательной* и *гражданской* КПП изучения «Православной культуры». В наименьшей степени под его влиянием формируются предметные образовательные интенции переоценки ценностей, *смысложизненного* и *религиозно-политического* плана.

Первое объясняется тем, что, как уже было сказано выше, телевидение в силу своей специфики не ориентировано на познавательную функцию в религиоведческих вопросах, как и в плане социально-гуманитарного познания в целом. Склонность «телевизионной» подгруппы учащихся к скепτικο-познавательным, историко-культурным и гражданским ценностным коннотациям, по-видимому, объясняется выбором различных телепрограмм и сюжетов, сформировавших те или иные акценты в восприятии ими тематического знания. Наконец, слабая выраженность смысложизненных аллюзий в данном случае вполне объясняется нерелефлексивным характером телевидения вообще и современного российского телевидения в особенности, а религиозно-политических – отсутствием религиозно-политического дискурса в российском телевизионном «пространстве».

Характерные зависимости выявились и при сопоставлении данных по другим источникам первичного тематического социального знания. Так, учащиеся, получившие первоначальные знания о традиционной религии и религиозной культуре из *миссионерских источников* («религиозная литература, проповеди, религиозные теле- и радиопередачи»), при изучении предмета «Православная культура» проявили максимальную склонность к *патриотической* и *религиозно-политической* КПП, что вполне согласуется с message православной миссии в современной России. При этом в наименьшей степени у них проявилось восприятие *толерантной*, *этической* и *гражданской* интенций учебного предмета. В случае усвоения таких знаний через повседневное *общение с верующими*, в максимальной степени при изучении «Православной культуры» учащимися воспринимались, напротив, *этическая*, *толерантная*, а также *религиозно-смысложизненная* и *религиозно-политическая*, а в минимальной – *информационно-ознакомительная*, *историко-культурная*, *скепτικο-познавательная*, *патриотическая* и *гражданская* смысловые интенции. Что же касается такого источника первоначальных знаний о традиционной религии и религиозной

¹ См.: Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской Академии Наук. – 2008. – № 3. – С.9.

² См.: Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской Академии Наук. – 2008. – № 3. – С. 26-27.

культуре, как *богослужения*, то учащиеся, отметившие данный вариант ответа, максимально «проявили» при изучении предмета *смысложизненную КПП, переоценку ценностей*, а также *толерантную, этическую и прорелигиозную*. Напротив, минимальную склонность они обнаружили к *историко-культурной, скепτικο-познавательной и гражданской* смысловым интенциям изучаемого предмета.

Таким образом, проведенное нами исследование выявило следующее. Содержание предмета «Православная культура», преподаваемого в светских общеобразовательных школах региона, обнаруживает достаточно широкий спектр реальных коммуникативно-познавательных программ, как соответствующих целевой ориентации образовательного процесса, так и имеющих побочный, спонтанный характер. Абсолютным преобладанием характеризуется информационно-ознакомительная (религиоведческая) смысловая интенция предмета, функцией которой является просвещение светских субъектов в вопросах традиционной религии и религиозной культуры. Достаточно сильно выражены также интенции приобщения учащихся к отечественной истории и культуре, частичной переоценки ценностей, усиления рефлексии смысложизненного характера, повышения толерантности, «скептического познания», что характеризует образовательный эффект предмета как сложный и противоречивый в плане глубины воздействия на ценностно-смысложизненную сферу личности учащегося. Из числа источников первичного тематического знания, хронологически предшествующего изучению предмета, существенным преобладанием над всеми прочими характеризуются школа (54%) и семья (42.8%). Определенное влияние на формирование такого знания у учащихся (порядка 10%) оказывают также телевидение и блок специфически религиозных информационно-коммуникативных каналов: миссионерских трансляций, повседневного общения с верующими и богослужений. Исследование выявило заметную дифференцированность в степени выраженности коммуникативно-познавательных программ изучения учебного предмета «Православная культура» в зависимости от источников первоначального знания о традиционной религии и религиозной культуре, а также ряд конкретных зависимостей между КПП и характером таких источников, имеющих достаточно убедительные логические объяснения. Так, доминирующая информационно-ознакомительная КПП предметного образовательного знания сопряжена с влиянием на формирование первичного тематического знания исключительно светских каналов трансляции тематической информации – школьного обучения, семьи и телевидения; историко-культурная – с влиянием телевидения и светских печатных СМИ; скепτικο-познавательная – светских печатных СМИ, телевидения и науки. Напротив, более глубокие, затрагивающие ценностно-смысложизненную сферу личности учащегося интенции частичной переоценки ценностей, смысложизненной рефлексии и толерантности связаны с влиянием комплекса собственно религиозных (церковных) каналов, отсутствие которого, вероятно, не может быть компенсировано только влиянием светских источников первичного тематического знания. В свою очередь, воздействие конфессиональных источников может ослаблять отдельные целевые коммуникативно-познавательные программы образовательного знания. В любом случае фактор первичного комплекса социального знания о религии и традиционной религиозной культуре заслуживает особого внимания и учета в учебно-воспитательном процессе, и наши последующие работы будут посвящены его дальнейшему изучению.

Список литературы

1. Зборовский Г.Е. Социология образования и социология знания: поиски взаимодействия // Социологические исследования. – 1997. – № 2. – С. 14.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
3. См.: Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Наука, 1984.
4. Дубин Б. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – № 3 (71). – С. 43.

5. Малахов А.О. Молодежь и информация: к проблеме оценки эффективности работы СМИ в современном российском обществе // Сорокинские чтения – 2004: Российское общество и вызовы глобализации. – М.: Альфа-М, 2005. – Т. 4. – С. 423-424.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995.
7. См.: Луховицкий Вс. Религиозное образование в светской школе // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. – М.: Центр «Сова», 2005. – С. 147-148.
8. См.: Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской Академии Наук. – 2008. – № 3. – С. 26-27.
9. См.: Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйна, Д. Фурмана. – М.; СПб.: Летний сад, 2007. – С. 44-51.

RELIGIOUS CULTURE IN SECULAR EDUCATION (REGIONAL ASPECT)

S.D. Lebedev¹⁾
V.V. Bakharev²⁾

*¹⁾ Belgorod State
University*

*e-mail:
lebedev@bsu.edu.ru*

*²⁾ Belgorod State
University*

*e-mail:
bakharev@bsu.edu.ru*

The article discusses the results of the regional sociological research and analyzes the effect of confessionally oriented religious discipline “Orthodox culture” teaching in the secondary school. The main communicative and cognitive programs of the discipline are revealed and interpreted in the context of their dependence on the features of basic thematical social knowledge. The article also shows the scale of correlation and interaction of different transmission channels of social knowledge of Orthodox religious culture, which are established in the process of learning of thematical educational and extra-educational knowledge.

Key words: Orthodox culture, education, social knowledge, educational knowledge, communicative and cognitive program, translation, information and communication channel.

О ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ МАГИИ И МАГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

В.Ф. Филатова

*Борисоглебский
государственный
педагогический
институт*

*e-mail:
filatova46@mail.ru*

Статья выявляет принципы изучения феномена магии и магической лексики в народной культуре. Особое внимание уделено соотношению понятий магия и мифология, магическая обрядность и магическая лексика. Статья носит интегративный характер, рассматривает проблемы диалектологии, религиоведения, культурологии и этнологии.

Ключевые слова: обряд, магия, магическая лексика, миф, религия, искусство, классификация обрядов, жизненный цикл человека.

Материализм XIX века, революция начала XX века и следующие за ней десятилетия культивируемого в нашей стране атеизма и научного мировоззрения, казалось бы, должны были полностью вытравить из народной традиции мистицизм и религиозность. Однако это не только не случилось, но, как показывают исследования последних лет, магическое сознание пропитало все поры народной жизни. Более того, исследователи пишут о магичности эпохи постмодерна и современного массового сознания. Социологическое исследование, проведенное В.С. Свечниковым в 2002 году, показало: 75% респондентов, считающих себя атеистами, заявили о том, что они верят в магию¹. Чаще всего магичность массового сознания связывается исследователями с неоднократно отмечаемой корреляцией кризисного времени, переходных эпох и мистики, иррационализма (Гуревич, Крутоус, Эко и др.). Отмечая склонность средневековья к мифу и символу, Умберто Эко видит в этом «бегство от действительности», «невротический страх», порождённый атмосферой «упадка городов и запустения деревень, недородов, чужеземных вторжений, эпидемий чумы, преждевременных смертей»; «...само появление этих легенд говорит о том, что их породила чрезвычайная ситуация, атмосфера тревоги и глубинной неуверенности»².

Полевые материалы, собранные нами в последние десятилетия в российской провинции, позволяют сделать вывод относительно широкого бытования магии в народной и в третьей культуре (по терминологии Н.И. Толстого³) рубежа XX – XXI веков. В нашей картотеке хранятся материалы, свидетельствующие о различных проявлениях магического сознания и поведения неграмотных, малограмотных, имеющих среднее и высшее образование жителей как сельских, так и городских населённых пунктов нашего региона.

Исследуемый нами исторический отрезок – эпоха коренных преобразований в нашей стране, время переходное и кризисное, отмеченное упадком промышленного производства, разрушением сельского хозяйства, переделом собственности. Чудовищная разница в материальном положении людей, умирающая деревня, криминализация всех без исключения сторон жизни, коррупция и незащищённость человека перед лицом различного рода нарушений закона породили неуверенность в себе и будущем, алкоголизм, наркоманию, гражданскую астению и, как следствие, мистицизм и ситуативную, неглубокую религиозность. По-видимому, мистицизм распространён в настоящее время во многих локусах постсоветского пространства. Так, И.А. Седакова, рассматривая традиционную культуру болгар, отмечает: «... в последние годы... заметно увлечение оккультными науками и «заимствованными» магическими практи-

¹ Свечников В.С. Магичность массового сознания // Человек. – 2004. – № 2. – С. 168.

² Эко У. Эволюция средневековой эстетики. – СПб.: Азбука – классика, 2004. – С.114-115.

³ См. работу Н.И. Толстого «Язык и культура», в которой исследователь выделяет в рамках русской национальной культуры четыре субкультуры – элитарную, народную, «третью культуру» (мещанскую) и традиционно-профессиональную.

ками...»; «Вера в сглаз как причину недомогания до сих пор очень сильна в Болгарии – как в сёлах, так и в городах, даже среди интеллигенции»¹.

При рассмотрении магических феноменов и порождающего их магического, мифического мышления в диахронии (по материалам исследований, относящихся к разным хронологическим пластам) приходится признать, что магическое и мифическое соотносятся не только с так называемой первобытной культурой и пралогическим мышлением, но и являются константой культуры вообще, её необходимой категорией. Так, мифическое как одна из постоянных и необходимых составляющих интеллектуальной деятельности человека и общественного сознания рассматривается в работах Я.Э. Голосовкера, А.Ф. Косарева, А.Ф. Лосева. Я.Э. Голосовкер усматривает в мифе отражение воображаемого, чудесного, имажинативного объекта и «...запечатлённое в образах познание мира во всём великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн»². Для А.Ф. Лосева миф есть «...реально, вещественно и чувственно творимая действительность...»³, «...необходимая категория сознания и бытия вообще»⁴. Признание константности категории магического указывает не только на необходимость дальнейшего изучения феномена магии и соответствующей лексики, но и нового подхода к его рассмотрению.

Ещё в 1922 г. Э. Кассирер писал о том, что язык и миф, религия и искусство, имеющие различные мыслительные измерения, обладают самостоятельной структурой и что каждая из них является «самобытным органом постижения и идеального сотворения мира – органом, у которого, как у научно-теоретического познания и в отличие от него, есть своё особое предназначение и свое особое право на существование»⁵. Иными словами, понять миф и религию можно исходя не из законов формальной логики, а из их собственного «формообразующего принципа»⁶. Мифическое мышление структурирует мир по своим законам и правилам, которые и подлежат исследовательскому выявлению. Так, в рассматриваемом нами магическом материале в качестве организующих формальное и семантическое пространство элементов функционируют два основных знака – *круг* и *крест*. Трудно сказать, какой из них древнее, скорее всего, они ровесники. А. Голан пишет: «Символ «крест в круге» или «диск с крестом» проходит через тысячелетия от времени мезолита через неолит и античность до средних веков»⁷. Он считает, что круг в прошлом – это символ неба, а крест – символ земли. Позднее кругу приписали солярную семантику, что естественно, поскольку солнце является частью неба, а кресту – небесную. Покажем на некоторых примерах структурирующую роль указанных символов в народной культуре.

Повторяющимися, сквозными магическими акциями календарных, жизненного цикла человека, медицинских, плювиальных (вызывания дождя), агнинуальных (усмирения огня) и других магических обрядов являются опоясывание, очерчивание, опаживание, оползание, обхождение, обведение вокруг некоего сакрального центра, то есть замыкание магического круга, который одновременно защищает, оберегает, как крест, и указывает на полноту, завершённость, исчерпанность совершаемого. Так, молодых в свадебном обряде трижды обводят вокруг «посаднического» стола перед венчанием. Накрытый чистой «посаднической» скатертью стол символизирует будущую жизнь молодых (стол – сновидческий символ жизни в народной культуре), а круг, описываемый ими вокруг стола, – небесное благословение брака. Схема рассматри-

¹ Седакова И.А. Ребёнок в судьбе и жизненном сценарии взрослых (архаическое, универсальное и уникальное в традиционной культуре болгар)// Традиционная культура. – 2005. – №3. – С. 52,53.

² Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1980. – С.14.

³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа// А.Ф. Лосев. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С.44.

⁴ Там же. – С.72.

⁵ Кассирер Э. Избранное: индивид и космос. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С.275.

⁶ Там же. – С.276

⁷ Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1994. – С.108.

ваемой акции – всё тот же крест (квадрат) в круге. Грамматика и семантика акции распространяется на участвующие в магической акции предметы: кольцо, венок, круглый свадебный пирог, пояс невесты «Живые помощи», кушак дружков. Отметим, что слово *круг* этимологически связано (по Фасмеру) с др.-исл. *hringr*, д.-в.-н., англос. *Hring* «кольцо», умбр. *cringatro*, *krenkatrum* «*sinctum*, повязка на плече как знак отличия». Ср. повязанные на плечо платки или полотенца в воронежском погребально-поминальном обряде.

Лексема *круг* в воронежских говорах, чаще всего, имеет значение полноты, завершённости. Ср.: *круглый дом* – четырёхкамерный дом, имеющий форму квадрата; *круглый год* – год как завершённая и исчерпывающая единица времени; *круглый сирота* – не имеющий отца и мать, полный сирота; *круглый лес* – хороший строевой лес. Однако слово *круговой* в воронежских говорах имеет значение «психически неполноценный, испорченный колдунами». Сама акция кружения, верчения имеет магическое свойство отрицательного характера, веретено воспринимается как магическое орудие, могущее причинить вред. Ящерица, соотносимая с колдунами, в воронежских говорах именуется *веретницей* – слово включает идею кружения, верчения. Символ амбивалентен: нет ничего навсегда положительного или навсегда отрицательного – учит нас культура.

Крест как морфологический элемент магической структуры имеет, как правило, отрицательную коннотацию, связанную, очевидно, не только с землёй как юдолью страдания, но и как «орудие» страдания Христа. Само слово *крест*, как считают этимологи, соотносится с именем *Христос*. Идея терпения, страдания составляет содержание сновидческого символа *крест* в народной культуре. Жизнь в ней понимается как ношение креста (в смысле крестных мук Христа): «У каждого свой крест». Слова *христианин*, *крестьянин* этимологически связаны: в древнерусском, старославянском, болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, польском, верхне – и нижнелужицком языках слово *крестьянин* означает христианин.

Пространственный крест, перекрёсток, называемый в воронежских говорах *крестом*, имеет также пейоративную коннотацию – он потенциально опасен, на перекрёстках издавна хоронили нечистых покойников, ведьмы и колдуны «выбрасывали» на него наговоры, болезни и т. п.

В то же время крест и круг равно функционируют, как было написано выше, в качестве оберега, апотропея, защищая человека от негативного воздействия. Оппозиция креста и круга, таким образом, снимается, нейтрализуется. Это находит отражение и в диалектной лексике. Так, один из узоров воронежских домотканых шерстяных ковров, образуемых концентрическими крестами, называется *круг* (с. Ярки Новохопёрского р-на). Квадратный четырёхкомнатный дом в воронежских говорах, наряду с наименованием *круглый дом*, имеет номинацию *крестовик*, поскольку его внутренние стены образуют крест. Графемы квадрат, круг и крест во многих случаях функционально синонимичны и символизируют саму жизнь. Вероятно, неслучайно выражение *квадратура круга* стало синонимом неразрешимой задачи – загадку жизни не удалось ещё разгадать никому.

Итак, магический мир имеет специфическую структуру и семантику, требующую специального рассмотрения.

Многочисленные исследования в области магии в настоящее время связаны, кроме того, с происходящим смещением исследовательских интересов (в рамках антропологического подхода) в сторону осмысления частной жизни человека, его ментальности, эмоций, страстей.¹ Магическая обрядность в этом отношении, как

¹Показательными в этом отношении являются зарубежные и отечественные труды по философии культуры, например, книга Э.Р. Доддса «Язычник и христианин в смутное время». Из последних отечественных работ отметим интересное исследование С.М. Климовой «Феноменология святости и страстности в русской философии культуры», рассматривающей указанные в заглавии книги категории в качестве смыслоорганизующих начал православного космо-

ничто иное, позволяет не только увидеть человека в его повседневности, но и заглянуть за кулисы его обыденной жизни, увидеть его подлинные побуждения, желания и устремления.

Магические обряды Воронежского края, прежде всего, необходимо рассмотреть во всей совокупности, отражающей современный магический универсум, в системе всех обрядов (календарных, жизненного цикла человека и др.) Воронежского региона и в соотношении их с народным православием. Несомненно, что каждый из магических обрядов можно и нужно изучать как самостоятельный со всей необходимой глубиной и с различных сторон. Однако полезно также посмотреть на явление в целом, что позволит представить общие формально-концептуальные очертания его действительного бытия и даст возможность затем обратиться к частным сторонам.

В этой связи представляется полезным рассмотреть магические обряды с точки зрения «инструмента» магического воздействия, что позволит в какой-то степени приблизиться к пониманию характера семиотизации, символизации в магическом дискурсе и обратить внимание на культурные «смыслы», не подтверждаемые языком¹, а в случае вербальной маркированности показать специфику их формализации, выражения.

Собирание материала по названной теме было сопряжено со многими сложностями. В конце 80-х годов прошлого века нам нередко приходилось слышать: «Дочка, а ты нас не посадишь?» – тема воспринималась информаторами как запретная. В настоящее время ситуация изменилась, однако наши собеседники остаются по-прежнему достаточно осторожными: зачастую они дают такие ответы на вопросы собирателя, которые последний ждет. Вместе с тем искреннее, заинтересованное отношение исследователя к жизни информаторов вознаграждается не менее искренним желанием их помочь собирателю.

Вопрос информаторов: «А зачем вам это нужно?» – представляется нам далеко не праздным. Хочется верить, что общение типа «информатор – собиратель информации» поможет приблизиться к истине исследователю и будет способствовать большому пониманию себя рассказчиком и их взаимному обогащению.

Японский исследователь русской магической традиции Дзюнко Фудзивара, размышляя о сложном взаимодействии фольклориста и представителя изучаемой им народной традиции в лице информанта, указывает на возможность отрицательного воздействия собирателей фольклора на информаторов, формирующих в них националистические идеи: «Через два часа, когда мы заканчивали интервью, она (собеседница – В.Ф.) уже более или менее знала, что она носитель русской культуры, достойная того, чтобы ознакомить с ней японских читателей». Проблема ответственности собирателя традиционного материала, затрагиваемая исследователем, действительно, важная, однако мы не склонны переоценивать роль интеллигенции в формировании народного миропонимания. Отношение сельских жителей к фольклористам зачастую ироническое уже потому, что собиратель занимается, с точки зрения крестьянина, чем-то легковесным, несерьезным (особенно, если это происходит в период заготовки сена или других важных сельскохозяйственных работ). Фольклориста направляют для беседы в это время, как правило, к членам сельского сообщества, склонным к столь же несерьезному времяпрепровождению (с позиций крестьянина). Приведём примеры: «...идите до Манькэ, там Манька, она вам расскажэ, она любэ болтать. А мне, дивчат, щас николаы, пиду огород полоть: зарис страсть як, и колорацкого полно – пиду второй рас опрыскивать да полоть» (Серикова Татьяна Алексеевна, 67 лет, семилетнее образование, с. Власовка, Грибановский р-он); «...да были тут из Воронежа, да их к Ване Сороке (местный шут) отправили – он им хомутал, хомутал, плёл от Дона до

са и важнейших элементов философского, литературного и политического мировоззрения в России конца XIX – нач. XX вв.

¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С.5.

Хопра» (Телепова Мария Андреевна, 82 года, нач. образование). Американский религиовед Джеффри Бартон Рассел, как кажется, ближе к подлинному пониманию положения вещей: «Весьма распространенное мнение, признающее за интеллектуалами ведущую роль в формировании народных воззрений, является заблуждением, посредством которого интеллигенция тешит своё самолюбие».

Проблема, поставленная ещё во второй половине XIX века видным отечественным филологом Ф.И.Буслаевым, дожила, как видим, до наших дней. Вероятно, её живучесть является следствием неумирающих притязаний интеллигенции на интеллектуальное превосходство и желания «производить педагогические опыты над своей меньшей братией и, как новые посланники свыше, ... своими грамотными мрежами уловлять добычу в мутной воде невежества»¹. Взаимопонимание между носителем традиционной информации и исследователем невозможно без уважительного и серьезного сотрудничества (реального, а не только декларируемого), что является залогом получения надёжных материалов.

При рассмотрении магических обрядов и соответствующей лексики мы придерживаемся правила описания их изнутри, с позиций крестьянина, а не отстранённой дескрипции. Стремясь понять исследуемый феномен «в формах, созвучных своей собственной восприимчивости и культуре»², то есть в свойственных ей категориях, мы считаем факты народной жизни, тексты диалектной речи, живые голоса современников, наряду с их интерпретацией, главной составляющей нашего исследования.

К сожалению, многие сёла изучаемого региона находятся на грани исчезновения. Невозможно без боли слушать пронзительные слова апокалиптического содержания наших собеседников. Приведём только один «плач» воронежской крестьянки начала третьего тысячелетия (Татьяны Алексеевны Пирожковой из села Власовки Грибановского района, 67 лет, начальное образование): «Як у нас, девчата, красиво. Правда, всё начало зарастать. А раньше до нас йихалы со всёго миру. Виткиля тилько люды нэ приезжалы: ото мохряны тут, миролюбски тут, и шапкински тут, и со всех кинцив – вси лэтили сюды до нас. А щяс, бачь, как заросло, – и никому дила нэмае. Люды вымэрли ужэ. Жалко мини Власовку, жалко, дивчата, жалко. Вымираэ сэло. И асфальт, вроди, сдилали, бачитэ, и автобус ходэ, а жить никому у нас. Всэ, вот скоро Власовки нэ будэ – так ще запышыте: можэ, колысь и голос ктось почуэ и узнаэ, шо такэ сэло существовало колысь и еще в нём жылы и живут хорошы люды...»

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. – Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 1987.

¹ Ф.И.Буслаев, отмечая тот факт, что изучение народной культуры началось на западе и пришло в Россию как западная мода, с горечью пишет об отсутствии в её исследователях ощущения кровной связи с народом, о снобистском отношении к нему: «...для характеристики вопроса о народном направлении образованных умов на Руси не подлежит сомнению, что они на первых же порах относятся к своей простонародной братии вовсе не по-братски, а свысока и не хотят к ней снизойти и чем-нибудь от неё позаимствоваться, в полной уверенности, что все народные предания и обычаи, вся застарелая народность – хлам, который следует выбросить за окно» [Буслаев 1987, с.14 – 15]. Меньше всего в этом отношении, как нам кажется, «грешат» этнографы и филологи, на которых, несомненно, оказали влияние работы Ф.И.Буслаева и его учеников. Вместе с тем до настоящего времени бытует отношение к диалекту как к тому, с чем нужно бороться и что нужно искоренять, а к диалектоносителю как к тому, кто «не дотянул до уровня литературного языка». Отрадны высказывания иного рода – о необходимости иметь представление об истории родного края, о языке, на котором говорят его коренные жители, о местных традициях и обрядах (см. Ковалёв, Макаров [Ковалёв], [Макаров]). В последнее время сама категория *народности* и *народа* на западнославянском материале переосмысливается (см. об этом [Бартминский]). Некоторые отечественные фольклористы некритически переносят это на русскую почву – мы, кажется, обречены на западную моду. О социологическом понимании термина *народ* см. содержательную работу А.К.Юрченко [Юрченко].

² Эко У. Эволюция средневековой эстетики. – СПб.: Азбука – классика, 2004. – С.13.

2. Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1994.
3. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1980.
4. Гуревич А.Я. Ведьма в деревне и перед судом//Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – С. 308 – 375.
5. Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. – СПб., 2003.
6. Кассирер Э. Избранное: индивид и космос. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
7. Климова С.М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004.
8. Ковалёв Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края// Воронежское лингвострановедение. Выпуск 1. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005, С. 3 – 23.
9. Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и её эвристическая значимость. – М., 2000.
10. Крутоус В.П. Неоязычество в контексте культурного кризиса XX – начала XXI века // Традиционная культура. – 2005. – №2. – С. 90 – 99.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа// А.Ф. Лосев. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С 21 – 186.
12. Макаров В.И. Духовные национальные традиции русского народа и лингвистическое краеведение// Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Часть 1. – Воронеж, 1996. – С. 19 – 21.
13. Свечников В.С. Магичность массового сознания // Человек. – 2004. – № 2. – С. 165 – 175.
14. Седакова И.А. Ребёнок в судьбе и жизненном сценарии взрослых (архаическое, универсальное и уникальное в традиционной культуре болгар)// Традиционная культура. – 2005. – №3. – С. 52 – 62.
15. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995.
16. Юрченко А. К. О содержании понятия «народ» как социологической категории// Культура общения и её формирование. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 192 – 202.
17. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. – СПб.: Азбука – классика, 2004.

ON THE PRINCIPLES OF MAGICS AND MAGICAL LEXICON STUDIES

V.F. Filatova

*Borisoglebsk State
Pedagogical Institute*

*e-mail:
filatova46@mail.ru*

The article demonstrates the principles of studying of a phenomenon of magic and magical lexicon in national culture. The special attention is given to a combination of concepts magic and mythology, magic ceremonialism and magical lexicon. The article has integrative character and is studying problems of dialectology, religious studies, cultural science and ethnology.

Key words: ceremony, magics, magical lexicon, myth, religion, art, classification of ceremonies, human life cycle.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 347.455.045

ВЗЫСКАНИЕ ПРИЧИТАЮЩИХСЯ ПРОЦЕНТОВ В СИСТЕМЕ МЕР ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.В. Степанюк

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
AStepanyuk@bsu.edu.ru*

В работе рассмотрен вопрос о месте взыскания причитающихся процентов, уплачиваемых при расторжении договора займа, в системе мер гражданско-правовой ответственности. Показана проблема определения форм ответственности в теории гражданского права. Проведен сравнительный анализ понятия взыскания причитающихся процентов с такими формами ответственности как возмещение убытков и уплата неустойки. Сформулирован вывод о том, что взыскание причитающихся процентов является нетипичной и специальной мерой гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: формы гражданско-правовой ответственности; договор займа; расторжение договора займа; уплата причитающихся процентов; возмещение убытков; взыскание неустойки.

В § 1 «Заем» главы 42 «Заем и кредит» Части второй ГК РФ содержится ряд законоположений, согласно которым займодавец предоставляется право досрочного расторжения договора займа в одностороннем порядке, которое сформулировано как право кредитора потребовать досрочного возврата суммы займа вместе с причитающимися процентами.

В частности, возможность воспользоваться указанным правомочием возникает у займодавца в случаях, когда:

✓ заемщиком допущено нарушение срока, установленного для возврата очередной части займа, если договором займа предусмотрено возвращение заемных средств по частям (в рассрочку) (п.2 ст.811 ГК РФ);

✓ заемщиком не выполнены предусмотренные договором обязанности по обеспечению возврата суммы займа, либо произошла утрата обеспечения возврата суммы займа или ухудшение его условий по обстоятельствам, за которые займодавец не отвечает (ст.813 ГК РФ);

✓ заемщиком не выполнены условия договора займа о целевом использовании суммы займа, либо нарушена обязанность по обеспечению возможности осуществления займодавцем контроля за целевым использованием суммы займа (п.2 ст.814 ГК РФ).

Говоря о взыскании причитающихся процентов, следует предположить, что сумма процентов, составляющая разницу между процентами, начисленными за период фактического действия договора займа, и процентами в размере, предусмотренном

соглашением сторон, является для заемщика последствием отрицательного характера, поскольку их уплата не обусловлена пользованием заемными средствами. Очевиден тот факт, что в большинстве случаев заемщик, вследствие досрочного возврата суммы займа, будет лишен возможности достижения того результата, к которому он стремился в полном объеме. Поэтому должник будет вынужден уплачивать причитающиеся проценты не за счет тех доходов, которые были бы им получены в результате деятельности, для осуществления которой привлекались заемные средства, а за счет иных поступлений, связанных с заключением новых договоров с другими контрагентами (например, новых займов, средств, полученных от продажи имущества). Таким образом, взыскание причитающихся процентов представляет собой меру имущественного воздействия, которая имеет в отношении должника негативный характер. С этой точки зрения данную санкцию следует рассматривать как одну из мер гражданско-правовой ответственности. В связи с этим, неизбежно возникает вопрос соотношения указанной меры с другими формами ответственности, существующими в гражданском праве.

Однако здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что в отношении форм гражданско-правовой ответственности, т.е. форм выражения неблагоприятных последствий в имущественной сфере нарушителя, которые являются следствием допущенного им правонарушения, в юридической литературе высказаны мнения, не отличающиеся однозначностью и определенностью.

Например, В.А. Тархов в этой связи указывал, что «ответственность может выражаться и в иных формах, кроме реального исполнения, возмещения убытков и уплаты неустойки. Сюда относятся доукомплектование поставленной продукции; устранение недостатков; затаривание; перевод на аккредитивную форму расчетов или, наоборот, восстановление аккредитивной формы расчетов; оплата продукции лишь после приемки или перевод плательщика на предварительную оплату; приостановление исполнения»¹. В свою очередь, О.С. Иоффе считал, что к мерам ответственности за нарушение обязательства относятся не только возмещение убытков и уплата неустойки, но и «потеря задатка и различные санкции, применяемые в обязательствах отдельных видов. По мнению Б.И. Пугинского меры имущественной ответственности «могут быть подразделены на: 1) возмещение убытков; 2) неустойку (штраф, пени); 3) меры конфискационного характера; 4) отдельные нетипичные меры ответственности»².

И в настоящее время по вопросу о формах гражданско-правовой ответственности не имеется какой-либо единой позиции. Как считает М.Н. Малеина, «наиболее характерными формами выражения гражданско-правовой ответственности являются неустойка, убытки, возмещение в натуре»³. Если автор говорит о наиболее характерных формах ответственности, то исходя из логики его точки зрения, можно предположить, что существуют и некие другие, неназванные им формы выражения неблагоприятных последствий. Кроме этого, Н.Д. Егоров отмечает: «Гражданское законодательство предусматривает различные формы ответственности. Ответственность может наступать в форме возмещения убытков (ст.15 ГК), уплаты неустойки (ст.330 ГК), потери задатка (ст.381 ГК) и т.д.»⁴. Однако исследователь не приводит примеров иных форм ответственности за рамками названных им и, следовательно, оставляет приведенный перечень открытым. Потерю задатка в качестве формы ответственности называет и К.В. Нам⁵.

¹ См.: Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. – С.180.

² Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственной деятельности. – М.: Юридическая литература, 1984. – С.137.

³ Гражданское право. Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М.: Юрист, 1997. – С.451.

⁴ Гражданское право. Учебник. Часть I / Под ред. А.П. Толстого, Ю.К. Сергеева. – М.: ПРОСПЕКТ, 1997. – С.526.

⁵ Нам К.В. Ответственность за нарушение обязательств: теория и законодательство // Хозяйство и право. – 1997. – № 4. – С.130.

Представляется, что разнообразие приведенных подходов обусловлено тем, что в науке гражданского права вопросы определения понятия и признаков имущественной ответственности, оставаясь дискуссионными, позволяют исследователям достаточно произвольно подходить к отнесению тех или иных мер правоохранительного характера к мерам гражданско-правовой ответственности. Сложившаяся ситуация безусловно не является приемлемой и свидетельствует о необходимости самостоятельного и глубокого изучения данных вопросов. Вместе с тем, все изложенные позиции объединяет одна общая черта: к числу форм гражданско-правовой ответственности, бесспорно, относятся возмещение убытков и уплата неустойки.

В первую очередь следует обратить внимание на соотношение взыскания причитающихся процентов и возмещения убытков. Эта необходимость продиктована двумя факторами: 1) возмещение убытков в гражданском праве является одним из самых древнейших и основополагающих институтов при защите участником гражданского правоотношения своих законных прав и интересов; 2) в юридической литературе высказываются мнения, авторы которых в своих рассуждениях исходят из тождественности возмещения убытков и взыскания причитающихся процентов.

В частности, И. Ахметшин указывает, что «основанием для требования об уплате «причитающихся процентов» при досрочном возврате кредита, вызванном нарушением обязательств заемщика, является п.1 ст.809, п.1 ст.819 ГК РФ, соответствующее положение кредитного договора (в части уплаты «фактических» процентов) и ст.ст.393 и 15 ГК РФ (в отношении процентов, которые могли быть получены кредитором при надлежащем исполнении обязательств по кредитному договору со стороны заемщика, т.е. в отношении упущенной выгоды кредитора)»¹.

Очевидно, что автор прямо отождествляет причитающиеся проценты с упущенной выгодой, ссылаясь на то обстоятельство, что правовым основанием взыскания суммы процентов, составляющих разницу между процентами, за период фактического пользования и процентами за весь срок действия договора, являются законоположения регламентирующие возмещение убытков.

Говоря о соотношении взыскания причитающихся процентов и возмещения убытков, следует отметить ряд важных отличий, существующих между данными правовыми категориями.

1. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что возмещение убытков можно применять во всех случаях нарушения гражданских прав, за некоторыми исключениями, предусмотренными законом или договором. Учитывая это, данную меру гражданско-правовой ответственности называют общей формой гражданско-правовой ответственности. Данная черта возмещения убытков говорит о возможности его применения практически в любых гражданских правоотношениях, как в вещных, так и в обязательственных. В отличие от этого другие формы гражданско-правовой ответственности именуется специальными мерами гражданско-правовой ответственности [7, с.527; 2, с.7], так как они «используются лишь в случаях, прямо указанных в законе или предусмотренных договором»².

Указанная особенность достаточно ярко подчеркивает различие между возмещением убытков и взысканием причитающихся процентов, поскольку возможность применения последней меры в настоящее время предусмотрена всего тремя нормами ГК РФ и ограничивается исключительно сферой заемно-кредитных правоотношений.

2. Убытки взыскиваются лишь тогда, когда они действительно были причинены. Между тем, не исключены полностью такие случаи, когда, несмотря на нарушение гражданско-правовой обязанности, управомоченное лицо не понесло никаких убытков. Взыскание же причитающихся процентов не позволяет оставить допущенное за-

¹ Ахметшин И. Проценты за кредит // Бизнес-адвокат. – 1998. – № 5. – С.22.

² Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Основы гражданского законодательства. – Л.: Издательство ЛГУ, 1962. – С.97.

емщиком нарушение вне правового регулирования и обеспечивает наступление для нарушителя неблагоприятных имущественных последствий.

3. Рассуждая далее, необходимо отметить, что для российского гражданского права традиционным является принцип полного возмещения убытков. В.В.Васькин определяет его, как «восстановление должником в натуральной форме того имущественного состояния лица, в котором оно находилось или находилось бы, если бы не было совершено правонарушение»¹.

В настоящее время этот принцип выражен формулой, содержащейся в ст.15 ГК РФ: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере».

Следует подчеркнуть, что в современной юридической литературе отмечается принципиально новое значение «упущенной выгоды» в структуре убытков. По этому поводу В.С.Евтеев пишет, что «упущенная выгода является важнейшим видом убытков. Причем в коммерческом обороте упущенная выгода или неполученная прибыль занимает центральное место. И когда один из контрагентов нарушает обязательство, он в первую очередь лишает потерпевшую сторону прибыли, а уж затем вынуждает ее произвести дополнительные расходы, связанные с попыткой извлечения прибыли»².

Если рассматривать взыскание причитающихся процентов в качестве возмещения упущенной выгоды, как это делает И. Ахметшин, то появляется возможность для двоякого толкования. С одной стороны, будет допустимым предположить, что подобная конструкция является ограничением принципа полного возмещения убытков, выражающаяся в исключении возможности возмещения реального ущерба. С другой стороны, законодатель, таким образом, отдельно выделяет право займодавца на компенсацию утраченного интереса, путем взыскания причитающихся процентов, с сохранением за кредитором права на возмещение реального ущерба.

Представляется, что реальный ущерб является необходимой частью убытков и поэтому право на его возмещение не может быть ограничено законодательством. В связи с этим наиболее приемлемым видится второй подход.

4. Для взыскания убытков необходимо доказать их размер. Сложность подсчета и доказывания убытков, отмечалась А.Я. Рыженковым в качестве одной из причин недостаточности использования возмещения убытков как способа компенсации нарушенного имущественного положения потерпевшей стороны³.

Подобная ситуация ставит кредитора в довольно непростое положение. В отдельных случаях возможно даже освобождение нарушителя от ответственности по возмещению убытков (например, кредитор не доказал размер причиненных ему неисполнением обязательства должником убытков и т.д.). Представляется, что с целью избежания данных последствий законодатель обеспечил займодавцу возможность получения определенной суммы возмещения путем взыскания причитающихся процентов.

5. Как известно, убытки – величина на момент нарушения обязательства неопределенная, они точно подсчитываются в последующем, уже после совершения правонарушения. В свою очередь размер причитающихся процентов, подлежащих взысканию может быть достаточно точно определен кредитором в момент расторжения договора.

Нарушая обязательство, виновная сторона не может быть в достаточной степени уверена, что нарушение повлечет за собой неблагоприятные для нее последствия, ибо речь может идти лишь о вероятности, но отнюдь не о неизбежности причинения

¹ Васькин В.В. Возмещение убытков предприятиям. – М.: Юридическая литература, 1977. – С.12.

² Евтеев В.С. Понятие и сущность возмещения убытков как вида ответственности // Гражданин и право. – 2000. – № 3. – С.25.

³ Рыженков А.Я. Компенсационная функция советского гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1981. – С.93.

убытков. Взыскание причитающихся процентов с самого начала вносит определенность в этот вопрос: по крайней мере, в пределах этой санкции ответственность должна наступить. Взыскание причитающихся процентов, следовательно, в значительной степени укрепляет меры гражданско-правовой ответственности, делает их изначально достаточно определенными, превращает в неизбежное последствие правонарушения.

6. Убыткам объективно присуще такое свойство как – оценочный характер. Этот вывод с необходимостью вытекает из того, что в нормативных актах невозможно определить убытки иначе, чем через оценочные категории. Как указывает в этой связи С.Л. Дягтерев, «без оценочных понятий нет и самого феномена «убытков»: как только мы исключаем из дефиниции оценочные категории и привязываем убытки к процентам или жесткому механизму их определения – само понятие убытков перестает существовать. Перед нами либо штрафная санкция (неустойка), либо нечто иное, но только не убытки»¹.

Рассмотрение отличий можно было бы продолжить. Но и с учетом изложенных обстоятельств, следует сделать вывод, что взыскание причитающихся процентов не может рассматриваться в качестве возмещения убытков. Однако при этом необходимо подчеркнуть, что причитающиеся проценты и упущенную выгоду, как составную часть убытков, объединяет общая черта – направленность взыскания на компенсацию утраченного интереса кредитора.

Следующий аспект рассматриваемого вопроса – соотношение взыскания причитающихся процентов и взыскания неустойки.

Согласно п.1 ст.330 ГК РФ, под неустойкой понимается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Широкое применение и распространенность неустойки объясняется тем, что она представляет собой удобное средство упрощенной компенсации потерь кредитора, вызванных нарушением контрагентом своих обязательств. Такое «удобство» неустойки, по мнению В.А. Вятчина, обеспечивается рядом присущих ей особенностей, коими являются:

✓ предопределенность размера ответственности, о котором стороны знают уже на момент заключения договора;

✓ возможность взыскания неустойки за сам факт нарушения обязательства, независимо от наступления убытков вследствие этого нарушения, их размера, если они наступили, когда отсутствует необходимость доказывать причинение убытков;

✓ возможность для сторон по своему усмотрению формулировать условия договора о неустойке (за исключением законной неустойки), в том числе в части ее размера, соотношения с убытками, порядка начисления, тем самым приспособившая ее к конкретным взаимоотношениям сторон и усиливая целенаправленность ее воздействия².

При рассмотрении соотношения взыскания причитающихся процентов и взыскания неустойки последняя интересует нас, прежде всего как форма гражданско-правовой ответственности. В связи с этим необходимо обратить внимание на проблему определения характера неустойки. Чем она является – штрафом или компенсацией? В течение ряда десятилетий решение данного вопроса происходило в рамках двух теорий – оценочной и штрафной неустойки.

Сущность первой теории заключается в том, что неустойка рассматривается как заранее установленная законом или договором оценка убытков, которые могли наступить вследствие нарушения обеспеченного ею обязательства. Поэтому кредитору пре-

¹ Дягтерев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: Учебно-практическое пособие. – М.: Издательство БЕК, 2001. – С.34.

² Вятчин В.А. Роль неустойки в условиях свободы договора: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – С.83.

доставлялось право требовать либо неустойку, либо возмещения убытков. К числу сторонников данной теории относятся такие видные цивилисты, как И.Б. Новицкий, О.С. Иоффе и др.

Вторая теория предлагает рассматривать неустойку как штраф, как своего рода возмездие, «кару», которая призвана воздействовать на неисправного контрагента и стимулировать реальное исполнение обязательства. В данном случае взысканием неустойки кредитор не лишается права требования возмещения убытков, а также исполнения обеспеченных неустойкой условий договора. Например, данную позицию разделяет А.Н. Новошицкий. При этом он указывает, что неустойка, прежде всего, представляет собой штраф за нарушение договора, «а когда законодатель преследует цель лишь компенсировать ущерб, то ответственность в форме уплаты неустойки не устанавливается, она исчерпывается возмещением убытков»¹. В связи с этим «штрафные санкции вообще не должны наделяться не свойственной им компенсационной функцией и покрывать какой бы то ни было ущерб, ибо для этого существует санкция возмещения убытков»².

Однако в отличие от приведенных концепций все более широкое распространение получает теория, сторонники которой исходят из компенсационно-штрафного характера неустойки³. Именно она представляется нам наиболее приемлемой. И здесь представляется необходимым обратиться к аргументации, которую привел К.В. Нам. По его мнению, «всякая неустойка, в том числе и компенсационная, включает в себя штрафной элемент, ибо, будучи установленной заранее, она подлежит взысканию независимо от размера убытков и даже при их отсутствии; всякая неустойка, в том числе и штрафная, включает в себя компенсационный элемент, ибо засчитывается в сумму убытков, если ставится вопрос об их возмещении, а в случае непредъявления иска об убытках она компенсирует их фактически.

Учитывая изложенное, автор делает вывод о том, что неустойка по российскому праву носит двойственный, компенсационно-штрафной характер. Именно эта особенность – двойственный характер неустойки, сближает уплату последней и взыскание причитающихся процентов.

Мера ответственности в виде взыскания причитающихся процентов выполняет в отношении кредитора компенсационную функцию, поскольку правило о применении указанной санкции установлено в ГК РФ на основе оценки того интереса займодавца, который утрачивается при расторжении договора. Речь идет об интересе кредитора, направленном на получение платы за предоставленную возможность использования денежных средств, переданных заемщику, за оставшийся, после прекращения заемного правоотношения, период. Здесь следует заметить, что утраченный интерес, нельзя относить к категории убытков. Это связано с тем, что займодавец в случае расторжения договора может и не понести убытков, поскольку имеет возможность использовать полученные денежные средства вновь либо на прежних условиях, либо с получением большей прибыли.

В отношении же должника, рассматриваемая категория, безусловно, выполняет штрафную, карательную функцию. Это обусловлено, во-первых, неэквивалентным характером причитающихся процентов, так как они взыскиваются за период, когда заемщик уже не имеет возможности использовать денежные средства, полученные от кредитора. И, во-вторых, возложение на заемщика обязанности уплатить причитающиеся проценты не ставится в зависимость от возникновения негативных последствий в имущественной сфере кредитора.

¹ Новошицкий А.Н. Компенсационная функция денежных санкций: Дис. ... канд. юрид. наук. – Донецк, 1975. – С.24.

² Новошицкий А.Н. Указ. соч. – С.28.

³ Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. – М.: Госюриздат, 1959. – С.103.

Л.А. Новоселова, рассматривая взыскание причитающихся процентов в качестве санкции, специально подчеркивала то обстоятельство, что данная мера не является неустойкой. Однако, принимая во внимание теорию компенсационно-штрафного характера неустойки и двойственность воздействия причитающихся процентов, следует сделать вывод о значительном сходстве данных мер ответственности и, более того, о неустойчивой природе взыскания причитающихся процентов.

Как было сказано выше, Б.И. Пугинский писал о существовании в гражданском законодательстве группы нетипичных мер ответственности. Представляется, что данная формулировка, как никакая другая, характеризует взыскание причитающихся процентов, определяет ее место в системе форм гражданско-правовой ответственности.

Такая позиция не является беспочвенной, поскольку и в настоящее время в юридической литературе высказываются мнения, которые позволяют утверждать, что в гражданском праве проблема нетипичных мер ответственности существует. В частности на данный вопрос обратил внимание К.В. Нам, который аргументирует свою позицию на примере одной из новелл ГК РФ. Речь идет о законоположении, в соответствии с которым если лицо, нарушившее договор, получило вследствие этого доходы, то лицо, права которого нарушены, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем такие доходы (п.2 ст.15 ГК РФ). Не признавая данное возмещение как возмещение убытков, автор указывает, что в данном случае речь должна идти о некоей отдельной, специфической форме ответственности, которой больше присущи карательные, штрафные черты, нежели черты компенсационности»¹.

Одна из особенностей взыскания причитающихся процентов состоит в том, что данная мера неразрывно связана с расторжением договора. Этот факт обуславливает необходимость рассмотрения проблемы имущественной ответственности при расторжении договора.

Имущественная ответственность за неблагоприятные последствия, связанные с расторжением договоров, также как ответственность за неисполнение и ненадлежащее исполнение договора является разновидностью договорной ответственности. Вместе с тем гражданско-правовая ответственность при расторжении договора имеет ряд особенностей.

При отсутствии исполнения вследствие расторжения договора не может быть и факта его неисполнения в юридико-техническом смысле. Это вытекает из самого понятия расторжения договора как прекращения его действия на будущее время с целью прекращения на это же время возникшего из договора обязательства. Поскольку обязательство прекращается, то, соответственно, отпадают и обязанности связанные с его дальнейшим исполнением (в частности, прекращается обязанность платить проценты на основании ст.809 ГК РФ). Следовательно, не может возникнуть сама проблема неисполнения или ненадлежащего исполнения: раз нет обязанности исполнения, то нет и ее нарушения. Это определяет неприменимость в случае расторжения договора неустойки, установленной законом или договором за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора.

Судебная практика показывает, что такой подход к взысканию неустойки разделяется и Президиумом высшего Арбитражного Суда РФ, который не считает возможным взыскивать штраф за период, «в течение которого между сторонами договорных отношений уже не было»².

В связи с проблемой ответственности при расторжении договора актуальным является вопрос о формах названной ответственности. По мнению З.М. Заменгоф,

¹ Нам К.В. Убытки и неустойка // Актуальные вопросы гражданского права / Под ред. М.И.Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М.: Статут, 1998. – С.353-354.

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 18 марта 1997 года № 3791/96 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1997. – № 6. – С.93.

единственно возможной формой ответственности в данном случае является возмещение убытков, причиненных фактом расторжения договора. В качестве примера здесь можно назвать положение п.3 ст.615 ГК РФ, согласно которому «если арендатор пользуется имуществом не в соответствии с условиями договора аренды или назначением имущества, арендодатель имеет *право потребовать расторжения договора и возмещения убытков*». Однако в целом позиция автора фактически не подкрепляется никакими вескими аргументами и основывается лишь на последовательном исключении других форм ответственности из списка возможных вариантов.

Не вступая в дискуссию с автором по вопросу форм ответственности, следует отметить один аспект ее точки зрения, имеющий для нас существенную ценность. Она состоит в том, что З.М. Заменгоф приводит пример санкции, имеющей принципиальное сходство с мерой ответственности в виде взыскания причитающихся процентов. В частности, особый интерес представляет следующее высказывание: «Не должно применяться в качестве санкции расторжения договора и такое правовое последствие, как обязанность стороны, виновной в расторжении договора, уплатить контрагенту предусмотренную договором плату за предоставление, которую данная сторона должна была получить по договору, но не получила в связи с его расторжением»¹. По мнению З.М.Заменгоф, виновной в данном случае является та сторона договора, которая допустила нарушение, явившееся основанием его досрочного расторжения.

Названная санкция в работе З.М. Заменгоф рассматривалась применительно к расторжению договора аренды по инициативе арендодателя. Автором отмечалось, что существование данного последствия «оправдывается в литературе тем, что этим путем возмещаются убытки, понесенные наймодателем в связи с расторжением договора по вине нанимателя. Но арендная плата не может выступать в качестве эквивалента убытков, связанных с расторжением договора, хотя бы потому, что таких убытков может вовсе не быть (например, имущество, возвращенное досрочно в связи с расторжением договора, сразу сдано внаем другому нанимателю или использовано в хозяйственной сфере наймодателя), а при их наличии они могут не совпадать по размеру с суммой арендной платы. И уж во всяком случае наймодатель должен доказать факт принятия им всех необходимых мер к предотвращению или уменьшению убытка.

Рассматриваемая санкция расторжения договора представляется неприемлемой и по чисто теоретическим соображениям: выступая как встречное имущественное предоставление по возмездному договору, обязанность внесения арендной платы (как и любого другого имущественного предоставления во взаимных обязательствах), естественно, не может сохраняться при отпадении встречной обязанности контрагента»².

Основные доводы автора ясны, это, во-первых, нарушение начал эквивалентности, присущих гражданским правоотношениям, создающее возможность для неосновательного обогащения кредитора за счет должника и, во-вторых, не обусловленность уплаты должником денежной суммы в качестве платы встречным предоставлением со стороны кредитора. Данные признаки свидетельствуют о появлении элемента штрафа, что позволило бы отнести указанную меру к категории карательных санкций. К их числу, по мнению О.Э. Лейст «обычно относят те санкции, которые либо вообще не носят «эквивалентного характера», либо правосстановительная функция которых не является главной в процессе применения таких санкций»³.

Но, несмотря на приведенные возражения, следует сделать вывод, что в действующем ГК РФ все же существует мера имущественной ответственности, полностью идентичная санкции, отвергаемой З.М. Заменгоф. Этой мерой является взыскание причитающихся процентов.

¹ Заменгоф З.М. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. – М.: Юридическая литература, 1967. – С.126-127.

² Заменгоф З.М. Указ. соч. – С.127.

³ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Юридическая литература, 1962. – С.169.

Возвращаясь к рассмотрению особенностей ответственности при расторжении договора, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства есть всегда ответственность за негативные последствия, ставшие результатом противоправного поведения (действия или бездействия) нарушителя, которое рассматривается как «абсолютно необходимый признак всякого нарушения влекущего гражданско-правовую ответственность»¹.

По-иному обстоит дело при расторжении договора. Сам факт расторжения договора в установленном законом порядке всегда правомерен. Поэтому при решении вопроса об ответственности за неблагоприятные последствия расторжения договора невозможно использовать критерий инициативы в качестве основания возложения ответственности.

Из сказанного видно, что сам факт расторжения договора не дает данных для решения вопроса об ответственности и, таким образом, взятый изолированно, является юридически безразличным. Такие данные следует искать в обстоятельствах, обусловивших расторжение договора. Если договор займа расторгается вследствие просрочки должником возврата очередной части займа, нецелевого использования денежных средств или по иным основаниям, предусмотренным ГК РФ, то очевидно, что эти обстоятельства должны быть вменены в вину заемщику, на которого возлагается обязанность уплатить другой стороне причитающиеся проценты.

Учитывая сказанное, приходим к выводу, что ответственность за негативные последствия, обусловленные расторжением договора, является результатом совокупности двух юридических фактов – нарушения заемного обязательства, допущенного заемщиком, и расторжения договора займа по инициативе кредитора. При этом необходимо обратить внимание, что нарушение договора, безусловно, факт противоправный, но возникающие вследствие него негативные последствия могут быть минимальными, либо они вообще не наступят. Расторжение же договора, при соблюдении требований, установленных законом, всегда правомерно, однако его неизбежным результатом становятся потери займодавца, выражающиеся в утрате возможности получения процентов за оставшийся срок действия договора.

Названная особенность ответственности при расторжении договора делает актуальным вопрос установления условий ее применения в рамках данного охранительного правоотношения. Такими условиями являются: противоправное поведение, вина нарушителя, негативные последствия, в виде утраты возможности получения процентов за предоставленную возможность использования суммы займа, и причинная связь между нарушением обязательства и наступившими негативными последствиями.

Для решения данной проблемы следует вновь обратиться к мнению З.М. Заменгоф. Она указывала, что своеобразие применения института ответственности за неблагоприятные последствия расторжения договора «состоит в том, что в полном объеме состав правонарушения имеется применительно не к факту расторжения договора, а к совокупности этого факта и обстоятельств, обусловивших расторжение. Таким образом, составные элементы правонарушения как бы расчленяются: убыток вызван фактом расторжения договора, и, следовательно, причинная связь должна существовать именно между этим фактом и убытком, а противоправность и вина устанавливаются в отношении обстоятельств, обусловивших расторжение договора»².

Таким образом, взыскание причитающихся процентов является нетипичной и в то же время специальной мерой гражданско-правовой ответственности за негативные последствия, возникающие вследствие расторжения договора займа. Особенность применения данной меры ответственности состоит в том, что негативный результат, связанный с утратой возможности получения процентов, является непосредственным

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1998. – С.570.

² Заменгоф З.М. Указ. соч. – С.131.

результатом расторжения договора, поэтому причинная связь устанавливается между этим фактом и негативным результатом. Однако в свою очередь противоправность поведения и вина подлежат установлению применительно к допущенному нарушению, которое является основанием расторжения договора в соответствии с п.2 ст.811, ст.813, п.2 ст.814 ГК РФ. Кроме этого необходимо отметить, что взыскание причитающихся процентов может иметь место в процентном договоре займа, заключенном на определенный срок. В договоре же с неопределенным сроком действия постановка вопроса о взыскании причитающихся процентов исключается ввиду невозможности определения их размера.

Список литературы

1. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973.
2. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственной деятельности. – М.: Юридическая литература, 1984.
3. Гражданское право. Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М.: Юрист, 1997.
4. Нам К.В. Ответственность за нарушение обязательств: теория и законодательство // Хозяйство и право. – 1997. – № 4. – С.129-133.
5. Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Основы гражданского законодательства. – Л.: Издательство ЛГУ, 1962.
6. Васькин В.В. Возмещение убытков предприятиям. – М.: Юридическая литература, 1977.
7. Евтеев В.С. Понятие и сущность возмещения убытков как вида ответственности // Гражданин и право. – 2000. – № 3. – С.23-26.
8. Рыженков А.Я. Компенсационная функция советского гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1981.
9. Дяттерев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: Учебно-практическое пособие. – М.: Издательство БЕК, 2001.
10. Новошицкий А.Н. Компенсационная функция денежных санкций: Дис. ... канд. юрид. наук. – Донецк, 1975.
11. Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. – М.: Госюриздат, 1959.
12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1998.
13. Заменгоф З.М. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. – М.: Юридическая литература, 1967.
14. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Юридическая литература, 1962.

COLLECTING OF DUE PERCENT IN SYSTEM OF MEASURES OF CIVIL-LAW RESPONSIBILITY

A.V. Stepanyuk

Belgorod State University

e-mail:

AStepanyuk@bsu.edu.ru

The work considers the question of collecting of due percent, paid at cancellation of the contract of a loan, in system of measures civil-law responsibility. The problem of definition of forms of responsibility in the theory of civil law is shown. The comparative analysis of concept of collecting of due percent with such forms of responsibility as the indemnification and penalty is carried out. The conclusion is that collecting of due percent is an atypical and special measure of civil-law responsibility formulated.

Key words: forms of civil-law responsibility; the loan contract; cancellation of the contract of a loan; payment of due percent; the indemnification; penalty.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ДОГОВОРА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

О.С. Стребкова

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Strebkova@bsu.edu.ru*

В данной статье анализируются особенности развития концепции договора по гражданскому законодательству России, в частности, цивилистическая концепция договора, особенности хозяйственного договора, концепция договора в буржуазном праве, а также в современном законодательстве. Рассматривается трансформация одного из основных принципов договорного права – принципа свободы договора.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, принцип свободы договора.

Исследование социальной ценности договора необходимо для правильного понимания его как универсального основания возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей. Рассмотрим договор, как один из основных правовых институтов, в широком и узком смысле. На сегодняшний день современное гражданское законодательство России предусматривает ряд новых правовых инструментов, предназначенных для эффективного регулирования гражданско-правовых отношений. Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), в части первой¹ впервые включил в качестве самостоятельного подраздела «Общие положения о договоре» в целях обеспечения стабильного и четкого регулирования договорных отношений в сфере имущественного оборота. Преимущество подобных договоров является несомненным, так как между контрагентами складываются нормальные деловые отношения, построенные на сотрудничестве и взаимопомощи.

В широком смысле договор означает всякое согласование воли двух или нескольких субъектов, которое имеет целью установление, изменение или прекращение определенного правоотношения. В этом значении договор как источник прав и обязанностей имеет межотраслевое значение. В качестве особого регулятора товарно-денежных отношений он наиболее распространен в сфере экономического оборота.

В узком смысле договор как источник обязательств является гражданско-правовым понятием, в котором находится материальная основа правового изучения договора.

На разных этапах развития нашего государства использование договора было неодинаковым ни по сфере охвата, ни по характеру регулирования товарно-денежных отношений, ни по функциональной связи договора с плановым регулированием экономики. Эффективность использования договорной формы в сфере товарно-денежного обращения обуславливалась как внутренними, так и внешними условиями.

Длительное время в отечественном гражданском праве все договоры подразделялись на два типа: общегражданские и хозяйственные. Сейчас хозяйственные договоры в том понимании, в котором они применялись до реформирования экономики, уже неадекватны существующим общественным отношениям и действующему законодательству. Особую актуальность приобретает предпринимательский договор, как регулятор имущественных отношений в условиях становления рыночной экономики. Формирование нормативной базы, стимулирующей развитие предпринимательства, позволяет организациям более эффективно использовать договорную форму.

Исходя из этого, выделяют несколько теорий (концепций) развития договора.

1. Цивилистическая теория договора.

Она имеет глубокую историю, уходящую корнями в римское частное право, где сформулированы многие принципы и модели обязательственных отношений. Практически наиболее важным источником обязательств в Риме был договор (*contractus*).

¹ Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

Старинное греческое правило гласило: «как один с другим договаривался, так оно и должно иметь силу». Эта мысль о силе договоров получила яркое выражение в высказываниях Демосфена: «О чем друг с другом добровольно договорятся, то и господствует;...договоры являются господами, но при том условии, что они правомерны»². Приведенное выше эллинское выражение о силе договора пересказано у Цицерона в следующих словах: «Основа права это верность, т.е. твердое и правдивое соблюдение слова и договора».

Рецепция римского права нашла свое проявление в большей или меньшей степени во всех правовых системах, в том числе и в системе права России. Отдельные положения дореволюционного права России использовались в советский период, о чем свидетельствует значительное сходство понятий обязательственного права, легально закрепленных в действующем законодательстве.

В науке гражданского права в договоре выражается воля нескольких, или по меньшей мере, двух лиц, которые намереваются вызвать определенное юридическое последствие (результат), но при этом необходимо, чтобы воля была взаимно согласованной. Согласованность и встречная направленность воли должны заключаться в соответствии, а не в однородности содержания воли контрагентов. Например, если одно лицо желает купить определенную вещь, а другое лицо – продать ее, то такое соответствие намерений дает основание для заключения договора купли-продажи между этими субъектами. Если же оба лица желают купить одну и ту же вещь, то также согласие не является условием для заключения договора между ними.

Таким образом, согласованная воля нескольких лиц, выраженная путем встречного волеизъявления, должна быть направлена на определенные юридические последствия, т.е. на возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Приведенные аспекты договора свидетельствуют о том, что договор является не только особым юридическим фактом, устанавливающим юридическую связь между субъектами, но и средством правового регулирования общественных отношений. Так, В.Ф. Яковлев охарактеризовал такое регулирование как «поднормативное»³. Согласно этой точке зрения, стороны в договоре обязаны руководствоваться в своих действиях прежде всего нормами законодательства, относящимися к конкретному договору. Роль договора в такой жесткой юридической конструкции ограничивалась тем, что он обеспечивал реализацию закона в конкретных обязательственных правоотношениях.

Аналогичный подход отражен, в частности, в понятии договора, сформулированном Ф. И. Гавзе: «Гражданско-правовой договор социалистического общества, – по его мнению, – является правовой формой экономического оборота социалистического общества в условиях товарного производства и представляет собой направляемый планомерно-регулирующими мероприятиями государства общий волевой акт сторон об установлении между ними, изменении или прекращении гражданско-правового обязательства с целью лучшего удовлетворения потребности общества и отдельных его членов.»⁴ В этом определении, как мы видим, гражданский договор раскрывается как поднормативный регулятор товарно-денежных отношений.

Традиционная цивилистическая концепция дает весьма стройное объяснение договору, понимая под ним цельное юридическое образование, воплощающее в себе свойства предмета и метода регулирования. Договор находясь в плоскости имущественных отношений, выступает как согласительный способ установления обязательства, и в случае необходимости может быть изменен или расторгнут.

² Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право: учебник. М.: Юристъ, 2006. – С. 315.

³ Яковлев В.Ф. Развитие советского гражданского права на современном этапе. М., 1986. – С. 134

⁴ Гавзе Ф.И. Социалистический гражданско-правовой договор. М., 1972. – С. 6

2. В середине XIX в. большинство ученых-цивилистов обращаются к **изучению хозяйственного договора** – это М. И. Брагинский⁵, В. В. Луць⁶, Д.Н. Сафиуллин⁷, В. Скарго⁸, Л. И. Картужанский⁹ и другие. В юридической литературе обращалось внимание на исключительную роль договора в обеспечении индивидуального подхода при правовом регулировании и учете всего многообразия факторов, сопутствующих деятельности сторон¹⁰. Анализ указанных норм позволяет сделать вывод, что современный Гражданский кодекс РФ в отличие от ранее действовавшего законодательства более не исходит из принципа неизменности договоров, однако нормы, регулирующие их изменение и расторжение устанавливают достаточно жесткие правила.

В науке гражданского права большинство ученых относят хозяйственный договор к разновидности гражданского договора¹¹ и обращают внимание на три наиболее характерных его признака:

1) участниками хозяйственного договора признаются только социалистические организации;

2) такой договор опосредствует связи в сфере товарно-денежных отношений плановой экономики;

3) хозяйственный договор имеет плановый характер.

Здесь необходимо рассмотреть мнение ученых – цивилистов о плановой сущности хозяйственных договоров. Так, например, Ю. Х. Калмыков предлагает «относить к плановым только такие хозяйственные договоры, в основе которых лежат обязательные для обеих сторон предписания планового административного акта.¹² Сторонники этого направления понимают под хозяйственным договором плановый акт или однотипный по степени обязательности совершения неплановый договор (например, неплановый договор поставки), заключаемый между социалистическими организациями в целях непосредственного обслуживания из основной деятельности¹³.

Ученые, поддерживающие точку зрения А. Г. Быкова, считают хозяйственными договорами «те же самые договоры, исходя из более широкой концепции понятия плана (т.е. плановые и однотипные с ними)»¹⁴. К таким хозяйственным договорам они относили договоры поставки, контрактации, договоры, связанные с расчетами и кредитованием и другие договора. На наш взгляд, точка зрения А. Г. Быкова и его сторонников не верна, поскольку плановый характер товарно-денежных отношений проявляется в любых договорах: как в хозяйственных, так и в гражданских.

3. Концепция договора в буржуазном праве.

Договор имел большое значение и в буржуазном праве, т.к. буржуазное обязательственное право – это, прежде всего, договорное право. Гегель писал: «разум делает необходимым, чтобы люди вступали между собой в договорные отношения, дарили, обменивали, торговали и т. д. – точно так же, как он делает необходимым, чтобы они

⁵ Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, «Наука и техника», 1967.

⁶ Луць В.В. Заключение и исполнение хозяйственных договоров. М.: Юридическая литература, 1978.

⁷ Сафиуллин Д. Н. Хозяйственный договор: общие положения – Свердловск: СЮИ, 1986.

⁸ Скарго В. Заключение хозяйственного договора. М., 1972

⁹ Картужанский Л.И. Хозяйственный договор на практике. М.. 1936.

¹⁰ Брагинский М.И. Там же. С. 168 – 176.

¹¹ Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1976. С.10-11; Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970. С. 111.

¹² Калмыков Ю.Х. Правовое регулирование хозяйственных отношений. – Саратов, 1982. – С. 30.

¹³ Калмыков Ю.Х. Указ соч. – С. 131.

¹⁴ Быков А.Г. Эффект хозяйственного договора. Автореферат докт диссертации. М., 1982. – С. 20.

обладали собственностью. Договор предполагает, что вступающие в него **признают** друг друга лицами и собственниками»¹⁵.

В подавляющей своей массе так называемые буржуазные юридические теории договора, несмотря на кажущееся их разнообразие, «объясняют» буржуазный договор так, чтобы не выявить его эксплуататорской сущности¹⁶. Так, например, существуют:

1) юридические теории договора, выводящие его силу **из разума** (главный представитель – Либбе, поясняющий договор так: «моя воля соединилась с фактом передачи имущества и потому, **по началам разума**, стала для меня обязательной»);

2) теории, выводящие силу договора **из воли** (главный представитель – Гнейст, считающий, «что при договоре часть свободы воли одного контрагента сознательно переходит в сферу свободы воли другого контрагента»);

3) теории психологического момента **цели**, или основания (представитель – Бэр, считающий, что «цели определяются как волей, так и обстоятельствами, лежащими вне человека»).

Наука права, по мнению ряда авторов, должна игнорировать учет оснований (целей) договора. По утверждению Е. Годэмэ, «теория основания должна быть изгнана из гражданского права»¹⁷. На отношения к целям договора наглядно прослеживается противоположность так называемых социалистических и буржуазной правовых доктрин. Социалистическое общество заинтересовано в экономном, целенаправленном расходовании ресурсов и потому не могут оставаться индифферентным к основаниям (целям) договоров и их реальному достижению.

Преследующая контрагентами договора цель предопределяет формирование условий договора и порядке их исполнения. По степени достижения сторонами их целей может оцениваться эффективность применения договоров, поэтому, для правового регулирования в этой сфере характерна определенная гибкость, что проявляется в установлении различных правовых инструментов, призванных обеспечить удовлетворение интересов участников оборота с учетом конкретной ситуации, в том числе, возможности изменить или расторгнуть договор.

Дореволюционное российское, а затем советское законодательство подробно не регулировало отношения, связанные с изменением и расторжением договоров. С развитием гражданского оборота вопросы изменения и расторжения договора вызывают повышенный интерес. В обществе происходит постепенный переход от системы административно-командного управления к развитию рыночных отношений.

В русской правовой литературе проблема изменения обстоятельств активно обсуждалась в годы первой мировой войны в связи с военными рисками и массовой эвакуацией беженцев из прифронтовых территорий. В период НЭПа А. Г. Зейцем отстаивалась позиция, в соответствии с которой в случае изменения обстоятельств, ведущих к экономической невозможности исполнения, необходимо расторгнуть договоры в суде на основании ст. 1 ГК РСФСР 1922 года, которая выполняет функцию хозяйственной целесообразности, избавляя оборот от разорительных и бессмысленных договоров.

После принятия Гражданского Кодекса РСФСР 1964 года советское законодательство исходило из того, что по общему правилу (ст. 235 ГК РСФСР) обязательство может быть прекращено невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое должник не отвечает. Речь по сути дела шла о том, что невозможность исполнения, прекращающая обязательство, могла быть только фактической или юридической и носить абсолютный характер, тогда как экономическая невозможность исполнения, вызванная существенным изменением обстоятельств и лишь затрудняющая исполнение, в расчет не принималось.

Однако в литературе 60-80-х годов Н.Г.Вилковой, З.М. Заменгоф, П.С. Смирновым высказывались предположения о том, чтобы признать правовое значение изменившихся об-

¹⁵ Сочинение. Т. VII. «Философия права», перевод Столпнера, 1934. – С. 96-97.

¹⁶ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. – М.: Госюриздат, 1950- С. 109.

¹⁷ Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М.: Юриздат, 1948. – С. 123.

стоятельств не только для внешнеторговых договоров, но также внести общие изменения в законодательство¹⁸.

На сегодняшний день действующее законодательство устанавливает особый порядок изменения или расторжения предпринимательского договора, если его исполнение становится экономически невыгодным для одной из сторон в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых она исходила при заключении договора (ст.451 ГК РФ).

Теперь рассмотрим трансформацию одного из основных принципов договорного права – принцип свободы договора. Этот принцип предусматривает свободу усмотрения субъектов гражданского права как в выборе партнеров по договору, так и в выборе вида договора и условий, на которых он будет заключен, а также дает право на изменение по взаимному согласию договора в целом или отдельных его положений и право на прекращение договора без его исполнения либо путем надлежащего исполнения. На разных этапах развития общества свобода субъектов договорных отношений была различной. Она определялась той мерой общественной свободы, которая предоставлялась субъектам частных отношений. Не является исключением и Российская Федерация, где всю историю договорных отношений пронизывает свобода договора.

Наиболее полное исследование данного договорного принципа провел, на наш взгляд, И. А. Покровский¹⁹. «Принцип договорной свободы» он назвал «верховным началом» гражданского права, «одним из краеугольных камней всего современного гражданского строя». Он говорил об отрицательном и положительном выражении принципа свободы договора. В отрицательном аспекте свободу договора он видел в том, что никто против своей воли не обязан заключать договор; в положительном аспекте – в праве контрагентов заключать договоры любого содержания. Поэтому этими последствиями отказа от данного принципа он называл «полный паралич гражданской жизни, обречение ее на неподвижность».

Договор всегда предполагает определенный уровень свободы его субъектов. «А при отсутствии самостоятельности и инициативности сторон при конструировании индивидуальных отношений договор утрачивает свое значение»²⁰.

В первые годы НЭПа наблюдалась максимизация представлений о свободе договора. Об этом свидетельствуют, в частности, слова Ф.И. Гавзе, «включавшего в содержание договора и свободу определения его формы и то, что ответственность за невыполнение договора должна быть чисто гражданской»²¹. Преобладало также мнение С. Н. Братуся, который отмечал, что «товарные отношения между государственными предприятиями будут вытесняться по мере дальнейшего расширения и укрепления планового начала»²². На наш взгляд, преобладание таких точек зрения приводило лишь к утрате заинтересованности предприятий в исполнении своих обязательств, к пониманию роли договора, который стал бы выполнять лишь формальную роль.

Ситуация изменилась лишь в начале 50-х годов – для послевоенного восстановления страны потребовались новые экономико-правовые механизмы, которые предоставили бы сторонам договорных отношений большую свободу и возможности, которые позволили бы контрагентам оперативно воздействовать на договор. В это

¹⁸ Вилкова Н.Г. Срок исполнения в договоре внешнеторговой купли – продажи. – дисс. канд. наук. М., 1979. – С. 151-152, Заменгоф З.М. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. – М., Юрид. лит.-ра, 1967.

¹⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998 (глава «Обязательства из договоров. Проблема договорной свободы»).

²⁰ Бугров Л.Ю. Свобода труда и свобода трудового договора в СССР. Юридический аспект. Красноярск, 1984. – С. 28.

²¹ Гавзе Ф.И. Договор по Гражданскому Кодексу // Еженедельник советской юстиции. – 1923. № 13. – С. 289.

²² Братусь С.Н. Эволюция функций хозяйственного договора// Гражданское право и экономика. М.,1985.- С. 65.

время одним из основных принципов договорного права называли свободу и равенство сторон по договору на базе сочетания общественных и личных интересов²³.

В дальнейшем законодательство о договорах развивалось лишь в сторону расширения свободы контрагентов. Так, В. Г. Вердников и А. Ю. Кабалкин отмечали, что договор – это свободное соглашение сторон, выражение их свободной воли; причем свобода договора определялась ими так же, как ныне действующим гражданским законодательством²⁴. Ими отмечалась также тенденция расширения свободы усмотрения сторон и обоснована необходимость данного процесса, т.к. договор оказывается бесполезным, когда не остается места волеизъявлению сторон. В литературе до принятия ГК РФ отмечалось, что совершение различного рода сделок всецело зависит от свободной воли их участников.

Сегодня можно сказать, что свобода договора пронизывает все гражданское законодательство, стало его основополагающим началом, но огромное количество судебных споров происходит, на наш взгляд, именно по причине отсутствия в договоре многих необходимых условий, в частности, не оговорены условия изменения и расторжения договора. Таким образом, предоставления законом свободы договора недостаточно, необходимо повышение уровня договорной культуры контрагентов для того, чтобы они в полном объеме использовали возможности, предоставленные законом. Поэтому, нельзя не согласиться с Б. Д. Завидовым в том, что все позитивные новеллы Гражданского Кодекса (в том числе и идеи свободы) для повсеместной практической реализации требуют множества изменений: в законодательстве, в правосознании, в практической деятельности²⁵.

Вопреки провозглашенному принципу свободы договора ряд законов обязывает предпринимателя к заключению договора. Например, Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. N 79-ФЗ (в редакции от 2 февраля 2006 г.) "О государственном материальном резерве"²⁶; Федеральный закон от 27 декабря 1995 г. N 213-ФЗ (в редакции от 1 декабря 2007 г.) "О государственном оборонном заказе"²⁷; Федеральный закон от 13 декабря 1994 г. N 60-ФЗ (в редакции от 24 июля 2007 г.) "О поставках продукции для федеральных государственных нужд"²⁸; Федеральный закон от 17 августа 1995 г. N 147-ФЗ (в редакции от 8 ноября 2007 г.) "О естественных монополиях"²⁹.

Свобода договора стала принципом только в Гражданском Кодексе РФ. В проекте части I ГК РФ свободе договора первоначально отводилась ст. 361³⁰. В отличие от принятой в ст. 421 ГК РФ трактовки, проект не включал в отдельную статью все элементы принципа свободы договора, о чем свидетельствует ее наименование – «Свобода сторон в определении содержания договора». При этом правило о свободе заключения договора содержалось в п. 4 ст. 1. Здесь же говорилось о свободе лиц в определении любых, не противоречащих **праву** условий договора. В данной фразе некорректно, на наш взгляд, употреблялся термин «право», подменяющий законодательство. В принятой и ныне действующей редакции части I ГК РФ данный недостаток был устранен.

В настоящее время в гражданском праве России свобода договора предполагает следующие положения:

1. Граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

²³ Советское гражданское право: учебник/Под ред. С.Н. Братуся. М., 1950.- С. 280.

²⁴ Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970.-С. 46-47.

²⁵ Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970.-С. 46-47.

²⁶ Собрание законодательства РФ. 1995. N 1. Ст.3.

²⁷ Собрание законодательства РФ. 1996. N 1. Ст.6

²⁸ Собрание законодательства РФ. 1994. N 34. Ст.3540.

²⁹ Собрание законодательства РФ. 1995. N 34. Ст.3426.

³⁰ Проект Гражданского Кодекса Российской Федерации // Советская юстиция. 1993 № 21. – С. 59.

2. Субъекты права осуществляют свободный выбор лица, с которым намерены заключить договор.

3. Стороны свободно определяют содержание будущего договора.

4. Участники соглашения свободно решают вопрос о способе и форме заключения договора, за теми исключениями, когда требование к определенной форме является императивным.

5. Субъекты могут свободно изменить договор в целом или в отдельных его положениях.

6. Стороны вправе решать вопрос о прекращении договора.

Таким образом, закрепление в законе данного принципа является исторической обусловленной необходимостью – в силу того, что он является концентрированным воплощением накопленного опыта в сфере договорных отношений. Он (т.е. принцип) свидетельствует о том, что современное гражданское право России достигло того уровня, когда данный принцип потребовал нормативного закрепления.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
2. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право: учебник. М.: Юристъ, 2006. – С. 315.
3. Яковлев В.Ф. Развитие советского гражданского права на современном этапе. М., 1986. – С. 134.
4. Гавзе Ф.И. Социалистический гражданско-правовой договор. М., 1972. – С. 6.
5. Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, «Наука и техника», 1967.
6. Луць В.В. Заключение и исполнение хозяйственных договоров. М.: Юридическая литература, 1978.
7. Сафиуллин Д. Н. Хозяйственный договор: общие положения – Свердловск: СЮИ, 1986.
8. Скарго В. Заключение хозяйственного договора. М., 1972.
9. Картужанский Л.И. Хозяйственный договор на практике. М.. 1936.
10. Брагинский М.И. Там же. С. 168 – 176.
11. Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1976. С.10-11; Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970. С. 111.
12. Калмыков Ю.Х. Правовое регулирование хозяйственных отношений. – Саратов, 1982. – С. 30.
13. Калмыков Ю.Х. Указ соч. – С. 131.
14. Быков А.Г. Эффект хозяйственного договора. Автореферат докт диссертации. М., 1982. – С. 20.
15. Сочинение. Т. VII. «Философия права», перевод Столпнера, 1934. – С. 96-97.
16. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. – М.: Госюриздат, 1950-С. 109.
17. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М.: Юриздат, 1948. – С. 123.
18. Вилкова Н.Г. Срок исполнения в договоре внешнеторговой купли – продажи. – дисс. канд. наук. М., 1979. – С. 151-152, Заменгоф З.М. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. – М., Юрид. лит-ра, 1967.
19. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998 (глава «Обязательства из договоров. Проблема договорной свободы»).
20. Бугров Л.Ю. Свобода труда и свобода трудового договора в СССР. Юридический аспект. Красноярск, 1984. – С. 28.
21. Гавзе Ф.И, Договор по Гражданскому Кодексу // Еженедельник советской юстиции. – 1923. № 13. – С. 289.
22. Братусь С.Н. Эволюция функций хозяйственного договора// Гражданское право и экономика. М.,1985.- С. 65.
23. Советское гражданское право: учебник/Под ред.С.Н. Братуся. М., 1950.- С. 280.
24. Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970. -С. 46-47.

25. Завидов Б.Д. Договорное право России. – ИПК «Лига Разум», 2002. – С. 17.
26. Собрание законодательства РФ. 1995. N 1. Ст.3.
27. Собрание законодательства РФ. 1996. N 1. Ст.6.
28. Собрание законодательства РФ. 1994. N 34. Ст.3540.
29. Собрание законодательства РФ. 1995. N 34. Ст.3426.
30. Проект Гражданского Кодекса Российской Федерации // Советская юстиция. 1993 № 21. – С. 59.

TENDENCIES OF DEVELOPING THE CONCEPTION OF TREATY IN CIVIL LAW-MAKING IN RUSSIA

O.S. Strebkova

*Belgorod State
University*

*e-mail:
strebkova@bsu.edu.ru*

The given article analyzes the peculiarities of developing the conception of agreement in Russian civil law, in particular, civil conception of agreement, features of economic treaty, conception of agreement in bourgeois law and also in modern law-making process. It deals with the transformation in one of the basic principles of agreement law – the freedom of treaty.

Key words: civil law agreement, principle of freedom of agreement.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА СДЕЛОК С ДРАГОЦЕННЫМИ МЕТАЛЛАМИ В ОБЕЗЛИЧЕННОЙ ФОРМЕ

М.А. Зинковский

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
zinkovsky2007@rambler.ru*

В данной статье показаны отдельные особенности предмета сделок с драгоценными металлами в обезличенной форме. Раскрываются такие понятия, как драгоценные металлы и драгоценные металлы в обезличенной форме. Анализируются проблемы денег в гражданском праве и их соотношении с драгоценными металлами в обезличенной форме. Дается определения понятиям «наличные» и «безналичные» драгоценные металлы.

Ключевые слова: драгоценные металлы в обезличенной форме, сделки с драгоценными металлами в обезличенной форме, деньги, «наличные» и «безналичные» драгоценные металлы.

В настоящее время заключение сделок с драгоценными металлами в обезличенной форме со стороны населения, юридических лиц, уполномоченных банков и иных субъектов обусловлено главным образом теми экономическими процессами, которые происходят в мировой экономике, а также в нашей стране. Население, пытаясь обезопасить свои сбережения от инфляции, кризисов, деноминации и других неблагоприятных процессов в экономике, вкладывает денежные средства в драгоценные металлы путем покупки монет, стандартных и/или мерных слитков, открытия обезличенных металлических счетов и вкладов.

Перспективность таких операций заключается в том, что драгоценный металл менее подвержен вышперечисленным потрясениям, а потому в определенном смысле сберегает деньги от рисков и потерь.

Правовое регулирование оборота драгоценных металлов в обезличенной форме незначительное, сводится к отдельным актам Центрального Банка Российской Федерации, Федеральным законам Российской Федерации и иным нормативным правовым актам, регулирующим вопросы бухгалтерского учёта, специфики выпуска монет из драгоценных металлов и т. д.

Положение № 50 от 1 ноября 1996 года Центрального банка Российской Федерации «О совершении кредитными организациями операций с драгоценными металлами на территории Российской Федерации и порядке проведения банковских операций с драгоценными металлами» (далее по тексту – Положение ЦБ РФ № 50 от 1 ноября 1996 года), утверждённое Приказом Центрального банка Российской Федерации от 1 ноября 1996 года № 02 – 400 (в ред. Указаний ЦБ РФ от 09. 04. 1998. № 209 – У, от 11. 04. 2000. № 776 – У) является, пожалуй, единственным нормативным правовым актом, прямо регулирующим сделки с драгоценными металлами в обезличенной форме.

Данный акт содержит ряд важных понятий:

1. «Драгоценные металлы – слитки золота, серебра, платины и палладия, а также монеты из драгоценных металлов (золота, серебра, платины и палладия), за исключением монет, являющихся валютой Российской Федерации.

2. Слитки драгоценных металлов – стандартные или мерные слитки российского производства, соответствующие государственным стандартам, действующим в Российской Федерации, и зарубежного производства, соответствующие международным стандартам качества, принятым Лондонской Ассоциацией Участников Рынка драгоценных металлов и Участниками Лондонского Рынка Платины и Палладия.

3. Обезличенные металлические счета – счета, открываемые кредитной организацией для учёта драгоценных металлов без указания индивидуальных признаков и осуществления операций по их привлечению и размещению.

4. Драгоценные металлы, учитываемые на обезличенных металлических счетах, имеют количественную характеристику массы металла (для монет – количество в штуках) и стоимостную балансовую оценку»¹.

Таким образом, Положение ЦБ РФ № 50 от 1 ноября 1996 года не содержит точной формулировки понятия драгоценные металлы в обезличенной форме, особенности таких металлов можно вывести из специфики предмета договора обезличенного металлического счёта. Все сделки с драгоценными металлами в обезличенной форме совершаются путем открытия обезличенного металлического счёта, где, собственно, такие металлы и учитываются.

Так, Касаткин А. В. полагает, что предметом договора обезличенного металлического счёта будут являться:

« – действия банка по открытию, ведению счёта, совершению операций по счёту согласно распоряжениям клиента и т. д.;

– действия клиента по уплате вознаграждения;

– объект договора – драгоценные металлы»².

Получается, что предметом сделок с драгоценными металлами в обезличенной форме будут являться монеты и слитки стандартные и/или мерные.

Ефимова Л. Г. считает, что: «В отличие от договора банковского счёта на обезличенных металлических счетах учитываются не безналичные деньги, а обязательственные права требования клиента к банку, выраженные в весовом количестве драгоценного металла определённого качества»³.

Юров А. В., Герасимов В. М. утверждают, что монеты «могут быть приравнены к мерным слиткам, свободное хождение которых не разрешено, они чутко реагируют на изменения мировых цен на драгоценные металлы и создают возможности для спекулятивного инвестора сыграть на колебаниях этих цен»⁴.

Олимова Р. М. указывает: «Сегодня рынок монет, содержащих драгоценные металлы развивается достаточно быстро, что обусловлено их высокой стоимостью (по цене они приближаются к цене содержащегося в них металла), удобным весовым содержанием, большей ликвидностью по сравнению с ювелирными изделиями»⁵.

Аникин А. В. полагает, что «... в большинстве капиталистических стран золото теперь свободно продается в розницу в монетах или мелких слитках»⁶.

Правовая природа драгоценных металлов в обезличенной форме выполненных в виде монет противоречива. По Положению ЦБ РФ № 50 от 1 ноября 1996 года (см. п. 2. 2. данного акта) они не являются валютой Российской Федерации, а по Постановлению Правительства Российской Федерации № 756 от 30 июня 1994 года «Об утверждении положения о совершении сделок с драгоценными металлами на территории Российской Федерации» (в ред. Постановления Правительства РФ от 24. 08. 2004. № 433, с изм., внесёнными Постановлением Правительства РФ от 01. 12. 1998. № 1419,

¹ П. 2. 2., 2. 3., 2. 7. и Абзац 2 П. 9. 3. Положения № 50 от 1 ноября 1996 года Центрального банка Российской Федерации «О совершении кредитными организациями операций с драгоценными металлами на территории Российской Федерации и порядке проведения банковских операций с драгоценными металлами», утверждённого Приказом Центрального банка Российской Федерации от 1 ноября 1996 года № 02 – 400 (в ред. Указаний ЦБ РФ от 09. 04. 1998. № 209 – У, от 11. 04. 2000. № 776 – У). Справочная правовая система Консультант Плюс.

² Касаткин А. В. Договор металлического счёта // Право и экономика. М., 2001. № 7. Справочная правовая система Консультант Плюс.

³ Ефимова Л. Г. Банковские сделки (актуальные проблемы). Дисс. докт. юрид. наук. М., 2000. С. 269.

⁴ Юров А. В., Герасимов В. М. Монета вчера и сегодня // Деньги и кредит. М., 1999. № 2. С. 65 – 69.

⁵ Олимова Р. М. Гражданско – правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 126.

⁶ Аникин А. В. Золото: Международный экономический аспект. Изд. 2 – е перераб. и допол. М.: Международные отношения. 1998. С. 112.

решением Верховного Суда РФ от 21. 08. 2000., определением Верховного суда РФ от 26. 09. 2000. № КАС 00 – 386), далее по тексту – Постановление Правительства Российской Федерации № 756 от 30 июня 1994 года, они обязательны к приёму по нарицательной стоимости (номиналу) на территории Российской Федерации во все виды платежей без ограничений. Сама классификация монет законодателем не приводится.

Следовательно, по одному нормативному правовому акту монеты – это деньги, а по другому нет.

Драгоценные металлы наряду с монетами могут быть выполнены в виде слитков. В соответствии с Положением ЦБ РФ № 50 от 1 ноября 1996 года слитки из драгоценных металлов бывают стандартные или мерные, российского и зарубежного производства, должны соответствовать стандартам качества драгоценных металлов London good delivery, принятым Лондонской Ассоциацией Рынка драгоценных металлов и Участниками Лондонского Рынка Платины и Палладия.

В качестве обязательных отметок на слитке должны быть: серийный номер, проба, клеймо изготовителя, год изготовления слитка (для слитков золота), вес в тройских унциях или килограммах (для слитков серебра), вес в граммах или тройских унциях (для слитков платины и палладия), литеры PT и PLATINUM (для слитков платины), литеры PD или PALLADIUM (для слитков палладия).

Согласно п. 23. Постановлению Правительства Российской Федерации № 756 от 30 июня 1994 года не допускается использование слитков золота и серебра в качестве средства платежа, в том числе путём осуществления операций по специальным счетам, открытым в специально уполномоченных банках, а также в расчётах за кредиты, предоставляемые коммерческими банками добывающим предприятиям. Поэтому слитки из драгоценных металлов в отличие от монет не могут являться деньгами.

Для того чтобы осуществить ту или иную сделку с драгоценными металлами в обезличенной форме необходимо сначала заключить с уполномоченным банком договор обезличенного металлического счета, по которому и будут протекать сделки.

Драгоценные металлы в действительности существуют в качестве вещей имеют форму монет и слитков. Драгоценные металлы в обезличенной форме существуют на обезличенных металлических счетах и вещами не являются, они представляют собой бухгалтерские записи по счету.

Все вышеизложенное дает нам возможность сделать некоторые выводы по поводу особенностей предмета сделок с драгоценными металлами в обезличенной форме:

1.) Обезличенная форма. Имеет место тогда, когда у драгоценных металлов в соответствующем договоре отсутствуют индивидуальные признаки (наименование, количество ценностей, проба, производитель, серийный номер и др.), такие металлы имеют количественную характеристику массы металла (для монет – количество в штуках) и стоимостную балансовую оценку.

2.) Вещь или внешняя форма, изготовленная из какого – либо драгоценного металла. Внешней формой драгоценных металлов могут быть слитки стандартные или мерные, изготовленные из золота, серебра, платины и палладия, а также монеты из драгоценных металлов (золота, серебра, платины и палладия), за исключением монет, являющихся валютой Российской Федерации. Вещь или внешняя форма в данном случае нами понимается не как правовая природа драгоценных металлов в обезличенной форме, а как средство идентификации драгоценных металлов. То есть такие металлы выполнены в виде монет и слитков, на обезличенных металлических счетах в таком виде они и учитываются за тем исключением, что их правовая природа не относится к вещам. С экономической стороны – это бухгалтерские записи учёта, с юридической это монеты и слитки в форме «безналичных драгоценных металлов».

3.) Договор обезличенного металлического счета, на котором учитываются данные металлы.

4.) Правовая природа монет из драгоценных металлов противоречива, с одной стороны это деньги, а с другой нет.

5.) В связи с недостаточным нормативным правовым регулированием оборота драгоценных металлов в обезличенной форме предлагаем законодательно закрепить понятие «наличные драгоценные металлы» и «безналичные драгоценные металлы».

«Наличные драгоценные металлы» – это выполненные из драгоценных металлов (золота, серебра, платины и палладия) монеты, а также стандартные и/или мерные слитки (золота, серебра, платины и палладия), имеющие соответствующие индивидуальные признаки: вид монеты (слитка), наименование, номинал монеты, проба, производитель, серийный номер и т. д.

«Безналичные драгоценные металлы» – это драгоценные металлы (золото, серебро, платина и палладий) в обезличенной форме, учитываемые на соответствующих банковских счетах (счета учёта займа, вкладные, корреспондентские и т. д.) без указания индивидуальных признаков (вид монеты/слитка, наименование, номинал монеты, проба, производитель, серийный номер и т. д.), определяющиеся как монеты, а также как стандартные и/или мерные слитки, имеющие количественную характеристику массы металла (для монет – количество в штуках) и стоимостную балансовую оценку.

Примером международной юридической практики будет служить законодательство Республики Беларусь:

1. «Наличные драгоценные металлы – монеты, а также банковские или мерные слитки с определёнными индивидуальными признаками»¹.

2. «Безналичные драгоценные металлы – драгоценные металлы, размещённые и учитываемые на обезличенных, депозитных или вкладных металлических счетах»².

Список литературы

1. Касаткин А.В. Договор металлического счёта // Право и экономика. М., 2001. № 7. Справочная правовая система Консультант Плюс.
2. Ефимова Л.Г. Банковские сделки (актуальные проблемы). Дисс. д-ра юрид. наук. М., 2000.
3. Юров А. В., Герасимов В. М. Монета вчера и сегодня // Деньги и кредит. М., 1999. № 2. С. 65 – 69.
4. Олимова Р. М. Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
5. Аникин А. В. Золото: Международный экономический аспект. Изд. 2-е перераб. и допол. М.: Международные отношения. 1998.

FEATURES OF THE SUBJECT OF TRANSACTIONS WITH PRECIOUS METALS IN THE DEPERSONALIZED FORM

M.A. Zinkovsky

Belgorod State University

e-mail:

zinkovsky2007@rambler.ru

Several features of a subject of transactions with precious metals in the depersonalized form are shown in the article. Such concepts as precious metals and precious metals in the depersonalized form are revealed. Problems of money in civil law and their parity with precious metals in the depersonalized form are analyzed. It is given definitions to concepts «cash» and «non-cash» precious metals.

Key words: precious metals in the depersonalized form, transactions with precious metals in the depersonalized form, money, «cash» and «non-cash» precious metals.

¹ П. 1, Гл. 1 Постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 10 декабря 2004 года № 186 «Об утверждении Инструкции по совершению банками банковских операций с драгоценными металлами. // <http://www.levonevski.net/pravo/kodeksy/gk/045.html>.

² Там же.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

УДК 347.155

РАЗВИТИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ «НЕДЕЕСПОСОБНОСТЬ» В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

А.В. Бахмутов

*Белгородский
государственный
университет*

Положение людей с ограниченными интеллектуальными возможностями и психическими расстройствами практически всегда зависело от положения экономики, отношений в обществе, а также от политических и философских идей, преобладающих в данной исторической эпохе. К категории «недееспособность» законодательство пришло постепенно, совершенствуя правоохранительную практику с развитием общей культуры народа и изменением его представлений о психическом здоровье. Психически больные люди в силу неприспособленности своего поведения и неадекватности его мотивов во все времена истории человечества вызывали у окружающих двойственные чувства. С одной стороны, жалость и сострадание, а с другой – желание воспользоваться их беспомощностью для удовлетворения собственных благ. И только на современном этапе достижения в области права и медицины позволяло говорить о надлежащей правовой защите психически больных граждан.

Ключевые слова: недееспособность, душевнобольной, развитие законодательства, психическое расстройство.

Психически больные люди в силу неприспособленности своего поведения и неадекватности его мотивов во все времена истории человечества вызывали у окружающих двойственные чувства. С одной стороны, жалость и сострадание, а с другой – желание воспользоваться их беспомощностью для удовлетворения собственных благ.

Лишение дееспособности применяется, если гражданин, вследствие психического расстройства, не способен понимать значения своих действий или руководить ими (ст. 29 ГК РФ).

К названным в ГК РФ критериям недееспособности гражданина законодательство пришло постепенно, совершенствуя правоохранительную практику с развитием общей культуры народа и изменением его представлений о психическом здоровье. Развитие гражданского законодательства привело к обособлению норм о недееспособных гражданах. Определены признаки и основания признания гражданина недееспособным. Следует также учитывать, что юридическое толкование данного термина

тесно связано с достижениями в области медицины (психиатрии). Вместе с тем отдельные положения названного института требуют переосмысления и уточнения.

Положение людей с ограниченными интеллектуальными возможностями и психическими расстройствами практически всегда зависело от положения экономики, отношений в обществе, а также от политических и философских идей, преобладающих в данной исторической эпохе¹. Всеми своими успехами современное право и психиатрия почти целиком обязана опыту прошлого, отмеченного как великими свершениями, так и досадными неудачами.

Традиционно историю любого цивилистического вопроса начинают исчислять со времени римского права. В Древнем Риме довольно много внимания уделялось психически больным людям². Начиная со времен Нумы Помпилия, к ним относились с пониманием. В правовых актах VIII – VII веков до н.э. обнаруживаются предписания об отношении к людям с умственными отклонениями. Во времена Римской империи действовал закон «12 таблиц», предписывающий заботу о людях, лишенных разума³. Вступление Римской империи в период упадка сопровождалось деградацией семейного уклада. Стал распространяться дурной обычай – бросать на произвол судьбы или даже убивать детей-инвалидов и умственно отсталых людей.

Римское право оперировало главным образом понятием «психическое расстройство» в смысле основания для оспаривания конкретной юридической сделки и применяло понятие недееспособности в силу судебного решения только к расточителям; все остальные душевнобольные считались недееспособными не на основании судебного решения, а на основании факта их болезни, который подлежал доказательству и оспариванию, не препятствуя действительности совершенных юридических сделок⁴.

В период средневековья правовое положение граждан, страдающих психическими расстройствами усугубилось. Наметившаяся в римском праве тенденция к освобождению некоторых слабоумных и сумасшедших (именно эти термины употреблялись в римском праве) от юридической ответственности в средневековой Европе не получает сколько-нибудь заметного развития, хотя и не исчезает совсем⁵.

На ранних стадиях развития права различие юридических последствий физических и психических болезней оставалось неизвестным, и даже в средние века, если не отрицались, то чрезвычайно ограничивались не только дееспособность, но и правоспособность целого ряда и физически неполноценных лиц, например: карликов, безруких, безногих, слепых, стариков⁶. Такое ограничение обуславливалось зависимостью, в которую правоспособность ставилась от физической силы индивида и способности нести государственную службу.

В XVII – XVIII вв. можно выделить два направления оказания помощи лицам, страдающим психическими расстройствами – это социальная забота и медицинская помощь. Однако гуманного отношения к лицам, страдающим психическими расстройствами, не наблюдалось. Социальная помощь сводилась по большей части к функционированию различного рода приютов и домов опеки⁷. Как правило, это «рабочие дома» для бедных, которые принимали бедняков, страдающих физическими и психиче-

¹ Balcerek M. Rozwoj systemu ksztalcenia osob uposludzonych umyslowo, w: Uposledzenie umyslowe – Pedagogika. Kireuczyk K. (red.). Warszawa, 1977. S. 19.

² Ориу М. Основы публичного права. М., 1929.

³ Steckle I. Problems of Human Adjustment. New York. 1957.

⁴ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Под ред. В.А. Томсинова. (Серия «Русское юридическое наследие»). М., 2003. С. 520.

⁵ Дмитриева Т.Б. Альянс права и милосердия: О проблеме защиты прав человека в психиатрии. М., 2001. С. 12.

⁶ Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 517; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1. С.130.

⁷ Сперанский Н. Ведьмы и ведовство. М., 1906. С. 216; Григуревич И.Р. История инквизиции / XIII – XX века. М., 1970; Александровский Ю.А. Глазами психиатра. М., 1977. С. 9.

скими болезнями, а так же престарелых. Медицинская помощь состояла в лечении самого заболевания, обычными для того времени медицинскими средствами.

Конец XIX в. примечателен тем, что он стал отправной точкой современных научных взглядов в области права и медицины. В это время даны все последовательные, научно обоснованные описания всех основных психических состояний (прогрессивный паралич – Ж. Бейль; шизофрения – Э. Крепелин и Е. Блейлер; маниакально-депрессивный психоз – С.С. Корсаков)¹. Появляются первые юридические нормы, обязывающие суд выслушивать пациента при принятии решения о недобровольной госпитализации.

Гражданское право, в свою очередь, обособленное от публичного, отвергало связь физической силы и государственной службы не только с правоспособностью, но и с дееспособностью, и ограничивало последнюю лишь при тех болезнях, которые производят аномальные состояния воли и делают невозможным сознательное отношение к совершаемым юридическим действиям. Поэтому физические недостатки не могут оказывать влияние на объем дееспособности граждан².

В России душевнобольные не подвергались таким гонениям, как в Европе. Первыми учреждениями, взявшими на себя заботу об умалишенных, были православные монастыри, принявшие на себя заботу, кроме указанной, и других категориях социально необеспеченных лиц (нищих, слепых, прокаженных и т.п.).

Значительные новации в отношении дееспособности были внесены в царствование Петра I. Следует отметить, что необходимость закрепления в праве института недееспособности гражданина, была обусловлена государственной необходимостью в борьбе с уклонением дворян от службы, но отнюдь не заботой о социальной поддержке слабоумных. Родители молодых людей, страшась отправки за рубеж на учебу своих детей, начали в массовом порядке ссылаться на их «слабоумие». Такой способ уклонения от непосредственных дворянских обязанностей не грозил какими-либо последствиями, так как в правах молодых людей ничего не менялось: они могли жениться, наследовать имущество родителей и распоряжаться им в дальнейшем.

Впредь граждане, признанные в установленном порядке недееспособными, ограничивались как в государственной службе, так и в гражданских правах. Они не могли наследовать имущество и вступать в брак. Однако за слабоумными сохранялся и ряд прав, оберегающих от разорения. Например, если человек был женат или имел детей он не мог быть лишен имущества. Признание «безумным» обязывало налагать опеку на больного. Чиновники, помещенные для излечения душевной болезни в медицинские учреждения, не увольнялись со службы в течение года. Им сохранялась полностью заработная плата. Душевная болезнь сокращала срок, необходимый для выслуги лет.

В последующие годы наукой гражданского права все больше внимание обращается на душевно больных. В частности, душевная болезнь как основание, препятствовавшее заключению сделок, должно было устанавливаться в каждом конкретном случае для каждой конкретной сделки. Для признания недействительности всех вообще юридических сделок, совершаемых душевнобольными как недееспособными лицами, существовала необходимость удостоверения такого их состояния в установленном порядке. Освидетельствование душевнобольных и слабоумных проводилось в административном порядке. По требованию родственников, опекунов, попечителей или наследников эти лица проходили освидетельствование во врачебном отделении губернского правления. Если психическая болезнь подтверждалась, то протокол с вопросами и ответами направлялся в департамент Сената³. Только с момента признания Сенатом гражданин признавался недееспособным. Однако, как справедливо отмечал Г.Ф. Шершеневич, пробелом такого порядка освидетельствования являлся вопрос охраны

¹ Тюльпин Ю.Г. Психические расстройства. М., 2002. С. 13.

² Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 17.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С.130.

имущества больного и юридическая сила сделок, заключаемых им во время довольно продолжительного периода времени освидетельствования. Поэтому, вопреки закону, фактически гражданин считался недееспособным со времени признания лица душевнобольным во врачебном отделении.

Установление диагноза душевной болезни было вполне достаточно для дальнейшего определения недееспособности в административном порядке. Такая процедура признания гражданина недееспособным была частично унаследована советским законодательством. И лишь с появлением потребности в психиатрической помощи у всевозрастающего числа людей, психические расстройства, которые были эпизодическими, неглубокими и терапевтически податливы, возникла необходимость различать тяжесть болезни с юридической точки зрения.

У истоков научного определения недееспособности гражданина в нашей стране стояли выдающиеся психиатры В.П. Сербский, С.С. Корсков, В.Х. Кандинский. В частности, В.П. Сербскому принадлежит наиболее фундаментальное обоснование взглядов на недееспособность гражданина, которое в своей основе дошло до наших дней без принципиальных изменений¹. Он подчеркнул, что не любое душевное расстройство может быть положено в основу признания гражданина недееспособным, поэтому нужна «мерка», ею выступает степень тяжести болезненной симптоматики². Большинство психозов не всегда оказывает влияние на дееспособность. Важно не название, хотя некоторые расстройства действительно не вызывают сомнений в недееспособности (например, прогрессивный паралич), а то, насколько симптомы той или иной болезни затрагивают способность мыслить разумно и регулировать свои поступки.

На этапе становления советской власти в гражданском праве отмечалась двойственность основания признания гражданина недееспособным. Во-первых, душевная болезнь или слабоумие, вследствие которой больной не способен рассудительно вести свои дела, а во-вторых, чрезмерное расточительство, влекущее к потере имущества. За расточителями сохранялось право добывать себе трудом средства к жизни, самостоятельно распоряжаться полученным заработком, с согласия опекунов совершать любые сделки, а также сохранялась обязанность нести ответственность за вред, причиненный их неправильными действиями³. Таким образом, речь шла в данном случае не о лишении гражданина дееспособности, а о ее ограничении⁴.

Сегодня понятия «психическое заболевание», «душевнобольной» и производные от них понятия в действующем ГК РФ не употребляются (ст. 29). Родовым собирательным понятием, охватывающим всех людей, нуждающихся в психиатрической компетенции, является «лица, страдающие психическими расстройствами». Данное понятие более удачно, поскольку оно включает в себя собственно психически больных, лиц с пограничными⁵ нервно-психическими расстройствами и пациентов с так называемыми психосоматическими⁶ заболеваниями.

В соответствии с действующим законодательством, недееспособность может быть установлена только судом (ст. 29 ГК РФ). Причем законодатель специально подчеркивает, что гражданин может быть ограничен в дееспособности лишь на основании

¹ Сербский В.П. Законодательство о душевнобольных. Киев, 1907.

² Алмазов Б.Н., Звягинцева Л.М., Иванова Л.Я., Решетникова И.В. Психически больной и гражданский закон. Екатеринбург, 1992. С. 26–27.

³ Алмазов Б.Н., Звягинцева Л.М., Иванова Л.Я., Решетникова И.В. Указ. соч. С. 27.

⁴ Советское гражданское право. Ч. 1 / Под ред. В.А. Рясенцева. М. 1986. С. 96.

⁵ Пограничное состояние – общее название ряда различных слабых, стертых форм нервно-психических расстройств, находящихся вблизи условной границы между психическим здоровьем и выраженной патологией. Например, медленно начинающиеся вялотекущие формы шизофрении, мягкие формы психоза и пр. (Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск, М., 2001. С. 16)7.

⁶ Соматический (телесный, относящийся к телу) – термин, применяемый для обозначения разного рода явлений в организме человека, связанных с телом, в отличие от психики. (Головин С.Ю. Указ. соч. С. 185).

закона, а сделки, направленные на ограничение дееспособности ничтожны (ст.22 ГК РФ). Семейный кодекс Российской Федерации считает препятствием для вступления в брак не сам факт душевной болезни или слабоумия, а наличие недееспособности, установленной в судебном порядке (ст. 14).

Таким образом, судебный порядок установления недееспособности, проведение судебно-психиатрической экспертизы (ст.283 ГПК РФ), а также обязательное участие в судебном заседании прокурора и представителя органа опеки и попечительства (ст. 45 ГПК РФ) являются наиболее надежной правовой гарантией защиты и охраны прав психически больных граждан.

Список литературы

1. Balcerek M. Rozwoj systemu ksztalcenia osob uposledzonych umyslowo, w: Uposledzenie umyslowe – Pedagogika. Kireyczyk K. (red.). Warszawa, 1977.
2. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929.
3. Steckle I. Problems of Human Adjustment. New York. 1957.
4. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Под ред. В.А. Томсинова. (Серия «Русское юридическое наследие»). М., 2003.
5. Дмитриева Т.Б. Альянс права и милосердия: О проблеме защиты прав человека в психиатрии. М., 2001.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1.
7. Сперанский Н. Ведьмы и ведовство. М., 1906.
8. Григуревич И.Р. История инквизиции XIII – XX века. М., 1970.
9. Александровский Ю.А. Глазами психиатра. М., 1977.
10. Тюльпин Ю.Г. Психические расстройства. М., 2002.
11. Сербский В.П. Законодательство о душевнобольных. Киев, 1907.
12. Алмазов Б.Н., Звягинцева Л.М., Иванова Л.Я., Решетникова И.В. Психически больной и гражданский закон. Екатеринбург, 1992.
13. Советское гражданское право. Ч. 1 / Под ред. В.А. Рясенцева. М. 1986. С. 96.
14. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск, М., 2001.

THE DEVELOPMENT OF THE DEFINITION “INCAPACITATED” IN RUSSIAN CIVIL LAW

A.V. Bakhmytov

*Belgorod State
University*

The status of people with mental disfunctions and restricted intellectual abilities has always been depended on economical, political, social, cultural ideas of certain historical epoch. With the development of the law-enforcement structures and world culture the legislator came to the category “incapacitated”. In every historical epoch mentally-ill people have called rather ambiguous feelings in the case of their behavior. On one hand – sympathy and compassion, on the other hand – a desire to use the incapacitated people in their own aims. Nowadays, with the development in medical and law spheres we can talk about the appropriate law defense of mentally-ill people.

Key words: incapacitated, mentally-ill people, the development of the legislation, mental dysfunction.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ И ОГРАНИЧЕННО ДЕЕСПОСОБНЫХ ГРАЖДАН

Применение гражданско-правовых способов защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан имеет определенную специфику, обусловленную особым гражданско-правовым статусом этой категории граждан, а также характером нарушаемых прав. Анализ специальных способов защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан позволяет выделить наиболее значимые из них: установление опеки попечительства; законное представительство; доверительное управление имуществом; недействительность сделок, совершенных недееспособными или ограниченно дееспособными (кроме мелких бытовых) гражданами; запрет завещания своего имущества; согласие попечителя на совершение сделок ограниченно дееспособным лицом; ответственность за вред, причиненный недееспособным гражданином; помещение граждан страдающих психическими расстройствами в специализированные лечебные учреждения; создание специальных общежитий для лиц, страдающих психическими расстройствами и потерявших социальные связи; улучшение жилищных условий недееспособных граждан и т.д.

С.Н. Котарев

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
kotarev@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: Способы защиты, защита гражданских прав, недееспособные и ограниченно дееспособные граждане, опека и попечительство, доверительное управление имуществом, законное представительство, недействительность сделки.

Гражданским кодексом РФ возведена в ранг основных принципов, на которых основывается гражданское законодательство, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав и их судебной защиты. Действующее законодательство предоставляет российским гражданам широкие права в сфере имущественных и личных неимущественных отношений и для обеспечения их защиты от нарушений со стороны других лиц.

Перечень универсальных способов защиты гражданских прав дается в ст. 12 ГК РФ. Стремление законодателя предоставить недееспособным и ограниченно дееспособным гражданам самые широкие возможности по защите нарушенного права объясняет возможность применения и иных способов защиты, однако эти способы должны быть предусмотрены законом. Указанная оговорка необходима, поскольку неограниченный круг санкций может привести к ущемлению прав субъектов гражданско-правовых отношений.

Законодатель, в ст. 12 ГК РФ так же указал, что для защиты нарушенного права, помимо перечисленных, могут использоваться и другие способы, предусмотренные законом. Способ защиты нередко определен специальным законом, относящимся к конкретному гражданскому правоотношению. Закрепление в специальных нормах способов защиты, так же как и выбор их из числа предусмотренных ст.12 ГК РФ (когда в специальных нормах нет конкретных указаний), определяются спецификой защищаемого права и характером нарушения.

Закрепляя специальные способы защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан в ГК РФ и иных нормативных актах, законодатель указывает на специфичность правового положения указанных категорий граждан и, соответственно, специфичность их гражданско-правовой защиты.

Гражданское законодательство предусматривает опеку и попечительство как один из приоритетных способов защиты прав тех граждан, которые не в состоянии самостоятельно осуществлять свои права и исполнять свои обязанности (недееспособных или ограниченно дееспособных). Однако в литературе имеются различные подходы к определению правовой сущности опеки и попечительства. В частности, С.М. Кор-

неев определял опеку и попечительство как одну из форм осуществления государственной защиты личности¹. В то же время Л.М. Пчелинцева указывает, что в гражданско-правовой сфере опека и попечительство рассматриваются как способы восполнения дееспособности граждан².

Представляется, что опеку и попечительство следует относить к важнейшим специальным способам защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. Опека и попечительство устанавливаются для защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан, а также в целях воспитания над несовершеннолетними (ст. 31 ГК РФ).

Опека (попечительство) представляет собой заботу о гражданине, состоящую в прикреплении к нему лица, обязанного совершать фактические и юридические действия в пользу подопечного, о которых подопечный просит или в которых объективно нуждается.

Попечительство устанавливается над гражданами, ограниченными судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, и состоит в оказании попечителем (физическим лицом) содействия в осуществлении этими лицами своих прав и исполнении обязанностей, а также в охране их от злоупотреблений со стороны третьих лиц. Сущность опеки и попечительства Г.Ф. Шершеневич определил как «искусственную семью»³. Основными задачами органов опеки и попечительства являются обеспечение оптимальных условий жизни социально незащищенных слоев населения, защита их имущественных и личных неимущественных прав⁴.

В настоящее время институт опеки и попечительства работает не достаточно эффективно, что влечет за собой рост числа случаев нарушения прав недееспособных или ограниченно дееспособных лиц. Низкий уровень жизни населения в целом, отсутствие возможности заработать вынуждает многих граждан существовать за счет средств, предоставляемых в качестве льгот или пособий. Так, нередки случаи обращения граждан в органы опеки и попечительства с просьбой о назначении их опекунами (попечителями) исключительно в корыстных целях, например, продажа имущества подопечного или расходование принадлежащих подопечному денежных средств на собственные нужды.

Юридическим фактом, непосредственно влекущим возникновение отношений по опеке и попечительству, является назначение опекуна или попечителя. Для этого необходимо наличие условий, предусмотренных ст. 29 и 30 ГК РФ. Основная задача опекунов (попечителей) состоит в совершении таких юридических действий в пользу подопечных, которые смогут восполнить их недостающую дееспособность (ст. 31 и 36 ГК РФ).

Немаловажное значение для защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан имеют взаимоотношения опекунов и попечителей с органом опеки и попечительства. В соответствии со ст. 37 ГК РФ орган опеки и попечительства дает предварительное разрешение на совершение опекуном и дачу попечителем согласия на совершение подопечным сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других сделок, влекущих уменьшение имущества подопечного.

¹ Гражданское право: В 2 т.: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. 2-е изд. Т.1. М., 2003. С. 143.

² Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М., 2006. С. 589.

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1. С. 130.

⁴ Михеева Л.Ю. Опека и попечительство: теория и практика. М., 2004. С. 72.

Кроме того, такое же предварительное разрешение требуется и в тех случаях, когда опекун или попечитель намерен расходовать доходы подопечного не на необходимое содержание последнего, а в иных целях. Однако необходимо отметить, что попечитель ограниченно дееспособного гражданина вообще не имеет права на расходование средств своего подопечного, т.к. тот совершает эти действия сам, но с согласия попечителя. Иными словами, денежные средства, принадлежащие подопечному, должны расходоваться так: необходимые для содержания расходы осуществляются свободно, а все затраты, которые выходят за рамки необходимого, – с предварительного разрешения органа опеки и попечительства (п. 1 ст. 37 ГК РФ).

Специальным способом защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан, осуществляемым органами опеки и попечительства является их представительство. Представительство опекунов (попечителей) для защиты прав их подопечных вытекает из сущности данных отношений по опеке и попечительству и поэтому не требует выдачи доверенности или иного специального уполномочия. Опекуны и попечители являются законными представителями своих подопечных. Так, согласно ст. 37 ГК РФ права, свободы и законные интересы недееспособных граждан и граждан, признанных ограниченно дееспособными, защищают в суде их родители, опекуны или попечители, которые представляют суду документы, удостоверяющие их полномочия. Таким документом для опекунов (попечителей) является опекуновское удостоверение, а при его отсутствии – решение органа опеки и попечительства о назначении данного лица опекуном (попечителем).

О.С. Иоффе подчеркивал, что если какое-либо лицо участвует в гражданском обороте через представителей, то это означает, что оно, будучи лишено дееспособности, либо по тем или иным причинам не может воспользоваться своей дееспособностью и прибегает поэтому к помощи представителя¹. Следовательно, в отношении по представительству к правоспособности одного лица, представляемого, присоединяется дееспособность другого лица, представителя. Под представительством понимается такое отношение, в силу которого последствия сделок, совершенных одним лицом от имени другого, непосредственно переносятся на последнее².

Полномочие представителя может основываться на доверенности (добровольное), законе, административном акте. И хотя указанные представительства различаются по юридическим фактам их порождающих, изменяющих и прекращающих, они совпадают по своему содержанию. Поэтому определение, сформулированное Н.О. Нерсесовым, справедливо ко всем трем формам: «Добровольное представительство есть такое юридическое понятие, где одно лицо, называемое представителем (уполномоченным, поверенным), совершает, заключает сделку от имени другого, принципала (доверителя), на основании полномочия от последнего, причем эта сделка относительно своего содержания, правовых последствий считается первоначальной сделкой самого принципала, не касаясь совершенно личности представителя»³.

Институт законного представительства, по мнению А.Б. Бабаева, оправдывает свое назначение только для граждан, признанных недееспособными⁴. Он вполне подходит для регулирования отношений, возникающих в процессе совершения юридических действий с имуществом указанной категории граждан. Законный представитель выступает в сделках от имени и в интересах подопечного, то есть все права и обязанности выступают у самого подопечного.

В случае же с представительством ограниченно дееспособных граждан использование такого института неоправданно. Попечитель не обязан заботиться о состоянии здоровья подопечного, об уходе за ним.

¹ Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л., 1967. С. 202.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 216.

³ Нерсесов Н.О. Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. М., 1998. С. 73.

⁴ Бабаев А.Б. Имущество недееспособных и частично дееспособных лиц и проблема доверительного управления им // Государство и право. 2003. № 5. С. 91-92.

Законодатель впервые в ГК РФ установил специальный способ защиты имущественных прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан – доверительное управление имуществом. В.А. Дозорцев отмечает, что доверительное управление имуществом подопечных как нельзя лучше подходит для урегулирования отношений по поводу имущества лиц, находящихся под опекой или попечительством¹. Следует отметить, что в отношении имущества недееспособного или ограниченно дееспособного гражданина, не переданного в доверительное управление, опекун (попечитель) также исполняет обязанности по его защите. Однако при защите прав недееспособного и ограниченно дееспособного гражданина – подопечного задача защиты (охраны) его имущества носит второстепенный характер, на что обращалось внимание в отечественно литературе².

Появление в ГК РФ норм о доверительном управлении имуществом подопечных связано в первую очередь с изменением отношений собственности, а именно с расширением круга объектов, принадлежащих гражданам на праве частной собственности. Опекун, исполняющий функции законного представителя, тем не менее не всегда способен именно управлять таким имуществом подопечного, то есть совершать действия, приумножающие стоимость этого имущества либо сохраняющие ее. Особенно справедливо это в отношении управления ценными бумагами или вкладами в капитале коммерческих организаций.

Сущность опеки и попечительства состоит в закреплении за нуждающимся в социальной заботе гражданином физического лица, осуществляющего широкий круг действий по оказанию помощи, поскольку в обязанности опекуна (попечителя) входит осуществление таких действий, чтобы положение опекаемого не ухудшалось. Вместе с тем опекун (попечитель) не всегда способен содержать комплекс разнородного имущества (например, ценные бумаги, земельный участок, квартира), требующего специального обращения и ухода, который находится в собственности подопечного. Поэтому законодателем был введен институт доверительного управления имуществом.

Кроме того, нельзя не отметить, что в случае злоупотребления опекуном (попечителем) своими правами институт опеки и попечительства не способен надлежащим образом обеспечить защиту имущественных интересов подопечного. Так, если опекун (попечитель) нарушил правила ст. 37 ГК РФ, то помимо прекращения опеки (попечительства) это влечет признание совершенных им действий по распоряжению имуществом недействительными, а также возможность предъявления к нему требования о возмещении убытков, возникших у подопечного лица. И то и другое может оказаться не вполне эффективным по разным причинам, таким, как, например, дальнейший переход незаконно отчужденного опекуном имущества по иным сделкам и невозможность его возвращения в натуре.

У органа опеки и попечительства может не быть возможности всегда своевременно и оперативно решать вопросы управления имуществом недееспособного (ограниченно дееспособного)³. В такой ситуации договор доверительного управления является удобным правовым инструментом защиты их прав. Доверительный управляющий, получая определенное вознаграждение за свою деятельность (например, процент от прибыли, получаемой при управлении имуществом), будет более заинтересован в успешном ведении дел, нежели государственный орган, который при всем желании не сможет постоянно и в полной мере учитывать интересы всех клиентов (подопечных).

Если на доверительное управление имуществом подопечных лиц распространяются общие правила о доверительном управлении, то для управляющего сохраняют

¹ В.А. Дозорцев Доверительное управление // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. № 2. С. 118-127.

² Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. Ч. 2 / Под ред. Р.Л. Нарышкиной. М., 1984. С. 276, 298.

³ Бабаев А.Б. Имущество недееспособных и частично дееспособных лиц и проблема доверительного управления им // Государство и право. 2003. № 5. С. 94.

силу нормы ст. 1022 ГК РФ об ответственности доверительного управляющего. Таким образом, передача имущества, например, ограниченного в дееспособности лица в доверительное управление может оказаться более надежной и безопасной мерой, чем распоряжение этим имуществом одним из его родственников (опекуном).

С введением в гражданское законодательство данного института имущественные обязанности опекунов и попечителей ушли на второй план. Доверительный управляющий становится самостоятельной фигурой¹, на которую возлагаются функции охраны и приумножения имущества лица, находящегося под опекой (попечительством). Цель установления доверительного управления имуществом подопечного близка к цели установления опеки (попечительства), что позволяет включить специальные нормы о доверительном управлении в институт опеки и попечительства.

Специальные способы защиты прав недееспособных граждан помимо ГК РФ содержатся и в иных нормативно-правовых актах, например, в Федеральном Законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Необходимо отметить его правоохранительную направленность, а не только медицинскую².

Минимальный объем психиатрической помощи и социальной защиты гарантируется государством в ст. 16 названного Закона. Государство обязуется: обеспечить социально-бытовое устройство инвалидов и престарелых, страдающих психическими расстройствами, а также уход за ними; социально-бытовую помощь и содействие в трудоустройстве; обучение новым профессиям; создание лечебно-производственных предприятий для трудовой терапии и трудоустройства на этих предприятиях, а также специальных производств, цехов и участков с облегченными условиями труда для таких лиц; решение вопросов опеки; консультации по правовым вопросам и другие виды юридической помощи в психиатрических и психоневрологических учреждениях; создание общежитий для лиц, страдающих психическими расстройствами, утративших социальные связи, а также применять иные способы, необходимые для социальной поддержки лиц, страдающих психическими расстройствами.

Специальным способом защиты прав недееспособных граждан, предусмотренным Законом, можно выделить требование о создании общежитий для лиц, страдающих психическими расстройствами, утративших социальные связи. К сожалению, с такими больными психиатрам приходится сталкиваться нередко. При отпадании оснований содержания в стационаре лица, страдающих психическими расстройствами, обычно подлежат выписке, однако отсутствие семьи и близких родственников, которые могли бы взять на себя заботу о них, отсутствие собственного жилья и регистрации резко затрудняют их социальную адаптацию, ставя их перед неразрешимыми, с учетом имеющегося психического расстройства, бытовыми проблемами и нередко приводят к совершению такими больными общественно опасных действий.

Наиболее адекватной формой социального устройства таких лиц и являются общежития, создаваемые при учреждениях, оказывающих психиатрическую помощь, при лечебно-производственных предприятиях и других государственных предприятиях, использующих труд лиц, страдающих психическими расстройствами. Пребывание в данном общежитии предполагает регистрацию в нем, возможность трудоустройства на общих основаниях либо на одном из предназначенных для этого предприятий. В случае успешной адаптации больной в дальнейшем может жить самостоятельно.

Гражданское и жилищное законодательство РФ уделяет особое внимание проблеме защиты жилищных прав недееспособных граждан. При выборе способа защиты необходимо руководствоваться спецификой защищаемого права.

¹ Пьяных Е.С. Органы опеки и попечительства как учредители договора доверительного управления имуществом, возникающего по основаниям, предусмотренным законом // Юрист. 2005. № 4. С. 14.

² Дмитриева Т.Б. Альянс права и милосердия: О проблеме защиты прав человека в психиатрии. М., 2001. С. 7.

Помещение гражданина в психоневрологическое учреждение не лишает его права на жилище. Если жилое помещение принадлежит данному лицу на праве собственности, то орган опеки и попечительства обязан предпринять меры по его охране (наложить запрет на отчуждение, возможно, заключить договор коммерческого найма или передать это имущество в доверительное управление в соответствии со ст. 38 ГК РФ). Средства, вырученные от использования жилого помещения, должны сохраняться на счете недееспособного гражданина. Если же гражданин, признанный недееспособным, проживал в помещении в качестве нанимателя, то право пользования за ним сохраняется (ст. 71 ЖК РФ), в то же время администрация учреждения как законный представитель недееспособного вправе заключить от его имени договор поднайма жилого помещения (ст. 685 ГК РФ, п. 4 ст. 72 ЖК РФ).

Жилищное законодательство, к сожалению, не предусматривает защиту соответствующего права при отчуждении жилого помещения граждан, признанных в установленном порядке недееспособными или ограниченно дееспособными, подобно отчуждению жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника, допускается только с согласия органа опеки и попечительства (п. 4 ст. 292 ГК РФ).

Отсутствие в ГК РФ упоминания о правах членов семьи собственника жилья, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными, фактически и юридически означает, что их права защищены недостаточным образом. Данное обстоятельство противоречит не только принципу социальной справедливости и здравому смыслу, но и в значительной степени Конституции Российской Федерации, предусматривающей охрану государством прав и свобод человека и гражданина, в том числе и признанного недееспособным либо ограниченно дееспособным. В действующем ГК РФ необходимо закрепить соответствующие нормы для обеспечения надлежащей защиты прав таких граждан.

Сосредотачивая свое внимание на исследовании специальных способов защиты прав недееспособных и ограниченно лишь в цивилистическом смысле и чтобы подчеркнуть значимость исследования для применения способов защиты в практической деятельности ее субъектов, на наш взгляд, в науке гражданского права необходимо закрепить понятие специальных способов защиты гражданских прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан.

Такое определение может выглядеть следующим образом: специальные способы защиты гражданских прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан представляют собой составной элемент механизма защиты гражданских прав, который обеспечивает возможность достижения цели, стоящей перед институтом защиты, посредством закрепленных законодательством мер (материально-правовых, процессуально-правовых, социальных и др.), обеспеченных действиями юрисдикционных органов, результат которых направлен на пресечение и предупреждение нарушений субъективных прав, а также восстановление прав в случае их нарушения.

К специальным способам защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан можно отнести: установление опеки (попечительства); законное представительство; доверительное управление имуществом; недействительность сделок, совершенных недееспособными или ограниченно дееспособными (кроме мелких бытовых) гражданами; запрет завещания своего имущества; согласие попечителя на совершение сделок ограниченно дееспособным лицом; ответственность за вред, причиненный недееспособным гражданином; помещение граждан, страдающих психическими расстройствами, в специализированные лечебные учреждения; создание специальных общежитий для лиц, страдающих психическими расстройствами и потерявших социальные связи; улучшение жилищных условий недееспособных граждан и т.д.

Список литературы

1. Гражданское право: В 2 т.: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. 2-е изд. Т.1. М., 2003.

2. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М., 2006.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1.
4. Михеева Л.Ю. Опекa и попечительство: теория и практика. М., 2004.
5. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л., 1967.
6. Нерсесов Н.О. Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. М., 1998.
7. Бабаев А.Б. Имущество недееспособных и частично дееспособных лиц и проблема доверительного управления им // Государство и право. 2003. № 5.
8. Дозорцев В.А. Доверительное управление // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. № 2.
9. Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. Ч. 2 / Под ред. Р.Л. Нарышкиной. М., 1984.
10. Бабаев А.Б. Имущество недееспособных и частично дееспособных лиц и проблема доверительного управления им // Государство и право. 2003. № 5.
11. Пьяных Е.С. Органы опеки и попечительства как учредители договора доверительного управления имуществом, возникающего по основаниям, предусмотренным законом // Юрист. 2005. № 4.
12. Дмитриева Т.Б. Альянс права и милосердия: О проблеме защиты прав человека в психиатрии. М., 2001.

SPECIAL METHODS OF DEFENSE OF INCAPACITATED PEOPLE AND LIMITED RESPONSIBLE PEOPLE

S.N. Kotarev

*Belgorod State
University*

*e-mail:
kotarev@bsu.edu.ru*

The adoption of civil law methods of defense of incapacitated people and limited responsible people have got a specific nature because of the special legal status of such kind of people. Analyzing special ways of defection of the rights of incapacitated people and limited responsible people we can pick out the most important such as setting a guardianship, custody, representatives by law, trusting administration of property, invalid deal, made by incapacitated people and limited responsible people (except everyday deals), ban on bequeathing their property, responsibility of incapacitated people and limited responsible people, etc.

Key words: methods of defense; the defense of civil rights; incapacitated people and limited responsible people; guardianship, custody; trusting administration of property; law representatives; invalid deal.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.С. Синенко

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Sinenko@bsu.edu.ru*

Изложена авторская позиция о роли и месте личных неимущественных отношений в предмете гражданского права. При определении направлений в развитии предмета гражданского права учтены изменения в гражданском законодательстве в связи с введением в действие части 4 Гражданского кодекса РФ. Выявлены основные тенденции развития правового регулирования личных неимущественных отношений в гражданском праве РФ. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в рамках предмета исследования.

Ключевые слова: личные неимущественные правоотношения, предмет гражданского права, осуществление и защита гражданских прав.

В настоящее время в связи с происходящими в обществе и государстве изменениями, закрепляющими приоритет личности и ее прав, вопросам правового регулирования неимущественных отношений уделяется повышенное внимание. Юридическая наука, отвечая потребностям общественного развития, уделяет этим аспектам значительное место. В последнее десятилетие личные неимущественные правоотношения привлекают все большее внимание исследователей. Анализ осуществляется как на фундаментальном, так и на строго прикладном уровне. Однако гражданское законодательство в этой сфере, несмотря на некоторые подвижки, остается консервативным. Создается впечатление, что законодатель несколько отстает от того уровня разработанности теории личных неимущественных правоотношений, который достигнут к настоящему времени со стороны цивилистической науки. В этом отношении постараясь определиться с некоторыми проблемами и перспективами развития гражданского законодательства на современном этапе в сфере правового регулирования личных неимущественных отношений в Российской Федерации.

До недавнего времени абз.1 п.1 ст. 2 ГК РФ определял, что "гражданское законодательство ... регулирует ... имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников". Определяя роль личных неимущественных отношений в предмете гражданско-правового регулирования, законодатель основывался на традиционном разграничении личных неимущественных отношений на связанные и не связанные с имущественными. Причем, данное положение дает основание относить к предмету цивилистического регулирования только связанные с имущественными неимущественные отношения. К таковым традиционно относятся личные отношения в сфере авторских и патентных прав (право авторства, право на авторское имя, право на защиту репутации автора и т.п.). Анализируемую норму ГК РФ необходимо рассматривать в неразрывном единстве с п.2 ст.2 ГК РФ, которая по поводу неимущественных отношений, не связанных с имущественными, устанавливает, что "Неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ". Это положение дополняло п.1 данной статьи и поясняло воздействие гражданского законодательства на личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными. Воздействие же заключается всего лишь в защите нематериальных благ, но не в регулировании личных неимущественных отношений по поводу этих благ. Несмотря на вполне справедливую критику¹ исключения

¹ Красавчикова Л.О. Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ // Цивилистические записки. Межвузовский сборник науч-

из предмета гражданского права личных неимущественных отношений, анализируемые положения ГК РФ взаимодополняли друг друга и были логически выдержаны.

ФЗ РФ от 18.12.2006 "О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации"¹ внес изменения в абз.1 п.2 ст.2 ГК РФ. В настоящее время оно звучит следующим образом: "гражданское законодательство ... регулирует ... имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников". Из предыдущего текста было исключено всего три слова, однако результат, по сути, революционный для российского гражданского права. Законодатель отказался от использования подразделения неимущественных отношений на связанные с имущественными и не связанные с ними, что представляется вполне обоснованным. Начало подобной классификации было положено в середине 50-х гг. XX-го столетия в ходе дискуссии о предмете гражданского права. К этому времени относится появление самого термина "личные неимущественные отношения", при этом отмечалось, что "предметом гражданско-правового регулирования могут быть только личные неимущественные отношения, связанные с имущественными, т. е. находящиеся с ними в едином комплексе (авторские отношения, изобретательские отношения и т. п.)"². Как видно, изначально классификация неимущественных отношений на связанные и не связанные с имущественными имело своей целью выделение таких, которые должны были быть включены в предмет гражданско-правового регулирования.

В дальнейшем некоторые ученые прилагали усилия научно обосновать природу связи неимущественных отношений с имущественными. Так, Н.С. Малеин делал вывод, что "их связь с имущественными выражается главным образом в том, что произведение интеллектуального творчества должно быть объективировано, то есть иметь конкретно выраженную материальную форму в виде рукописи, книги, картины ... позволяющей воспроизводить, воспринимать, использовать созданное произведение".³ Таким образом, автор видел связь в том, что результаты творческой деятельности можно осязать в обыденном материальном мире. По этой же причине иногда право на неприкосновенность жилища относят к праву, связанному с имущественными.⁴ Высказана также точка зрения о том, что личные неимущественные права, связанные с имущественными, являются необходимой предпосылкой для возникновения имущественных прав.⁵ Однако любое личное неимущественное право в случае его нарушения может служить основанием или предпосылкой для возникновения имущественных прав. Так, в случае нарушения права на деловую репутацию у субъекта могут возникнуть убытки в предпринимательской деятельности, которые он может взыскать с нарушителя его права в судебном порядке. Кроме того, компенсация морального вреда, предусмотренная ст. 151 ГК РФ общим способом защиты всех личных неимущественных прав, также порождает имущественные права и обязанности в охранительном правоотношении. По мнению К.Б. Ярошенко, различия между двумя видами неимущественных отношений носят условный характер, поскольку и личные отношения, не

ных трудов. – М.: Статут, 2001. – С. 52-56; Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: Мз Пресс, 2000. – С.10-15.

¹ Федеральный закон от 18.12.2006 №231-ФЗ "О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №52 (1 ч.). – Ст. 5497.

² Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву // Из истории цивилистической мысли. – М.: Статут, 2003. – С.244.

³ Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юридическая литература, 1981. – С.188.

⁴ Ромовская З.В. Личные неимущественные права граждан СССР (понятие, виды, классификация, содержание, гражданско-правовая защита): Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1968. – С.7.

⁵ Малеина М.Н. О предмете гражданского права // Государство и право. – 2001. – №1. – С.26.

связанные с имущественными, при определенных условиях порождают имущественные отношения. Различия между ними объясняются тем, что связанные с имущественными отношения могут породить имущественные только в нормальной стадии его развития.¹ В этой связи полагаем, что если в советский период такой подход можно признать справедливым, то в настоящее время многие "чистые" личные неимущественные права также могут порождать имущественные отношения в нормальном, ненарушенном состоянии. Так, право на имя, на собственное изображение могут использоваться для извлечения материальной выгоды, например, при их использовании в рекламных целях. Даже деловая репутация может использоваться как благо, обладающее определенной условной имущественной ценностью. Так, согласно ст.1042 ГК РФ деловая репутация может быть вкладом в простое товарищество, которая согласно п.2 этой же статьи оценивается наравне с вкладами иных участников простого товарищества.

Представляется, что приведенный анализ некоторых точек зрения о сущностных признаках деления неимущественных прав на связанные с имущественными и не связанными с ними, показывает отсутствие реальных научно обоснованных критериев такой классификации. Неудачные попытки обусловлены, по нашему мнению, тем, что изначально такая классификация проводилась весьма условно и имела одну цель – обозначить одним словосочетанием группу неимущественных правоотношений в сфере авторского и патентного права. С его помощью формулировался предмет гражданско-правового регулирования, как в науке, так и в законодательстве. Подтверждением этому служат итоги второй кодификации гражданского законодательства в 50-60-е годы XX столетия. В этом плане показательны также и то, что более нигде (как только при определении круга отношений, регулируемых гражданским законодательством) в тексте закона не используются данные формулировки.

Когда же начало раскрываться позитивное содержание некоторых личных неимущественных прав, которые традиционно рассматриваются как "не связанные с имущественными", и появились основания расширить предмет гражданского права за счет таких отношений, вышеприведенная классификация утрачивает свое практическое значение. Видимо, поэтому российский законодатель и отказался от ее использования. Тот факт, что многие личные неимущественные права обладают, в том числе, и позитивным содержанием к настоящему времени можно считать общепризнанным и редко кем оспаривается.² "В теоретической литературе в настоящее время господствует мнение о том, что личные неимущественные отношения не только защищаются, но и регулируются гражданским правом".³ Регулирование в этом случае понимается как установление определенных правил поведения по поводу нематериальных благ, а не только предоставление возможностей по предъявлению исков о пресечении действий, нарушающих неимущественные права и интересы.

Российское гражданское законодательство впервые в своей истории дало относительно развернутый перечень нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ "Нематериальные блага"). Однако сам Гражданский кодекс РФ обнаруживает разный подход к такому явлению как "нематериальные блага". С одной стороны, ст. 150 ГК РФ находится в главе 8 "Нематериальные блага и их защита", которая в свою очередь включена в подраздел 3 ГК РФ "Объекты гражданских прав". Следовательно, системное толкование обнаруживает, что Гражданский кодекс РФ рассматривает нематериальные блага как

¹ Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. – М.: Юридическая литература, 1990. – С.10.

² Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: Мз Пресс, 2000; Малеина М.Н. Содержание и осуществление личных неимущественных прав граждан: проблемы теории и законодательства // Государство и право. – 2000. – №2. – С. 16-21; Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. – М.: ООО "Издательство "Элит", 2006. – С.26-32 и др.

³ Гражданское право: В 4 т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Е.А Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.44.

объекты гражданских прав, что, в том числе, подтверждается положениями ст.128 ГК РФ, где нематериальные блага напрямую рассматриваются в качестве объектов гражданских прав.

С другой стороны, состав нематериальных благ, предусмотренных ст.150 ГК РФ неоднороден. Так, перечень включает такие элементы, как: "жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, *иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага*". Как можно заметить, по смыслу данной статьи не проводится различий между собственно нематериальными благами и неимущественными правами, так как в перечень включены и одни, и другие. Данное положение уже дает основание рассматривать сами личные неимущественные права в качестве нематериальных благ, что, по сути, исключает возможность отнесения некоторых нематериальных благ к объектам гражданских прав.

Отнесение личных неимущественных прав к нематериальным благам прослеживается и в иных нормах. Так, п.2 ст.2 ГК РФ отмечает, что "*неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага* защищаются ...". Кроме того, абз.3 ст. 1112 ГК РФ содержит норму, в соответствии с которой "*не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага*". Конструкция данных и иных статей предполагает то, что неимущественные права – это разновидность нематериальных благ, что в целом приводит к смешению, по нашему мнению, нетождественных правовых явлений. Д.В. Сараев, критикуя подобное явление, отмечает, что законодатель в ГК РФ приравнял неимущественные блага, т.е. отношение физического (юридического) лица и конкретного материального или нематериального объекта окружающего мира, с субъективным правом лица на такое нематериальное благо. Более того, исходя из содержания ст. 150, 151 ГК РФ неимущественное право само по себе рассматривается как некое нематериальное благо.¹

Личное неимущественное право как правовая категория является разновидностью субъективных прав личности. Обладание личным неимущественным правом предполагает защиту со стороны государства интереса личности в обладании и пользовании нематериальным благом, его неприкосновенности и охраны. Поэтому, на наш взгляд, ценность для личности представляет само нематериальное благо, а личное неимущественное право как обеспеченная государством возможность удовлетворения соответствующего неимущественного интереса всего лишь средство для обеспечения неприкосновенности неимущественных ценностей. Введение категории "личное неимущественное право" обусловлено тем, что "право имеет дело не непосредственно с благами, а с общественными отношениями, в качестве объекта которых эти блага выступают".² "Право вообще (в том числе и гражданское) не может оказывать непосредственного воздействия на какие-либо блага. Установления закона, содержащие дозволения или запреты, регулируют отношения людей, возникающих по поводу определенных благ, наделяя одних необходимыми правами, а других корреспондирующими им обязанностями".³ Подытоживая сказанное, представляется необходимым акцентировать внимание на то, что право непосредственно не может воздействовать на какие-либо объективно существующие блага, будь то имущественные либо неимущественные. Такое воздействие оказывается опосредованно, через упорядочивание поведения субъектов по поводу данных благ, рассматриваемых как определенные ценности. Эти блага собственно и должны рассматриваться как объекты соответствующих прав и обязанностей.

¹ Сараев Д.В. О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. – 2002. – №7.

² Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву // Из истории цивилистической мысли. – М.: Статут, 2003. – С.243.

³ Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве РФ. Дис ... д.ю.н. – Екатеринбург, 1994. – С.15.

Справедливость сказанного попытаемся аргументировать, используя теорию механизма правового регулирования. Правовое регулирование как инструмент социального управления призвано упорядочивать общественные отношения, обеспечивая реализацию позитивных интересов субъектов. Традиционно (за некоторыми исключениями) выделяют следующие основные стадии и элементы процесса правового регулирования: 1) норма права; 2) юридический факт или фактический состав с таким решающим показателем, как организационно-исполнительный правоприменительный акт; 3) правоотношение; 4) акты реализации прав и обязанностей; 5) охранительный правоприменительный акт (факультативный элемент).¹ На стадии правоотношения выявляется, "какая из сторон имеет интерес и соответствующее субъективное право, призванное его удовлетворять, а какая – обязана либо не препятствовать этому удовлетворению (запрет), либо осуществить известные активные действия в интересах именно управомоченного (обязанность). В любом случае речь идет о правоотношении, которое возникает на основе норм права и при наличии юридических фактов и где абстрактная программа трансформируется в конкретное правило поведения для соответствующих субъектов. Оно конкретизируется в той степени, в какой индивидуализируются интересы сторон, а точнее, основной интерес управомоченного лица, выступающий критерием распределения прав и обязанностей между противостоящими в правоотношении лицами".² При этом удовлетворение интереса, признанного правом, как раз и осуществляется за счет соответствующих благ. Это и поясняет тезис о том, что право не воздействует непосредственно на блага, а всего лишь оказывает регулирующее воздействие на поведение субъектов по поводу соответствующих благ. Именно в таком ракурсе право может оказывать воздействие на объекты (в нашем случае – нематериальные блага). В свою очередь воздействие на поведение осуществляется путем установления прав и обязанностей.

Кроме того, видно, что охранительный (защитный) механизм рассматривается в качестве элемента, который может быть реализован в рамках ранее возникшего правоотношения, содержанием которого являются права и обязанности сторон по поводу какого-либо объекта (как материального, так и нематериального).

Таким образом, определяя соотношение между рассматриваемыми категориями, можно утверждать, что нематериальные блага это объекты личных неимущественных прав. Однако сами личные неимущественные права не должны рассматриваться как объекты гражданских прав и, следовательно, не должны признаваться нематериальными благами. Как следствие этого, защита нематериального блага с точки зрения права – это, в первую очередь, защита того субъективного права, которое закрепляется для обеспечения соответствующего неимущественного интереса. В чем же состоит неимущественный интерес личности в случаях, когда субъект лишен фактической возможности (вследствие природы нематериального блага) осуществлять какие-либо положительные действия объектом которых является само нематериальное благо? Этот интерес состоит в обеспечении неприкосновенности соответствующего блага. Может ли право воздействовать с целью обеспечения неприкосновенности какого-либо блага. Представляется, что может. Именно такое воздействие обнаруживается в абсолютных правоотношениях. "Абсолютным называется правоотношение, в котором управомоченному лицу противостоит неопределенное множество пассивно обязанных субъектов"³. В отличие от относительного, абсолютное правоотношение связывает всех субъектов права, среди которых только один является обладателем субъективного права, а все остальные обязаны не нарушать это право. В данном правоотношении индивидуализирована только одна сторона. В соответствии с этим абсолютность личных неимущественных прав проявляется в том, что конкретному субъективному праву противостоит обязан-

¹ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – С.682.

² Там же. – С.682.

³ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Издательство ЛГУ, 1959. – С.74.

ность всех и каждого никоим образом не нарушать это право. Именно эта гражданско-правовая конструкция позволяет осуществлять правовую охрану интереса индивида в обеспечении неприкосновенности своих нематериальных благ, а в случае нарушения абсолютного права – включить правоохранительный механизм.

Именно такое правовое воздействие осуществляется в отношении права собственности. Возникнув, право собственности существует вне зависимости от желания субъекта распорядиться своей собственностью или же нарушения его правомочий. Корреспондирующей этому праву является обязанность любого и каждого не вмешиваться в реализацию правомочий собственника. Эти права и обязанности существуют в рамках абсолютного правоотношения. То есть право оказывает регулятивное воздействие на отношения по поводу вещей, находящихся в собственности, еще до того, как собственник решил ими распорядиться или до того как соответствующее право было нарушено. Именно это и подчеркивается в п.2 ст.209 ГК РФ, когда собственнику предоставляется право по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, в том числе и фактического характера. Точно такая же правовая конструкция может и должна быть использована в отношении обеспечения неприкосновенности нематериальных благ.

Таким образом, правовое закрепление личных неимущественных прав, по нашему мнению, является элементом регулятивного воздействия на поведение субъектов, хотя бы и с отрицательным содержанием для обязанного субъекта. Уже поэтому отношения по поводу нематериальных благ, охраняемых правом, должны рассматриваться как элемент предмета гражданско-правового регулирования. При этом еще раз можно обратить внимание на то, что описанное правовое регулятивное воздействие является минимальным, но уже и его достаточно для отнесения личных неимущественных отношений к предмету гражданско-правового регулирования. В большинстве же случаев "чистое" позитивное регулятивное воздействие на неимущественные отношения гораздо шире, что подтверждает даже современное российское законодательство. Однако многие нормы, регулирующие неимущественные отношения, рассредоточены как в самом ГК РФ, так и по разным нормативным актам.

Представляется необходимой специальная кодификация этого разрозненного "арсенала" средств правового воздействия, то есть осуществляемая в рамках одного правового института. Необходима качественная переработка действующих юридических норм, устранение несогласованности, дублирования, устранение противоречий и пробелов в правовом регулировании института личных прав. Это позволит достигнуть четкости и эффективности в соответствующей сфере.

Некоторые шаги к полноценному признанию неимущественных отношений элементом предмета гражданского права уже сделаны, о чем свидетельствуют изменения абз.1 п.1 ст.2 ГК РФ, которые были отмечены в начале статьи. Но этого не вполне достаточно. Данное положение Кодекса должно рассматриваться в неразрывном единстве с п.2 данной статьи, где так и остались слова о том, что "неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага *защищаются* гражданским законодательством". При существовании рассматриваемых норм в нынешнем виде, обнаруживается некоторое противоречие. С одной стороны личные неимущественные отношения регулируются, но с другой, нематериальные блага *защищаются* гражданским законодательством. Хотя, конечно же, противопоставлять "регулирование" и "защиту" тоже не совсем верно. Гражданско-правовое регулирование в науке понимается в широком и узком смысле. В широком значении этого явления понимают "подчинение поведения людей юридической норме". В узком значении это "юридическое опосредование самой динамики ... общественных отношений".¹ То есть под этим термином понимают установление таких правовых норм, которые предназначены для упорядочения общественных отношений, установления правил поведения, но не на-

¹ Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе гражданского права // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 53.

правленные на восстановление нарушенных или оспариваемых прав. Соответственно этому, "сама защита, строго говоря, составляет элемент регулирования, представляя собой неотъемлемую и полноценную часть"¹ предмета гражданского права.

Соответственно, расширение предмета гражданского права за счет личных неимущественных отношений (любого вида) выглядит вполне логичным, где они и должны занять свое место.

Список литературы

1. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: Мз Пресс, 2000.
2. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву // Из истории цивилистической мысли. – М.: Статут, 2003.
3. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юридическая литература, 1981.
4. Малеина М.Н. О предмете гражданского права // Государство и право. – 2001. – №1. – С.26-29.
5. Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. – М.: Юридическая литература, 1990.
6. Малеина М.Н. Содержание и осуществление личных неимущественных прав граждан: проблемы теории и законодательства // Государство и право. – 2000. – №2. – С. 16-21.
7. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными правами граждан (физических лиц) в гражданском праве РФ. Дис ... д.ю.н. – Екатеринбург, 1994.
8. Красавчикова Л.О. Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М.: "Статут", 2001.
9. Сараев Д.В. О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. – 2002. – №7. – С.35-39.
10. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву // Из истории цивилистической мысли. – М.: Статут, 2003.
11. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001.
12. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
13. Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе гражданского права // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 53 - 56.
14. Гражданское право: В 4-х т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Е.А Суханов. – М.: Волтерс клувер, 2005.

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF THE PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS IN CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.S. Sinenko

*Belgorod State
University*

*e-mail:
Sinenko@bsu.edu.ru*

The article reflects the author's position about the role and the place of personal non-property relations in a subject of civil law. While defining the directions in development of a subject of civil law there were taken into accounts the changes in the civil legislation in connection with introduction of part 4 Civil code of the Russian Federation. There were revealed the basic tendencies of development of legal regulation of personal non-property relations in civil law of the Russian Federation. There were also formulated statements to improve the present legislation within the object of research.

Key words: personal non-property relations, a subject of the civil law, realization and protection of the civil rights.

¹ Гражданское право: В 4-х т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Е.А Суханов. – М.: Волтерс клувер, 2005. – С.44.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316.346.32-053.6(470.325)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА БЕЛГОРОДА

В.А. Воронов¹⁾
Н.В. Стариков²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Voronov@bsu.edu.ru*

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Starikov@bsu.edu.ru*

В статье представлены результаты социологического исследования по выявлению актуальных проблем молодежи г. Белгорода. Определена специфика сознания и поведения белгородской молодежи, выявлены проблемы, препятствующие формированию активной гражданской позиции молодежи, дана оценка эффективности реализуемой в г. Белгороде молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, общественно-политическая активность, молодежные общественные объединения, Управление молодежной политики г. Белгорода.

Взаимодействие органов муниципальной власти с молодыми гражданами и их объединений, стимулирование молодежного самоуправления, содействие развитию молодежных инициатив, применение эффективных методов работы с молодежью (исходя из ее социальных и возрастных особенностей) позволяют государству проводить действенную политику по поддержанию высокого социального статуса и эффективной социализации молодежи в Российской Федерации. Однако успешное решение этой задачи возможно лишь тогда, когда муниципальная молодежная политика строится на научной основе, опирается на достоверные знания молодежных проблем. Поэтому насущной задачей является проведение исследований по молодежной проблематике. Здесь далеко не все очевидно, нередко «взрослые» имеют не вполне адекватное представление о жизненных приоритетах молодежи, ее потребностях и интересах.

Но пока мы не будем иметь адекватной картины молодежи и молодежного сознания, наши действия по реализации различных стратегий, концепций и программ в сфере ГМП останутся недостаточно эффективными.

С целью изучения актуальных проблемы молодежи г. Белгорода было проведено социологическое исследование «Социальные проблемы молодежи в г. Белгороде»¹.

¹ Исследование было проведено Центром социальных технологий БелГУ по заказу Управления молодежной политики г. Белгорода под руководством проф. В.П. Бабинцева с 18 января по 20 февраля 2008 года. Использована методика многоступенчатой квотной выборки.

Исследование показало, что современные молодые люди высоко адаптивны. Лишь около 12% среди них оценивают свою жизненную ситуацию в негативных суждениях. Большинство в той или иной мере ею удовлетворены. Это указывает на положительную социальную динамику в стране, области и в городе.

Если современный молодой человек не в полной мере удовлетворен своей жизнью, то, главным образом, вследствие наличия трех основных проблем: нехватка денег, отсутствие перспективы трудоустройства и отсутствие в обществе справедливости. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку ощущение справедливости является непременным условием интеграции человека в социум. Если его нет, человек становится «социальным дезертиром», замыкается на себя и отказывается участвовать в решении общественных проблем. Это мы и наблюдаем сегодня, так как только каждый десятый молодой человек в качестве своей жизненной цели определяет намерение принести пользу своей стране.

Следствием своеобразной «автономизации» молодежи является кризис легитимности почти всех социальных институтов в молодежном сознании. Он проявляется в низком уровне доверия к ним, неизбежным следствием которого является отказ следовать общепринятым социальным нормам, ибо эти нормы и предлагают общественные институты.

Для молодежи характерно по преимуществу отстраненно негативное отношение к местной власти. Помощь власти молодые люди не относят к определяющим условиям достижения своих целей. 22,4% респондентов из числа молодежи считают, что если местная власть будет добросовестно выполнять свои обязанности, их проблемы могут быть решены. Значительная часть молодых людей хотела получать материальные стимулы от муниципалитета (21,18% респондентов) и ожидает выделения социальных льгот (23,32% респондентов). 14,36% опрошенных полагают, что местная власть помочь им не может.

Результаты исследования, тем не менее, дают основание утверждать, что, несмотря на часто декларируемую установку на собственные силы, молодые люди в своем относительном большинстве все же рассматривают местную власть как, прежде всего, институт социальной помощи и поддержки. И в этом проявляется определенный молодежный паразитизм, который при отсутствии противодействия может стать и чертой взрослого сознания. Молодые люди не по преимуществу не рассматривают местную власть как партнера, но склонны главным образом предъявлять к ней претензии (если 22,4% респондентов предлагают власти добросовестно выполнять свои обязанности, то это молчаливо предполагает ее недобросовестность сегодня).

Остаются невостребованными молодежью наиболее реальные для местной власти варианты оказания помощи: моральная поддержка, оказание правовой консультации, обеспечение информацией. Скорее всего, потому, что они предполагают самоактивность, к которой большая часть молодежи, к сожалению, не готова.

Можно со значительной долей уверенности утверждать, что молодежь г. Белгорода ориентирована на решение своих проблем в духе известной фразы: «Не учите меня жить, а лучше помогите материально».

Проведен анкетный опрос, который включил в себя опрос молодежи г. Белгорода – 1000 респондентов; экспертный опрос – 90 респондентов. В выборочную совокупность молодежи включены учащиеся выпускных классов средних учебных заведений, студенты средних специальных и высших учебных заведений, работающая молодежь в возрасте до 30 лет, а также безработные. В состав экспертов вошли специалисты по работе с молодежью администрации г. Белгорода, представители администрации высших профессиональных и средних специальных учебных заведений, заместители директоров школ, депутаты городского Совета, работники областного Центра молодежных инициатив и ученые, занимающиеся проблемами молодежи в г. Белгороде. Состав экспертов отбирался по профессиональному признаку, наличию опыта работы с молодежью.

В определенной степени кризис легитимности «инициирован» властью (государственной и местной), которая недостаточно эффективно работает с молодежью. Речь в данном случае идет не о количестве мероприятий, программ и т.п., но об их качестве, которое может быть обеспечено лишь ясным представлением об установках и ориентациях молодежи, поиском наиболее действенных форм мотивации молодых людей к самоактивности, саморазвитию, адресным воздействием на целевые группы.

Существенным препятствием на пути установления доверительных отношений между муниципальной властью и молодежью является ярко выраженная ориентация молодых людей на развлечения, на получение удовольствий, нередко в ущерб общественно-полезной активности. Но это реальность, с которой невозможно не считаться. Другой молодежи у нас нет, и, следовательно, надо искать механизмы влияния, главным образом через так называемую мобильную (или уличную) работу.

Уровень общественно-политической активности молодежи г. Белгорода может быть оценен как средний. Только треть молодежи города желает принимать участие в общественно-политической жизни, но при этом проявляет интерес к преимущественно к таким формам участия, которые, по мнению экспертов, будут приносить ей личную выгоду. Безусловно, этот показатель не может считаться удовлетворительным, несмотря на то, что он довольно типичен для современной молодежи в целом. Исследование дает весомые основания предполагать, что высокий уровень общественно-политической пассивности молодежи связан с двумя обстоятельствами. Во-первых, с отмеченной выше изначальной ориентацией большей части молодых людей на удовольствия и развлечения. Но, как известно, общественно-политическая жизнь не удовлетворяет стремления к удовольствиям, но, напротив, требует значительных затрат сил. Во-вторых, в городе, как и в стране в целом, отсутствует система целенаправленного формирования и развития социально-политической активности молодежи, начиная с самого раннего возраста.

Несомненно, молодежь не лишена интереса к общественным проблемам. Среди глобальных проблем ее интересуют, прежде всего, вопросы экологии и положение России в мире. Но эти проблемы воспринимаются как важные в лучшем случае третью молодых людей.

К числу наиболее значимых для них городских проблем респонденты отмечают, в первую очередь те, что непосредственно затрагивают их лично: высокая стоимость жилья; пробки на дорогах; низкие заработки. Проблемы местного сообщества в целом для молодых людей гораздо менее интересны.

Настоятельно необходимым является формирование механизма включения молодых людей в общественно-политическую жизнь. Материальные стимулы, какими бы привлекательными они, на первый взгляд, не казались, вряд ли могут решить эту задачу. Опыт показывает, что в случае снижения потока материальных ресурсов, активность молодежи резко падает. Следовательно, необходима иная мотивация, которая, на наш взгляд, предполагает выявление потенциально активных молодых людей, их селекцию и включение в работу структур, привлекающих молодежь.

Молодежные объединения, существующие в Белгороде, не обладают достаточной силой, чтобы отстаивать интересы молодежи на уровне города. Осведомленность молодежи о деятельности этих организаций весьма низкая. Готовность участвовать в таких организациях и движениях также не высока.

Половина молодежи в возрасте от 18 до 24 лет знает о молодежных общественных организациях. 60% респондентов в других возрастных категориях молодежи вообще не слышали о молодежных общественных организациях Белгорода.

Распределение ответов позволяет утверждать, что общественная деятельность не относится к числу интересов большинства молодежи г. Белгорода. По-видимому, общественные организации не рассматриваются как помощники в продвижении к главным жизненным ориентирам молодежи – семейному благополучию, деньгам и карьере.

Как респонденты, так и эксперты отмечают, что инициатором в создании молодежных объединений выступают властные органы, а не сама молодежь. Сами молодые люди не видят для себя выгоды от участия в молодежных организациях, и поэтому доля членов молодежных общественных организаций среди респондентов не велика.

Заметен крен организационного строительства в молодежной среде в сферу политики, что не вполне соответствует как интересам самой молодежи, так перспективам развития гражданского общества в России. Молодежь, отказываясь от участия в политизированных объединениях, нуждается в объединениях по интересам, действующих в различных сферах. Прежде всего, в сфере досуга. Но главное – способных защищать интересы конкретной группы молодежи.

Для строительства подобных объединений необходимы специалисты в сфере менеджмента организаций в молодежной среде, которых сегодня никто не готовит, но которых целесообразно обучать в вузах на основе муниципального заказа.

Неформальные общественные организации на современном этапе развиваются стремительно, заполняя потребность молодежи в общении и проявлении своих способностей. Молодежь всегда была инициатором создания множества неформальных объединений.

Объединение рэперов, действующее в городе более 15 лет, до настоящего времени пользуется поддержкой значительной части молодежи (7,74% молодежи). К мажорам относит себя 6,31% опрошенных. Новое движение эмо близко 5,4% молодых людей. Предполагаем, что в будущем представителей этого развивающегося направления будет больше. Членов эмо, согласно опросу, уже больше чем панков, металлистов – известных группировок с давней историей в городе. На наш взгляд, рост эмо должен вызывать тревогу у общественности и местных властей. Потому что эмо как никакое другое объединение направлено на разрушение психики молодого человека и препятствует социализации личности. Идеи агрессивной группировки скинхедов близки 2,55% молодых людей.

Отметим, что доля членов неформальных объединений молодежи антисоциального направления (эмо, готы, скинхеды, гопники) составляет почти 14% молодежи. При том, что большинство из них образовались в последнее десятилетие. Таким образом, прослеживается негативная тенденция: молодежь все охотнее вступает в асоциальные и антисоциальные объединения, нормой для которых является неприятие культурных традиций и ценностей, сложившихся в обществе.

Примечательно, что почти 62 % молодежи не выражает интереса к неформальным молодежным объединениям. Это объясняется тем, что на современном этапе развития общество отходит от традиционных форм представительства интересов, популяризируются создание новых – сетевых форм объединений, не требующих регламентированных установок. Данная форма позволяет молодежи быстро и легко удовлетворить потребность в общении. Потребность в общении современная молодежь удовлетворяет посредством виртуальных общественных объединений и сетевых сообществ («Одноклассники», «В контакте», «ЖЖ», чаты и т.п.).

Как правило, абсолютное большинство молодых людей не знакомо с конкретными мерами Управления молодежной политики г. Белгорода, что, формально, позволяет говорить о неэффективной деятельности Управления молодежной политики г. Белгорода. Но, во-первых, эксперты дают прямо противоположную оценку его эффективности. Во-вторых, вопрос, на наш взгляд, лишь частично связан с оценкой эффективности работы органов по молодежной политике. По-своему, Управление достаточно функционально, но эта функциональность не совпадает (не резонирует) с интенциями молодежи, которые преимущественно лежат в сфере развлечений и замкнуты на себя. Управление же работает на массу, в которой отдельная личность не просто растворяется, но не находит отклика своим ожиданиям. Чтобы найти подобный отклик структуры по делам молодежи должны перейти от политики удовлетворения потребностей молодых людей к политике целенаправленного формирования таких потребностей, конструирования иерархии интересов и мотивации молодежи к их дости-

жению. Однако для этого нужен иной, чем сегодня, уровень управленческой культуры специалистов и иное качество менеджмента в молодежной сфере.

Эксперты высоко оценивают вклад областных структур в реализацию молодежной политики в г. Белгороде, но эффективность может быть выше, если деятельность молодежных структур будет не автономной, а скоординированной. Такая координация может осуществляться посредством разработки стратегии развития молодежной политики в городе, включающей систему взаимосвязанных социальных проектов. Одним из путей решения данной проблемы является технология разработки и реализации целевых комплексных муниципальных программ. Такие программы, на первый взгляд, разрабатываются, но они пока являются продуктом, фактически, одной молодежной структуры. Участие иных муниципальных органов в них носит формальный характер.

Проведенное исследование дает основание для формулировки ряда общих выводов и рекомендаций в адрес органов муниципального управления, прежде всего, управления по молодежной политике.

1. На основе полученных данных можно сконструировать некий обобщенный социальный портрет молодого белгородца «образца» 2008 года. Это, прежде всего, сравнительно успешно адаптировавшийся к современной ситуации человек (или считающийся на успешную адаптацию), чувствующий себя довольно комфортно в сложной социальной ситуации. Его беспокоит ряд проблем, которые, впрочем, он склонен считать вполне разрешимыми. К числу наиболее значимых из этих проблем объект нашего исследования чаще всего относит нехватку денег, трудоустройство и – что весьма любопытно – отсутствие справедливости.

Последнее обстоятельство заставляет молодого человека критически оценивать общество, в котором он живет и большинство социальных институтов. Типичный молодой белгородец не доверяет институтам власти, в том числе и муниципальной, пожалуй, за исключением Президента России. При этом он склонен рассматривать власть как организацию, которая должна заботиться о нем и ему подобных. Если же ощущения такой заботы не сформировались, действия власти получают негативную оценку.

В сознании молодого человека выстроена довольно ясная иерархия ценностей. Основной среди них является семейное благополучие. Далее следует – деньги и карьера. Духовные ценности значат мало и отходят на второй план.

Молодой белгородец весьма прагматичен и старается рационально мыслить. Однако при всем том он все более «зацикливается» на развлечения и удовольствия, поиск которых составляет основное содержание его образа жизни.

Основной досуговой средой для молодого человека является уличная субкультура, понятие которой в современном обществе существенно расширилось и включает дискотеки, бары и другие аналогичные заведения. Это не двор, или не столько двор (подворотня), но своеобразное «тусовочное пространство». Именно здесь формируются жизненные установки, ценности, нормы и цели молодых людей, определяет их статус в среде сверстников. Главными условиями обретения высокого статуса в данной среде служат деньги и транспорт, которые повышают престиж молодого человека и позволяют развлекаться («тусоваться») с полной отдачей.

Типичный молодой человек ориентирован на получение образования, но при этом образовательный процесс рассматривается им в чисто утилитарном плане – как возможность повышения статуса, карьерного роста, но оказывается не столь важен в плане саморазвития личности. Сама по себе ценность образования остается довольно низкой.

Молодой человек не лишен интереса к общественным проблемам. Среди глобальных проблем его интересуют, прежде всего, вопросы экологии и положение России в мире. Но эти проблемы воспринимаются через призму своих личных интересов, как и проблемы города. К числу наиболее значимых городских проблем его волнуют, в первую очередь те, что непосредственно затрагивают лично: высокая стоимость жи-

ля; пробки на дорогах; низкие заработки. Проблемы местного сообщества в целом для молодых людей гораздо менее интересны.

Молодой белгородец довольно индифферентен по отношению к действующим молодежным организациям. Чаще всего он не входит ни в одну из них, несмотря на то, что признает необходимость молодежных организаций в принципе. Однако склонен при этом считать, что востребованными являются неполитические объединения по интересам, способны организовать его досуг или защитить интересы.

2. С учетом специфики молодежного сознания представляется возможным оценить ситуацию, в которой в Белгороде реализуется государственная молодежная политика. Главным субъектом ее на этом уровне выступает Управление молодежной политики администрации города. С одной стороны, деятельность Управления, регламентированная нормативными документами федерального, регионального и местного уровня, подчинена реализации определенных в них задач по приоритетным направлениям. И в формальном отношении управление немало делает для их практического осуществления. Но, с другой стороны, исследование показало: большинство молодых людей не только не включено в процесс реализации ГМП, но и не информировано об усилиях, предпринимаемых органами по работе с молодежью.

Представляется, что в основе данного противоречия лежит изначальная ущербность подхода к реализации молодежной политики на муниципальном уровне. Этот подход может быть определен как традиционалистский и социально-защитный, по своей сути. Управление, как и иные подобные структуры, фактически, ориентировано на то, чтобы удовлетворить некие потребности молодежи, ее отдельных групп и даже конкретных молодых людей. Но, во-первых, до настоящего времени отсутствует ясное представление о структуре этих потребностей (в определении их расходятся даже эксперты). Во-вторых, политика Управления поневоле вынуждена следовать в фарватере молодежи. А поскольку ее потребности все более смещаются в сторону развлечений, то ГМП принимает «развлекательный» характер с неким элементом политики в силу «требований момента» (например, организация избирательных кампаний).

Эта стратегия не дает шансов на успех, ибо постоянно приходится преодолевать сопротивление молодежи, бороться с ее пассивностью. Изменение ситуации возможно лишь в том случае, если структуру по делам молодежи переориентируют от установки на содействие в решении проблем на создание условий для самостоятельности молодых людей. А это означает:

- введение практики постоянно действующего мониторинга направленности молодежного сознания с тем, чтобы в любой момент знать, что для молодых людей является значимым, в чем они заинтересованы, что их может побудить к действию;
- мотивацию и стимулирование молодежи с использованием разнообразных технологий;
- содействие объединению (агрегации) молодых людей в организации, которые носят неполитический характер и представляют формирования по интересам. При этом должны использоваться разработки, осуществленные в рамках менеджмента организаций;
- выход специалистов по работе с молодежью «на улицу» и перенос центра тяжести в ГМП на уличную работу («стритворкерство»);
- разработку комплексных целевых программ с активным участием всех структур, прямо или косвенно «завязанных» на работу с молодежью.

Ключевой проблемой в этой связи представляется кадровая проблема, поскольку только наличие в распоряжении Управления молодежной политики профессионально компетентных кадров, способных решать задачи организационного строительства в молодежной среде, работать с молодежью «на улице», разрабатывать реальные проекты и программы сможет обеспечить достижение приоритетных целей ГМП.

3. С учетом всего сказанного представляется возможным выстроить систему приоритетных целей ГМП в городском округе «Город Белгород»:

конечная цель – создание благоприятных условий для саморазвития молодежи, повышения уровня ее социально одобряемой активности;

цели второго уровня:

- формирование системы профессионального развития кадров;
- инициирование и строительство молодежных неполитических объединений по интересам с применением технологий организационного менеджмента;
- систематическая диагностика молодежного сознания (по модели мониторинга);
- обоснование и применение эффективных методик мотивации молодежи к участию в делах муниципального образования;
- обеспечение координации деятельности структур, работающих с детьми и молодежью.

Ближайшие цели (оперативные действия):

- анализ результатов настоящего исследования и их обсуждение с участием специалистов;
- корректировка молодежной программы с учетом полученных выводов, превращение ее в комплексную, межведомственную;
- проведение практической (возможно, научно-практической) конференции или семинара, посвященного проблемам молодежных организаций и объединений;
- предоставление грантов для молодежных организаций и их программ (по примеру грантов, выделяемых для объединений, реализующих социальные проекты);
- разработка и реализация плана развития информационно-коммуникационного пространства молодежной политики в городе;
- разработка мер, направленных на повышение имиджа муниципальной власти и ее представителей в молодежной среде;
- формирование структуры, занимающейся мобильной социальной работой с молодежью на улицах.

Эти меры не должны отменять действий, которые постоянно осуществляет Управление по молодежной политике, но направлены на их дополнение и коррекцию.

Список литературы

1. Молодежь Белгородской области на рубеже веков. Положение молодежи Белгородской области в 1998-2000 гг. (Доклад управления по делам молодежи главе администрации Белгородской области) – Белгород, 2001.
2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. – Белгород, 2007.

SOCIAL PROBLEMS OF BELGOROD YOUTH

V.A. Voronov¹⁾
N.V. Starikov²⁾

¹⁾Belgorod State
University

e-mail:
Voronov@bsu.edu.ru

²⁾Belgorod State
University

e-mail:
Starikov@bsu.edu.ru

The results of sociological research on revealing actual problems of Belgorod youth are presented in the article. Specificity of consciousness and behavior of Belgorod youth is revealed, the problems which interfering formation of an active civic stand of youth are certain, the estimation of efficiency sold in a Belgorod youth policy is given by the authors.

Key words: youth, the youth policy, social & political activity, youth public associations, Head office of Belgorod youth policy.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМНОГО ТВОРЧЕСТВА

Ю.Н. Денисова¹
Л.Я. Курочкина²

*¹Воронежский
государственный
архитектурно-
строительный университет*

e-mail: jd@kinospartak.ru

*²Воронежский
государственный
технический университет*

*e-mail:
philosophy@mail.ru*

В статье рассматривается специфика рекламного творчества, обращается внимание на возможность и необходимость обращения к знакам, символам, мифам для создания рекламного продукта, способного придать философскую значимость жизни.

Ключевые слова: творчество, реклама, знак, символ, миф, иллюзия.

Введение

Реклама, являясь и продуктом деятельности и объектом восприятия, представляет собой нерасчленимое единство процесса и результата диалогического творчества в системе социальных отношений. Наиболее распространенные представления трактуют творчество как деятельность человека, создающую новые оригинальные ценности (и здесь важен творческий результат, достижение) и как изначальную способность человека к самовыражению и самоактуализации (то есть важен процесс).

Создание рекламного произведения совмещает в себе порой противоречивые цели: создать привлекательный образ товара, чтобы обратить внимание покупателя и заставить купить его; сотворить эстетический объект, радующий глаз; произвести продукт для ума и сердца, развлекающий интеллектуалов; и, кроме того, реклама должна быть нравственной, пробуждать позитивные эмоции и соответствовать действующему законодательству. Если из рекламы убрать творчество, то останутся одни газетные объявления. Может быть, поэтому в последнее время реклама стремится позиционировать себя не только как часть бизнеса, но если не как новый вид искусства, то, как нечто несущее культурную и художественную нагрузку. Рекламные ролики, плакаты, фотографии, особенно представляемые на различных фестивалях, стремятся по мере возможности отвечать канонам высокого искусства. Произвести такой продукт (и материальный и духовный одновременно) – это «значит осуществить акт творчества»¹. Постоянно меняющаяся социальная ситуация требует от творческой личности производителя рекламы готовности не только адекватно реагировать на события и происходящие изменения в обществе, но и активно в них участвовать, уметь реализовать свой потенциал, продемонстрировать, инновационность, креативное отношение к миру как к «миру проблем-загадок»².

К настоящему времени человечество не только достигло невиданных высот в развитии науки и техники, приведших к качественно новому уровню жизненных стандартов, благосостояния, потребления, но и оказалось перед лицом разрушения устойчивого и понятного ранее мира. Информационный век принес людям знания и информацию о разных феноменах и процессах социальной и природной реальности,

¹ Давыдов В.В. Учебная деятельность: состояние и проблемы исследований / В.В. Давыдов // Вопросы психологии. - 1991. - №6. - С. 10

² Батищев Г.С. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности / Г.С. Батищев // Деятельность: теории, методология, проблемы. - М.: Политиздат, 1990. - С. 29.

поддающихся рациональному анализу. Но в стороне остались иррациональные, глубинные духовные явления, связывающие человека с трансцендентным.

В основе рекламной деятельности лежат практически безграничные ресурсы человека – его способности, фантазия, воображение, которые позволяют создавать новое и оценивать результаты этой деятельности. И. Фихте, впервые соединивший воображение с реальной деятельностью, писал – «Сила воображения творит реальность»¹. А это значит, что рекламное творчество обуславливает переход на новый уровень взаимодействия с реальностью. Поэтому возможны различные подходы и интерпретации, имевшие место в истории человеческой мысли – это и использование знаков, символов, мифов и такого духовного феномена, как иллюзия.

Выделение особых социальных ситуаций, неразрывно связанных со становлением речи и мышления, приводит к использованию знака. Г.П. Щедровицкий называл мышление деятельностью со знаками, «понимаемыми и трактуемыми как замещение или даже представление... реального действительного мира»². Природа знака заключается в его двусторонней структуре – единстве означающего (непосредственно воспринимаемого) и означаемого (подразумеваемого). Означающее – представляет собой материальный носитель, а означаемое относится к ментальной концепции, в рамках которой знак понимается одинаково всеми представителями данной культуры. Ф. де Соссюр утверждал, что эти два аспекта неотделимы друг от друга, как лицевая и оборотная сторона листа бумаги. Там, где нет означающего, нет и знака, а есть лишь шум; там, где нет означаемого, нет и понятия, а есть лишь аморфная расплывчатость мысли³. Разнообразие отношений между означающим и означаемым конструирует возможные классификации знаков. Так, Ч. Пирс выделил три типа знаков: *icon*, *index*, *symbol*⁴. Иконический знак основан на простом сходстве означающего и означаемого (фотографии, рисунки), действие индекса основано на реально существующей, фактической смежности означающего и означаемого (причинно-следственной связи), символ связан с культурными традициями, и действие его основано на установленной по соглашению смежности означающего и означаемого. Использование системы всех трех типов знаков в рекламной деятельности делает возможности коммуникативной функции рекламы безграничными не только потому, что позволяет передавать сообщения о предметах и абстрактных понятиях, но и закрепляет духовные ценности. Р. Барт, разрабатывая структуру рекламного изображения, выделял в качестве его составляющих наряду с текстом, денотативную составляющую, выступающую в качестве означающего (буквальное изображение и обозначаемый предмет) и коннотативную составляющую (несущую сопутствующие смыслы и значения, возникающие в сознании потребителя), выступающую означаемым⁵. Особенно ярко это проявляется в политической рекламе, апеллирующей к таким базовым ценностям, как стабильность, сила государства, чувство национальной гордости, материальный достаток, ответственность за будущее страны. В качестве означаемого выступает сила, опыт, честность политиков, положительные результаты их деятельности, а в качестве означающего – народ, изображение военной техники, переговоры политиков на пресс-конференциях. При этом основная роль в рекламном обращении принадлежит именно коннотативной составляющей, обращенной на подсознание, что создает возможности для манипулирования им, внедрения иной системы ценностей.

Символ способен фиксировать в материальных вещах и событиях некоторое идеальное содержание, отличное от непосредственного чувственно-телесного бытия. В

¹ Фихте И.Г. Соч.: В 2 т. / И.Г. Фихте.- СПб.: Мифрил, 1993. - Т.1. - С.228.

² Щедровицкий Г.П. Интеллект и коммуникация / Г.П. Щедровицкий // Вопросы философии. - 2004. - №3. - С.173.

³ Пассмор Д. Современные философы / Д. Пассмор.- М.: Идея-Пресс, 2002.- С.31.

⁴ Пирс Ч. Логические основания теории знаков / Ч. Пирс.- СПб.: Алетей, 2000

⁵ Барт Р. Миф как семиологическая система / Ролан Барт // Мифологии. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. - С.237.

символе обобщается некая идея, мысль, он указывает на иносказание. Символическое воплощение рекламной идеи требует, чтобы она была расшифрована аудиторией. Как компонент рекламного текста символ способен вызвать интерес, побудить к размышлениям относительно целесообразности позитивно откликнуться на смысл рекламного обращения. В символе, подчеркивал Г. Гегель, «... мы должны сразу же различить две стороны: во-первых, смысл и, во-вторых, выражение этого смысла»¹. А это значит, что в рекламном творчестве необходимо опираться и на вербальные, и на изобразительные способы символизации. В первом случае, это – слоган, во втором – фирменный знак-символ. И если знак имеет единственное значение, символ, выражающий идеальное содержание образов, вещей и понятий, – неисчерпаем. Символ стремится возвысить единичное до общезначимого. Символ выступает в качестве своеобразного буфера между сознательным и бессознательным в человеке. Ю. Лотман называл символы конденсаторами тысячелетнего опыта человечества; так, «...замкнутые фигуры – круг, треугольник, квадрат – символизируют высшие надчеловеческие силы; крест, перекресток уже в санскрите обозначал выбор, судьбу, человеческие начала: разум и совесть»². Символ способен сдерживать разрушительные порывы, не подвластные разуму, уравнивать душевные переживания, защищать общество от дестабилизации духовной жизни, от идеологического хаоса. Символы содействуют сплочению нации, вызывая у людей похожие образы и установки, соответствующие переживаниям, присущие всем членам общества, ориентируют на выработку адекватных ответов на вызовы со стороны других социумов или природы. Высказывание, претендующее на роль слогана, должно обладать образностью, глубиной, многозначностью. Это особенно актуально для России, оказавшейся после 1991 года без национальной идеи. Некоторые деятели культуры говорят, что «наша ошибка в том, что мы пытаемся обратиться к сознанию. Объяснить – значит обратиться к сознанию. В истории все обращения к сознанию нашего народа закончились крахом»³. Навязчивые самовосхваления, касаются ли они страны, города или фирмы, не вызывают сейчас у людей никакого позитива. Сегодняшней русской рекламе необходимо присутствие спокойной, ненавязчивой самоиронии, помогающей обрести уверенность в своих силах и способностях, так как с точки зрения массового сознания самоирония – привилегия сильного, уверенного в себе. Именно для такой рекламы подойдет оптимистический слоган «Прорвемся!» или «Мы можем все!»⁴.

Символ является определяющим способом представления архетипа. За каждым значимым символом просматривается определенный архетип. Создатель рекламы, подыскивая ключи к психике потребителя, должен опираться на те символические соответствия и психические структуры, которыми живет человек. Наряду с сознанием и индивидуальным бессознательным в душе человека существует и коллективное бессознательное как хранилище наследственной памяти, обращение к которому вызывает у людей одни и те же неосознаваемые ассоциации. Бессознательное имеет не индивидуальную, а всеобщую природу. Его особенностью является целостность, в отличие от сознания, которое изолирует и расчленяет свои объекты. Коллективное бессознательное К. Юнг называл «безбрежной исторической сокровищницей» и подчеркивал, что «бессознательное содержит все аспекты человеческой природы – свет и тьму, красоту и безобразие, добро и зло, мудрость и глупость»⁵, и таким образом, представляет собой первооснову, определяющую отношение людей к миру, политическим концепциям, новым товарам и т.д. Реклама не может обойти архетипные представления,

¹ Гегель Г. Эстетика: В 4 т. / Г. Гегель. - М.: Искусство, 1969. - Т.2. - С. 14

² Лотман Ю. Клио на распутье / Ю. Лотман // Наше наследие. - 1988. - № 5. - С.4

³ Шевченко Н.Имидж ничто (интервью с Н. Фоменко) / Н. Шевченко // Креатив. - 2001. - №1. - С. 54

⁴ Цуканов А. Миссия русской рекламы / А. Цуканов // Наружная реклама России. - 1999. - №1. - С.48-51

⁵ Юнг К. Символическая жизнь / К. Юнг. - М.: «Когито-Центр», 2003. - С.294

идущие от коллективного бессознательного, на которое необходимо опираться, чтобы увеличить эффективность рекламного сообщения. Как первичные структурные элементы, формирующие бессознательное, архетипы могут быть представлены либо в виде определенных фигур, передаваемых от поколения к поколению, либо в виде определенных ситуаций. Так, например, типичными архетипическими фигурами являются «старый мудрец», «святой отшельник», «божественное дитя», а архетипическими ситуациями – «приключение героя», «ночное морское путешествие». Рассчитывая получить эффект от рекламы, ее создателям необходимо учитывать значение основных архетипов при введении их в образное и текстовое обращение. М. Ковриженко приводит следующие данные по использованию архетипических символов в рекламе. Сорок пять процентов занимает изображение солнца либо в форме иконического знака, либо в виде солнечного света, падающего на рекламируемые предметы, либо в виде подсолнухов или стилизованных детских рисунков, либо просто в виде избытка желтого цвета. Изображение неба как символа совершенства рекламируемых товаров, которые наделяются свойствами небожителей, божественных существ, занимает второе место (девятнадцать процентов). Третье место по частоте использования в рекламе занимает изображение воды – символа чистоты и источника жизни. И на четвертом месте – звезды и другие космические объекты, связанные в коллективном бессознательном с представлением о превосходстве, исключительности и яркости¹. Поэтому в создателях рекламы «хотелось бы видеть ... добрых волшебников, которые манипулируют нашими архетипами бережно и осторожно»². Чтобы положительные эмоции, лежащие в основе архетипа «Мистическое участие» давали чувство сопричастности и гармонии с окружающим миром, а все гнетущее, неприятное, темное («архетип Тени») было перенесено на карие, перхоть и микробы.

Наиболее зримое воплощение архетипы находят в сказках, народных преданиях, легендах, мифах. Г.П. Щедровицкий подчеркивал, что если мышление понимать как работу с замещающими и символизирующими знаками, то оно «...неразрывно связано с мифом и мифическим освоением действительности»³. По мнению философов, «человек изначально тянется не к познанию, не к истине, а к грезе, к мифу, который помогает ему переносить мучительные коллизии жизни»⁴. Другими словами, «миф придает вещам ясность, находит им обоснование в вечной и неизменной природе ... Миф уничтожает сложность человеческих поступков, придает им простоту сущностей и элиминирует всякие попытки проникнуть по ту сторону непосредственно наблюдаемого, он творит мир без противоречий, потому, что в нем нет глубины, и располагает его перед взором во всей его очевидности, безмятежной ясности»⁵. Миф, акцентируя внимание на будущем идеальном обществе, рассматривает реальную жизнь как набор временных ошибок, которые могут быть исправлены. М. Элиаде, например, считает миф единственно верной моделью действительности. «...Благодаря такому подходу десятки миллионов людей могли в течение столетий терпеть могучее давление истории, не впадая в отчаяние, не кончая самоубийством и не приходя в то состояние духовной иссушенности, которое неразрывно связано с релятивистским или нигилистическим видением истории»⁶. Мифологическое мировоззрение исключает противоречие. Это означает, во-первых, принятие объекта как целостности; в той характеристике, которая ему предлагается заранее, вне каких-либо сомнений, во вторых,

¹ Ковриженко М. Креатив в рекламе / М. Ковриженко. - СПб.: Питер, 2004. - С.107-113.

² Ухова Е. Реклама и архетипы / Е. Ухова // Психология и психоанализ рекламы. Личностно-ориентированный подход/ ред.-сост. Д.Я. Райгородский. - Самара: Издательский Дом БАХРАМ-М, 2001. - С.483.

³ Щедровицкий Г.П. Указ. соч. - С.173.

⁴ Гуревич П.С. Социальные мифы / П.С. Гуревич // Реклама: внушение и манипуляция. - Самара: Издательский Дом «БАХРАМ-М», 2001.- С. 369.

⁵ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. - М.: Прогресс, 1989. - С.79.

⁶ Элиаде М. Космос и история / М. Элиаде. - М: Прогресс, 1987.- С. 135.

Вопрос «так ли это?» для воспринимающего субъекта не стоит. В-третьих, миф спасает и ограждает, помогает не потерять веру в разумность мира. Современный человек из потока информации, обрушивающегося на него, берет только то, что соответствует его картине мира и отвергает то, что пытается ее разрушить, и таким образом сохраняет психологический комфорт. Делая человека нечувствительным к противоречиям, миф способствует сохранению человеческой личности. В-четвертых, мифологические принципы, заложенные в рекламной деятельности, имеют серьезную социальную значимость: нечувствительность к противоречиям особенно актуальна в том случае, когда структуры общества предъявляют к человеку взаимоисключающие требования. Выходя за рамки рационализма, требующего четкой реакции на наличие противоречий в жизни, деятельности и мышлении, человек с помощью мифов адаптируется к новым условиям.

В эпоху новых технологий товары и услуги выбрасываются на рынок быстрее, чем потенциальные потребители успевают осознать их возможности, на помощь приходит реклама. Реклама не только информирует, что есть такая вещь, выделяя ее из множества других, в общем-то, похожих и конкурентоспособных, но и призывает купить ее, используя вербальные и визуальные методы, привлекающие аудиторию, а, главное, объясняет, почему это стоит сделать. Именно на третьем этапе эффективность рекламы базируется на активном использовании инструментария мифологической коммуникации, потому что воздействие только в рамках жестких принятых правил не принесет нужных результатов. А.В. Костина подчеркивает, что реклама не только имеет аналогичную мифу структуру, но и функционирует по законам мифа. Первое – как и миф, она апеллирует исключительно к коллективному бессознательному, которое не объясняется рационально и определяется не чувственным восприятием, а целым комплексом культурных истин и форм, далеких от научных или объективных истин. Второе – рекламный текст не только не предполагает, но и не допускает рационализации восприятия и не может быть оценен с точки зрения истинности. Третье – реклама не дублирует ситуацию, а самостоятельно моделирует ее¹. Безусловно, в обществе потребления продвижение товара на рынок всегда в той или иной степени мифология. Однако западное общество развивается в том направлении, что даже в области рекламы, в области обработки общественного сознания, вводятся постоянно ужесточающиеся стандарты для того, чтобы те, кто «обманываться рад», не слишком пострадали, имели бы известные гарантии того, что им дают. Поэтому на Западе лозунг рекламистов «Обольсти, но не обманывай». Убегая от правды жизни, люди предаются иллюзиям, ищут новые пути для самореализации и счастья. По мере того, как растет символическая активность человека, физическая реальность отдаляется. Человек погружается в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, «не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез»².

Иллюзия – это переживание возможностей, временное обеспечение душевного комфорта, иногда мощный стимул к продуктивной деятельности, активация воображения и средоточие надежд на усовершенствование окружающей действительности. З. Фрейд отмечал, что «...иллюзии, реализации самых древних, самых сильных, самых

¹ Костина А.В. Эстетика рекламы / Костина А.В.- М.: ООО «Вершина», 2003.- С.176

² Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. Что такое человек? / Э. Кассирер // Проблемы человека в западной философии. – М., 1988. – С.29 // ([http:// filosof.historic.ru](http://filosof.historic.ru))

настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний»¹. Реклама способствует в определенной мере формированию иллюзий, но можно ли упрекать ее за это? Ведь известна мысль Ф. Бэкона о том, что «... человеческий ум... слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений»². В рекламе заложена предрасположенность человеческого сознания к неточному восприятию объектов окружающего мира, которая может усиливаться из-за эмоциональной напряженности, неудовлетворенных желаний, стрессов и пр. Люди хотят иллюзий, и они их получают. Но иногда это оборачивается и против них – человечество обманывалось в своих идеалах (таких примеров множество в истории), обманывалось и в повседневной жизни, когда за модной маркой скрывался некачественный товар. И в этом случае важно отметить особенности двух подходов к рынку, покупателю, товару: первый подход – долгосрочная продуманная стратегия партнерства; второй – разовая акция. Первый подход характерен для запада, второй – для нашей страны. Отсюда и результат – либо появление брэнда, который становится узнаваемым несколькими поколениями во многих странах мира, либо – подрыв доверия не только к продаваемому товару или услуге, но и к рыночной экономике вообще, и к рекламе, как средству, в частности.

Рекламное творчество, использующее миф и связанные с ним символ, иллюзорный образ в качестве необходимых инструментов, призвано создать такой рекламный продукт, который мог бы интегрировать людей в существующую систему, обосновать, распространить определенные стереотипы социального поведения, сыграть роль объединяющего людей фактора, придать философскую значимость повседневной жизни. Представляется важным отметить и следующее. Человеку, чтобы выжить и развиваться нормально, придется пересмотреть свои интересы и характер деятельности. Главным станет не рост благосостояния и комфорта, а поддержание тех стандартов потребления, которые обеспечат здоровый образ жизни. Отход от стереотипов массового общества, когда потребление воспринимается не как базовая потребность, а как творческая деятельность, направленная на самовыражение человека, расширяющая его кругозор и потенциальные возможности, деятельность, отличающая его от других людей, а не растворяющая в однородной социальной массе, в настоящее время становится тенденцией. Рекламная деятельность, на наш взгляд, может способствовать гармонизации социальных связей, формировать полифонические отношения, которые «могут быть только созидательными, но...не разрушительными, не антагонистическими, не конкурентными»³.

Проанализировав философские аспекты рекламного творчества, мы можем сформулировать следующие выводы:

1. творческий характер рекламного процесса обуславливает переход на новый уровень взаимодействия с реальностью, что делает возможным использование в рекламной деятельности таких феноменов, как символ, миф, архетип, иллюзия;
2. специфика рекламной деятельности заключается в том, что, прежде всего, это социально-творческая деятельность людей, где креативный потенциал каждой личности (и делающей рекламу и воспринимающей ее) формируют изменения нашего бытия, преобразуют внешний мир и саму природу человека;
3. диалектическое противоречие, заложенное в сущности рекламы, ее прагматический и культурно-развлекательный характер, позволяет рекламе вовлечь в своеобразную социальную игру большое количество участников – как создателей, так

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1990. - С. 118.

² Бэкон Ф.О достоинстве и приумножении наук / Бэкон Ф.// Сочинения. В 2 т.- М.: Мысль, 1971. - Т.1. - С. 322.

³ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества / Г.С. Батищев. - СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. - С.45.

и потребителей рекламы, что в свою очередь оказывает влияние на конечные результаты этого социального взаимодействия.

Список литературы

1. Давыдов В.В. Учебная деятельность: состояние и проблемы исследований / В.В. Давыдов // Вопросы психологии.- 1991.- №6.- С. 10.
2. Батищев Г.С. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности / Г.С. Батищев // Деятельность: теории, методология, проблемы.- М.: Политиздат, 1990. – С. 29.
3. Фихте И.Г. Соч.: В 2 т. / И.Г. Фихте.- СПб.: Мифрил, 1993.- Т.1.- С.228.
4. Щедровицкий Г.П. Интеллект и коммуникация / Г.П. Щедровицкий // Вопросы философии.- 2004.- №3.- С.173.
5. Пассмор Д. Современные философы / Д. Пассмор.- М.: Идея-Пресс, 2002.- С.31.
6. Пирс Ч. Логические основания теории знаков / Ч. Пирс.- СПб.: Алетейя, 2000.
7. Барт Р. Миф как семиологическая система / Ролан Барт // Мифологии.- М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.- С.237.
8. Гегель Г. Эстетика: В 4 т. / Г. Гегель.- М.: Искусство, 1969.-Т.2.- С. 14.
9. Лотман Ю. Клио на распутье / Ю. Лотман // Наше наследие.- 1988.- № 5.- С.4.
10. Шевченко Н.Имидж ничто (интервью с Н. Фоменко) / Н. Шевченко // Креатив.- 2001.- №1.- С. 54.
11. Цуканов А. Миссия русской рекламы / А. Цуканов // Наружная реклама России.- 1999.- №1.- С.48-51.
12. Юнг К. Символическая жизнь / К. Юнг.- М.: «Когито-Центр», 2003.- С.294.
13. Ковриженко М. Креатив в рекламе / М. Ковриженко.- СПб.: Питер, 2004. – С.107-113.
14. Ухова Е. Реклама и архетипы / Е. Ухова // Психология и психоанализ рекламы. Личностно-ориентированный подход/ ред.-сост. Д.Я. Райгородский.- Самара: Издательский Дом БАХРАМ-М, 2001.- С.483.
15. Щедровицкий Г.П. Указ. соч.- С.173.
16. Гуревич П.С. Социальные мифы / П.С. Гуревич // Реклама: внушение и манипуляция. – Самара: Издательский Дом «БАХРАМ-М», 2001.- С. 369.
17. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989.- С.79.
18. Элиаде М. Космос и история / М. Элиаде.- М: Прогресс, 1987.- С. 135.
19. Костина А.В. Эстетика рекламы / Костина А.В.- М.: ООО «Вершина», 2003.- С.176.
20. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. Что такое человек? / Э. Кассирер // Проблемы человека в западной философии. – М., 1988. – С.29 // ([http:// filosof.historic.ru](http://filosof.historic.ru))
21. Фрейд З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // Сумерки богов. -М.: Политиздат, 1990.- С. 118.
22. Бэкон Ф.О достоинстве и приумножении наук / Бэкон Ф.// Сочинения. В 2 томах.- М.: Мысль, 1971.- Т.1.- С. 322.
23. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества / Г.С. Батищев.- СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.- С.45.

THE PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ADVERTISING WORK

J.N. Denisova¹⁾
L.Y. Kurochkina²⁾

¹⁾*Voronezh state Architectural-Construction University*

e-mail: jd@kinospartak.ru

²⁾*Voronezh state Technical University*

e-mail: philosophy@mail.ru

In the article specificity of advertising creativity is considered. The author pays attention to an opportunity and necessity of the reference to signs, symbols, myths for creation of the advertising product, capable to give the philosophical importance of life.

Key words: creativity, advertising, a sign, a symbol, a myth, illusion

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

М.Н. Реутова

Белгородский университет потребительской кооперации

e-mail:
reggina77@mail.ru

Исследованы социально-экономический статус, положение в общественном производстве, факторы и направления профессиональной мобильности молодежи в настоящее время и 20 лет назад. На основании анализа результатов ряда социологических исследований, в том числе проведенных автором, сделан вывод о наличии ограничений в профессиональном продвижении молодежи в разные исторические периоды, обусловленные определенными факторами.

Ключевые слова: профессиональная мобильность, трудоустройство молодых специалистов, факторы мобильности, уровень жизни молодежи.

Введение

Профессиональная мобильность выступает одним из направлений социальной мобильности. Для молодежи данная разновидность мобильности является особенно значимой. Это обусловлено следующими факторами. Во-первых, в молодом возрасте происходит переход от образования к трудовой деятельности, интеграция индивида в социально-профессиональную структуру общества, обретение самостоятельного экономического статуса.

Во-вторых, до наступления 30 лет, как правило, закладываются основы будущей служебной карьеры молодого человека, и он совершает восходящую вертикальную мобильность.

В-третьих, начало молодежью своей трудовой деятельности позволяет сравнить воспроизводство социальных достижений родителей для выходцев из разных общественных слоев, выявить степень влияния социального происхождения на последующие профессиональные и иные достижения, а также другие аспекты межпоколенной социальной мобильности.

В настоящее время довольно широкое распространение получили полярные точки зрения, согласно которым молодежь имеет широкие возможности в настоящем, или, наоборот: до распада Советского Союза и начала радикальных рыночных реформ молодое поколение имело все возможности для реализации своих возможностей в профессиональной и других сферах общественной жизнедеятельности. Задачей данной работы является выявление и сравнение возможностей профессиональной мобильности современной российской молодежи и советской молодежи второй половины 1980-х гг. на основе данных статистических обследований и социологических исследований различного уровня.

Теоретический анализ проблемы

Профессиональная мобильность молодых людей проявляется в изменении профессии или переквалификация в рамках имеющейся специальности, реализации служебной карьеры (карьерный рост, служебное продвижение), повышении квалификации, получении более высоких разрядов и других. Профессиональная мобильность является важнейшим элементом социальной мобильности в целом, поскольку, прежде всего, профессиональная сфера является сферой развития и реализации склонностей и способностей, потребности в достижении и в престиже. Для молодежи самореализация в профессии является неременным критерием достижения социальной зрелости.

Ряд исследователей рассматривают момент перехода к трудовой деятельности в качестве нижней границы молодежного возраста. «Под молодежью, – отмечает М.Н. Руткевич, – обычно понимается социально-демографическая группа, члены которой по своему физическому и духовному развитию, – в отличие от детей и подростков, уже способны к активному, самостоятельному участию в общественной жизни и, прежде

всего в производстве»¹. Аналогичную точку зрения высказывал и Ф.Р. Филиппов, с точки зрения которого специфика социальной природы молодежного возраста определяется главным образом трудовой деятельностью².

Несоответствие возможностей профессиональной мобильности молодежи ее субъективным притязаниям в значительной мере дестабилизирует социальные отношения. Достижение желаемого статуса приносит удовлетворение и является стимулом для его дальнейшего повышения, а нереализованность жизненных планов приводит к разочарованию и поиску других путей жизненного самоопределения, в том числе посредством нарушения закона, участия в деструктивных организациях и группировках, противоправной деятельности.

Эмпирический анализ проблемы

По данным Росстата на 1 января 2007 г. молодежь в возрасте 15-29 лет составляет 34 924 тыс. чел., что составляет 24,5% от общей численности населения³. В конце 80-х гг. XX в. (1989 г.) молодежь соответствующего возраста имела несколько меньший удельный вес в составе населения, проживающего на территории современной РФ (РСФСР): 22% при общей численности молодежи 32 279 тыс. человек⁴. Распределение молодежи по территориальному признаку (город – село) свидетельствует о небольшом увеличении удельного веса городской молодежи (74,3% в 1989 г. и 76% в 2007) и снижении удельного веса молодых людей в общем составе сельского населения соответственно (25,7% и 24%)⁵.

Современное молодое поколение, по сравнению с молодежью второй половины 1980-х гг., обладает более высоким образовательным статусом в сфере среднего и высшего профессионального образования. Так, в 1989 г. на 1000 человек в возрасте от 15 до 29 лет приходилось 276 молодых людей со средним общим образованием, 183 – с начальным профессиональным, 203 – со средним специальным и 109 – с высшим профессиональным образованием (в том числе неполным). В настоящее время численность молодых людей, имеющих образование на уровне ПТУ, сократилась примерно в 1,5 раза; весьма заметно увеличилась численность молодежи с незаконченным и полным высшим образованием (178 человек на 1000). Что касается специалистов со средним специальным образованием, то их доля в общей численности молодежи почти не изменилась⁶. Следует отметить, что современные девушки более образованны, чем юноши. Среди 25-29-летних 63% девушек имеют среднее и высшее профессиональное образование, в то время как аналогичный показатель у юношей составляет 47%⁷.

В силу объективных причин, связанных, прежде всего, с получением образования, большая часть молодежи не участвует в полной мере в экономических отношениях. За последние 20 лет произошли значительные изменения в положении молодежи в системе общественного воспроизводства. К ним относится, во-первых, сокращение доли молодежи, занятой в сфере материального производства и увеличение удельного веса занятых в сферах распределения и обмена; во-вторых, появление новой категории среди трудоспособной молодежи – безработных.

¹ Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 289.

² См.: Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению. – М.: Мысль, 1989. – С. 64.

³ См.: Распределение населения по возрастным группам // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/demo/pol-voz07.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁴ См.: Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 7.

⁵ Там же.

⁶ См.: уровень образования населения // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/bo7_11/08-01.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁷ См.: Там же. – С. 12.

В конце 1980-х гг. $\frac{3}{4}$ молодежи было занято в реальном секторе экономики, большинство – в промышленности (35,9% от общего числе молодых людей, занятых в народном хозяйстве), а также в строительстве (11,1%), сельскохозяйственном производстве (10,9%) и других сферах¹. В настоящее время продолжается начавшийся в 1990-е гг. отток молодежи из сферы материального производства. Если в 1999 г. трудом в данной сфере было занято 44,2%, то в 2002 г. – 41,4%, что значительно меньше, чем в среднем среди занятого населения (62,3%)². Большинство молодежи, занятой в материальном производстве, является наемными работниками (85,4%); 2,3% владеют бизнесом с привлечением наемного труда; 4,1% – совмещают работу по найму и собственный бизнес; 3,9% заняты индивидуально-трудоустройством; 4,3% – другими видами деятельности³. Таким образом, значительная часть молодежи переходит в другую сферу общественного воспроизводства – отношения распределения и обмена и занимается финансово-банковской и посреднической деятельностью, оказанием услуг, включая охрану, торговлей и трудоустройством, материально-техническим снабжением и сбытом. Всего в данной сфере в 2002 г. было трудоустроено 20,9% молодых россиян⁴.

Современная молодежь, в отличие от молодого поколения конца 1980-х гг., трудится на предприятиях различных форм собственности. Как показывают результаты исследования «Молодежь новой России», проведенного Институтом социологии РАН, за последние 10 лет произошли заметные изменения в распределении молодежи по предприятиям различных типов. Значительно сократилась доля молодежи, которая работает в государственном секторе (с 40% в 1997 г. до 28% в 2007 г.). При этом более чем в полтора раза выросла доля тех, кто работает на частных предприятиях (с 20% до 32%), несколько увеличилась численность молодежи, занятой на предприятиях акционерной формы собственности (с 15% до 17%)⁵.

Расширение занятости молодежи в нематериальной сфере, а также отток молодых работников из госсектора несет в себе позитивные и негативные тенденции. С одной стороны, рост численности молодежи, занятой в этих сферах, способствует повышению жизненного уровня молодых людей, увеличению численности среднего класса. С другой стороны, молодые кадры необходимы в материальном производстве, и, прежде всего в госсекторе, поскольку там сосредоточен основной экономический потенциал страны. Также усиленная интеграция молодежи в сферу услуг в обществе с большинством бедного населения, по нашему мнению, не несет в себе потенциала развития самой молодежи.

Профессиональная мобильность является наиболее заметным направлением социальной мобильности молодежи, важным показателем успешной интеграции молодежи в общество. Важнейшим условием для реализации вертикальной восходящей профессиональной мобильности молодыми людьми (а именно данное направление мобильности является для них и для общества наиболее желательным) является полу-

¹ См.: Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 119.

² См.: Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001-2005 годы)»: эффективность и перспективы / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. -2004. – № 31 (251) // Режим доступа к изд.: www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2004/vestniksf251-31/vestniksf251-1110.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

³ См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2003. – С. 83.

⁴ См.: Федеральная целевая программа "Молодежь России (2001-2005 годы)": эффективность и перспективы/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. -2004. – № 31 (251) // Режим доступа к изд.: www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2004/vestniksf251-31/vestniksf251-31110.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁵ См.: Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2007 // Режим доступа к изд.: www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_3.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

чение ими профессионального образования и успешное трудоустройство по приобретенной специальности.

Согласно данным Госкомстата СССР за 1987 г., 92% молодых специалистов с высшим специальным образованием, получивших направление на работу, трудоустроивались по своей профессии. Для выпускников ССУЗов данный показатель составляет 85,9%¹, квалифицированных рабочих – 93,1%². Вместе с тем налицо была тенденция усиления нисходящей мобильности, связанной с работой, не соответствующей образовательному уровню молодых работников. Наибольшее распространение такое направление профессиональной мобильности получило в крупных городах и в отдельных регионах. Так, из всех выпускников высших учебных заведений 1985-1987 гг. 8,2% занимали рабочие должности и должности служащих, не требующих данного уровня образования. В зависимости от профессии стартовое понижение в должности наиболее характерно для инженеров (11,2%) от выпуска, агрономов, зоотехников и ветеринарных врачей (9,7%), а также экономистов (9,5%). Для выпускников средних специальных учебных заведений данное направление нисходящей профессиональной мобильности проявлялось более ярко: 37,4% техников после завершения учебы занимали рабочие должности, 3,0% – должности служащих без профессионального образования; в должности рабочих трудились 16,0% специалистов со средним специальным образованием в области сельского хозяйства и 9,4% плановиков и статистиков³. Помимо нехватки вакансий, значительный отток специалистов среднего звена на рабочие должности был вызван более высоким размером заработной платы и дополнительными источниками доходов, существовавшими у рабочих. В Москве, где во второй половине 1980-х гг. потребность в специалистах удовлетворялась лишь на 70%, в течение 1980-1987 гг. число лиц с дипломами, работающих на должностях, не требующих никакого образования, возросло в 4,7 раза и составило к 1987 г. 145 тыс. человек⁴. Очевидно, что к концу 1980-х гг. сформировались определенные диспропорции между численностью выпускников профессиональных учебных заведений разного уровня и количеством вакансий в различных отраслях народного хозяйства. Это создавало сложности для молодых людей в реализации их профессиональной мобильности. Причем в ряде регионов ситуация была особенно острой. Так, в Грузинской ССР в 1981-1985 гг. в плановом порядке не были распределены на работу около 19% выпускников вузов, в том числе почти половина всех подготовленных учителей, и более 39% окончивших средние специальные учебные заведения. В 1986 г. в общественном производстве республики не было занято более 55 тыс. лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование⁵.

Современная молодежь одним из важнейших условий успешной реализации своих жизненных устремлений считает получение хорошего образования. Причем, как показывают результаты всероссийских исследований, по мнению большинства опрошенных молодых людей, желаемое образование является вполне доступным. Данные исследования «Молодежь новой России» свидетельствуют, что около трети россиян в возрасте 17-26 лет (34%) уже имеют необходимое им образование, а 51% рассчитывают его получить. Недоступным для себя получение хорошего образования считают лишь 11% молодежи⁶. При этом, как показывают данные статистических и социологических обследований, около 60% молодых людей стремятся стать специалистами с высшим образованием. С 1995 по 2002 гг., по данным федеральных органов

¹ См.: Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 143.

² См.: Там же. – С. 148.

³ См.: Там же. – С. 144.

⁴ См.: Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению: социальная подвижность. – М.: Мысль, 1989. – С. 116.

⁵ См.: В комитете партийного контроля при ЦК КПСС // Правда. – 1987. – 10 января. – С. 3.

⁶ См.: Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2007 // Режим доступа к изд.: www.isras.ru/analytical_report>Youth_1_1.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

образования и науки, выпуск лиц со средним специальным образованием вырос в 1,4 раза, выпуск бакалавров и специалистов – в 2,0 раза, численность лиц, получивших степень магистров, кандидатов и докторов только с 1995 по 2000 гг. выросла в 2,2 раза¹. Число специалистов, выпущенных высшими учебными заведениями на 10 000 занятых в экономике, с 2001 по 2007 гг. увеличилось в 2 раза². Соответственно, приток все большего числа выпускников в вузы осложняет их трудоустройство после окончания высших учебных заведений. По данным Росстата, по состоянию на 1 октября 2006 г. направления на работу получили 186,7 тыс. специалистов (49,5%), окончивших на бюджетной основе очные отделения государственных и муниципальных высших учебных заведений³. Еще большие проблемы с трудоустройством испытывают выпускники ССУЗов. Ввиду отсутствия сведений о трудоустройстве выпускников учреждений среднего специального и начального профессионального образования на федеральном уровне, обратимся к региональным данным. Так, в Белгородской области в 2004 г. 3,7 тысяч выпускников техникумов, ССУЗов и вузов обратились в территориальные Центры занятости, в результате 1,7 тысяч молодых людей (46%) смогли получить работу, 325 из них были направлены на переобучение, а остальные были признаны безработными с правом получения пособия⁴. Таким образом, трудоустройство молодежи в современных условиях сопряжено с определенными трудностями; высоким остается удельный вес безработной молодежи в возрасте до 29 лет в общей численности безработных (по данным Росстата, 45% в 2006 г.)⁵.

Как указывалось выше, одним из наиболее характерных направлений профессиональной мобильности молодых людей второй половины 1980-х гг. было фактическое изменение профессии и работа не по полученной специальности. В первую очередь это было характерно для лиц со средним специальным и высшим образованием. Данные всесоюзного выборочного обследования молодых специалистов выпуска 1985-1987 гг. свидетельствуют, что 46,6% опрошенных работали не по специальности, из них 41% – с высшим образованием и 59,8% – со средним специальным образованием. В числе причин такой мобильности молодые респонденты называли отсутствие вакансий по специальности (46,5% опрошенных, работающих не по специальности), недостаточный уровень подготовки в учебном заведении, необходимость приобретения практических навыков (28,7%), неудовлетворенность полученной специальностью (15,7%), низкая оплата труда по полученной специальности (9,1%)⁶. В результате у многих молодых специалистов формировалось чувство неудовлетворенности трудом, их закрепляемость на производстве оказывалась низкой.

Таким образом, для значительной части молодых людей 1980-х гг. была характерна фактически нисходящая профессиональная мобильность (по критерию профес-

¹ См.: Проблемы и тенденции развития образования в Российской Федерации. Статистический информационно аналитический сборник // Режим доступа к изд.: www.prof_educ_region_fin.pdf. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

² См.: Прием в высшие учебные заведения и выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/bo7_11/08-11.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Доклад руководителя департамента федеральной государственной службы занятости населения В.Т. Посохова на заседании общественной палаты при губернаторе области 27 мая 2005 г. // Режим доступа к изд.: www.bel.ru/news/officially/2005/05/27/14745.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁵ См.: Распределение численности безработных по возрастным группам и уровню образования // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/bo7_11/06-09.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁶ См.: Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 147.

сиональной квалификации), в ряде случаев компенсированная более высоким заработком.

Масштабы и характер профессиональной мобильности работающей молодежи 2000-х гг. различаются в зависимости от места жительства молодых людей, сферы занятости, должностного статуса и других факторов.

Как свидетельствуют данные общероссийского социологического мониторинга «Социальное развитие молодежи», форма собственности предприятия, на котором трудятся молодые работники, а также их материальное положение и территориальный статус оказывают заметное влияние на возможности повышения квалификации молодыми людьми, повышение их жизненного уровня, служебное продвижение и, в целом, – на характер профессиональной мобильности.

Практически по всем перечисленным направлениям, кроме повышения квалификации, возможности профессиональной мобильности у молодых людей в госсекторе ниже, чем в частном секторе производства. По результатам опроса 2002 г., ниже среднего оценили свои возможности повысить зарплату 41,3% работающих по найму и 25,9% занимающихся коммерцией, сделать карьеру – соответственно 47,4 и 18,5%, открыть собственное дело – 68,6 и 3,7%, защитить свои права – 43,2 и 29,6%¹.

Различаются возможности профессиональной мобильности молодежи и в территориальном аспекте. Хуже всего обстоит дело в сельской местности, где реализовать свои способности и интересы молодым людям заметно труднее, чем в крупных и даже небольших городах. Региональные исследования также свидетельствуют о влиянии территориального фактора на профессиональную активность молодежи. По данным мониторинга, проведенного в Самарской области в 2004 г., молодые люди из малых городов и сельской местности в целом невысоко оценивают возможности своего города (села) в предоставлении им основного места работы. Так, 46% респондентов отмечают, что в их населенном пункте тяжело найти основную работу, которая бы их устроила; всего 9% считают, что найти такую работу довольно легко. В наименее выгодном положении находятся молодые жители села. Среди них почти треть (30%) указала, что в селе трудно найти любую работу; и только от 5 до 7 % жителей различных городов дали аналогичный ответ².

Обследование белгородской молодежи, проведенное автором в 2003 г., показало, что молодые люди довольно активно меняют свою профессию или приобретают дополнительную специализацию. Однако это является в большей степени не следствием желаний самой молодежи, а вынужденным актом, связанным со сложностями трудоустройства по специальности, низкой заработной платой или ограниченными возможностями карьерного роста.

Значительная часть современной молодежи для расширения возможностей профессиональной мобильности готова к переквалификации и смене места жительства. По данным обследования незанятого населения Новосибирской области, проведенного М.В. Удальцовой, Н.М. Волонской, Л.К. Плюсниной в 2003 г., наиболее высокую готовность к переобучению проявляют молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет (33% опрошенных); среди 20-летних в два раза больше желающих переехать в другую местность ради лучшей работы (40%), чем переобучиться (20%)³.

Одной из наиболее мобильных категорий работающей молодежи по показателю смены места работы в 80-е гг. XX в. являлись рабочие. Так, по данным Госкомстата в 1986 г. 48,6% молодых людей, окончивших профессионально-технические училища, уволились по собственному желанию, в 1987 г. данный показатель составил 40,6%, в

¹ См.: Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год. – М.: Логос, 2003. – С. 63.

² См.: Звоновский В., Белоусова Р. Молодежь на рынке вторичной занятости // Вестник общественного мнения: Данные, анализ, дискуссии. – 2006. – № 2 (82). – С.69-70.

³ См.: Удальцова М.В., Волонская Н.М., Плюснина Л.К. Четыре среза занятости: ценности, мотивация, доходы, мобильность // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 48.

1988 г. – 37,1% соответственно. Небольшое уменьшение численности уволившихся компенсировалось таким же ростом удельного веса молодых рабочих, уволенных за различные нарушения трудовой дисциплины: с 20,7 % в 1986 г. до 24,6% в 1988 г.¹ Не способствовало эффективной закрепляемости рабочих на производстве и то обстоятельство, что тарифные разряды выпускников ПТУ в первые годы их работы оставались на прежнем уровне, а если и изменялись, то чаще в сторону понижения, нежели повышения². Профессиональная мобильность, связанная с изменением профессии, не была широко распространена: только 3,8% молодых людей, окончивших профессиональные училища 1984-1988 гг., изменили полученную профессию при поступлении на работу или в течение работы на предприятиях³.

В настоящее время выпускники учреждений начального профессионального образования имеют более благоприятные стартовые возможности: по данным федеральных образовательных учреждений в 2003 г. доля учащихся, получивших по окончании училищ разряды выше установленных составила 20,4%, доля учащихся, получивших разряды ниже установленных – 4,2%⁴; продолжается снижение уровня безработицы данной категории молодежи.

Как указывалось выше, значимым фактором профессиональной мобильности молодежи был размер заработной платы. Представляется интересным в контексте сравнительного анализа профессиональной мобильности молодежи 1980-х и 2000-х гг. сопоставить ее социоэкономический статус. Главным источником дохода для молодежи второй половины 1980-х гг., впрочем, как и в настоящее время, являлась заработная плата. Кластерный анализ данных единовременного выборочного обследования 30 тыс. молодых семей, проведенного в марте 1989 г.⁵, результаты которого представлены в таблицах 1 и 2 позволяет выделить 5 кластерных групп респондентов (мужчин и женщин) по уровню материального положения в соответствии с размером заработной платы.

Большинство (66%) опрошенных мужчин до 24 лет по своим доходам могут быть отнесены к категории среднеобеспеченных и обеспеченных ниже среднего (заработная плата от 100 до 200 руб. в месяц). Треть опрошенных имеет довольно высокий уровень жизни с зарплатой в 200, 300 и более руб. Доля молодежи с низкими доходами в данной возрастной подгруппе меньше других и составляет 13,5%. В старшей молодежной подгруппе мужчин большинство составляют среднеобеспеченные и обеспеченные выше среднего (см. табл. 1). Сравнительный анализ материального положения работающих молодых мужчин представлен диаграммой 1.

Таблица 1

Распределение работающих мужчин в возрасте до 30 лет по размеру заработной платы

Кластер материально-го положения	Заработная плата за месяц, руб.	Доля в общей составе трудящихся, %	
		до 24 лет	25-29 лет
1 – «низкое»	До 100	13,5	5,7
2 – «ниже среднего»	101-140	32,0	12,5
3 – «среднее»	141-200	34,0	31,3
4 – «выше среднего»	201-300	23,2	31,6
5 – «высокое»	Более 300	7,6	18,9

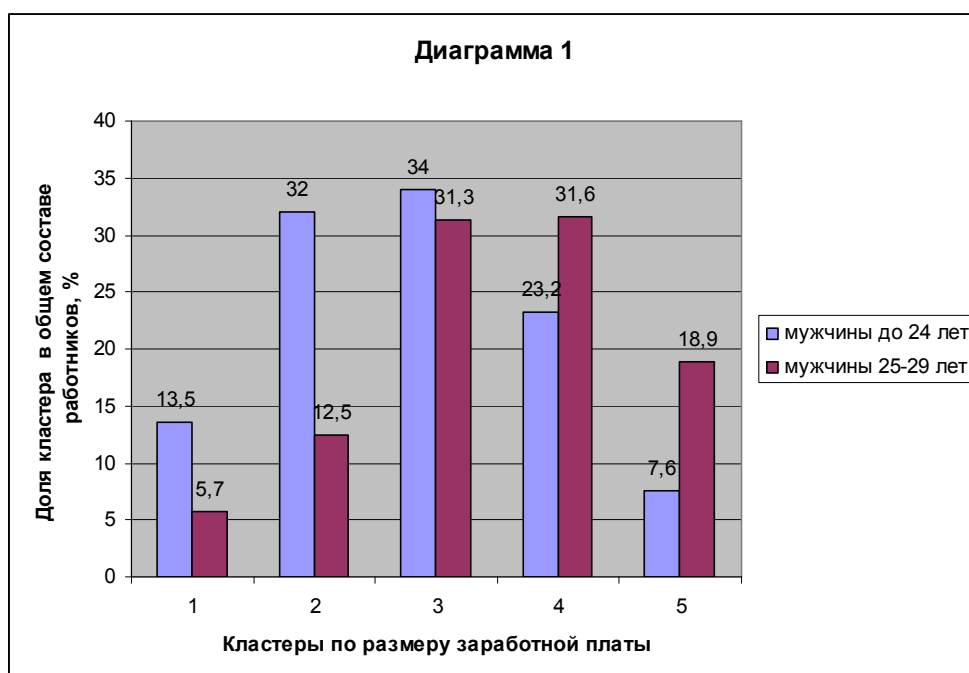
¹ См.: Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 149.

² Там же. – С. 150.

³ См.: Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 149.

⁴ См.: Проблемы и тенденции развития образования в Российской Федерации. Статистический информационно аналитический сборник. – М., 2003. – С. 20 // Режим доступа к изд.: www.prof_educ_region_fin.pdf. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁵ См.: Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 139.

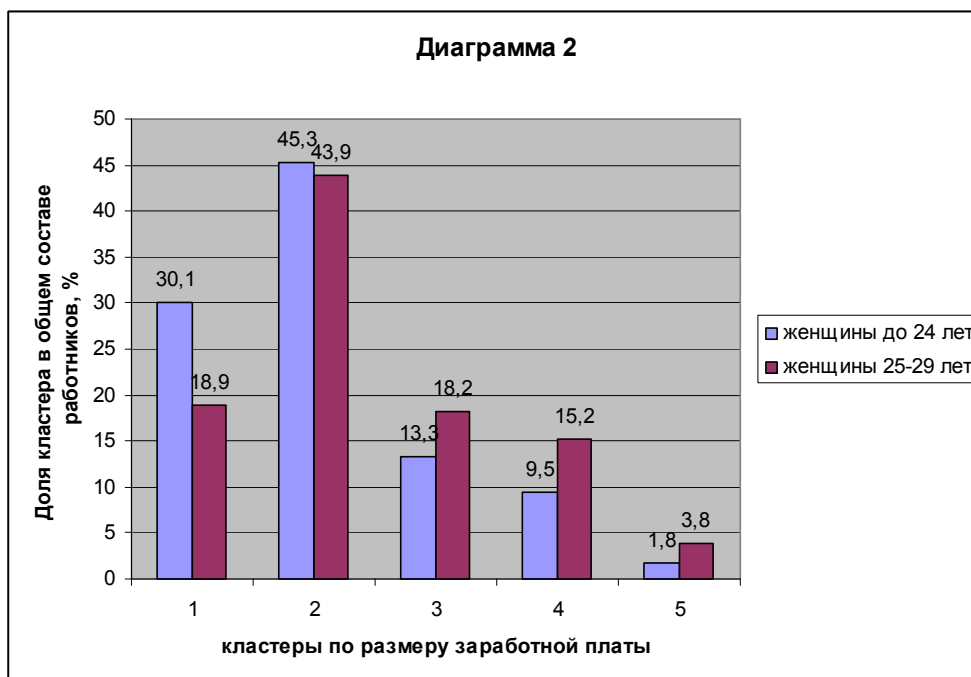
Молодые женщины, как свидетельствуют данные обследования, работали на должностях с более низкой оплатой труда, и их уровень материального благосостояния был ниже, чем у мужчин. Данные, представленные в табл. 2 и на диаграмме 2, показывают, что большинство женщин в обеих возрастных подгруппах относится к категории обеспеченных ниже среднего (45% в возрасте до 24 лет и 43,9% 25-29-летних). Очевидно, что карьерный рост женщин ограничивался и к 30-летнему рубежу лишь незначительная их часть повышала свой профессиональный статус. Доля низкообеспеченных женщин, довольно значительная в младшей возрастной подгруппе (30,1%), снижается в подгруппе 25-30-летних до 18,9%. Соответственно несколько увеличивается удельный вес среднеобеспеченных и обеспеченных выше среднего, особенно в четвертом кластере (с 9,5% до 15,2%).

Таблица 2

Распределение работающих женщин в возрасте до 30 лет по размеру заработной платы

Кластер материального положения	Заработная плата за месяц, руб.	Доля в общем составе трудящихся, %	
		До 24 лет	25-29 лет
1 – «низкое»	До 100	30,1	18,9
2 – «ниже среднего»	101-160	45,3	43,9
3 – «среднее»	161-200	13,3	18,2
4 – «выше среднего»	201-300	9,5	15,2
5 – «высокое»	Более 300	1,8	3,8

Современная молодежь, согласно данным всероссийского исследования «Молодежь новой России», по уровню материального благосостояния распределяется следующим образом. Около трети всех респондентов (30%) являются обладателями общего среднего образования, включая ПТУ со средним образованием. С точки зрения материального положения эта группа явно смещена в сторону низкодоходных групп: более половины относятся к бедным и малообеспеченным. Медианное значение дохода на члена семьи фиксируется на уровне 6000 рублей.

Обладатели среднего специального образования (29% по выборке) являются людьми более самостоятельными: 44% из них живут со своей семьей отдельно от родителей или одни. Среди них преобладают рабочие средней квалификации (30%), служащие (20%), а также предприниматели и самозанятые (13%). Средний размер дохода данной группы молодежи составляет 7000 руб. 38% опрошенных имеют высшее образование, их уровень выше других категорий молодежи, медианное значение дохода на члена семьи составляет 9000 руб.¹. Высокообразованная молодежь сконцентрирована в крупных городах, молодежь с низким уровнем образования – в сельской местности, а обладатели среднего специального образования занимают пограничное положение между двумя этими массовыми группами. Причем, как свидетельствуют данные указанного исследования, воспользоваться лифтом социальной мобильности посредством образования в сегодняшней России удается немногим избранным: большинство молодежи достигает того же уровня образования, что и их родители. Следует отметить, что молодежь 1980-х гг. имела более широкие возможности для повышения своего социального статуса посредством института образования. Хотя в значительной степени это было связано с тем, что родители молодежи 1980-х гг. не имели высокого образовательного статуса.

Значительный интерес представляет сравнение уровня материального благосостояния молодежи в 1989 г. и в 2007 г. Поскольку величину заработной платы и доход в денежной форме в эти периоды практически невозможно сопоставить, то в качестве сравнительного эквивалента была использована сконструированная автором «потребительская корзина», включающая в себя 8 наименований продуктов питания, о ценах на которые имеется достоверная информация, сопоставимая по интересующим нас годам. Данные о товарах, вошедших в эту условную корзину и ценах на них, представлены в табл. 3.

¹ См.: Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2007 // Режим доступа к изд.: www.isras.ru/analytical_report_Youth_2.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

Таблица 3

**Средние потребительские цены на отдельные продукты питания
в 1989 г. и 2007 г., руб. за кг**

Наименование товара	1989 г. [34]	2007 г. [35]
Говядина	3,25	133,74
Свинина	5,19	139,89
Баранина	5,82	158,25
Колбасные изделия и мя-сокопчености	4,44	257,73
Рыба и рыбопродукты	1,27	77,74
Картофель	0,33	12,63
Фрукты	1,66	42,39
Конфеты	3,03	93,33
Стоимость всего набора	24,99	915,70

Количество таких наборов, которое можно приобрести на заработную плату, условно назовем коэффициентом потребительской корзины. Чем выше этот коэффициент, тем более высоким является уровень жизни молодого человека.

Средний доход работающей молодежи в 1989 г. (без учета различий в размерах заработной платы мужчин и женщин) составлял 200 руб., в 2007 г., по данным социологического исследования «Молодежь новой России», – 7500 руб. Коэффициент нашей «корзины» в 1989 г. составляет 8,0; в 2007 г. – 8,2. Следовательно, исходя из рассмотренных показателей, несмотря на их определенную узость, вызванную объективными обстоятельствами, можно сделать вывод, что материальное положение российской молодежи в настоящее время, по сравнению с концом 1980-х гг., не только не ухудшилось в значительной степени, но даже несколько улучшилось. Очевидно, ряд серьезных проблем в социальном развитии современной молодежи далеко не всегда обусловлен социально-экономическими факторами, а их корни – в сфере сознания и духовного мира молодых людей. В настоящее время в сознании значительной части молодых людей сформировались установки, которые не позволяют им занять достойное место в магистральных процессах развития общества. Препятствуют этому не критичность мышления и низкая способность к рефлексии, чрезмерное упование на успех и на собственные силы, низкая способность к самоорганизации.

Заключение

Проведенный анализ социально-демографического облика и возможностей профессиональной мобильности современной российской молодежи по сравнению с молодежью конца 80-х гг. XX в. позволил сформулировать следующие выводы.

В настоящее время несколько вырос удельный вес молодежи в общем составе населения, заметно повысился ее образовательный уровень. Молодежь претендовала и продолжает претендовать на ведущие позиции в экономике и профессиональной сфере. Однако ее притязания сдерживаются рядом факторов. В конце 1980-х гг. наличие системы распределения выпускников и отсутствие угрозы безработицы создавало, с одной стороны, благоприятные условия для реализации восходящей профессиональной мобильности молодых людей. С другой стороны, инерционность плановой экономики, выражающаяся в наличии диспропорций между объемом подготовки специалистов и потребностями в кадрах в различных отраслях народного хозяйства; отсутствие альтернативы экономического поведения (молодежь могла себя реализовать только в госсекторе, сфера услуг была развита слабо, институт индивидуального предпринимательства находился в зачаточном состоянии); низкая оплата труда молодых специалистов заставляла молодых людей работать на должностях, не соответствующих их образовательному статусу, часто менять работу.

В настоящее время уже не издержки системы планирования, а дисфункции института образования и диспропорции оплаты труда в отраслях экономики, государст-

венном и коммерческом секторах способствуют тому, что значительная часть молодежи вынуждена работать не по специальности. Существенно, по сравнению с концом 1980-х гг., снизился удельный вес молодежи, занятой в государственном секторе экономики; 45% безработных составляет молодежь. Эти и другие факторы, к которым относятся влияние территориального статуса, дискриминационная политика работодателей по отношению к молодым работникам, ограничение каналов социальной мобильности (образование, общественная деятельность, армия в прошлом способствовали продвижению молодежи в большей степени) сдерживают восходящую профессиональную мобильность молодых людей. Несмотря на достаточно высокий уровень жизни (несколько превышающий уровень конца 1980-х гг.), значительная часть современной молодежи склонна к социальному аутсайдерству. Корпоратизация общества и неэффективность социальных лифтов вновь актуализируют проблему социальной мобильности молодежи.

Список литературы

1. Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. – Новосибирск: Наука, 1974.
2. Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению. – М.: Мысль, 1989.
3. Распределение населения по возрастным группам // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/demo/pol-voz07.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
4. Молодежь СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990.
5. Уровень образования населения // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/08-01.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
6. Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001-2005 годы)»: эффективность и перспективы / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. -2004. – № 31 (251) // Режим доступа к изд.: www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2004/vestniksf251-31/vestniksf251-1110.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
7. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2003.
8. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2007 // Режим доступа к изд.: www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_3.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
9. В комитете партийного контроля при ЦК КПСС // Правда. – 1987. – 10 января. – С. 3.
10. Проблемы и тенденции развития образования в Российской Федерации. Статистический информационно аналитический сборник // Режим доступа к изд.: www.prof_educ_region_fin.pdf. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
11. Прием в высшие учебные заведения и выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/08-11.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
12. Доклад руководителя департамента федеральной государственной службы занятости населения В.Т. Посохова на заседании общественной палаты при губернаторе области 27 мая 2005 г. // Режим доступа к изд.: www.bel.ru/news/officially/2005/05/27/14745.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
13. Распределение численности безработных по возрастным группам и уровню образования // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/06-09.htm. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
14. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год. – М.: Логос, 2003.
15. Звоновский В., Белоусова Р. Молодежь на рынке вторичной занятости // Вестник общественного мнения: Данные, анализ, дискуссии. – 2006. – № 2 (82).
16. Удальцова М.В., Волонская Н.М., Плюснина Л.К. Четыре среза занятости: ценности, мотивация, доходы, мобильность // Социологические исследования. – 2005. – № 7.
17. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2007 // Режим доступа к изд.: www.isras.ru/analytical_report_Youth_2.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

18. СССР в цифрах в 1989 г.: крат. стат. сб./ Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990.

19. Средние потребительские цены по РФ в 2007 г. // Режим доступа к изд.: www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

PROFESSIONAL MOBILITY OF YOUTH: 20 YEARS AFTER

M.N. Reutova

*Belgorod University
of consume cooperation*

e-mail: regina77@mail.ru

The social-economic status, position in public production, factors and directions of professional mobility of youth at present and 20 years after has been researched. Based on results analyses of some sociological reserches, also made by the author, is made conclusion about presence of the restrictions in professional advancement youth at different history periods, conditioned certain factors.

The Key words: professional mobility, job placement young specialist, factors to mobility, level of living youth.

ЯЗЫК СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Н.Н. Рухленко

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
ruhlenko@mail.ru*

В статье на примере текстов семейных родословных представлено отражение окружающего человека реального мира, условий жизни народа, его менталитета, национального характера, мироощущения, языковой картины мира. Обозначены композиционные узлы родословных (национальные ценностные ориентации, традиционные предписания, традиции, обычаи), которые формируют образ языковой картины мира, специфичной для русского национального сознания.

Ключевые слова: языковая картина мира, менталитет, родословные, информация, знание, традиции, обычаи.

Человек живет не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности; в значительной мере каждый человек находится под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и кодировки мира. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая усваивается всеми носителями данного языка. Этот способ мировосприятия в известной мере универсален, однако у каждого народа обладает, скажем так, национальной спецификой, и в итоге носители разных языков воспринимают мир по-своему, отличным от носителей других языков способом. Поэтому, на наш взгляд, весьма актуальным является изучение родословного дискурса, на основе которого конструируется ментальное представление носителей языка.

Реальность опосредуется языком, который «пересоздает» ее внутри себя и тем самым творит образ мира, уникальный для конкретного языка и конкретной культуры. Иными словами, язык конструирует реальность.

Язык является путеводителем в «социальной действительности». Именно он проецирует реальность в социум, устанавливая образ мироздания. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности.

«Реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм социума. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом потому, что языковые нормы общества предполагают данную форму выражения. Принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения, и здесь нельзя не сказать о тех важнейших формах связи, которые возникают между языком, философией, культурологией и психологией. Понятие «языковая картина мира» соединяет области всех этих наук и помогает установить связь между языком и национальными особенностями говорящих на данном языке.

Языковая картина мира – это вообще «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации»¹.

Образ мира, исторически сложившийся у конкретного языкового коллектива, свод представлений о мире, зафиксированный языком, является определенным способом концептуализации мироздания в рамках данного языка.

¹ Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. – М: Наука, 1988. – 216 с.

Предметом нашего исследования являются различные структуры знания и способы концептуализации окружающего мира, отраженные в языковых единицах и категориях (применительно к данному исследованию – в текстах семейных родословных). Рассматриваемый нами вопрос о функционировании языка семейных родословных в структуре повседневности носит междисциплинарный характер и интегрирует разные области человеческого знания (философские, культурные, психологические, социальные, исторические, антропологические и др.).

В процессе познания человеком мира принимают участие все стороны его психической деятельности – сенсорная, эмотивная и т.д., а также высшие формы ее проявления – мышление и самосознание человека, которые способствуют выявлению признаков, качеств, сторон разных объектов и процессов, в результате чего формируется их целостный образ, или «картина мира». Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. В целом картина мира «может реализоваться в различных формах человеческого поведения и в результатах этого поведения (например, в языковых текстах, социальных институтах, памятниках материальной культуры и т.д.)»¹, при этом одним из самых сложных является вопрос о том, насколько полно и точно отображается действительность в картине мира. «Картина мира не есть зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания, и ... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение»².

Картина мира существует в нашем сознании, но подчас в «сыром», неоформленном виде. Она не может «отразить окружающий мир во всем его многообразии, целиком и полностью»³, поскольку процесс познания человеком действительности предполагает постепенное накопление знаний, изучение того, что происходит в мире, а это может быть весьма и весьма длительным процессом. Следовательно, картина мира может быть рассмотрена как динамическое образование. Она как бы находится в состоянии постоянного развития и оперативной подвижности, поскольку все время преобразуется под влиянием приходящей извне информации, получаемой по разным каналам и перерабатываемой мыслящим человеком. Как подчеркивают многие исследователи, «при всей своей ориентированности на системность картина мира есть всегда во всех своих деталях незаконченное изображение, не дорисованный до конца эскиз»³. Эта «незаконченность» является результатом действия двух различных процессов: а) результатом **опредмечивания**, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека; б) результатом **созидания**, творения и разработки новых образов мира с опорой на уже имеющиеся. Указанные процессы имеют место и в текстах семейных родословных, когда опредмечивание образов из истории семьи сопровождается подчас неожиданным для самого автора творением новых знаний и образов, привносящих «новое понимание» в известный текст истории семьи, что отражается в особого рода композиционных оборотах речи: *...Теперь я понимаю, что ... Раньше я не догадывалась... Сейчас я бы сравнила...*

После переезда из Таджикистана в Тамбовскую область родители сразу купили двух коров, которых нам с мамой пришлось научиться доить. Хотя раньше я считала, что корова – очень большое и страшное животное, которое просто так к себе не подпустит, на самом деле все оказалось совсем не так, да к тому же молоко было очень вкусным и жирным (Ш.О.).

¹ Иванов В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – С.7.

² Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С.55.

³ Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С.87.

Картина мира, отраженная в сознании человека, с одной стороны, представляет собой вариативное и изменчивое явление, а с другой стороны, в ней есть общие элементы, обеспечивающие взаимопонимание людей. «Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному»¹.

Картина мира национально специфична, как и язык. А. Вежицкая отмечает, что в языке отражаются не только особенности природных условий или быта, но и своеобразие национального характера его носителей. Наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, которые могут быть лексикализованы во всех языках мира. Автор приходит к выводу, что культурные различия между группами людей основываются на том, как эти понятия используются, а не на наличии некоторых базовых понятий у одной группы и их отсутствии у другой².

На материале семейных родословных это различие в языковых картинах мира проявляется при описании явления **гетерозиса**, то есть скрещивания отдаленных генетически ветвей при межнациональных браках. Для родословных эта тематика не столь частотна (применительно к Белгородской области, откуда родом абсолютное большинство респондентов), но весьма и весьма выразительна.

Я молодой девчонкой после института попала по распределению в Чечню. Вскоре вышла замуж и поняла, если хочу, чтобы меня уважали, надо жить по существующим там законам. Прав у женщин Кавказа гораздо меньше, зато обязанностей больше. Пришли к мужу друзья, я бегу на кухню, а дочка тем временем их обувь моет, чтобы гости от нас уже ушли в чистой. На стол подаю, а сама не сажусь до тех пор, пока старший из сидящих не пригласит. Если решили остаться ночевать, я обязательно должна была носки, рубашку постирать. Не успеваешь высохнуть, достаю рубашку мужа. Знаю, если мой где задержится, другая женщина его оденет с иголки, завтрак обязательно подаст. Вот так и прожили двадцать лет. И счастливы были.

Язык является выразителем особой национальной ментальности³, которая «накладывает на значение слов определенные коннотации – следы собственных концептов»⁴. Ментальность в понимании лингвистов – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»⁵.

На наш взгляд, говоря о знании как о когнитивном процессе, нельзя не коснуться понятия менталитета как национально специфического способа мышления. Менталитет определяется как «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения»⁶, «специфика сознания изучаемой общности людей»⁷. Среди основных составляющих менталитета, выделенных Е.И. Пассовым, для

¹ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С.350-351.

² Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / Анна Вежицкая; отв. ред. и сост. М.А. Крогнауз. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

³ Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1998. – С.4.

⁴ Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове: Мир человека / В.В. Колесов. – СПб.: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2000. – С.55.

⁵ Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – Вып. 2: Язык и время. – С.81.

⁶ Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / Отв. ред Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 135-170.

⁷ Горошко Е.И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины / Е.И. Горошко // Языковое сознание: формирование и функционирование / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 186-199.

нашего исследования наиболее значимыми представляются национальные ценностные ориентации, традиции, обычаи, обряды, традиционные предписания¹, достаточно отчетливо представленные в семейных родословных.

Проиллюстрируем указанные параметры по частотности их репрезентаций в исследуемых текстах.

Национальные ценностные ориентации – доброта, трудолюбие, терпение, мужество: *мама умела успокоить каждого; работали от зари до зари, никогда не жаловалась, всю жизнь ждала мужа с войны, оставшись одна с детьми на руках, мама выстояла...*

Традиции, обычаи, обряды – это чаще всего описание праздников, ритуалов. *Каждую субботу мы мылись в бане. И этот день был для нас с сестрой долгожданным. Рас топкой бани обычно занимался папа, но у мамы тоже все получалось здорово. Папа говорил, что для бани нет ничего лучше березовых дровишек, жар от них тугой, ровный, поленья не трещат, не искрятся и дух в парилке легкий. Мама как-то особенно делала приготовления по поводу пара, она говорила, что пар должен быть легкий и звонкий. Мама запаривала в шайке принесенную в тряпке сухую траву и выливала туда ложку золотистого меда. Осторожно, как на ребенка, плескала все это на раскаленные камни, и сразу пахло душицей, майской пасекой и ублажающим душу чабрецом. После бани, по старой традиции, мы заваривали чай на травах и, сидя все вместе, предавались воспоминаниям.*

Традиционные предписания – это, например, запрет на работу в воскресенье, замужняя женщина после свадьбы неделю не должна ходить за водой, нельзя купаться по понедельникам, грех стирать в пятницу.

Разумеется, информация такого типа не всегда соответствует идеалу, и, наряду с позитивом, говорящие уделяют внимание и негативу в жизни семьи, **отрицательным чертам характера того или иного члена семьи**: любил выпить, не хотел работать, мог ударить, изменял. Значительно реже встречаются сведения о суициде (приблизительно один случай на 100 текстов). Мы допускаем, что открытость текста оставляет «закрытыми» для его адресата (читателя, исследователя) некоторые «более темные» стороны жизни семьи.

Все вышеперечисленные композиционные узлы родословных (национальные ценностные ориентации, традиционные предписания, традиции, обычаи) не только работают на сюжетодвижение и обрисовку характеров, но в своей совокупности формируют образ языковой картины мира, специфичной для русского национального сознания.

В текстах семейных родословных отображается не только окружающий человека реальный мир и в целом условия жизни народа («палочки» – о трудоднях, невозможность получить собственный паспорт, раскулачивание, нехватка одежды и пр.), но и менталитет, национальный характер, мироощущение, видение мира.

Ментальные репрезентации не даны человеку изначально, часть из них формируется в процессе социализации, когда субъект усваивает разнообразные стереотипные ситуации, другая часть может образовываться в результате творческого воображения субъекта, расширение их происходит одновременно с обогащением его духовного мира².

Анализ текстов семейных родословных позволяет вскрыть своеобразие процесса прохождения основных операций сознания: восприятия, категоризации, хранения и воспроизведения информации, которые открывают нам доступ к «ненаблюдаемому когнитивному миру человека» (Е.С. Кубрякова), структурам его сознания. Исследования языковых феноменов демонстрируют переход от категории информации к **кате-**

¹ Пассов Е.И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты / Е.И. Пассов // Мир русского слова. – 2001. – №2. – С. 54-59.

² Нишанов В.К. Когнитивный подход к проблеме понимания / В.К. Нишанов // Когнитивные аспекты научной рациональности: сб. науч. тр. – Фрунзе, 1989. – С. 22-33.

гории знания. Языковые знания – это компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в системе языка¹.

Категория знания тесно связана с понятием **когниции**. Когниция – это рассмотрение набора знаний и мнений вместе с их связями; им могут быть приписаны соответствующие репрезентации; это «аспекты познания, связанные с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний»². В приведенном далее примере «набор знаний» касается, в частности, проекции свадеб на определенное время года с учетом религиозных канонов. Фрагмент иллюстрирует процесс приобретения, хранения и передачи знания на протяжении ряда поколений: *В 1887 году прадед женился на прабабушке. Надо сказать, что браки заключались в определенную пору года: никогда не играли свадьбы во время постов, исключались и в мае. Перед поездкой в церковь жениха и невесту сажали на мех, затем их осыпали хмелем, зерном с деньгами, после чего богоявленской свечой зажигались брачные свечи. В церковь возили свою посуду и хлебное вино, которое священник трижды давал испить жениху и невесте. На третий раз жених бросал посуду и топтал ее ногами. Затем брачные свечи слеплялись, их ставили в головах постели новобрачных в кадку с пшеницей. Место, где надлежало спать молодым, называлось сенник. Поутру члены свадьбы являлись в сенник, поднимали одеяло и определяли непорочность невесты.*

Совокупность знаний, которые накапливаются относительно вычленимой словом вещи в обществе, обязаны разделять все члены общества, чтобы без особых затруднений общаться друг с другом. Это знание во всей его совокупности не фиксируется никакими языковыми единицами и получает свое не полное, а эпизодическое выражение в отдельных высказываниях³.

Способы представления знания в рамках когнитивного подхода зависят прежде всего от материала исследования. Материалом для концептуального анализа могут служить философские контексты, контексты определенной тематики и свободно отобранные обширные контексты. Исследуемые нами тексты семейных родословных относятся ко второму типу контекстов, то есть контекстам определенной тематики, но вместе с тем имеют и некоторые характеристики свободно отобранных обширных контекстов.

Решающая роль в текстах семейных родословных отведена **прошлым знаниям**, на основе которых ведется когнитивная обработка родословного дискурса и конструируется его ментальное представление. Форма прошлого опыта – основная форма существования знания в интеллекте человека. Знанием является такой опыт, который в достаточной степени осмыслен и включен в какие-то связи и отношения с другими элементами⁴.

У прадедушки и прабабушки родилось трое детей: Анна, Антонина, Григорий. По наступлении родов женщина прощалась с домочадцами и оставалась только с бабушкой-повитухой. Для облегчения страданий развязывали все узлы на одежде и расплетали косу, отпирали в доме все замки и ящики, зажигали венчальные свечи перед образами, а мужа заставляли бороться с песком.

¹ Фрумкина Р.М. Концепт: попытка эпистемологического анализа термина / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуманитар. ун-т, под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 80–117.

² Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний: сб. научно-аналитических обзоров / [Редкол.: Л.Г. Лузина, Г.Д. Стрельцова и др.]. – М., 1992. – С. 39–77.

³ Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М.: Прогресс, 1981. – Выпуск X: Лингвистическая семантика. – С. 5–32.

⁴ Новиков А.И. Знание в системах общения / А.И. Новиков // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ / Отв. ред. Ю.Н. Марчук, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – С. 58–103.

При рождении девочки воду после первого купания выливали в малинник (для красоты), после купания мальчика вода выливалась на перекресток дорог – на счастье. Ребенка перво-наперво передавали отцу, который сам клал его в люльку и как бы прилюдно признавал своим. Имя ребенку выбирали родители, но был и такой обычай – выходить за ворота и спрашивать имя первого встречного, чтобы потом так же назвать новорожденного. Прадед и прабабушка детям дали двойные имена, чтобы недобрый человек не мог сглазить и чтобы у ребенка был свой покровитель.

Исследуя семейные родословные, мы сталкиваемся с фрагментами текстов, много раз пересказанными в кругу семьи, отражающими прошлый опыт и как бы «законсервированными» в своем речевом исполнении в отличие от свидетельств последних лет, о которых говорящему подчас нечего писать (кроме того, что история продолжается...). Наблюдается зависимость степени отшлифованности материала от степени его временной удаленности. Более того, прошлый опыт приобретает для автора текста особую значимость и большую ценность, нежели «настоящее», которому он является непосредственным свидетелем. *На работу и с работы ходили (дедушки и бабушки, родители) с песнями, танцевали босыми ногами в пыли под гармошку, забывая о голоде, жили дружно, помогали друг другу. – Мы же приходим с работы и сразу дверь на замок, все стали какие-то злые, завистливые. Боюсь, что детям уже не будет так же интересно писать о нашей жизни, как нам о своих предках.*

Говоря о проблеме хранения знания, Е.С. Кубрякова обращается к понятию лексикона, то есть **словесной памяти**. Знать объект – значит уметь выделить его, поместить в структуру деятельности, поэтому Е.С. Кубрякова постулирует наличие памяти событий, памяти схем действий с объектом, памяти, которая объединяет вещи типами действий¹. См. в вышеприведенном примере: *после купания мальчика вода выливалась на перекресток дорог – на счастье* (память схемы действия с объектом).

Процесс хранения информации в значительной степени детерминирован процессом категоризации и кодирования информации: детализированное, семантически осмысленное кодирование событий и хранение их в развитых и легкодоступных структурах обеспечивает высокую степень запоминания. В свою очередь «поисковый стимул эффективен, если частично совпадает с закодированным в памяти эпизодом»². Хранение информации непосредственно осуществляется благодаря эпизодической (событийной, или ситуативной) и семантической памяти. Эпизодическая память способствует пониманию непосредственно воспринимаемой информации, поддерживая ее в активном состоянии в течение определенного промежутка времени. Семантическая память позволяет структурировать определенным образом значимую для человека информацию, постепенно пополняя систему хранения знаний о мире и языке.

Процесс воспроизведения информации в значительной степени **детерминирован процессом ее хранения**. Любое явление или событие, представленное в текстах семейных родословных, как правило, обуславливается социально-историческими факторами, учитывающими особенности и состояние общества в разные периоды времени, и личностно-психологическими факторами, представленными индивидуально-личностными чертами субъекта. Именно в рамках двухкоординатной системы удастся приблизиться к реальному пониманию событий, происходящих в истории конкретного рода, и строить адекватную, работающую модель концепта СЕМЬЯ.

Проанализировав тексты родословных, мы можем утверждать, что, приступая к исследованию истории своего рода и воспроизведению собранной информации, авторы далеко не всегда воссоздают целостную историю жизни личности, чаще всего рас-

¹ Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 82-112.

² Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. / Сост., ред, вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – Вып XXIII: Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. и франц. – С. 52-92.

сказывая о тех переживаниях, интересах, взаимоотношениях, мотивах субъекта, которые тесно переплетены с событиями, отобранными рассказчиком по степени важности. Психологические исследования показали: чем крепче связано событие с другими событиями, чем чаще является их причиной или следствием, целью или средством, тем сильнее вплетено оно в ткань жизни, тем важнее¹. В повседневной жизни осознание всех существующих связей – весьма сложный процесс: одни из них – неактуальны, другие – нежеланны, некоторые – еще слишком слабы, чтобы обращать на них внимание. В связи с этим при воспроизведении информации большую роль играет субъективность автора в представлении истории рода. Однако, несмотря на то, что результат осознания человеком прошлого, настоящего и возможного будущего своей семьи является субъективным, важно, что он подлинен и представляет собой жизненный замысел субъекта жизнедеятельности. В связи с этим нам важно рассмотреть «не точность познания, а глубину проникновения... – необходимость добраться, углубиться до творческого ядра личности»².

Событиями, представленными в семейных родословных, могут стать любые перемены во внешнем и внутреннем мире, так или иначе связанные с семьей рассказчика: политические перестройки, отразившиеся на судьбе поколений рода, личные взлеты и падения, встречи и разлуки, влюбленности и разочарования, болезни, успехи и неудачи детей, близких, друзей и т.д.

Понятие желанное/нежеланное событие возникает в связи с проблемой гармонизации внутреннего мира личности, которая заключается в принятии человеком как позитивной, так и негативной информации о семье, возникающей на фоне социально значимых стрессовых, конфликтогенных событий. Как правило, негативный опыт и информация (предательство близких, развод родителей, измена, самоубийство и т.д.) не принимаются рассказчиком и не всегда включаются в исследование истории рода. *Я не хочу ничего рассказывать о своем отце, так как в январе 2000 года мои родители развелись.* Если же автор способен принять как позитивную, так и негативную информацию, то он воссоздает жизнь такой, какая она есть, в результате чего происходит открытость внутреннего мира одного субъекта другому: автор не скрывает негативной информации, включая ее в исследование истории рода.

Особо следует отметить процесс воспроизведения личностью истории рода через психологическую реконструкцию системы причинных и целевых связей между жизненными событиями, свойствами личности, значимыми для нее людьми.

Большое значение при воспроизведении истории рода имеет и «**воображаемая перспектива**», в которой автор, оценивая жизнь предков, пытается контурно обрисовать свою жизнь на несколько лет вперед. *Пройдут годы, и, быть может, мои потомки захотят написать историю уже моей жизни. А пока впереди меня ждет неизвестность.*

Учитывая индивидуально-личностные черты субъекта, следует обращать внимание на возраст автора истории рода. Чем старше рассказчик, тем более многослойна субъективная картина мира, которая в свою очередь выполняет функции долговременной регуляции и согласования жизненных замыслов и поступков человека с замыслами и поступками других людей.

Многослойность субъективной картины мира детерминируется сложными процессами развития, проходящими под воздействием внутренних и внешних факторов, модифицирующих уже имеющиеся состояния и накладывающихся друг на друга. Интеллект взрослого человека в отличие от интеллекта ребенка, подростка в силу различных причин (образования, опыта, профессии и т.п.) способен к самостоятельной реконструкции, т.е. к перераспределению и использованию ранее приобретенной ин-

¹ Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984. – 208 с.

² Бахтин М.М. К методологии литературоведения / М.М. Бахтин // Контекст: литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1975. – С. 203-212.

формации под другим углом зрения. В итоге мы работаем с вторичным материалом, уже прошедшим **через определенный фильтр** и так или иначе истолкованным.

В целом тексты семейных родословных позволяют исследовать не только внешний, поверхностный уровень языковой семантики, но обратиться также к уровню ментальных репрезентаций, что помогает вскрыть внутреннее содержание и своеобразие «мыслительного мира», являющегося тем микрокосмосом, который каждый человек несет в себе и с помощью которого он пытается понять и измерить окружающую действительность.

Язык семейных родословных реагирует на все изменения и нововведения, которые происходят в социуме, и в полной мере отражает массовое мышление. Языковая (наивная) картина мира предстает как синхронное соединение разновременных восприятий и толкований, «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум»¹. Тексты семейных родословных отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Бахтин М.М. К методологии литературоведения / М.М. Бахтин // Контекст: литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1975. – С. 203-212.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / Анна Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Крогнауз. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
4. Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984. – 208 с.
5. Горошко Е.И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины / Е.И. Горошко // Языковое сознание: формирование и функционирование / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 186-199.
6. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний: сб. научно-аналитических обзоров / [Редкол.: Л.Г. Лузина, Г.Д. Стрельцова и др.]. – М., 1992. – С. 39-77.
7. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М.: Прогресс, 1981. – Выпуск X: Лингвистическая семантика. – С. 5-32.
8. Иванов В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965.
9. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове: Мир человека / В.В. Колесов. – СПб.: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2000. – 326 с.
10. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – Вып. 2: Язык и время. – 368 с.
11. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 82-112.
12. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1998. – 207 с.
13. Нишанов В.К. Когнитивный подход к проблеме понимания / В.К. Нишанов // Когнитивные аспекты научной рациональности: сб. науч. тр. – Фрунзе, 1989. – С. 22-33.

¹ Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3-17.

14. Новиков А.И. Знание в системах общения / А.И. Новиков // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ / Отв. ред. Ю.Н. Марчук, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – С. 58-103.
15. Пассов Е.И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты / Е.И. Пассов // Мир русского слова. – 2001. – №2. – С. 54-59.
16. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М: Наука, 1988. – 216 с.
17. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М: Наука, 1988. – 216 с.
18. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М: Наука, 1988. – 216 с.
19. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / Отв. ред Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 135-170.
20. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. / Сост., ред, вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – Вып XXIII: Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. и франц. – С. 52-92.
21. Фрумкина Р.М. Концепт: попытка эпистемологического анализа термина / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуманит.ун-т, под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Рос. гос. гуманит.ун-т, 1995. – С. 80-117.
22. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3-17.

LANGUAGE OF FAMILY GENEALOGY IN THE STRUCTURE OF EVERYDAY LIFE

N.N. Rukhlenko

Belgorod State University

e-mail: rukhlenko@mail.ru

The article examines how family genealogies texts reflect the real world, conditions of people's life, their mentality, national character, and perception of the reality and language picture of the world. The author describes compositional knots of genealogies (national value orientations, traditional prescriptions, traditions, and customs) which construct the image of the Russian cultural specific language picture of the world.

Key words: language picture of the world, mentality, genealogy, information, knowledge, tradition, customs.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

С.В. Шестопалов

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:
phileo@tspu.tula.ru*

Статья посвящена духовным основаниям права в философии русского консерватизма. В статье рассматривается развитие русской философии права в конце XIX – начале XX вв. Автор исследует консервативные и либеральные подходы к праву. Особое внимание уделяется философии права И.А. Ильина.

Ключевые слова: философия, консерватизм, либерализм, право, философия права.

В конце XIX – начале XX вв. в российской философии и юриспруденции началась длительная борьба с теоретико-правовыми постулатами юридического позитивизма. Характерная для позитивистов идея отождествления права с законом, с принудительной нормой поведения, санкционированной государственным принуждением, хотя и выражала определенные аспекты правоприменительной практики, однако существенно подрывала формирование правосознания российского общества. Юридический позитивизм в своем стремлении оградить право от морали, от ценностной сферы жизни общества в целом, становился одним из факторов распространения в обществе правового нигилизма, пренебрежительного отношения к праву как таковому.

С критикой юридического позитивизма выступали сторонники различных идейных течений отечественной мысли. Так, выдающийся русский правовед и философ Б.А. Кистяковский, в своей программной статье «В защиту права», помещенной на страницах сборника «Вехи», вполне справедливо указал русской интеллигенции как на ее пренебрежение правом, так и на неразвитость ее правосознания и правопонимания. Причину этого положения ученый увидел не только в недостатке воли к праву, но и в тех теоретико-правовых и философско-правовых доктринах, которые приписывали праву весьма ограниченную ценность. Российские юристы определяли право как совокупность норм поведения, санкционированных государственным принуждением, философы же вслед за Г.Еллинеком и В.С. Соловьевым видели в праве только этический минимум. Поэтому, как вполне обоснованно отмечает Б.А. Кистяковский, упрекать интеллигенцию в игнорировании права, поскольку «она стремилась к более высоким и безотносительным идеалам и могла пренебречь на своем пути этою второстепенною ценностью»¹, не было никаких оснований.

Действительно, заслуживает ли упрек в правовом нигилизме серьезного внимания, если право представляет собой всего лишь принуждение со стороны государства или этический минимум человеческого поведения? Если этот упрек оправдан, тогда право должно представлять собой нечто более ценное и значимое сравнительно с принуждением или этическим минимумом. И Б.А. Кистяковский это обстоятельство прекрасно понимает, поскольку приходит к выводу о том, что русская интеллигенция совершенно неверно оценивает культурное значение права. По его мнению, духовная культура состоит не из одних ценных содержаний, значительную часть культуры составляют ценные формальные свойства интеллектуальной и волевой деятельности. Из всех же формальных ценностей именно право в силу конкретности, «осязаемости» своей формы, играет самую важную роль в жизни человека и общества.

Таким образом, духовное значение права виделось Б.А. Кистяковскому в его либеральном и кантианском истолкованиях. Ученый призвал русское общество к признанию формальной природы права не только в ограниченно-инструментальном

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Философия и социология права. – СПб., – 1998. С. – 360.

смысле, но и в его этическом и культурном значении, поскольку многие русские мыслители и общественные деятели как консервативного, так и социалистического направлений, действительно отказывались видеть в праве существенную культурную ценность.

Основоположники русского консерватизма – славянофилы – вполне одобрительно констатировали отсутствие в русской культуре должного внимания к формальным ценностям. Так, И.В. Киреевский главной особенностью западноевропейской юриспруденции считал ее формализм, поскольку она «отвлеченно выводит логические заключения из каждого законного условия, говоря: форма – это самый закон, – и старается все формы связать в одну разумную систему, где бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась из целого, и все вместе составляло не только разумное дело, но самый написанный разум»¹. Формализм права И.В. Киреевский связывал с особенностями развития западноевропейского общества, развития, во многом определяемого насилием. Именно эти особенности создали предпосылки для приоритета права в регулировании отношений между самостоятельными индивидами.

Подобные рассуждения породили вывод о радикальном правовом нигилизме славянофилов, который рассматривается обычно как явный недостаток их социально-философской концепции. Однако, на позицию славянофилов можно взглянуть и с другой стороны. Фактически, они пришли к выводу о том, что идея права, взятая в ее высшем значении, несовместима с обществом, основанным «единственно на личной пользе, огражденной договором». «Личная польза», по А.С. Хомякову, «как бы себя не ограждала, имеет только значение силы, употребленной с расчетом на барыш»². Таким образом, славянофилы сомневались в оправданности употребления самого термина «право» применительно к модели личных прав, господствующей в западноевропейском обществе.

В результате, суть проблемы антипозитивистского различения права и закона видится несколько в ином свете. Стало привычным осуществлять такое различение конструируя понятие права на основе либеральных представлений о «естественном праве», о «свободе, ограниченной свободой другого человека», о «правах человека» и т.п. Подобная стратегия рассуждения возможна, если принимается определенная философская позиция, и, в частности, если признается определенная философская антропология.

Антропология либерализма, признавшая руссоистский тезис о том, что «человек по природе добр» и объявляющая высшей ценностью «суверенную личность», как и антропология радикализма с ее идеалом человека, бросающего вызов традиционным авторитетам – чужды консерватизму. И не только потому, что антропологические воззрения ряда консерваторов было вполне мизантропично. Например, В.Л. Мещерский неоднократно высказывался: «Вообще человек зверь, в частности он бывает хуже или лучше зверя»; «с тех пор, пока я себя помню, я знал, что человек – зверь и зверь лютей всех лютей зверей на земном шаре; человек ужасен не только тем, что он злее всякого зверя, но тем, что мораль свою применяет к своим зверствам и ею оправдывает себя». По мнению этого русского публициста, делать «культ из фраз о великих правах человека» значит вступить на скользкую и небезопасную стезю, уводящую от истинных – надчеловеческих – ценностей³.

Консерваторы никогда не объясняли человека, исходя из него самого, для них человек всегда есть часть вполне конкретной тотальности, представляющей собой либо общность (народ, государство), либо то, что эту общность сплачивает воедино (религия, культурная традиция). Именно поэтому идеологи русского консерватизма с большой осторожностью приступали к обсуждению проблематики «прав человека»,

¹ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. – М., 1861. – Т.1. – С.207.

² Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // О старом и новом. – М., – 1988. – С.93.

³ Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., – 1999. – С.138.

поскольку, задаваясь вопросом о субъекте этих прав, они находили, что все определения понятия «человек вообще» приблизительны и схематичны. Оппозиция европейскому рационализму, характерная для консерваторов и обычно квалифицируемая как свидетельство их обскурантизма, зачастую имела вполне здоровое основание в недоверии к возведению априорных положений и абстрактных доктринальных принципов в некие якобы самоочевидные постулаты. Например, К.Л. Победоносцев не без оснований указывал на то, что абсурдно превращать общеправовые категории («свобода», «равенство», «братство») в юридически-обязательные права, директивно устанавливаемые государством.

Таким образом, консерваторы не согласны вслед за либералами видеть в индивидуальном человеке вообще, который уже по одной своей принадлежности к «человечеству» должен быть наделен вполне определенными «правами человека». И причина даже не в том, что многие консерваторы за человеком как таковым не признают абсолютной ценности, отдавая предпочтение надличностным ценностям. Для консерваторов субъект права – не абстрактное физическое лицо, но человек с вполне определенной национальной и сословной принадлежностью, с конкретными потребностями, стремлениями и ожиданиями, причем всякая конструкция личных прав – случайна и произвольна, если она не имеет субстанциональной основы в лице реальной общности, в которую индивид (субъект данных прав) интегрирован. Единство же «человечества» как некоего целого консерваторам представлялось эфемерным, ибо человечество не образует и не может образовать солидарной группы, не представляет в мировом масштабе аналог государственной общности. Вследствие чего у «человечества» отсутствуют правомочия устанавливать своим членам права и обязанности.

Проблема соотношения индивидуальных прав и индивидуальных обязанностей решалась консерваторами на основе представлений об индивидуальном долге, выражаемых посредством понятий «ответственность», «обязательство», «честь». Именно чувством долга, уверяли и К.Л. Победоносцев, и М.Н. Катков, и Л.А. Тихомиров, и И.А. Ильин должны скрепляться отношения человека с государством, но отнюдь не ненадежным – во всех отношениях – основанием личного интереса. Юридическая регламентация личного статуса должна вносить свой вклад в воспитание в индивидуальном человеке чувства «мы», чувства сопричастности ценностям общегосударственного и общенационального значения. Регламентация же, построенная на культивировании индивидуальных прав, деформирует правосознание человека, развивая в нем до патологических размеров чувство эгоцентричного «я».

Антропологическая модель консерваторов задавала точно выверенную пропорцию между правами личности и ее обязанностями. «Партикулярное существование потребительской личности, жаждущей материальных благ и юридических гарантий, освобожденной от обязанности (и ответственности) перед обществом, – отмечает современный исследователь консерватизма А.С. Карцов, – «антиидеал» консерваторов»¹. Консервативное правовопонимание отворачивается от идеи индивида как первоначала, никем и ничем не заменимого. Превосходство требований этики социальной над требованиями этики индивидуальной диктует человеку совершать только те действия, которые несут социальное благо, а не просто являются юридически разрешенными.

У консерваторов-охранителей (М.Н. Катков, К.Л. Победоносцев) социальное благо было тесно связано с соображениями политической целесообразности, а у консерваторов-романтиков (славянофилы) таковым оказывались ценности социокультурного порядка. Наличие ярко выраженных романтических и охранительных тенденций в консерватизме зачастую рассматривается как свидетельство определенного анахронизма позиции консерваторов. Согласно общепринятым оценкам, консерватизм обычно рассматривается как реакция на те революционные идеологические конструкции, которые были представлены как либерализм, так и марксизмом. Однако

¹ Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., – 1999. – С.138.

следует учитывать, что ряд сторонников консерватизма рассматривают свою идеологию как специфический вариант революционной идеологии.

Так, по мнению одного из крупнейших консерваторов XX в. Ю. Эвола, имеет смысл говорить о «консервативной революции», чтобы подчеркнуть динамическую составляющую консерватизма. Однако в данном сочетании слово «революция» утрачивает свое прежнее значение насильственного ниспровержения законно установленного порядка и подразумевает действие, направленное на устранение хаоса, пришедшего на смену бывшему порядку, и на восстановление нормальных условий. «Уже де Мэстр, – пишет Ю. Эвола, – подчеркивал, что в данном случае речь идет не столько о «контрреволюции» в узком и спорном значении этого слова, сколько о действии «обратной революции», то есть положительном и обращенном к истокам. Причудливая судьба слов: «революция» в своем изначальном этимологическом смысле и не означает ничего иного; она происходит от *re-volvere*, субстантива, который выражает движение, возвращающее к собственному истоку, к отправной точке. Поэтому для победы над современным миром именно из истоков следует черпать «революционную» и обновляющую силу»¹.

Для Ю. Эвола консерватизм представляет собой, прежде всего решительный разрыв с любыми идеологиями, любыми политическими и партийными группировками, чье возникновение прямо или косвенно связано с идеями, развитие которых ведет от либерализма и демократии к марксизму и коммунизму. Если люди, еще способные на этот разрыв сохранились, «им необходимо дать в качестве ориентира твердую основу в виде общего мировоззрения и строгой доктрины государства»².

Среди русских консерваторов И.А. Ильин может претендовать на статус консерватора-революционера. Его философско-правовая доктрина, оформленная уже в эмиграции характеризовалась двумя ключевыми моментами, которые можно обозначить как «реалистическая антропология» (необходимость учета действительных возможностей человека и их пределов) и «духовная перспектива» (возможность преодоления несовершенств индивидуальной и социальной жизни служением высшим ценностям). Пороки современного ему общества Ильин частично выводит из органических дефектов человеческой природы, частично относит на счет новейшей социально-политической организации общества, где все создано для процветания ничем не стесненного себялюбия.

В силу этого, И.А. Ильин постоянно напоминает о несводимости категории «правосознания» к тому, что «человек сознает свои права и о них думает». Право он рассматривает как духовный феномен. Духовным философ называет такое состояние души, которое «является восприятием, переживанием и осуществлением верховной, объективной ценности»³. Связь между духом и правом можно выразить так: необходимые формы духа составляют основы правосознания. В основе права всегда лежит живое и правое притязание человека на духовность, притязание на духовно-необходимые формы жизни, теоретическим выражением которых являются аксиомы правосознания. К аксиомам правосознания И.А. Ильин относил закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания.

Таким образом, И.А. Ильин формулирует позицию, которая не может рассматриваться ни как апология существующего социально-политического порядка в духе консерваторов-охранителей, ни как ностальгическое воспоминание о легендарном прошлом в духе консерваторов романтиков. Его позиция достаточно радикальна: в основе права лежит не сила (государства или личности), а притязание на духовно-необходимые формы жизни, необходимые формы духа составляют основы правосознания.

¹ Эвола Ю. Люди и руины. – М., – 2007. – С.7.

² Там же. – С.5.

³ Ильин И.А. О сущности правосознания.// Собр. соч. в десяти тт. – Т.4. – М., – 1994. – С.309.

Именно проблема правосознания является для мыслителя центральной проблемой юридической науки. Правосознание не может рассматриваться лишь как совокупность отвлеченных знаний. В основе правосознания должно лежать осмысление реального правового опыта. Поэтому И.А. Ильин далек от идеализации социально-политических и социокультурных реалий России.

Исторический опыт России, по мнению философа, должен быть осмыслен как органическое крушение самодержавия и как разложение созданного им уклада духовной жизни. Сущность этого уклада И.А. Ильин и видел в систематическом отлучении «подданного» от власти и от государственного дела. И именно это отлучение в корне подрывает самую сущность государства и правосознания, поскольку политическая жизнь не только не исчерпывается пассивным подчинением чужой воле, но прямо исключает такое подчинение. Сущность политической жизни мыслитель видел в самоуправлении, при котором каждый гражданин осознает в законе присутствие своей воли и своего разума. Отлучение же народа от власти ставит его во внеполитическое состояние. «Государство, – констатировал И.А. Ильин, – возносится над народом и давит его, как постороннее, чужеродное тело»¹.

Именно этот уклад жизни породил немощное русское правосознание, которое не смогло справиться с историческими и политическими испытаниями. «Народ, лишенный государственного правосознания, – писал И.А. Ильин, – может создавать только видимость государства, и политическое единение его призрачно и эфемерно. Не война разложила Россию, а немощное и изувеченное правосознание народа»².

Историческую миссию русской интеллигенции мыслитель связывал с пониманием и познанием дефектов и недугов своего и общенационального правосознания. Задача русского правоведения – прийти в этом на помощь интеллигенции и всему народу: юристы должны осуществить это самопознание прежде всех и глубже всех и повести по этому пути за собой интеллигенцию и народ. Этот процесс и должен стать основой государственного обновления России.

Однако проблема не ограничивается только тем, чтобы русское национальное правоведение поставило перед собою эти задачи; но и в том, чтобы оно нашло для них правильное разрешение. Для этого И.А. Ильин, считает необходимым прежде всего испытать, увидеть и понять, что право и государство, которые регулируют, конечно, не внутренние, а внешние деяния человека, тем не менее живут именно внутренними, душевными состояниями его, и притом не безразлично какими, а именно душевно-духовными. «Строить право, – писал И.А. Ильин, – не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание»³.

Человек творит право и государство именно чувством, волею и сознанием, не «просто» внешними поступками, но длительными, устойчивыми и содержательно-верными напряжениями души и духа. Юристу, способному только к формальным анализам, и политику, стремящемуся к максимальному расширению публичных полномочий, конечно, может казаться, что сущность юриспруденции сводится лишь к поиску надежного механизма, регулирующего внешние возможности и поступки человека. Фактически же, такой подход приводит к тому, что дефекты правосознания принимаются как своего рода норма и право субъекта. А именно субъект права привлекает главное внимание мыслителя. «Право и государство живут, – писал И.А. Ильин, – по существу, в субъекте права, им, субъектом, – его душою, его духом. Но субъект права – это не только понятие, или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права – это прежде всего духовно организованная душа. Юридически квалифицироваться в качестве субъекта права и подлин-

¹ Ильин И.А. Корень зла // Собр. соч. в десяти тт. Т. 9-10. – М., – 1999. – С.199.

² Там же. – С.197.

³ Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собр. соч. в десяти тт. Т. 9-10. – М., – 1999. – С.221.

но быть субъектом права – не одно и то же. Юридически признать человека правоспособным и дееспособным и духовно сделать его правоспособным и дееспособным – не одно и то же; ибо признанная за ним правоспособность может остаться мертвой фикцией без живого наполнения, без творческой плэромы; а предоставленная ему дееспособность может раскрыться фактически как способность к грабежу, убийству и разрушению государства»¹.

Настоящий, нефиктивный субъект права, по убеждению мыслителя, способен чувствовать, желать и мыслить предметную цель права и государства, он способен переносить духовные напряжение своей личности на право и государство. «Быть нефиктивным субъектом права, – писал И.А. Ильин, – значит быть духовно зрелую личностью – вот первооснова правосознания, вот аксиома философии права, длительное пренебрежение к которой таит в себе возмездие»².

Человека нельзя заставить быть нормальным субъектом права – мысль, которую неоднократно повторял И.А. Ильин в своих философских и правоведческих трудах. Она звучит актуально и в наши дни. Действительно, нельзя заставить человека любить родину или желать государственной цели. Человек любит родину, потому что видит ее духовную красоту и утверждает ею самого себя, человек любит свое государство, если сам находит чувством, и мыслью, и созерцанием его единую, объективную цель. Но именно в этом своем достоинстве и уважении к себе нормальный субъект права имеет свою, самостоятельно испытанную и добровольно принятую грань в жизни и в действии; он имеет в самом себе мотивы для правого, верного, предметного поведения. Идеи И.А. Ильина об обновлении юридической науки, об обогащении ее духовным содержанием, актуальны и сегодня. Новая Россия, получившая в наследство негативный опыт авторитарной и тоталитарной культуры, инфицированная в последнее десятилетие XX в. идеями вульгаризированного либерализма, должна прислушаться к тем выводам и положениям, к которым пришли лучшие представители российской философии, своим умом и совестью осознавшие трагические повороты отечественной истории.

Список литературы

1. Ильин И.А. Корень зла // Собр. соч. в 10 т. Т. 9-10. – М., – 1999.
2. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собр. соч. в 10 т. Т. 9-10. – М., – 1999.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания. // Собр. соч. в десяти тт. – Т.4. – М., 1994.
4. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., – 1999.
5. Киреевский И.В. Полн. собр. соч. – М., 1861. – Т.1.
6. Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Философия и социология права. – СПб., 1998.
7. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // О старом и новом. – М., – 1988.
8. Эвола Ю. Люди и руины. – М., – 2007.

SPIRITUAL GROUNDS OF LAW IN RUSSIAN CONSERVATISM PHILOSOPHY

S.V. Shestopalov

*Tula State Teachers'
Training University
n.a. L.N. Tolstoy*

*e-mail:
phileo@tspu.tula.ru*

The article is dedicated to spiritual grounds of law in Russian conservatism philosophy. The article deals with the development of Russian legal philosophy in the end of the XIX-th to the beginning of the XX-th centuries. The author investigates conservative and legal approaches to the law. Special attention is paid to I.A. Ilyin's legal philosophy.

Key words: philosophy, conservatism, liberalism, law, legal philosophy.

¹ Там же. – С.222.

² Там же. – С.224.

III ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

С.Д. Лебедев

Белгородский государственный университет

e-mail: lebedev@bsu.edu.ru

В статье приводится краткий отчет о ходе и результатах III Всероссийского Социологического Конгресса (Москва, 21-24 октября 2008 г.), участии в нем белгородский социологов. Особое внимание уделяется тенденциям и результатам развития российской социологии за прошедшие 50 лет с момента ее возрождения в СССР, анализу ее достижений и недостатков, «точкам роста» и важнейшим стратегическим задачам в свете оценок ведущих ученых-социологов и Меморандума Конгресса.

Ключевые слова: социология, общество, наука, развитие, III Всероссийский Социологический Конгресс.

С 21 по 24 октября 2008 года в Москве прошел третий по счету Всероссийский Социологический Конгресс «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия». Дата его проведения совпала с юбилеем отечественной социологической науки – на прошедший год приходится 50 лет с момента ее официального возрождения в СССР и 40 лет с момента создания Института Социологии РАН – первого академического института, специализирующегося на социологических исследованиях. В честь этих событий 2008 год был объявлен «Годом социологии в России».

Конгресс прошел без преувеличения грандиозно. Об этом говорят цифры: свыше двух с половиной тысяч участников, из которых очно присутствовали 1390 человек из 80 регионов России и более десяти стран мира. В общей сложности за 3 дня работы Конгресса состоялось 83 подразделения (18 сессий, 37 секций и 28 круглых столов), не считая Студенческой сессии и Заключительной сессии Конгресса, которые прошли 24 октября. Их деятельность проходила на шести площадках, разбросанных по всей Москве, главной из которых был Государственный Университет – Высшая Школа Экономики.

Белгородскую делегацию на III Социологическом Конгрессе составили восемь человек, шестеро из которых были от Белгородского государственного университета. Символично, что социологическая общественность нашего региона была представлена всеми ступенями – от ректора университета до студента. Ученые Белгорода продемонстрировали широкий спектр научно-исследовательских интересов: социология организаций и управления, социология молодежи, экосоциология, политическая социология, социология качества жизни, социология образования, социология религии и ряд других направлений. Всего же в Конгрессе приняли участие 28 белгородских социоло-

гов с 34-мя докладами. При этом из числа «конгрессменов» 18 представляли БелГУ и 15 – кафедру социальных технологий университетского Института государственного и муниципального управления, в который раз подтвердившую статус ведущего социологического центра региона.

Важно отметить, что для социологов Белгорода и в особенности БелГУ этот Конгресс стал знаковым событием. Ректор нашего университета и основатель белгородской социологической школы Л.Я. Дятченко за выдающийся вклад в развитие отечественной социологии был удостоен – наряду с корифеями российской социологической науки – высшей профессиональной награды: Серебряной медали имени Питирима Сорокина. И, как сказал сам Леонид Яковлевич, это – общая победа и общая награда всего сообщества белгородских социологов.

Вместе с тем для социолога-исследователя самое главное в прошедшем Конгрессе – это контакты, проекты, профессиональное и личное общение с коллегами, начиная от корифеев и заканчивая младшим поколением, еще не вышедшим из учебных аудиторий. Плотность и насыщенность профессиональной информации, которую получаешь там, выступая, слушая выступления других исследователей, общаясь в прениях и кулуарах – необыкновенно высока. Так же как насыщенность эмоциональная – она «заряжает» как минимум на несколько месяцев, а то и лет работы (как раз до следующего Конгресса, который должен состояться в 2012 году).

Следует особо сказать о внимании, уделенном организаторами Конгресса важнейшему для развития науки вопросу преемственности поколений. Как справедливо отметил один из ведущих российских ученых-социологов член-корреспондент РАН М.К. Горшков, «Наиболее эффективная модель функционирования научного (и уж тем более социологического) коллектива основывается на ключевом принципе – «слияние опыта и молодости»¹. На прошедшем Конгрессе была заложена добрая традиция – в последний день его работы впервые была организована специальная Студенческая сессия, в которой приняли участие несколько десятков студентов из разных регионов страны. Участницей студсессии в числе других стала белгородка Галина Мартынова, студентка выпускного курса Социально-теологического факультета и Института государственного и муниципального управления БелГУ, представившая доклад на тему «Духовные ориентиры студенческой молодежи».

В целом подготовка и организация столь масштабного и важного мероприятия были осуществлены на самом высоком уровне, во многих отношениях образцовом. За это хочется высказать слова искренней и глубокой благодарности организаторам Конгресса: Государственному университету – Высшей Школе Экономики (ГУ ВШЭ), Российской Академии Наук (РАН), Российскому Обществу Социологов (ССА – РОС) и другим.

III Всероссийский Конгресс продемонстрировал достаточно мощный рост отечественной социологии за прошедшие десятилетия по многим и многим показателям. На сегодня в нашей стране сформированы известные научные социологические школы, открыты многочисленные факультеты и кафедры, опубликованы целые библиотеки статей и монографий, ежегодно выпускаются сотни и тысячи специалистов, защищено и продолжает защищаться большое количество диссертаций по социологии. Фундаментальная социологическая наука, социологическое образование и прикладные исследования накопили заметный «багаж» и продолжают набирать темпы развития.

Вместе с тем социология, как любая жизнеспособная наука, не избегает самокритики. Напротив, она постоянно занята критическим самоосмыслением, проверкой себя на прочность по самым высоким стандартам. Соответственно, на Конгрессе в порядке вещей были не только похвалы и здравицы, но и достаточно жесткие оценки нынешней ситуации в российской социологии, отмечались и критиковались ее слабости и изъяны. Говорилось, прежде всего, о недооценке роли социологии в российском обществе, о недостаточном социальном авторитете ученого-социолога (в отличие от

¹ Горшков М.К. Уроки возрождения отечественной социологии и ее развитие в постсоветский период // Электрон. изд. Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/index.php?page_id=689.

западных обществ, где его фигура традиционно занимает значимые позиции), о разрыве социологической теории и практики, изолированности академической, университетской и «коммерческой» социологии, фактическом отсутствии единых профессиональных стандартов, дефиците «внедрения» социологического потенциала в решение важных жизненных проблем.

Причины этого во многом коренятся в сложных политических и социокультурных условиях возрождения российской социологической науки. Стратегическое направление государственной научной политики на развитие социологии в СССР, возобладавшее 50 лет назад, на практике оказалось непоследовательным. Советская идеократия далеко не была оптимальной средой для развития независимого экспертного знания об обществе: объективно-критические результаты исследований входили в противоречие с идеологическими догмами и зачастую находились «на подозрении» у партийного руководства страны. В 60-70-е годы XX века не обошлось даже без идеологических гонений на отдельные научно-исследовательские структуры и на целый ряд ведущих ученых, составивших впоследствии элиту российской социологической науки.

В то же время созданные в 50-60-е годы социологические центры и исследовательские коллективы проделали громадную работу по воссозданию методологической и теоретической базы «хорошо забытой» в стране науки, ее организационной и эмпирической инфраструктуры. Первые 30 лет существования возрожденной социологической науки по праву могут быть названы *интенсивным* этапом ее развития в России.

Следующий этап, начало которого совпало с началом 1990-х годов, был принципиально иным. Общественно-политическая атмосфера изменилась кардинально, идеологические и организационные ограничения были сняты. Однако благоприятной средой для расцвета российской социологической мысли новые квазирыночные отношения не стали. С большим трудом начавший формироваться в позднем советском обществе запрос на фундаментальное социологическое знание, без которого невозможно адекватное самосознание социума, был «отодвинут», как не соответствующий духу времени. В качестве главной ниши социологии теперь отводились ситуативные замеры общественного мнения, главным образом предвыборного и коммерческого характера. А, как остроумно выразился кто-то из методологов, эта деятельность имеет такое же отношение к социальной науке, как снятие показаний с электрического счетчика – к теоретической физике. В результате «лучшая часть интеллектуального багажа нашей науки оказалась не востребованной обществом»¹. И поныне и заказчики исследований, и широкая общественность далеко не знают всех ее возможностей и видят в ней в основном простую «линейку» для замеров общественного мнения.

Тем не менее, на этот новый и весьма жесткий вызов российская социологическая наука отреагировала наступательно: наступившая «полоса свободы» была использована ею для активного *экстенсивного* развития. Его эпицентр в значительной степени переместился на периферию, в регионы, где активно самоорганизовывались новые социологические кафедры, исследовательские лаборатории и диссертационные советы. 90-е годы прошлого века стали периодом активной «социологизации» российских регионов. Эти процессы, по существу, стали ответом российской социологической науки на культ рынка, уход государства из «зоны ответственности» за науку и демонстративный антисциентизм общественных настроений, которыми «прославились» 1990-е.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что возрожденная российская социология всегда существовала в жестких, близких к экстремальным условиях, где ей приходилось вместе с задачами развития решать задачи выживания. Характер «вызовов» среды менялся диаметрально, но каждый раз «социологический организм» находил внутренние ресурсы и нащупывал стратегию, позволяющую ему сохраниться и более того – приумножить свои силы и возможности, приспосабливаясь к социокультурной и политической ситуации. Соответственно, это было чревато и закономерными потерями: своеобразной

¹ Подвойский Д. Социология как наука «без лица» // Электрон. изд. Режим доступа к изд.: http://www.polit.ru/science/2008/10/01/dpodvoiski_print.html

«элитаризацией» на первом этапе, зажимавшей социологическую науку в прокрустово ложе прикладных исследований под жестким идеологическим контролем, и бесконтрольной «демократизацией» на втором этапе, сопряженной с размыванием стандартов качества и явлениями «локального эзотеризма» научных школ.

Современный этап эволюции российской социологической науки, который условно можно отсчитывать от 2008 года, призван стать очередным циклом ее интенсивного развития. III Всероссийский Конгресс и предшествующие ему организационные мероприятия стали отправной точкой социологической саморефлексии, наметившей точки приложения сил и основные направления работы с целью качественного улучшения нашей социологии.

Сегодня, как справедливо отмечает известный российский социолог О.Н. Яницкий, «опросы общественного мнения практически ничего не дают ни уму ни сердцу рядового человека. Поэтому образ социолога у населения – это «человек, раздающий анкеты», а не мыслитель, не аналитик, не прогнозист»¹. Для того чтобы отвечать своим задачам, социология должна быть востребована не только в качестве счетчика во время предвыборных кампаний и маркетинговых исследований. Полноценная «задействованность» социологов предполагает постоянное привлечение их к анализу ситуаций органами государственной власти, местного самоуправления, политическими и общественными организациями в качестве экспертов по социальным взаимодействиям, способных определить диагноз и предложить прогноз развития ситуации, оценить возможные варианты принимаемых решений. И нам предстоит «поставить себя» в этом качестве.

Для утверждения в обществе фигуры социолога в качестве незаменимого социального аналитика каждому исследователю и всему социологическому сообществу необходимо начать с себя. В первую очередь, как отметил в своей резолюции Конгресс, необходимо выработать и внедрить «стандарты, предполагающие как профессиональную компетентность, так и объективность, беспристрастность, ответственность за качество результатов, следование моральным нормам, исключаящим плагиат и умышленное искажение эмпирических данных»².

Вторым важнейшим направлением является комплекс мер по радикальному улучшению инфраструктуры исследований и преподавания социологии. В этой связи необходимо: расширить Единый архив социологических данных в России; создать на базе лучших научных и учебных центров эффективную сеть повышения квалификации преподавателей социологии и социологов-исследователей; преодолеть разрыв между вузовской, академической и прикладной социологией; повысить открытость результатов работы каждого; активизировать рецензионную работу в журналах³. При этом важнейшей целью социологического образования представляется задача «сформировать у студентов социологическое мышление, определенный тип понимания, видения реальности, открыть пространство социологическому воображению»⁴.

Кроме этого, настоятельно необходимо «осуществлять координацию социологических исследований, усилить поддержку перспективных региональных научных школ и молодых ученых, активизировать поиск новых форм включения результатов российской социологии в мировую науку»⁵. В частности, нам нужна систематическая и кропотливая работа по интеграции научных социологических разработок с практикой

¹ Яницкий О.Н. Почему социология теряет свой вес в обществе? // Электрон. изд. Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/index.php?page_id=920

² III Всероссийский Социологический Конгресс «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия». Меморандум // Электрон. изд. Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/vsk_memo.html

³ Там же.

⁴ Борусяк Л. «Наша нынешняя социология – это компьютер на телеге». Интервью с Львом Гудковым // Электрон. изд. Режим доступа к изд.: <http://www.polit.ru/analytics/2008/11/13/gudkov.html>

⁵ III Всероссийский Социологический... // Электрон. изд. Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/vsk_memo.html

государственного управления и общественного самоуправления. При этом важно, чтобы социология не свелась к сиюминутной прагматике или наукообразному декору принимаемых решений, но сумела отобрать из своего богатого арсенала наиболее жизнеспособные теоретические модели и занялась их развитием и «продвижением».

И в этой связи следует отметить, что белгородская школа социологов, где во главу угла поставлены социальные технологии, изначально ориентирована именно на такой, теоретически насыщенный и при этом практикоориентированный подход. Уже сейчас мы практикуем самое тесное сотрудничество с органами государственного и муниципального управления региона. Специалисты кафедры социальных технологий Института государственного и муниципального управления БелГУ под руководством профессоров Л.Я. Дятченко и В.П. Бабинцева систематически проводит исследования в области образования, молодежной политики, занятости населения, культуры, кадрового обеспечения государственной службы и ряда других направлений.

Впереди у нас еще непочатый край работы, но главное – то, что, несмотря на все трудности, у нас есть воля к исследованию этой сложной и парадоксальной социальной реальности, не всегда поддающейся расчетам и прогнозам. И студенты, каждый год приходящие к нам во все большем количестве на новую специальность «Социология» – на мой взгляд, лучший индикатор того, что все делается не зря.

THIRD RUSSIAN SOCIOLOGICAL CONGRESS: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF THE RUSSIAN SOCIOLOGY

S.D. Lebedev

*Belgorod State
University*

*e-mail: lebe-
dev@bsu.edu.ru*

The article gives a short report about march of events and results of the Third All-Russian Sociological Congress (which took place in Moscow, 21-24 of October of 2008), and active participation of Belgorod social scientists therein. Special attention is paid to tendencies and results of Russian sociology development during last 50 years since its revival in the USSR, to analysis of its achievements and deficiencies), growing and major strategy problems in the extend of masters of sociology assessments and of Congress Memorandum.

Key words: Sociology, Society, Science, Development, Third All-Russian Sociological Congress.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК

«АДАМ МИЦКЕВИЧ И ПОЛЬСКИЙ РОМАНТИЗМ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ»

Отв. ред. В.А.Хорев. Науч. совет РАН «История мировой культуры». – М. : Наука, 2007. – 283 с.

Т.И. Липич

*Белгородский
государственный
университет*

Данный сборник представляет собой своеобразный отчет о проведенной конференции, посвященной 150-летней годовщине со дня смерти Адама Мицкевича, в которой приняли участие ведущие философы, филологи, общественные деятели из крупных научных центров России и Польши.

В центре внимания исследователей находится анализ особенностей взаимодействия и взаимовлияния русской и польской культур, их рассмотрение через призму творчества А.Мицкевича и других польских романтиков, а также отражение образа России в их творчестве. В современных непростых условиях это приобретает особое значение и становится весьма актуальным.

Необходимо отметить, что романтизм сыграл огромную роль в развитии европейской литературы, искусства, философии. Романтизм – понятие очень ёмкое, охватывающее целую эпоху в развитии мировой культуры. Весь XIX век пронизан диалогичным общением культур различных стран. В диалоге культур предполагается восприятие культурных ценностей различных народов, их взаимовлияние, взаимопроникновение. Как общественное явление, романтизм сыграл очень большую роль в польской культуре, надолго определив её облик. I половина XIX века характеризуется особыми отношениями между представителями русской (А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, славянофилы) и польской культур (А. Мицкевич, Ю Словацкий, З. Красиньский и др.). Особенно близки были творческие позиции А.Пушкина и А. Мицкевича, чье творчество было впервые признано не в Польше, а в России. Тем более, романтическая система ценностей способствовала формированию в сознании русских людей особого образа Польши, польского народа, стремящегося к независимости. Поэтому вопросу отношения Польши и России польские романтики посвящали большую часть своего творчества.

Творческому осмыслению этих процессов в перекличке эпох в современной России и Польше придается особое значение. Тексты выступлений, собранные в рецензируемом сборнике, объединены одной идеей творческого осмысления взаимо-

влияния культурных процессов в России и Польше XIX – XX вв. Разумеется, авторы продемонстрировали различные подходы в решении этой проблемы. В частности, А. Ковальчикова (Варшава) в статье «Идеология и искусство: исторические события и эстетические концепции» достаточно обстоятельно рассматривает эволюцию эстетических концепций в период романтизма, что позволяет соотнести взгляды русских и поляков, выделить общее и различия. Романтический стиль в европейском искусстве проявлялся в разных странах своеобразно. Формирующаяся в 20-х годах XIX века романтическая литература вдохновляла поляков на борьбу за независимость. Автор считает, что можно провести много аналогий между представителями польской и русской культур. Например, Пушкин и Мицкевич, у них много общего, один и тот же круг общения, зависимость от одних и тех же царей, Александра I, Николая I, одна и та же цензура, репрессии, которые дали возможность Мицкевичу после ссылки отправиться в Западную Европу, а Пушкину остаться во власти царя, лишившись свободы, и в конце концов, это способствовало его смерти. В целом, справедливо отмечает автор, все эти события обусловили своеобразный идейный облик романтического творчества, а также эстетических ценностей. Шло формирование новых художественных программ. Все декларации романтиков во многом основывались на философии, историософии, эстетике, художественной критике. Это сказывалось на осмыслении функций эстетических категорий, таких как «прекрасное», сущность которых у романтиков ускользает от рациональной интерпретации, захватывает дух, пробуждает восторг. Но после поражения польского восстания в 1830 году романтические эстетические принципы, провозглашающие свободу творчества, приходят в противоречие мученическим героизмом. Усиливаются патриотические настроения, что губительно сказывается на творчестве художника, критики искусства передают свои права общественному мнению. Вместо цензуры выступают на первый план моральные императивы: требование во всех произведениях преобладания патриотической тематики, часто в ущерб истинной литературе и искусству. Поэтому ряд писателей, философов – романтиков выступили с идеей поиска новой формулы прекрасного. З. Красиньский, Ю.Кремер видели в творческом процессе выражение связи с Богом, идеальной гармонией, присущей человеку и дающей ему чувство свободы. Далее автор делает вывод, что эстетическая мысль в Польше постепенно принимала консервативный характер, не допускающий новаторства, что сказалось и на дальнейшем развитии романтического и постромантического искусства.

Л.А. Сафронова в статье «Взгляд поэта» рассматривает вопрос о том, как художник видит природу, как формируется художественное зрение, которое не статично, а динамично. Образы природы рассматриваются романтиками в движении, которому подчинялось всё, не только природа, но и дух, мысль, история. Такое романтическое стремление к Абсолюту способствовало тому, что поэт, на примере творчества А.Мицкевича, мог проникать в глубь природы, мог преобразовывать её. Он декларировал величие природы, которая хранит в себе тайну и дух, соединяя два мира, земной и потусторонний как единое пространство, и с этим положением автора нельзя не согласиться.

Об анализе пространства романтика интересно размышляет и И.И. Свирида. Автор считает, что для романтиков очень важно погружение в национальное прошлое, наполнение пространства полузабытыми символами и значениями. Внутренний мир у романтиков представал в виде вселенной, Космоса, как говорил Новалис, «родной мир» романтика был «повсюду и нигде». Он мог стирать грань действительного и воображаемого, мог ощущать себя частью бескрайнего космоса, для него, по словам Шеллинга, «каждый атом материи был столь же безграничным миром, как весь Универсум» (цит. По: Klessmann E. Die deutsche Romantik . Köln. S. 83).

В этом контексте несколько слов стоит сказать и о статье А. де Лазари «А.Мицкевич и «вопрос о национальностях» в мировоззрении Ап. Григорьева». Для Ап. Григорьева, верно отмечает автор, интуитивное познание мира лежит в основе понимания искусства. Художник – это тот, кто обладает способностью интуитивного

познания, но это еще и человек, живущий в определенных исторических условиях: «Художник – прежде всего человек...т.е. потомок таких или других предков, сын известной эпохи, известной страны, известной местности страны, сын наиболее даровитый, наиболее чуткий и отзывчивый на кровь, на местность, на историю...» (Григорьев А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А. Искусство и нравственность. М., 1986.С.43). На примере личности А.Пушкина Ап. Григорьев говорил о формировании русского национального самосознания. Отстаивая права русской культуры на самобытность, он в то же время выступал за уникальность других культур, в частности, украинской и польской. Эпоха романтизма способствовала формированию национальных культур многих народов. Как верно отмечал В.В.Зеньковский: «Романтизм везде имеет национальную окраску, нет романтизма вообще, а есть немецкий, французский, английский романтизм – всюду различный» (Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 156). Польские романтики ассоциировали себя со страдательным началом, поработленным царской Россией. Отсюда своеобразный польский романтизм с присущей ему идеологией, мировосприятием и сознанием. Это очень точно было подмечено в статье Ю.Гладысь «Ф.М. Достоевский и польский романтизм. К середине XIX века в польской культуре создались устойчивые негативные образы России и русских. Поэтому для польских романтиков важна героизация борьбы с Россией. Польша – спаситель мира, в сознании поляков формировалось превосходство над русскими. Это очень точно подметил Ф.М. Достоевский, и в соответствии с таким пониманием выписывал он образы поляков, например, на страницах «Братьев Карамазовых», «Идиота». Он выступал против польского менталитета, сформированного во многом романтизмом: это и враждебность к России, и чувство собственной избранности и особой мессианской роли в мире, беспредельная любовь к родине и т.д. А какова же причина такого отношения? Автор находит ответ в рассказе Ф.М. Достоевского «Мужик Марей», который считает, что у поляков отсутствует так называемый «внутренний глаз», т.е. глубокий взгляд на действительность.

Многие польские мыслители считали и считают, и в этом с ними можно согласиться, что именно романтизм сформировал польскую душу, польскую литературу. Оценивая сегодня фигуру А. Мицкевича в польской и русской культуре, исследователи делают вывод, что романтический дух его поэзии был близок и представителям передовой части русского общества XIX века, да и славянских народов в целом. Анализируя статьи данного сборника, важно подчеркнуть, что многие авторы придерживаются мысли о том, что А.С. Пушкин и А.Мицкевич, как представители романтического мировосприятия, создавали такие образы, которые помогали решать важнейшие социальные, моральные и патриотические проблемы, способствовали формированию национального характера, вместе с тем, сохраняя творческую индивидуальность.

Почему же сегодня не утратил своей актуальности анализ эпохи романтических движений в различных странах? На наш взгляд, прежде всего потому, что романтизм – это особая форма постижения действительности, особый метод познания, основанный одновременно и на вере в разум, и на вере в откровения чувств. И.И. Замотин отмечал, что в романтизме «открывается взору наблюдателя целое мирозерцание; романтики как бы вновь строили всю философию жизни» (Замотин И.И. Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20-30-х гг. СПб., 1913. Т.2. С 1). Поэтому не потеряют своего читателя исследования самых разных сторон этого удивительного феномена под названием «романтизм».

**A REVIEW OF A COLLECTION “ADAM MITSKEVICH AND THE POLISH ROMANTICISM
IN RUSSIAN CULTURE”.**

Editor-in-chief V.A. Horev. Scientific council of the RAS “History of world culture”.

– M.: Nauka, 2007. – 283 p.

T.I. Lipich

*Belgorod State
University*

**ВОСПИТАНИК ДУХОВНОЙ КОЛЫБЕЛИ
СВЯТОГО БЕЛОГОРЬЯ/В.В. ОВЧИННИКОВ.
– БЕЛГОРОД: БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ, 2007. – 128 С.: ИЛ. –
(ВЫДАЮЩИЕСЯ РОССИЯНЕ-БЕЛГОРОДЦЫ. Т.3)**

А.М. Страхов

*Белгородский
государственный
университет*

Характерная положительная, важная и обнадеживающая черта сегодняшней России – возвращение к игнорируемым в относительно недалеком прошлом традициям и именам, что опровергает мрачные слова В.В. Розанова, высказанные им в начале прошлого столетия незадолго до первой мировой войны: «У русских нет сознания своих предков...»¹. Данное обстоятельство актуально прежде всего в свете задачи патриотического воспитания, которое необходимо подкреплять позитивными примерами из настоящего и прошлого, и такой задаче соответствует адресованная широкому кругу читателей книга В.В. Овчинникова «Воспитанник духовной колыбели Святого Белогорья», представляющая собой научно-популярное издание и рассказывающая о жизни и деятельности И.А. Двигубского, ученого и администратора, на протяжении нескольких лет, с 1826 г. по 1833 г., бывшего ректором Московского университета. Чрезвычайно полезна книга для формирования регионального (областного) патриотизма, поскольку И.А. Двигубский уроженец г. Короча, расположенного на территории Белгородской губернии, позже упраздненной, и являющегося на сегодняшний день районным центром белгородской области, давшей России целый ряд выдающихся земляков. Автор книги, профессиональный историк (к. историч. н., доц.) и краевед, В.В. Овчинников наполнил свой труд не только достаточно подробным изложением биографии И.А. Двигубского, но и большим количеством фактов, касающихся истории г. Корочи, Московского университета, особенностей отечественных науки и образования того времени и даже Геттингенского университета, в котором стажировался И.А. Двигубский и у которого были относительно прочные связи с университетом Московским. При этом сам В.В. Овчинников не остается сторонним и безучастным констататором, а довольно эмоционально комментирует излагаемые события, что наряду с доступностью изложения несомненно можно также отнести к достоинствам его книги.

Свою судьбу И.А. Двигубский, что показывает автор, связал с Московским университетом еще совсем молодым человеком: пребывал там на студенческой скамье (медицинский факультет), работал адъюнкт-профессором естественной истории, заведующим кафедрой технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам, затем стал ординарным профессором и секретарем университетского Совета, позже, сразу после окончания Отечественной войны 1812 г., он возглавил кафедру физики. И.А. Двигубский вырос до декана физико-математического факультета, наконец, избирается проректором, а через несколько месяцев достигает вершины своей административной университетской карьеры, став ректором Московского университета. Завидная верность, заметим, *Alma Mater*, что делает честь не только исследовательским, но и нравственным качествам И.А. Двигубского, и чему неплохо поучиться многим представителям современной российской науки.

Автор не просто рассматривает биографию и вклад в отечественную науку И.А. Двигубского, но делает это через рассмотрение более общего контекста: перед читателем проходит плеяда известных в России имен, связанных с Московским университетом, причем не только представители преподавательского и административного

¹ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй. /Уединенное. – М.: Правда, 1990. – С.574.

корпуса последнего, но и студенчества. Это прежде всего И.А. Гончаров, М.Ю. Лермонтов, К.С. Аксаков, Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, А.И. Герцен и Н.П. Огарев.

О В.Г. Белинском и А.И. Герцене (особенно много о Н.Г. Чернышевском, но он по понятной причине остается за пределами внимания В.В. Овчинникова) очень много писалось в советской исследовательской литературе. Эти представители так называемого «революционно-демократического лагеря» превозносились как крупные мыслители и общественные деятели, как важное звено в отечественной философской материалистической традиции и освободительном движении. Упоминание о российском революционно-демократическом движении даже появилось во введении к новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, где отмечалось: «Партия вышла на политическую арену как достойная преемница идей социалистического преобразования общества, провозглашенных в первом программном документе коммунистов – “Манифесте Коммунистической партии”, немеркнувшего подвига героев Парижской Коммуны, революционных традиций международного рабочего класса, российского революционно-демократического движения»¹. Российское общество – общество крайностей, отечественный менталитет трудно идет на компромиссы и полумеры, и соответственно, после начала демократических преобразований в стране российская философия и политология за редким исключением стали В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского обходить стороной. В.В. Овчинников посвящает первым двум отдельные разделы своей книги и даже прилагает их изображения, при этом, что следует из авторских комментариев, отнюдь не одобряя «максимализм» и «революционную активность» будущих революционных демократов.

Как добросовестный исследователь, В.В. Овчинников приводит немало цитат, ссылаясь он на источники, когда приводит те или иные факты. Вместе с тем, далеко не всегда указываются страницы, с которых цитаты берутся. Некоторая, опять-таки формальная небрежность, присутствует в надписях под портретами: если уж указывать, к молодости или зрелости относится данное изображение, то для всех, во всяком случае для Н.В. Станкевича, у которого, как у П.Я. Чаадаева, два изображения, одно в молодом, другое – в зрелом возрасте.

Такие досадные по своей мелочности недостатки не снимают общего положительного впечатления от книги В.В. Овчинникова. Изложенный в ней материал содержателен не только в историко-биографическом, но и в культурологическом и философском отношении. Остается только сожалеть в связи с малым тиражом данного издания, вносящего свой несомненный вклад в патриотическое воспитание россиян и в частности белгородцев.

Список литературы

1. Овчинников В.В. Воспитанник духовной колыбели Святого Белогорья. – Белгород: Белг. обл. типогр., 2007. – 128 с.: ил.
2. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С.121-187.
3. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй. / Уединенное. – М.: Правда, 1990. – С.419-629.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С.121.

**A PUPIL OF A SPIRITUAL CRADLE OF SACRED BELOGORIE/V.V. OVCHINNIKOV.
– BELGOROD: THE BELGOROD REGIONAL PRINTING HOUSE, 2007 – 128 P.: ILL. –
(THE OUTSTANDING RUSSIANS-BELGORODIANS. VOL.3)**

A.M. Strakhov

*Belgorod State
University*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексеев О.А.** кандидат социологических наук, доцент кафедры Экономики и менеджмента Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета
- Арзуманов И.А.** кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета
- Астахов Ю.В.** заместитель руководителя аппарата администрации города Белгорода, соискатель кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Бахарев В.В.** доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного университета
- Бахмутов А.В.** аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Борисов С.Н.** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного университета
- Бочарова Т.А.** директор Института региональной политики и законодательства
- Воробьева Д.А.** кандидат экономических наук, доцент кафедры Организации управления предприятиями сельского хозяйства Саратовского государственного аграрного университета
- Воронов В.А.** кандидат социологических наук, заместитель директора Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного университета
- Денисова Ю.Н.** аспирантка Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
- Дронова И.Г.** аспирант кафедры социальной работы Белгородского государственного университета
- Жалдак Н.Н.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Зинковский М.А.** аспирант кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Киселев А.С.** кандидат социологических наук, доцент, эксперт ЮНЕСКО в Российской Федерации
- Климова С.М.** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
- Ковальчук О.В.** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной работы Белгородского государственного университета
- Кожмякин Е.А.** кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного университета

- Котарев С.Н.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Курочкина Л.Я.** аспирантка Воронежского государственного технического университета
- Лебедев С.Д.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Липич Т.И.** кандидат философских наук, докторант, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Пеньков В.Е.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Перевозчикова Л.С.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, проректор по образовательной политике Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
- Радугин А.А.** Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и истории Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
- Реутова М.Н.** кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Белгородского института потребительской кооперации
- Римский В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
- Рухленко Н.Н.** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и связи с общественностью Белгородского государственного университета
- Синенко В.С.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Стариков Н.В.** ассистент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Степанюк А.В.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Страхов А.М.** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
- Стребкова О.С.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Тюрина Ю.А.** старший научный сотрудник, доцент кафедры социологии и социальной работы Дальневосточного государственного университета путей сообщения

Филатова В.Ф.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Борисоглебского государственного педагогического института

Хирьянова Л. В.

аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета

Цибриенко Р.Я.

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Белгородского государственного технологического университета

Шестопалов С.В.

аспирант кафедры философии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи. 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков). 3. Ключевые слова. 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы). 5. Библиографический список. 6. Ссылки. 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов). 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны). 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц) 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц). 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).	}
<i>на русском
и английском
языках</i>
	}
<i>на русском
языке</i>

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.

2. Шрифт:

- гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);

- межстрочный интервал 1,0 пункт.

3. Ссылки:

- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);

- нумерация – автоматическая, сквозная по статье;

- текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;

- размер шрифта – 10 кегль.

4. Библиографический список:

- список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;

- при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;

- при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;

- при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;

- при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.

5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А.В. ИВАНОВ¹⁾
Л.Н. ПЕТРОВ²⁾**

¹⁾ *Департамент
экономического развития
Белгородской области
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*

²⁾ *Белгородский
государственный университет
e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания³⁵⁰.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A.V. IVANOV¹⁾
L.N. PETROV²⁾**

¹⁾ *Department of economic
development of the Belgorod area
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*

²⁾ *Belgorod state university
e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

³⁵⁰ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

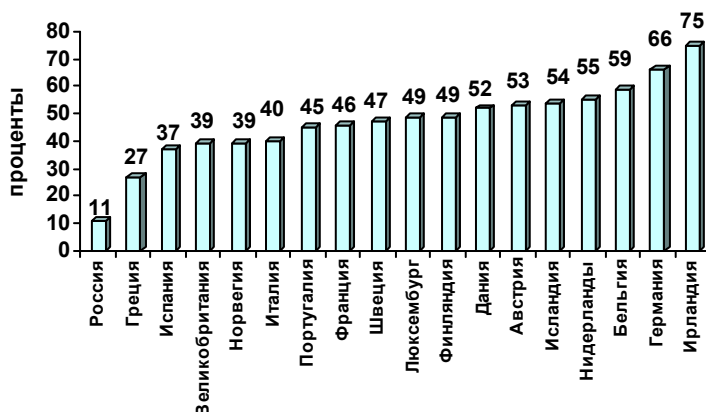

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

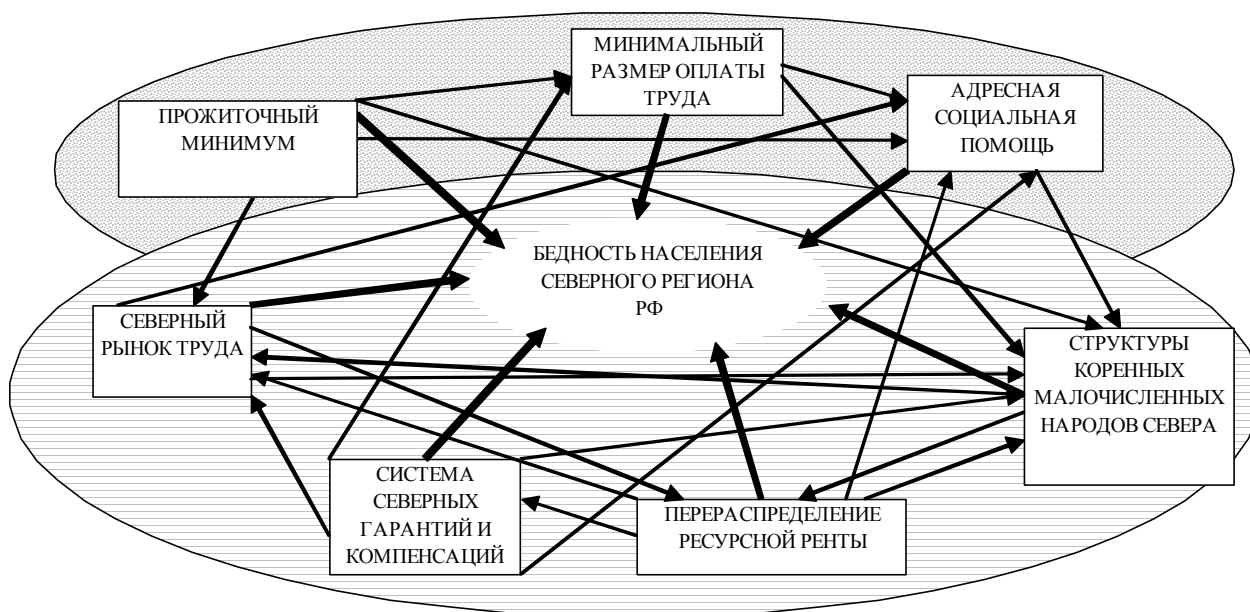

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.